

Уровень жизни населения регионов России

2025 Том 21 № 4

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук (Институт
экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических
наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сек-
тором социально-экономических исследований качества и
уровня жизни Центра развития человеческого потенциала
Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономи-
ческих наук, старший научный сотрудник сектора социально-
экономических исследований качества и уровня жизни Цент-
ра развития человеческого потенциала Института экономики
РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна – кандидат экономических
наук, старший научный сотрудник сектора социально-эконо-
мических исследований качества и уровня жизни Центра раз-
вития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – стажёр-исследователь сек-
тора социально-экономических исследований качества и
уровня жизни Центра развития человеческого потенциала
Института экономики РАН

Мачхелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических
наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических
наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-эконо-
мических исследований качества и уровня жизни Центра раз-
вития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – младший научный
сотрудник сектора социально-экономических исследований

качества и уровня жизни Центра развития человеческого
потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАЕН, доктор эконо-
мических наук, профессор, президент РАЕН, директор Инс-
титута региональных экономических исследований, Россия
Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генераль-
ного директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редак-
тор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия
Головин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, директор Института экономики
РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических
наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-соци-
альных институтов и социальной работы Российского госу-
дарственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических
наук, профессор, заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации, заведующий кафедрой социологии
управления факультета государственного управления Мос-
ковского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор, научный руководи-
тель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор эко-
номических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия
Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических
наук, профессор, декан социологического факультета, заве-
дующий кафедрой социологии молодёжи Саратовского на-
ционального исследовательского государственного универ-
ситета имени Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Уральского федерального универ-
ситета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия
Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник, руководитель научного направ-
ления «Экономическая политика» Института экономики РАН,
Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических
наук, доцент, заместитель директора Института экономики
РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических
наук, профессор, заведующий кафедрой региональной эко-
номики и управления человеческими ресурсами Омского го-
сударственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия
Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, док-
тор философских наук, профессор, главный научный сотруд-
ник

ник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Центром социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Разумова Татьяна Олеговна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске; профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Абдурахманов Каландар Ходжаевич – доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Республики Узбекистан, ректор Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Республика Узбекистан

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, приглашённый профессор центра исследований цифрового интеллекта традиционной спортивной культуры Цюйфусского педагогического университета; действительный член Европейской академии наук и искусств; действительный член Месопотамской академии наук и искусств Бейт Нахрин (BEN-MAAS), КНР, ЕС

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Республика Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ПОКОЛЕННЫЕ, ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДА И ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ»

КОЛОНИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	497
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	502
<i>Музычук В.Ю.</i> Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры?	502
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	518
<i>Гулюгина А.А.</i> Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни	518
<i>Янгирова Е.И.</i> Типология российских регионов по инфляционным характеристикам развития и их влиянию на реальные денежные доходы населения	531
<i>Долженко Р.А., Долженко С.Б.</i> Повышение производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области	546
<i>Соловьев А.К.</i> Анализ условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров	562
<i>Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Смирнова Е.А., Коваленко В.В.</i> Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему	577
<i>Гришина Е.Е.</i> Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами	591
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	602
<i>Безвербный В.А., Ростовская Т.К., Ситковский А.М., Рославцев С.В.</i> Взаимосвязь демографических и социально-экономических показателей развития регионов России	602
<i>Белозеров С.А., Аркадьев В.А., Соколовская Е.В.</i> Демографические трансформации как фактор развития страховых рынков стран БРИКС	618
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	631
<i>Каримов А.Г., Ахметова Э.И.</i> Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан	631
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	648
<i>Одинцова Е.В., Шерстобитова Ю.А.</i> Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения (обзор всероссийской научно-практической конференции с международным участием)	648
КНИЖНАЯ ПОЛКА	661
<i>Хазов А.Ю.</i> Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая»	661
ПЕРСОНАЛИИ	670
<i>Бобков В.Н.</i> 75 лет Серикжану Хамитовичу Берешеву	670
Указатель статей, опубликованных в журнале «Уровень жизни населения регионов России» в 2025 г.	673

При перепечатке ссылка на журнал
«Уровень жизни населения регионов России» обязательна.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.
Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 25.11.2025.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 920.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2025 Vol. 21 No. 4

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevich – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socio-economic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Aleftina Aleksandrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'iana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Machkelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov, Ivan Fedorovich – Trainee Researcher Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Junior Research Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of

Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovich – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Jur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Heard of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandre Anatol'yevitch – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Jur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Heard of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Insti-

tute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia
Avdeev, Yury Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov, Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Deputy Head of the Center for Social and Demographic Research at the

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia.

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Razumova, Tat'yana Olegovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labour and Personnel Economics at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk; Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Abdurakhmanov, Kalandar Khodjaevich – Doctor of Economics; Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Rector of the Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Republic of Uzbekistan

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, Visiting Professor at the Center for Digital Intelligence Research of Excellent Traditional Sports Culture at the Qufu Normal University; Member of the European Academy of Science and Arts, Member of the Bety Nahrin Mesopotamian Academy of Sciences and Arts (BEN-MAAS), PRC, EU

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Republic of Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route "Longobard Ways across Europe"; Member of the Editorial Committee of the Journal "Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia" University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«GENERATIONS, INDUSTRIAL AND REGIONAL CHARACTERISTICS OF LABOUR AND REPRODUCTION OF THE POPULATION OF RUSSIA»

CHIEF EDITOR'S COLUMN.....	497
DISCUSSION FORUM.....	502
<i>Muzychuk V. Yu.</i> Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere?.....	502
ECONOMIC RESEARCH.....	518
<i>Gulyugina A.A.</i> Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards.....	518
<i>Yangirova E.I.</i> Typology of Russian Regions Based on Inflationary Development Characteristics and Their Impact on Real Monetary Incomes of the Population.....	531
<i>Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B.</i> Increasing Labor Productivity in Conditions of Staff Shortage at Enterprises in the Sverdlovsk Region.....	546
<i>Solovev A.K.</i> Analysis of Conditions for Achieving National Goals of Decent Standard of Living for Pensioners.....	562
<i>Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Smirnova E.A., Kovalenko V.V.</i> Risks and Opportunities of Introducing a Basic Income in Russia into the Russian Pension System.....	577
<i>Grishina E.E.</i> Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students.....	591
DEMOGRAPHIC RESEARCH.....	602
<i>Bezverbny V.A., Rostovskaya T.R., Sitkovskiy A.M., Roslavlsev S.V.</i> The Interrelationship of Demographic and Socio-Economic Indicators of Regional Development in Russia.....	602
<i>Belozyorov S.A., Arkadev V.A., Sokolovska E.V.</i> The Impact of Demographic Transformations on the Development of Life Insurance Markets in BRICS Countries.....	618
SOCIOLOGICAL RESEARCH.....	631
<i>Karimov A.G., Akhmetova E.I.</i> The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan.....	631
SCIENTIFIC LIFE.....	648
<i>Odintsova E.V., Sherstobitova Yu.A.</i> Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Realities, Trends, and Solutions (Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation).....	648
BOOKSHELF.....	661
<i>Khazov A.Yu.</i> Russian Society in the Face of Modern Challenges. Reflections on the Collective Monograph Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova «Russian Society and the Challenges of the Time. The Eighth Book».....	661
PERSONALITIES.....	670
<i>Bobkov V.N.</i> The 75th Anniversary of Serikzhan Khamitovich Bereshev.....	670
Index of Articles Published in the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» in 2025.....	673

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
 The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
 Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
 Subscription index 71187.

Signed for publication 25.11.2025. Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 920.

Editorial Office Address:
 32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
 Telephone: +7 499 125 8445
 E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
 The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
 164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
 Telephone: +7 904 317 7693
 E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
 Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
 Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
 EBS "Znanium": <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
 CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN OIZHJY

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция сообщает, что решением Рабочей группы по оценке качества и отбору журналов в Russian Science Citation Index (RSCI) от 30 июня 2025 года журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в базу RSCI. Номер в списке журналов, входящих в базу данных RSCI 964. В 2025 году «Уровень жизни населения регионов России» также включён в Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) – «Белый список».

Тема четвёртого номера журнала 2025 года: «**ПОКОЛЕННЫЕ, ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДА И ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**».

В представленном читателю выпуске содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые экономическим, демографическим и социологическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

Выпуск открывает рубрика «**ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**», в которой представлена статья: «**Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры?**» *В.Ю. Музычук*, д-ра экон. наук, доцента, заместителя директора по научной работе Института экономики РАН. Основной целью статьи является попытка разобраться в корректности применения концепта производительности труда в социально значимых отраслях в целом и на примере сферы культуры в частности, принятого в национальном проекте «Эффективная и конкурентная экономика» (федеральный проект «Производительность труда») на 2025–2030 гг. В статье анализируются вызовы, связанные с применением показателя производительности труда «по выработке» применительно к сфере культуры, особенно через показатель, который определён в нацпроекте как «увеличение количества посещений в расчёте на одного работника» для учреждений культуры. Также раскрывается ошибочность применения данного подхода на статистических данных, рассчитанных по отдельным видам культурной деятельности (театры, музеи, общедоступные библиотеки, концертные организации) и в разрезе некорректной методики расчёта данного показателя, содержащейся в отраслевых документах. Обосновывается, что детальное погружение в методологию федерального проекта свидетельствует о новой волне оптимизации в сфере культуры, где за риторикой о необходимости повышения производительности труда скрывается очередное сокращение сети и численности занятых в сфере культуры, а также лишение учреждений культуры финансово-хозяйственной самостоятельности.

Редакция журнала приглашает авторов публикаций продолжить в 2026 году на страницах журнала дискуссию о подходах к изучению производительности труда и её измерению в отраслях социальной сферы.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые продовольственной импортозависимости России, инфляционным характеристикам развития российских регионов и их влиянию на реальные денежные доходы населения, производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области, условиям достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров, рискам и возможностям введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему, материальному положению и рискам бедности домохозяйств со студентами.

В статье «**Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни**» *А.А. Гулюгиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, целью является анализ продовольственной импортозависимости продукции внутреннего потребления в России в условиях санкционного давления и факторов, обра-

зующих ценовые риски в сфере уровня жизни. Автором рассмотрены изменения в исследуемой области с 2014 г. на основе показателя продовольственной импортозависимости, исходя из статистических балансов товарных ресурсов потребительских товаров. Дано его сопоставление с показателем самообеспечения, показаны их отличия по уровню и по динамике. В работе проанализированы целевые ориентиры самообеспечения до 2030 г., обоснована роль детализированного подхода к составу продукции для оценивания процессов трансформации в формировании продовольственных ресурсов в стране. Также рассмотрены ценовые риски в сфере уровня жизни, определено влияние базовой импортируемой инфляции по цене товара импорта в рублевом эквиваленте на индексы потребительских цен продовольственного рынка. В статье дан анализ сложившихся тенденций цен мирового продовольственного рынка и прогнозных ожиданий.

В статье «**Типология российских регионов по инфляционным характеристикам развития и их влиянию на реальные денежные доходы населения**» Е.И. Янгировой, д-ра экон. наук, и.о. заведующего кафедрой стратегического управления Уфимского университета науки и технологий, представлена типологизация регионов в зависимости от влияния их инфляционных характеристик развития на реальные денежные доходы населения. В ходе исследования выявлена степень воздействия инфляционного развития регионов на реальный экономический рост страны и определены приоритетные меры по обеспечению положительной динамики денежных доходов населения. Также дана характеристика качеству роста ВРП регионов России в зависимости от степени его инфляционности, выявлены регионы с исключительно инфляционным характером развития. Проведено ранжирование российских регионов в зависимости от удельных значений инфляционного прироста ВРП (на душу населения). Выявлены регионы, играющие значимую роль в инфляционном развитии России, для которых характерны наиболее выраженные инфляционные характеристики динамики ВРП и высокие удельные значения инфляционного прироста ВРП. Показано, что в результате влияния инфляционных характеристик такие регионы не обеспечивают рост реальных денежных доходов населения, адекватный реальному росту ВРП. По результатам исследования сформулированы рекомендации по трансформации реального экономического роста в повышение уровня жизни в регионах Российской Федерации.

В статье «**Повышение производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области**» Р.А. Долженко, д-ра экон. наук, профессора кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, С.Б. Долженко, канд. экон. наук, заведующей кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, цель исследования – изучить направления и возможности повышения производительности труда на промышленных предприятиях Свердловской области с позиций руководителей предприятий и директоров по персоналу, выявляя существующие ограничения и предлагая пути преодоления возникших трудностей. Ключевыми методами исследования выступили опросы, реализованные среди работодателей и работников промышленных предприятий Свердловской области. В работе дан анализ результатов опросов, показано возрастание значимости повышения производительности труда в условиях кадрового дефицита, необходимость комплексного подхода к эффективности, включая перестройку бизнес-моделей и общее улучшение деятельности. Также рассмотрено сложившееся на предприятиях отношение к проектам в этой области. Определено, что в условиях острые вопросы повышения производительности труда существуют резервы роста показателя, которые в первую очередь связаны с использованием персонала. В статье показана важность устранения расхождения между мотивацией сотрудников и действующими системами стимулирования, определены основные методы повышения производительности труда.

В статье «**Анализ условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров**» А.К. Соловьева, д-ра экон. наук, профессора, директора Научно-исследовательского центра развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, представлен анализ проблем достижения социальных и экономических параметров развития государственной пенсионной системы, которые установлены нормативными актами. Методология работы основана на актуарном анализе условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров и оценке рисков выполнения долгосрочных государственных обязательств перед всеми категориями пенсионеров. По результатам актуарно-статистического анализа установлено влияние на современную государственную пенсионную систему внешних глобальных факторов, которые создают стратегические риски достижения национальных целей благополучия старших поколений, определённых Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309. В результате исследования выявлены нерешённые задачи предшествующих этапов пенсионной реформы на страховых принципах. Показано, что современная практика поставила перед отечественной пенсион-

ной системой новые проблемы, обусловленные объективными изменениями глобальных и национальных вызовов, которые выходят за пределы пенсионной системы и должны регулироваться в рамках макроэкономической и налогово-бюджетной политики. Обосновано, что развитие цифровых технологий в системе социального обеспечения сегодня является ключевым фактором, способствующим повышению эффективности выполнения пенсионных обязательств государства перед гражданами, а также определены условия достижения национальных целей благополучной старости к установленным срокам и выявлены проблемы, которые препятствуют повышению эффективности пенсионной системы.

В статье «**Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему**» **В.Н. Бобкова**, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, руководителя научного проекта лаборатории исследований базового пенсионного дохода Института экономики РАН, **Н.К. Долгушина**, д-ра экон. наук, академика РАН, вице-президента РАН, **Е.А. Смирновой**, канд. экон. наук, доцента, старшего научного сотрудника лаборатории исследований базового пенсионного дохода Института экономики РАН, **В.В. Коваленко**, канд. техн. наук, доцента, доцента кафедры информационных технологий и математики Сочинского государственного университета, изучены риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему. Цель представленного исследования – выявить их и обосновать меры по снижению рисков и реализации возможностей этого нового инструмента социальной политики. Данными для исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации, законодательство в области пенсионного обеспечения, аналитические отчёты российских и международных организаций по вопросам изучения уровня жизни населения, социальной защиты и справедливости. Результатами исследования являются характеристики основных элементов перспективной пенсионной системы – базового пенсионного дохода, страховой и дополнительной пенсии. Также построена матрица рисков введения в пенсионную систему базового пенсионного дохода, охарактеризована система управления рисками. В статье конкретизированы риски высокой, средней и низкой вероятности при переходе к новой системе повышения уровня жизни пенсионеров.

В статье «**Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами**» **Е.Е. Гришиной**, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, целью работы является анализ материального положения домохозяйств со студентами очной формы обучения и оценка эффекта от введения дополнительного пособия для студентов из бедных домохозяйств на уровень бедности и дефицит доходов населения, а также оценка объёма дополнительных бюджетных расходов, требуемая для внедрения такого пособия. В работе проведены модельные расчёты на основании данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведённого Росстатом в начале 2024 г. Определена степень уязвимости студентов колледжей и ВУЗов, обучающихся на очном отделении, по материальному положению, потребность в дополнительной поддержке государства. Выявлены риски бедности домохозяйств со студентами, в том числе домохозяйств, состоящих только из студентов, и до-мохозяйств, имеющих в своём составе как студентов в возрасте от 17 до 23 лет, так и двух и более детей моложе 17 лет. В статье представлены результаты модельных расчётов по изменению уровня бедности населения и общего объёма дефицита денежного дохода при введении дополнительного пособия в размере от 50% до 100% ПМ для студентов в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся на очном отделении ВУЗов и колледжей и имеющих среднедушевые доходы ниже границы бедности. Также определён объём необходимых дополнительных бюджетных средств для введения такого пособия.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России, а также демографическим трансформациям как фактору развития страховых рынков стран БРИКС.

Статья «**Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России**» **В.А. Безвербного**, канд. экон. наук, заведующего лабораторией Цифровой демографии ФНИСЦ РАН, заведующего отделом геоурбанистики и пространственной демографии, ведущего научного сотрудника Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, **Т.К. Ростовской**, д-ра социол. наук, профессора, главного научного сотрудника лаборатории цифровой демографии ФНИСЦ РАН, заместителя директора по научной работе Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, **А.М. Ситковского**, научного сотрудника лаборатории цифровой демографии ФНИСЦ РАН, младшего научного сотрудника отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, **С.В. Рославцева**, младшего научного сотрудника лаборатории цифровой демографии ФНИСЦ РАН, направлена на выявление и оценку взаимосвязей между демографическими процессами: рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, миграционного прироста и по-

казателями социально-экономического развития российских регионов в 1990–2025 гг. В работе построена типология регионов России по сходству этих взаимосвязей; выполнены два уровня анализа: агрегация средних коэффициентов корреляции по каждому из выбранных демографических показателей и кластерный анализ «корреляционных портретов» регионов. Также проведён обзор отечественной и зарубежной литературы по влиянию демографических процессов на экономику, жилищные условия, социальную инфраструктуру и региональное развитие. В статье установлены особенности связи ожидаемой продолжительности жизни с валовым региональным продуктом на душу населения, стоимостью фиксированного потребительского набора, с обеспеченностью больничными койками и долей населения с доходами ниже прожиточного минимума. Показана связь суммарного коэффициента рождаемости с уровнем урбанизации, обеспеченностью жильём и кредитной нагрузкой. Данна оценка связи численности и плотности населения с концентрацией медицинских кадров, с общей кредитной задолженностью и обеспеченностью жилой площадью. В статье выделены четыре типа регионов: синергетический, переходный, смешанный, контрастный, отличающиеся количеством и значимостью корреляционных связей.

Статья «**Демографические трансформации как фактор развития страховых рынков стран БРИКС**» С.А. Белозерова, д-ра экон. наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, В.А. Аркадьева, младшего научного сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета, Е.В. Соколовской, канд. экон. наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена исследованию влияния демографических трансформаций на развитие рынков страхования жизни в странах БРИКС в период 2014–2022 годов. На основе анализа данных Всемирного банка и национальной статистики стран объединения БРИКС изучены особенности развития страховых систем в условиях демографических трансформаций, а также проанализированы основные демографические тенденции и новые возможности для страхового рынка в данном контексте. Основное внимание уделено сравнительному анализу демографических показателей – суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, динамики численности населения. Целью этого исследования является формирование практических рекомендаций по развитию рынков страхования жизни в странах БРИКС на основе анализа демографических тенденций. Выявлены новые требования, которые создают демографические изменения, к устойчивости социальных и страховых систем и возможности для страхового сектора, обусловленные спросом на пенсионные и накопительные продукты. Разработаны рекомендации для государственных органов и страховых компаний, включая меры налогового стимулирования, диверсификацию продуктового ряда, цифровизацию и развитие межгосударственного сотрудничества в рамках стран БРИКС.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуется статья «**Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан**» А.Г. Каримова, канд. социол. наук, и.о. директора Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Э.И. Ахметовой, научного сотрудника Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В статье представлены результаты анализа данных социологических исследований, проведённых в 2021–2024 гг. среди работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Целью исследования стал анализ влияния низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между профессиональной идентичностью, уровнем доходов и адаптационными практиками. В статье определено влияние доходов от занятости на покупательную способность домохозяйств, формирование оценок социального статуса, выбор стратегий выживания. В статье показано, что материальные факторы являются доминирующими в трудовой мотивации, особенно среди низкоходных групп, вынуждая работников выбирать стратегии выживания вместо профессиональной самореализации. Установлено, что сохраняется гендерная асимметрия в оплате труда, а адаптационные стратегии поляризованы по доходным группам. По результатам анализа даны предложения для решения проблемы.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» опубликована статья «**Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения (обзор всероссийской научно-практической конференции с международным участием)**» Е.В. Одинцовой, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН и Ю.А. Шерстобитовой, младшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН. Статья посвящена обзору Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Качество и уровень жизни населения в современной

России: реалии, тенденции, решения» (памяти Е.И. Капустина), проведённой 28 и 29 октября 2025 г. в Институте экономики Российской академии наук. Представители российских и зарубежных научно-исследовательских и образовательных организаций обсудили актуальные проблемы по широкому кругу вопросов, касающихся сферы демографии, занятости, политики доходов, уровня и качества жизни, социальной поддержки и пенсионного обеспечения. Представлены сокращённые материалы тезисов докладчиков конференции, участвовавших в организации и проведении конференции.

В рубрике «**КНИЖНАЯ ПОЛКА**» опубликована статья, посвящённая коллективной монографии чл.-корр. РАН М.К. Горшкова и д-ра социол. наук Н.Е. Тихоновой, «**Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» А.Ю. Хазова**», канд. экон. наук, доцента кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова – Алатырского филиала, посвящена анализу и ключевым аспектам, поднимаемым в новой коллективной монографии «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» под редакцией академика РАН М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой, выпущенной издательством «Весь Мир». В статье дана оценка представленным в монографии материалам, отражающим сложные процессы адаптации и трансформации социальных институтов, групповых и индивидуальных стратегий в период турбулентности. Автором статьи показано содержание Предисловия и 14 глав, составляющих содержание монографии, с указанием их авторов. В статье А.Ю. Хазов подчёркивает, что особого внимания заслуживает методологическая строгость исследования, авторы монографии тщательно подходят к выбору источников, критически оценивая достоверность и релевантность каждого из них. Вместе с тем, как отмечает автор статьи, работа не лишена некоторых дискуссионных моментов, однако это не умаляет ценности труда в целом.

В рубрике «**ПЕРСОНАЛИИ**» публикуется статья «**75 лет Серикжану Хамитовичу Берешеву**», посвящённая известному казахстанскому учёному, д-ру экон. наук, директору Казахского НИИ труда **В.Н. Бобкова**, главного редактора журнала, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В статье отмечается тесная связь профессионального становления юбиляра с российской наукой. В 1982 году он защитил кандидатскую диссертацию в г. Москве в НИИ труда на тему «Совершенствование материального поощрения работников (на примере легкой промышленности Казахстана), в советский и постсоветский периоды поддерживал тесные творческие связи с российскими учёными-трудовиками, является автором ряда публикаций по вопросам стимулирования и оплаты труда в журнале «Уровень жизни населения регионов России». С.Х. Берешев – один из наиболее известных в Республике Казахстан специалистов по разработке норм труда и построению систем оплаты труда, внедрённых в практическую деятельность ряда крупных хозяйствующих субъектов. Он автор более 150 научных трудов, в том числе, пяти монографий. В год 75-летнего юбилея С.Х. Берешев опубликовал книгу «Организация оплаты труда на предприятиях Республики Казахстан. Методические и практические аспекты построения эффективных систем оплаты труда».

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Оригинальная статья
УДК 331.101.6, 338.467.6
JEL Z11, J24
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517
EDN OYLCDT

Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры?

Валентина Юрьевна Музычук

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(vm-instecon@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>)

Аннотация

Основной целью статьи является попытка разобраться в корректности применения концепта производительности труда в социально значимых отраслях в целом и на примере сферы культуры в частности, принятого в национальном проекте «Эффективная и конкурентная экономика» (федеральный проект «Производительность труда») на 2025–2030 гг. В статье анализируются вызовы, связанные с применением показателя производительности труда «по выработке» применительно к сфере культуры, особенно через показатель, который определён в нацпроекте как «увеличение количества посещений в расчёте на одного работника» для учреждений культуры. Ошибочность применения данного подхода раскрывается как на статистических данных, рассчитанных по отдельным видам культурной деятельности (театры, музеи, общедоступные библиотеки, концертные организации), так и в разрезе некорректной методики расчёта данного показателя, содержащейся в отраслевых документах. Применение концепта производительности труда, приемлемого для отраслей промышленного производства и коммерческого сегмента сферы услуг, по отношению к социально значимым отраслям, и особенно для сферы культуры искает некоммерческую природу культурной деятельности и ведёт к недооценке социальной значимости культурных благ. Повышение производительности труда в учреждениях культуры планируется достичь за счёт технологий бережливого производства, разработанных изначально для сокращения издержек на машиностроительных предприятиях массового производства, что также свидетельствует о некорректности унифицированного подхода к оценке эффективности деятельности в производственных и социально значимых отраслях. Детальное погружение в методологию федерального проекта свидетельствует о новой волне оптимизации в сфере культуры, где за риторикой о необходимости повышения производительности труда скрывается очередное сокращение сети и численности занятых в сфере культуры, а также лишение учреждений культуры финансово-хозяйственной самостоятельности.

Ключевые слова: производительность труда, сфера культуры, оптимизация сферы культуры, культурная деятельность, занятость в сфере культуры, национальный проект, бережливое производство в сфере культуры

Для цитирования: Музычук В.Ю. Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 502–517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 EDN OYLCDT

RAR (Research Article Report)

JEL Z11, J24

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517

Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere?

Valentina Yu. Muzychuk

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(vm-instecon@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>)

Abstract

The main purpose of this paper is to explore the correctness of applying the labour productivity concept in social sector in general, and special in the cultural sector, as accepted in the national project "Efficient and Competitive Economy" (federal project "Labor Productivity") for 2025–2030. The article analyses the challenges associated with applying the labour productivity indicator "by output" to the cultural sector, particularly through the index defined in the national project as "increase in the number of visits per employee" for cultural institutions. The incorrect nature of this approach is revealed both through statistical data calculated for specific types of cultural activity (theatres, museums, public libraries, concert organizations), and through the inaccurate calculation methodology contained in ministry documents. Applying the concept of labour productivity, appropriate for industrial production and the commercial service sector, to social sector, particularly the cultural sector, distorts the non-commercial nature of cultural activity and underestimates the social significance of cultural goods. Increased labour productivity in cultural institutions is planned to be achieved through lean production concept, originally developed to reduce costs in mass-production enterprises. This also demonstrates the inadequacy of a unified approach to assessing performance in manufacturing production and socially significant sectors. A detailed examination of the federal project's methodology reveals a new wave of optimization in the cultural sector, where rhetoric about the need to increase labour productivity conceals another one reduction in the network and number of cultural employees, as well as the deprivation of cultural institutions' financial and economic independence.

Keywords: labour productivity, cultural sphere, optimization of the cultural sphere, cultural activities, employment in the cultural sphere, national project, lean production in the cultural sphere

For citation: Valentina Yu. Muzychuk. Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere? *Uroven' zhizni naseleniya re-gionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):502-517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 (In Russ.).

Введение

Конец 2024 г. ознаменовался официальным завершением национального приоритетного проекта «Культура» (2019–2024 гг.), несмотря на ожидания и прогнозы о его пролонгации ещё на один 6-летний избирательный цикл – до 2030 г.¹ Вместе с тем было объявлено, что ряд инициатив, связанных с развитием сферы культуры, будут продолжены в рамках реализации новых национальных проектов, таких как «Семья» (федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры»), «Молодёжь и дети» (федеральный проект «Мы вместе» (воспитание гармонично развитой личности)) и «Эффективная и конкурентная экономика» (федеральный проект «Производительность труда»), причём последний является продолжением отдельного национального проекта «Производительность труда», реализованного в 2019–2024 гг.

В фокус внимания настоящей статьи попадает проблематика реализации нацпроекта «Эффективная и конкурентная экономика» в части необходимости повышения производительности труда в учреждениях культуры. Автор не первый раз обращается к тематике производительности труда в сфере культуры [1, с. 503–505; 2, с. 108–121 и др.], однако реализация в настоящее время мероприятий по повышению производительности труда непосредственно в учреждениях культуры заставляет обратить более пристальное внимание на постановку проблемы, исходные данные, методологию решения и ожидаемые результаты.

Основной целью статьи является попытка разобраться в корректности применения концепта производительности труда в социально значимых отраслях в целом и на примере сферы культуры в частности, принятого в национальном проекте «Эффективная и конкурентная экономика» (федеральный проект «Производительность труда») на 2025–2030 гг. Объектом исследования является сфера культуры, которая ответственна за процессы создания, распространения и потребления культурных благ, а также за приобщение широких слоёв населения к культурным ценностям. В качестве предмета исследования выступают основные подходы к оценке производительности тру-

да в сфере культуры, в том числе в рамках федерального проекта «Производительность труда». С точки зрения методологии в работе применяются: аксиоматический метод, метод аналогии, методы сравнительного и статистического анализа.

В задачи исследования входят: анализ содержательного наполнения федерального проекта «Производительность труда» применительно к сфере культуры, включая отраслевые документы Минкультуры России; расчёт принятого в нацпроекте показателя «производительности труда» «по выработке» по отдельным видам культурной деятельности (театры, музеи, общедоступные библиотеки, концертные организации) за период с 2019 по 2023 гг. и анализ полученных данных; теоретическое обоснование невозможности роста производительности труда в сфере культуры в концепции «болезни издержек» У.Дж. Баумоля; обзор теоретических подходов к оценке результативности труда в сфере культуры в рамках советской политэкономии; обоснование некорректности принятого в рамках федерального проекта «Производительность труда» концепта повышения производительности труда в сфере культуры.

Сфера культуры впервые попадает в ареал действия нацпроекта «Эффективная и конкурентная экономика» в части повышения производительности труда в организациях культуры, ответственным за реализацию которого является в первую очередь Минэкономразвития России. Следует отметить, что сам факт попадания культурной тематики в нацпроект по развитию эффективной и конкурентной экономики усиливает инструментальную роль культуры, при которой она важна не сама по себе: для «очеловечивания» человека и приобщения широких слоёв населения к культурным ценностям, а как инструмент повышения экономического роста и конкурентоспособности отечественной экономики. Более того, невзирая на особенности экономических отношений в сфере культуры, предлагается измерять производительность труда «по выработке», которая характерна для производственных отраслей и коммерческого сегмента сферы услуг. Министр экономики РФ М. Решетников на пленарном заседании «Импульс эффективности» в рамках VI Федерального форума «Производительность–360» в октябре 2024 г. заявил о том, что производительность труда работников социальной сферы будут

¹ Любимова: нацпроект «Культура» планируется продлить до 2030 г. // Коммерсант: [сайт]. 30 ноября 2023 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366632> (дата обращения: 01.08.2025).

измерять «выработкой на человека»: «И всё-таки мы социальщиков убедили, <...> что давайте брать именно показатели, связанные с выработкой на человека»². В числе лидирующих отраслей, успешно реализовавших мероприятия по повышению производительности труда в рамках нацпроекта «Производительность труда» (2019–2024 гг.), были названы железнодорожный транспорт и атомная промышленность. Теперь таких же успехов предлагается достичь в социально значимых отраслях непроизводственной сферы (в терминах советской политэкономии), в особенности в сфере культуры.

В сфере культуры в качестве отчётного показателя «выработки на человека» было выбрано «количество посещений в расчёте на одного работника организации». Производительность труда в общедоступных библиотеках, музеях, театрах, детских школах искусств, культурно-досуговых учреждениях и других организациях сферы культуры предполагается рассчитывать на тех же принципах, что и производительность труда в машиностроительном производстве, нефтедобыче и её переработки, грузоперевозках и т.п. В этой связи возникает резонный вопрос о корректности выбранного показателя и заявленных ожидаемых результатах от реализации данного федерального проекта в части повышения производительности труда в сфере культуры.

Индикаторы, характеризующие достижение показателя национальной цели развития «Вовлечение к 2030 году <...> 100 % государственных и муниципальных организаций социальной сферы в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда»

Indicators Characterizing the Achievement of the National Goal «Involvement by 2030 <...> 100% of Public Organizations in the Implementation of Projects Aimed at Increasing Labour Productivity»

Стат. показатель	2021 факт	2022 факт	2023 факт	2024 оцен.	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2035
5.8.6. Доля государственных и муниципальных организаций социальной сферы, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, %	-	-	-	-	2,9	15,0	30,6	52,2	75,2	100,0	-

Источник: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.). С. 170-171.

² Власти оценят производительность труда врачей и учителей // РБК: [сайт]. 17 октября 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2024/6710c50d9a7947424da3e1f2> (дата обращения: 05.08.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.). С. 12.

**Федеральный проект
«Производительность труда» нацпроекта
«Эффективная и конкурентная экономика»
в проекции на сферу культуры**

В «Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» (Единый план – далее по тексту), утверждённом Правительством РФ 09.01.2025 г., достижение национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» связывают в том числе с необходимостью вовлечения «к 2030 году не менее чем 40 процентов средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики и 100 процентов государственных и муниципальных организаций социальной сферы в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда» (п. 5.8). Учреждения культуры попадают в число заданных 100% государственных и муниципальных организаций социальной сферы. Амбициозность поставленной задачи подкрепляется тезисом, согласно которому «вызовом является обеспечение роста производительности труда темпами выше исторически сложившихся³».

Нормативно заданная динамика доли организаций социальной сферы, вовлечённых в реализацию проектов по повышению производительности труда, представлена ниже (таблица 1).

Таблица 1

Table 1

Примечательно, что в отношении производственных предприятий, где мероприятия по повышению производительности труда и внедрению концепции бережливого производства являются наущной необходимостью и органически вписываются в процессы их функционирования, к 2030 г. предполагается охватить только «40 процентов средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики». Таким образом, основной объём мероприятий по повышению производительности труда ложится на те сферы деятельности, которые не имеют ничего общего с промышленным производством и расчётом производительности труда «по выработке».

Также в Едином плане оговариваются «ключевые факторы и инструменты повышения производительности труда», в том числе в государственных и муниципальных организациях социальной сферы, к которым относятся:

- Увеличение инвестиционной активности и доступности капитала.
- Технологическое развитие и цифровизация: (...) технологическое развитие закрепляет в долгосрочной перспективе высокий уровень производительности труда, повышая качество и снижая себестоимость продукции.
- Развитие кадрового потенциала: доступность и квалификация кадров (...) оказывают влияние на устойчивый рост производительности труда.

Развитие инфраструктуры и экспортного потенциала: обеспечение доступности и эффективности работы энергетической, коммунальной и транспортной инфраструктуры значительно влияет на конкурентоспособность продукции как по качеству, так и по цене, а доступ на новые рынки даёт возможность реализовать эти конкурентные преимущества.⁴

Только один из четырёх заявленных ключевых факторов и инструментов повышения производительности труда относится к сфере культуры: развитие кадрового потенциала. Остальные имеют самое непосредственное отношение к промышленному производству и коммерческой деятельности. Признавая достоинства цифровизации в сфере культуры, следует оговориться, что она нужна в дополнение, но ни в коем случае не в замещение реального посещения организаций культуры виртуальным.

Более того, директива о развитии кадрового потенциала и повышении статуса работника культуры в обществе переходит из одного государственного документа в другой на протяжении трёх последних десятилетий. В частности, в нацпроекте «Культура» 2019–2024 гг. одна из задач была связана с подготовкой кадров для сферы культуры. В конце 2024 г. отчитались, что 200 тыс. творческих и управленческих кадров в сфере культуры прошли обучение по образовательным программам повышения квалификации в 15 созданных в рамках нацпроекта Центрах непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры на базе ВУЗов Минкультуры России (около одной трети от общей численности занятых в сфере культуры). В марте 2019 г. Минкультуры России была утверждена Концепция создания и функционирования Центров непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры. Насколько успешны эти мероприятия оказалось в развитии кадрового потенциала и повышении престижа профессий в сфере культуры покажет время...

Прежде всего обращает на себя внимание выбор показателей производительности труда для отраслей социальной сферы в Едином плане (таблица 2).

Рост производительности труда по основным отраслям социальной сферы к 2030 году, %

Table 2

Growth of Labour Productivity in the Main Sectors of the Social Sphere by 2030, %

Стат. показатель	2021 факт	2022 факт	2023 факт	2024 оцен.	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2035
Количество обучающихся в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях в расчёте на одного работника организации, человек	-	-	5,92	5,92	5,92	5,92	5,92	5,92	5,92	5,92	-

⁴ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.). С. 167–168.

Окончание Таблицы 2

Стат. показатель	2021 факт	2022 факт	2023 факт	2024 оцен.	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2035
Количество обучающихся в профессиональных образовательных организациях в расчёте на одного работника организации, человек	-	-	8,33	8,33	8,33	8,33	8,33	8,33	8,33	8,33	-
Увеличение количества социальных услуг, предоставленных организацией социального обслуживания, в расчёте на одного работника организации социального обслуживания, единица	-	-	2686	2686	2686	2772	2858	2944	3030	3116	-
Увеличение количества посещений организаций культуры в расчёте на одного работника организации, %	-	-	100,0	100,0	109,68	116,13	119,35	125,81	129,03	135,48	-

Источник: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.). С. 173–174.

Для детских садов, общеобразовательных школ и среднеспециальных учебных заведений показатель производительности труда рассчитывается как количество обучающихся в расчёте на одного работника организации. Причём нормативно заданная динамика изменения данного показателя до 2030 г. демонстрирует статичность, поскольку указаны одни и те же фиксированные значения на протяжении всего рассматриваемого временного диапазона: 5,92 человека – для детских садов и общеобразовательных школ и 8,33 человека – для среднеспециальных учебных заведений. Другими словами, в отношении данных учебных и образовательных учреждений не планируется каких бы то ни было радикальных преобразований в рамках реализации мероприятий по повышению производительности труда.

Следует отметить, что данная проблема уже входила в повестку дня органов власти. В рамках реализации так называемых майских указов Президента РФ от 2012 г. была разработана специальная «дорожная карта» по образованию и науке (План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»; утв. распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р), в которой были заданы натуральные показатели повышения производительности труда: в дошкольном образовании – число воспитанников в расчёте на 1 педагогического работника должно быть увеличено – с 8,7 в 2012 г. до 9,8 в 2018 г.; в общем

образовании – число обучающихся в расчёте на 1 учителя – с 10,9 в 2012 г. до 13 в 2018 г.; в среднем образовании – число обучающихся в расчёте на 1 педагогического работника (включая мастеров производственного обучения) – с 12,7 в 2012 г. до 13,5 в 2018 г.; в высшем образовании – число студентов в расчёте на 1 преподавателя – с 9,4 в 2012 г. до 12 в 2018 г. Исключение было сделано только для дополнительного образования детей, где не были предусмотрены подобного рода нормативы. В 2018 г. отчитались об успешном достижении заданных параметров, но в 2024 г. решили вновь вернуться к данному вопросу.

Специалисты уже тогда обращали внимание, что в такой постановке проблемы речь идёт не о производительности труда, а о повышении интенсивности труда работников бюджетной сферы. Опасения были связаны с увеличением нагрузки в расчёте на одного педагогического работника, что могло привести к снижению качества предоставления социально значимых благ.⁵

Следует отметить, что в существующем федеральном проекте по повышению производительности труда некорректный подход к определению производительности труда остался прежний, но теперь изменили один компонент в формуле расчёта: в знаменателе вместо педагогических ра-

⁵ Резервы повышения производительности труда в бюджетной сфере (по материалам научно-методического семинара Аналитического управления) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2014. № 17(535). С. 31, 38. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4e86676f430620d3b.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

ботников учитываются все работники, включая вспомогательный персонал. Выбор данного показателя обусловлен необходимостью расчёта производительности труда в социальных отраслях по «выработке», т.е. по аналогии с промышленным производством и сегментом коммерческих услуг.

В отношении организаций социального обслуживания в качестве показателя производительности труда выбрано «увеличение количества социальных услуг» в расчёте на одного работника организации социального обслуживания. Причём к 2030 г. рост производительности должен составить 116% к уровню 2023 г.

Для таких отраслей социальной сферы, как здравоохранение, физическая культура и спорт, высшее образование, нормативный показатель повышения производительности труда не был задан в Едином плане. А вот в сфере культуры в качестве показателя производительности труда было выбрано *количество посещений в расчёте на 1 работника организации*. Согласно этой логике производительность труда на машиностроительном заводе в натуральном выражении следует рассчитывать не как количество произведённых автомобилей в расчёте на 1 работника, что, собственно говоря, и является одним из показателей выработки, а, например, как число покупателей автомобилей типа Лада или Калина в расчёте на 1 работника АвтоВАЗа, или как количество посещений автосалонов с продукцией АвтоВАЗа в расчёте на 1 работника данного завода. В связи с этим возникает вопрос, каким образом основным мерилом эффективности деятельности организаций культуры «по продукту» стала посещаемость, а не количество проведённых мероприятий (спектаклей, выставок, концертов, экскурсий и т.д.)?

В конце 2024 г. был подписан приказ Минкультуры России от 13 декабря 2024 г. № 2563 «Об утверждении методик расчёта показателей федерального проекта «Производительность труда», входящего в состав национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», содержащий:

- методику расчёта показателя «Доля государственных и муниципальных организаций культуры, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда»;

- методику расчёта показателя «Увеличение количества посещений организаций культуры в расчёте на одного работника организации».

В формуле расчёта показателя «Доля государственных и муниципальных организаций культуры, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда» в числителе указываются те организации культуры, которые зарегистрированы на ИТ-

платформе управлеченческих и технологических компетенций (производительность.рф) и загрузили подтверждающие документы о завершении минимум одного проекта по повышению производительности труда на конец отчётного периода.

Поиск из открытых источников в Интернете о проектах по повышению производительности труда в сфере культуры выдал такую информацию: Комитет по труду Ленинградской области анонсировал запуск pilotного проекта по повышению производительности труда в учреждениях культуры на примере Гатчинского и Тосненского домов культуры. В качестве основных мероприятий заявлена оптимизация следующих процессов: планирование эффективного использования помещений; улучшение логистики внутри учреждений; повышение эффективности проведения мероприятий для привлечения большего числа зрителей⁶. Не вызывает сомнений, что подтверждающие документы о реализации подобного рода проектов по повышению производительности труда будут загружены на ИТ-платформе управлеченческих и технологических компетенций (производительность.рф). Кроме того, 100%-й охват государственных (муниципальных) учреждений культуры к 2030 г. (их около 90 тыс. по стране) проектами по повышению производительности труда потребует привлечения разного рода консультантов и экспертов, а также оплаты их услуг за счёт заработанных учреждениями культуры внебюджетных средств.

В приказе Минкультуры России от 05 июня 2025 г. № 1014 «Об утверждении формы мониторинга 1-Производительность труда и указаний по её заполнению» представлены 3 направления реализации мероприятий по повышению производительности труда:

1. Перевод на аутсорсинг отдельного функционала учреждений культуры (бухгалтерский, юридический, маркетинговый, производственный, IT, HR, клининг, охранных услуг, транспортный, аутсорсинг питания), отчётность по которому будет содержать количество заключённых договоров на аутсорсинг.

2. Передача отдельных функций учреждений культуры в централизованные: бухгалтерии, кадровые службы, отделы закупок, транспортные отделы, IT-службы, отделы маркетинга и рекламы или в другие звенья филиальной сети в рамках укрупнения и объединения учреждений культуры.

3. Внедрение и применение инструментов бережливого производства, к которым относятся:

⁶ Ленинградская область запускает pilotный проект по повышению производительности труда в сфере культуры // Центр развития промышленности Ленинградской области: [сайт]. 04 июня 2025 г. URL: <https://crplo.ru/proizvoditelnost-kultura> (дата обращения: 05.09.2025).

обучение сотрудников бережливому производству; использование инструмента для визуализации перемещения людей в рабочем пространстве под названием «диаграмма «спагетти»; определение затрат времени с помощью фиксации и замеров продолжительности выполняемых действий («хронометраж»); «картирование процессов в офисе»; система организации и рационализации рабочего места и пространства; стандарты осуществления процессов после выявления и минимизации потерь; система подачи и реализации рапортов предложений по улучшениям на местах («кайдзен»); реализация оптимизационных проектов.

В действительности, приказ Минкультуры России от 05 июня 2025 г. № 1014 «Об утверждении формы мониторинга 1-Производительность труда и указаний по её заполнению» расставил всё по своим местам: комплекс указанных мероприятий по повышению производительности труда в сфере культуры является не чем иным как очередным этапом оптимизации бюджетных расходов, сокращению бюджетной сети и численности занятых в сфере культуры. В последний раз в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. и Программе оптимизации расходов бюджета субъекта РФ от 2018 г. аналогичные мероприятия трактовались в повестке финансово-экономических ведомств как совершенствование оказания государственных (муниципальных) услуг [3, с. 34–49]. Теперь оптимизация сферы культуры будет осуществляться через мероприятия по повышению производительности труда.

Более того, повышение производительности труда в сфере культуры, как впрочем и во всей социальной сфере, связывают с необходимостью внедрения концепции бережливого производства (lean production): «Для нас одной из важнейших задач внедрения принципов бережливого производства является нахождение скрытых резервов повышения производительности труда, чтобы максимально эффективно использовать умения и навыки наших сотрудников, сплотить их в единую команду, нацеленную на развитие и совершенствование своего учреждения»⁷. Реализация проекта начнётся с массовых учреждений культуры, которые находятся в шаговой доступности (общедоступные библиотеки и дома культуры), с 2026 г. к ним присоединяются музеи и театры.

Инициаторы внедрения концепции бережливого производства в социальной сфере призна-

⁷ Социальный эффект. Как за 6 лет охватить проектами по повышению производительности труда всю социальную сферу // Федеральный центр компетенций (ФЦК): [сайт]. 19 марта 2025 г. URL: <https://производительность.рф/presscenter/news/socialnyj-effekt-kak-za-6-let-ohvatit-proektami-po-povysheniyu-proizvoditelnosti-truda-vsyu-socialnyu-sferu/> (дата обращения: 05.08.2025).

ют, что первоначально она была разработана на промышленных предприятиях для улучшения бизнес-процессов, но якобы с течением времени в её ареал необходимо включать организации, работающие в непроизводственных отраслях, включая социальную сферу.

Как отмечали разработчики концепции, их интересовало прежде всего «как традиционная организация массового производства может сделать шаг к бережливому производству», а именно: «взгляд на фирму в целом, на весь поток создания ценности, от сырья до готового изделия, от заказа до поставки, от концепции до выпуска продукции» [4, с. 28, 27]. Для этого необходимо было переосмыслить работу производственных цехов, отделов проектирования, маркетинга, продаж, техподдержки, закупок, разработчиков продукции и пр., которые в совокупности своей представляют собой процесс создания добавленной стоимости в рамках деятельности производственного предприятия. В основе концепции бережливого производства лежит доктрина об удовлетворении запросов потребителя: «Отправная точка бережливого мышления – это ценность⁸. Ценность (товара, услуги) может быть определена только конечным потребителем. Говорить о ней имеет смысл, только имея в виду конкретный продукт (товар или услугу или всё вместе), который за определённую цену и в определённое время способен удовлетворить потребности покупателей. Ценность создаётся производителем. С точки зрения потребителя, именно ради этого производитель и существует» [4, с. 33]. Внимательное погружение в концепцию бережливого производства не оставляет сомнений в низком уровне её применимости по отношению к некоммерческому сегменту сферы культуры, не имеющей ничего общего с управлеченческими практиками, принятыми на промышленных предприятиях и в коммерческом сегменте сферы услуг.

Согласно Р. Масгрейву, «преимущества образования более очевидны для информированных, чем для неинформированных» [5, с. 13], что справедливо и для сферы культуры. Задача организаций культуры – не подстраиваться под желания массового потребителя, а задавать более высокую планку культурных предпочтений («сеять разумное, доброе, вечное...»). В противном случае, как справедливо отмечал известный отечественный театровед и экономист Г. Дадамян, «в конкурентной борьбе за зрителя и доходы побеждает проверенный путь раздевания актрис» [6, с. 82–93].

Как указано в методике расчёта показателя «Увеличение количества посещений организаций

⁸ Речь идёт о не совсем точном переводе слова *value*, которое в данном контексте означает потребительскую стоимость.

культуры в расчёте на одного работника организации», данный «показатель характеризует уровень нагрузки на одного работника организации культуры (общедоступных (публичных) библиотек, культурно-досуговых учреждений, музеев, театров, парков культуры и отдыха (городских садов), концертных организаций, самостоятельных коллективов, цирков, цирковых коллективов, зоопарков (зоосадов)» и рассчитывается по следующей формуле:

$$N_i = M_i / K_i * 100\%$$

- M_i – количество посещений организаций культуры в i -периоде нарастающим итогом с начала реализации проекта, единиц;

- K_i – численность работников (основной и вспомогательный персонал) в организациях культуры в i -периоде, которая определяется как среднемесячная численность, человек.

Далее говорится, что показатель рассчитывается по Российской Федерации с годовой периодичностью, а также «пределное значение показателя стремится к бесконечности».

Формула расчёта показателя вызывает недоумение, поскольку в числителе и знаменателе находятся совершенно разные единицы совокупности, как говорят в статистике: в числите –

количество посещений организаций культуры, а в знаменателе – численность работников этих организаций. Умножение данного соотношения на 100% трудно объяснить, поскольку результат умножается на 100 при делении части на целое для нахождения доли или удельного веса. Количество посещений никак не может быть частью от численности работников организации культуры. В данном случае, речь идёт не только об ошибочности данной конкретной формулы расчёта, но и о в корне неверном подходе к определению производительности труда в сфере культуры, принятом в нацпроекте.

Если абстрагироваться от ошибочной формулы в методике Минкультуры России и вернуться к понятию производительности труда, применяемому в нацпроекте, ситуация в целом не улучшится. Далее в таблице приведены данные по так называемой «производительности труда» в сфере культуры по общедоступным библиотекам, театрам, музеям и концертным организациям, рассчитанные по методологии, предлагаемой в Едином плане (не по методике Минкультуры России): из расчёта количества посещений организаций культуры в расчёте на 1 работника организации, включая основной и вспомогательный персонал (таблица 3).

Таблица 3

Table 3

Расчет «производительности труда» по отдельным видам культурной деятельности

в расчете на 1 работника

Calculation of «Labor Productivity» Indicator for Different Types of Cultural Activities «by Output»

	2019	2020	2021	2022	2023
Общедоступные библиотеки					
Число посещений в стационарных условиях, тыс. чел.	426382,2	288802,2	382796,7	425268,8	447728,2
Численность работников, чел.	121985	126497	124 207	123619	122810
«Производительность труда» в библиотеках	3495,4	2283,1	3081,9	3440,2	3645,7
Театры					
Число зрителей, тыс. чел.	40181,2	15755,8	24853,2	35555,1	40901,3
Численность работников, чел.	85700	85035	84635	85009	86148
«Производительность труда» в театрах	468,9	185,9	293,6	418,2	474,8
Музеи					
Число посещений выставок всего, тыс. чел.	124169,3	56372,1	90841,3	115547,4	124276,7
Численность работников, чел.	73381	73521	73895	74758	75104
«Производительность труда» в музеях	1692,1	766,7	1229,3	1545,6	1654,7
Концертные организации					
Число посещений, тыс. чел.	22048,8	7689,0	12376,1	19620,1	22354,6
Численность работников, чел.	39383	39253	39096	39132	39312
«Производительность труда» в концертных организациях	560	196	317	501	569

Источник: рассчитано автором на основе статистических данных ГИВЦ Минкультуры России за соответствующие годы.

Как видно из этих расчётов, за 5-летний период 2019–2023 гг. (за исключением двух пандемийных лет 2020–2021 гг.) расчётный показатель и так демонстрирует рост, в отсутствие всяких мероприятий, связанных с заявленной необходимостью повышения производительности труда в сфере культуры в рамках нацпроекта. Более того, полученные данные не подлежат никакой экономической интерпретации. Если рассчитывать механически всё «по валу», то передовиками оказываются работники библиотек, чья так называемая «производительность» в разы больше, чем у театров, музеев и концертных организаций.

Если следовать логике, предложенной в нацпроекте в части повышения производительности труда в сфере культуры, то самый действенный инструмент – это сокращение численности занятых в сфере культуры. Тогда можно не прибегать к реализации специальных проектов, зарегистрированных на ИТ-платформе управленических и технологических компетенций (производительность.рф), а сразу отчитаться о достижении цели. Собственно, численность занятых в сфере культуры и так демонстрирует нисходящую динамику, начиная с 2013 г. (рисунок 1).

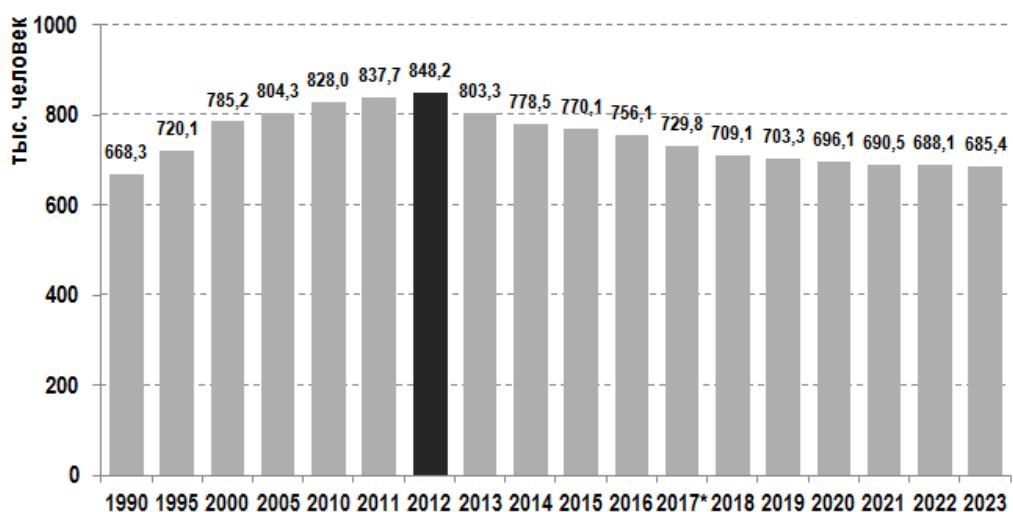

Рисунок 1. Динамика численности занятых в сфере культуры (1990–2023 гг.), тыс. чел.

Figure 1. Dynamics of the Number of Employees in the Cultural Sector (1990–2023), thousand people

Источник: рассчитано автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за соответствующие годы.

Снижение численности занятых в сфере культуры на фоне роста количества посещений учреждений культуры⁹ автоматически ведёт к росту так называемой «производительности труда».

Собственно говоря, в «дорожной карте» по сфере культуры (Об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2606-р (ред. от 28.04.2015) были утверждены нормативы снижения численности работников учреждений культуры: в 2013 г. – 670006 человек, 2014 г. – 655266 человек, 2015 г. – 641196 человек, 2016 г. – 627796 человек, 2017 г. – 615066 человек, 2018 г. – 603000 человек, что составило за период с 2013 по 2018 гг. 70 тыс.

человек или 10%. В экспертно-аналитических материалах такое снижение численности работников обосновывалось необходимостью повышения производительности труда в сфере культуры: «В целом по учреждениям бюджетной сферы наблюдается сокращение численности бюджетников в расчёте на 10 тыс. человек населения. <...> Данная динамика соответствует задаче повышения производительности труда в отраслях социальной сферы, поставленной в дорожных картах, разработанных в отраслях социальной сферы в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». <...> Представленная информация свидетельствует о росте производительности труда, о повышении уровня оплаты труда, об осуществлении приносящей доход деятельности бюджетными и автономными учреждениями и о преобладании новых бюджет-

⁹ По данным государственного информационного ресурса ЕМИСС в 2023 г. число посещений культурных мероприятий составило 2,75 млрд посещений, а в 2024 г. – 2,99 млрд посещений, в том числе в режиме онлайн [2, с. 289–294].

ных учреждений в бюджетном секторе, что характеризует позитивные сдвиги в его деятельности. Таким образом, судя по формальным признакам, в целом реформа состоялась» [7, с. 32–33]. В экспертно-аналитических материалах финансово-экономических ведомств уже в 2017 г. были отмечены «положительные сдвиги», связанные с ростом производительности труда.

Следует отметить, что в 2012 г. не было попыток привязать производительность труда в сфере культуры к посещаемости в расчёте на одного работника. С экономической точки зрения этот показатель не несёт в себе никакого содержательного наполнения. Посещаемость безусловно является одним из показателей эффективности деятельности учреждений культуры, но очень ограниченным, поскольку он зависит не только от деятельности конкретной организации, но и от социально-экономических условий территории, на которой она расположена. Если мы возьмем малый город с численностью населения до 50 тыс. человек, то 100% заполняемость зала в местном театре возможна по определению только в дни премьеры. И это не про плохую работу театра, а про отсутствие устойчивого контингента зрителей, про отток молодёжи, про (не)привлекательность города для жизни, про отсутствие рабочих мест, про недостаток финансовых средств на новые постановки, про другие возможности проведения досуга, про низкую покупательную способность горожан, про традиции посещения театра или их отсутствие и др. Как видно, в этом перечне много параметров, на изменение которых театр напрямую повлиять не может. Он вынужден существовать не в предлагаемых, а в заданных обстоятельствах.

По данным опроса ВЦИОМ в феврале в 2024 г., 25% россиян признались, что посещают театр несколько раз в год и чаще. Каждый третий сообщил, что он практически не посещает театр, а каждый пятый – что никогда не видел театральных постановок. Из тех, кто не посещает или редко посещает театр, каждый третий сослался на отсутствие театра в месте его проживания; каждый четвёртый – на нехватку свободного времени; каждый пятый признался, что не интересуется театральным искусством¹⁰. В театральной среде очень популярно изречение «Плохой театр лучше, чем никакой». При наличии театра всегда есть возможность поменять команду и вдохнуть в него новую жизнь, а в его отсутствие вероятность открытия театра как новой институции стремится к нулю. Худо или бедно, но наличие театра и любой другой организации культуры создаёт та-

кую культурную среду, которая необходима для «очеловечивания» человека и совершенствования человеческого потенциала в целом.

Как справедливо отмечает директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.А. Широр, «показатель «производительность труда» имеет различные интерпретации, и его некритическое использование может привести к некорректным выводам о состоянии экономики»¹¹. По аналогии можно продолжить, что применение зафиксированного в нацпроекте показателя производительности труда «по выработке» для оценки работников культуры приведет к реализации не дружественных по отношению к сфере культуры управлеченческих решений. Детальное погружение в методологию федерального проекта свидетельствует о новой волне оптимизации в сфере культуры, где за риторикой о необходимости повышения производительности труда скрывается очередное сокращение сети и численности занятых в сфере культуры с разрушением финансово-хозяйственной самостоятельности учреждений культуры.

Производительность труда в сфере культуры в контексте «болезни издержек» Баумоля (Baumol's cost disease)

Для целей настоящей статьи следует ещё раз обратиться к наследию американского экономиста У.Дж. Баумоля, признанного отца – основателя экономики культуры как самостоятельного направления экономической науки. Следует отметить, что в экономической среде он более известен своими исследованиями в области производительности, конкуренции, предпринимательства, экологической политики, корпоративных финансов и только в последнюю очередь – экономики культуры. Почётный титул отца – основателя экономики культуры У.Дж. Баумоль получил за работу «Исполнительские искусства: экономическая дилемма» (1966 г.), написанную в соавторстве с У. Боуэном. Основная цель книги заключалась в поиске обоснования причин коммерческого провала организаций исполнительских искусств на примере американских и британских театров и концертных организаций. Основной вывод этой работы заключается в том, что *издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт*. Впоследствии эта выявленная закономерность получила название эффекта Баумоля или «болезни издержек» Баумоля (*Baumol's Cost Disease*).

Согласно У.Дж. Баумолю, экономика делится на два сегмента относительно возможностей

¹⁰ Весь мир – театр // ВЦИОМ: [сайт]. 26 февраля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-ves-mir-teatr> (дата обращения 05.09.2025).

¹¹ Широр А.А. Факторы формирования производительности труда в России. [электронный ресурс]. URL: <https://rannks.ru/upload/iblock/307/1%20Презентация%20Широра%20A.A.pdf> (дата обращения: 01.09. 2025).

роста производительности труда: где растет производительность труда и где она постоянна [8, с. 167–172]. В своих более поздних работах он выделял стагнирующий сектор (*stagnant sector*) и прогрессивный сектор (*progressive sector*). «Болезнь издержек» возникает из-за неравных темпов роста производительности труда в разных секторах экономики.

В основе «болезни издержек» Баумоля лежит *отставание производительности* (не путать с низкой производительностью!) из-за невозможности использования новых технологий, увеличения капиталовложений, повышения квалификации рабочей силы, эффекта экономии на масштабе, т.е. тех основных факторов, которые приводят к росту производительности труда, вы-свобождению рабочей силы в отраслях экономики, связанных с промышленным производством. В сфере культуры нет альтернативы живому труду, а автоматизация процессов создания культурных благ не только нецелесообразна, но и противопоказана. Под ростом производительности труда У.Дж. Баумоль понимал трудосберегающие изменения в производственном процессе, при котором выпуск продукции в единицу времени заметно увеличивается. Как человек, всю свою профессиональную деятельность преподававший в ведущих университетах США и одновременно с этим тесно связанный с миром искусства, он отдавал себе отчёт в том, что «образование, как и искусство, предоставляет мало возможностей для систематического и кумулятивного повышения производительности» [8, с. 171]. Следует отметить, что в этом знакомом для экономики культуры исследовании У.Дж. Баумоль не приводит никаких формул для расчёта производительности труда в сфере культуры, тем более «по выработке», ограничиваясь в своем сравнительном анализе только разницей в стоимости одного человека-часа в промышленном производстве и сфере исполнительских искусств.

В связи с объективной невозможностью использования технологических инноваций в сфере культуры производительность труда существенно отстает от темпов роста производительности труда в экономике. «Человеческая изобретательность придумала способы сократить количество труда, необходимое для производства автомобиля, но никому пока не удалось снизить человеческие усилия, затрачиваемые на живое исполнение 45-минутного квартета Шуберта, до уровня ниже трёх человеко-часов [8, с. 164]. А оплата труда в сфере культуры вынуждена расти под воздействием роста общего уровня цен в экономике. В результате расходы учреждений культуры растут быстрее, чем собственные заработанные доходы.

По мнению У.Дж. Баумоля, «результаты и затраты в сфере искусства трудно измерить или даже определить удовлетворительным образом» [8, с. 166]. Однако он признавал, что «количество труда, необходимого для производства этих услуг, трудно уменьшить» [9, introduction]. Поэтому единственная возможность для увеличения производительности труда в сфере культуры заключается в повышении уровня занятых. Чем больше работников будет вовлечено в культурную деятельность, тем выше будет производительность труда в сфере культуры. В настоящее время специалисты признают, что «многие услуги по своей природе не поддаются увеличению производительности. В некоторых случаях значительный рост производительности разрушает сам продукт; струнный квартет не может устроить производительность, проиграв двадцатисемиминутное музыкальное произведение за девять минут. Для некоторых услуг более высокая производительность связана со снижением качества продукта» [10, с. 171].

Отдавая дань уважения У.Дж. Баумолю после его ухода, Виктор Гинзбург – один из современных экономистов, в фокус научных исследований которого попадает проблематика экономики культуры, так написал о «болезни издержек» Баумоля: «Многие пытались показать, что в искусстве есть много способов «вылечить» или, по крайней мере, облегчить болезнь издержек. Я всё ещё убежден, что Баумоль был прав. Конечно, струнный квартет Бетховена может сыграть пианист, сэкономив трёх музыкантов, — или его можно вообще не играть. Это действительно было бы более экономически выгодно...»¹².

Производительность труда в рамках советской политэкономии

Если в подходе У.Дж. Баумоля экономика состояла из двух сегментов: прогрессивного (где возможен рост производительности труда) и стагнирующего (где производительность труда не меняется) секторов, то в СССР народное хозяйство делилось на материальное производство и непроизводственную сферу. В рамках советской политэкономии понятие производительности труда относилось исключительно к отраслям материального производства [11; 12; 13; 14; 15 и др.].

Одним из всеобщих экономических законов признавался закон повышающейся производительности общественного труда, согласно которому максимум продукта создавался при минимуме труда. Речь шла о том, что благодаря развитию

¹² Ginsburgh V. How William Baumol created cultural economics // VoxEU: [сайт]. 26 August 2017. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/how-william-baumol-created-cultural-economics> (дата обращения: 10.08. 2024).

производительных сил в обществе появляется экономия живого и овеществленного труда, затраченного на производство разного рода товаров, необходимых для личного и общественно-го потребления. В непроизводственной сфере, в особенности в здравоохранении, культуре, образовании живой труд превалирует, а его замена овеществленным контрпродуктивна. Здесь важна передача знаний, информации, навыков и т.д. «из уст в уста», что, в свою очередь, требует повышения качества предоставляемых социально значимых благ. «Повышение качества потребляемых услуг часто вызывает увеличение затрат» [16, с. 54]. Ориентация на снижение затрат в социально значимых отраслях не учитывает качественные различия в характере затрачиваемого труда в непроизводственной сфере и отраслях материального производства.

Согласно С.Г. Струмилину, «производительность труда – в самом общем и в то же время точном смысле этого слова – определяется количеством продукта, т.е. суммой потребительских благ в натуральном их выражении, создаваемых рабочим в единицу времени» [14, с. 382]. Несмотря на множество используемых показателей, исходным признаётся соотношение произведённой продукции к затрачиваемому труду. При этом исследователи подчёркивали, что если речь идёт об однородной продукции, то прибегают к натуральным измерителям (объём в штуках); при разнокачественных потребительских стоимостях – к физическим единицам (тоннам, метрам и т.д.), однако их суммировать проблематично, поскольку они являются мерой веса, длины, но не мерой результата конкретного труда. «Единицы измерения не имеют экономического содержания. С их помощью суммируются или однородные потребительские стоимости различного качества или разнородные потребительские стоимости, что недопустимо» [15, с. 9].

В отношении отраслей непроизводственной сферы речь шла о результативности труда или результатах труда в этой сфере или полезном эффекте труда [17, с. 5–11]. Отдельные экономисты признавали корректность применения показателей производительности труда по отношению к таким отраслям непроизводственной сферы, как торговля и бытовое обслуживание населения, транспорт и связь. По отношению к другим отраслям непроизводственной сферы речь шла о необходимости «повышения её эффективности, имея в виду снижение затрат на единицу услуг при оптимальном удовлетворении бытовых, культурных и других потребностей населения» [12, с. 62–63]. При этом оговаривалось, что выразить влияние сферы услуг на производительность

труда и эффективность народного хозяйства «в количественном отношении очень трудно, и все подобные исчисления носят в значительной степени субъективный характер» [там же].

Следует отметить, что советские политэкономы разделяли *полезный эффект труда от затрат труда*. «Трудовая деятельность чаще всего выступает носителем полезного эффекта» [18, с. 28]. Трудовая деятельность связана с функционированием рабочей силы, использованием опыта, знаний, способностей и навыков работников, а полезный эффект – это воздействие труда на потребителя. «Подготовка спектакля требует от творческого коллектива значительных затрат труда в течение нескольких месяцев, но полезный эффект возникает лишь после того, как спектакль показан зрителям. Оценивая труд, затраченный создателями спектакля, необходимо прежде всего учесть число участников постановки, длительность и напряжённость предварительной работы, наконец, продолжительность самого спектакля. Но полезный эффект, т.е. воздействие, произведённое спектаклем на зрителей, выражается в другом. <...> важно принять во внимание <...> число зрителей, реально посетивших спектакль» [там же]. Таким образом, посещаемость отражала полезный эффект труда, но не сам труд.

В советской политэкономии развитие непроизводственной сферы напрямую связывалось с ростом численности занятых. Так, В.М. Рутгайзер отмечал, что в непроизводственной сфере трудовые ресурсы являются решающим фактором её расширения, что «требует здесь относительно более быстрого по сравнению с другими отраслями роста занятости, причём возможности экономии на трудовых ресурсах в непроизводственных отраслях сравнительно более ограниченные, чем в материальном производстве» [19, с. 9]. Во многом это обусловлено тем, что достижения научно-технического прогресса в производственных отраслях позволяют повышать производительность труда за счёт «разного сочетания рабочей силы и основных производственных фондов», в то время как в непроизводственной сфере такие возможности ограничены или вовсе исключены, поскольку невозможно заменить живой труд автоматизированным. В.Н. Новиков подчёркивал, что «рост числа работников имеет большое значение для развития отраслей непроизводственной сферы, особенно просвещения, здравоохранения, культуры. <...> возрастающее значение качественных параметров оказания услуг требует увеличения числа занятых в этой сфере народного хозяйства даже при её интенсификации» [16, с. 14], а также «в непроизводственной сфере экономия материальных и трудовых ресурсов час-

то не отвечает требованию повышения уровня обслуживания населения. Поэтому в этой сфере экономический механизм ориентирован прежде всего на социальные аспекты, а затем на экономические» [16, с. 19].

Несмотря на критику отдельных экономистов в адрес такой классификации отраслей народного хозяйства, советские политэкономы подчёркивали опасность унификации критериев разграничения этих двух сфер, поскольку существовали объективные качественные различия в характере затрачиваемого труда [16, с. 108; 18, с. 34]. Обоснованность этих опасений с точностью подтверждалась в настоящее время, когда граница между материальным производством и непроизводственной сферой стерта, а производительность труда вместе с нормированием труда рассчитывается для социально значимых отраслей по аналогии с промышленным производством.

После распада СССР понятие «непроизводственная сфера» было исключено из экономического гlosсария. В настоящее время не существует деления отраслей на промышленное производство и непроизводственную сферу, и даже слово «отрасль» устарело, поскольку на смену ОКОНХ (Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства) пришел ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности). Однако понятие «вид экономической деятельности» не заменяет в полной мере термин «отрасль народного хозяйства». Вид экономической деятельности априори предполагает универсальность действия экономических законов, независимо от производственного или непроизводственного, коммерческого или некоммерческого характера основной деятельности. В результате на социально значимые отрасли, включая сферу культуры, распространяются подходы, применявшиеся в советское время только в отношении отраслей материального производства.

Отечественные специалисты неоднократно обращали внимание на невозможность унификации подходов к оценке производительности труда в сфере услуг по сравнению с материальным производством и предлагали дифференцировать сферу услуг по 3-м направлениям:

1) услуги, которые носят массовый рыночный характер, с легко идентифицированными единицами выпуска и простым способом денежной оценки (транспорт, связь, автосервис, отели и др.), поэтому процедура измерения производительности труда аналогична той, которая используется в материальном производстве;

2) государственные (муниципальные) услуги, для которых конечный результат трудно идентифицируется (образование, здравоохранение, го-

управление) и нет однозначных измерительных процедур;

3) услуги, для которых производительность труда в общепринятом экономическом смысле рассчитываться не должна (творческий труд).¹³

Предоставление культурных благ в массе своей относится к двум последним группам, для которых не только трудно идентифицировать конечный результат, но и бессмысленно или не приемлемо оценивать производительность труда по аналогии с материальным производством. Более того, при совершенствовании экономического механизма в непроизводственной сфере «необходимо учитывать такую его специфику, как единство экономического и социального содержания. Односторонняя ориентация на экономические показатели неприемлема» [16, с. 118].

Заключение

Детальное ознакомление с методологией реализации федерального проекта по повышению производительности труда в проекции на сферу культуры позволяет сделать неутешительный вывод о том, что реальной целью этих преобразований является очередная попытка оптимизации сферы культуры с сокращением сети и численности занятых, завуалированная риторикой о необходимости повышения производительности труда. Ситуация усугубляется тем, что в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры экономию бюджетных расходов собираются осуществлять за счёт самых уязвимых социально значимых отраслей, особенно за счёт сферы культуры. Обращает на себя внимание тот факт, что Минкультуры России активно вписалось в повестку финансово-экономических ведомств, что может привести к сокращению сети и численности занятых в сфере культуры.

В экономике культуры общепризнано, что культурные блага, предоставляемые учреждениями культуры, относятся к категории мериторных благ. Под последними понимаются такие блага, которые настолько важны, что, компетентные органы, не удовлетворённые уровнем их потребления в условиях свободного рынка, могут вмешаться, причём даже если это идёт вразрез с желанием потребителей [20, с. 136]. По мнению М. Десмарэ-Трембле, «мериторные потребности – это индивидуальные потребности высокой важности, которые не следует отдавать на откуп рыночному распределению» [21, с. 232–233].

¹³ Резервы повышения производительности труда в бюджетной сфере (по материалам научно-методического семинара Аналитического управления) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2014. № 17(535). С. 30–31. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4e86676f430620d3b.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

Львиная доля организаций культуры – это государственные (муниципальные) учреждения. Согласно российскому законодательству, организационно-правовая форма учреждения априори предполагает некоммерческий характер деятельности. «Учреждением признаётся унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управлеченческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера» (ст. 123.21 ГК РФ). Кроме того, функционирование учреждений культуры никак нельзя отнести к производственной деятельности. В этой связи автоматический перенос управлеченческих практик, принятых на коммерческих производственных предприятиях, на некоммерческие организации социально значимой направленности искажает миссию и основные цели деятельности таких организаций.

Публичная сфера – это только часть функционала организаций культуры, причём не всегда самая важная. Так, музеи функционируют не только для демонстрации музейных коллекций, но и в не меньшей степени для сохранения, реставрации и изучения культурных ценностей. Это же справедливо и в отношении деятельности библиотек и архивов в части сохранения книжного и архивного фондов, в отличие от традиционного оказания услуг пользователям библиотек и архивов по предоставлению библиотечных и архивных услуг. Связь с потребителем здесь явно не прослеживается, поскольку выполняемый функционал имеет важное значение для общества в целом, а не для отдельного потребителя.

Учреждения культуры уникальны по своей сути, даже в рамках одного и того же вида культурной деятельности невозможно найти две абсолютно одинаковые организации, чего уж говорить о полном спектре учреждений культуры. Если функционал МФЦ одинаков по всей стране, от Калининграда до Владивостока, с одним и тем же перечнем оказываемых населению услуг, то подобная унификация услуг в сфере культуры не приемлема, поскольку в ней особенности вида культурной деятельности проявляются в связке с региональной спецификой, как, впрочем, и с социально-экономической составляющей, при этом не забывая о творческой.

В сфере культуры не работают оценки производительности труда, общепринятые в экономическом понимании и приемлемые для промышленного производства и коммерческого сегмента сферы услуг. Для повышения производительности труда в сфере культуры необходимо не сокращение сети и численности занятых, как, впрочем, и лишение учреждений культуры финансово-хозяйственной самостоятельности, а напротив, наращивание трудовых ресурсов в сфере культуры и повышение статуса работника культуры в обществе. Если же говорить о повышении результативности труда работников культуры, то следует обратиться к таким проверенным десятилетиями инструментам управления кадровым потенциалом, как нормирование численности работников учреждений культуры по видам культурной деятельности, актуализация штатного расписания и аттестация кадров.

Список источников

1. Музычук В.Ю. Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 501–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514 EDN JDQMBF
2. Музычук В.Ю. Культура в логике рынка: факты VS мифы. СПб.: Алетейя, 2025. 424 с. ISBN 978-5-00165-931-0 EDN IPVSAT
3. Музычук В.Ю. Провалы государства в сфере культуры: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019. 58 с. EDN FKLOTK
4. Вумек Д.П., Джонс Д.Т. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 473 с. ISBN 5-9614-0164-2
5. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. New York: McGraw Hill, 1959. 628 p.
6. Дадамян Г.Г. Сколько стоит искусство? // Новый поворот, или культура моего поколения. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 302 с. ISBN 978-5-903368-53-2
7. Реформа учреждений бюджетной сферы: предварительные итоги и новые вызовы / А.Г. Бирюков, Д.А. Домбровский, Е.Е. Комаровская [и др.]; под ред. А.М. Лаврова, О.К. Ястребовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 99 с. ISBN 978-5-7598-1594-5 EDN XOFFYL
8. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A study of Problems common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: The Twentieth Century Fund, 1966. 582 p.
9. The cost disease: Why computers get cheaper and health care doesn't / D. de Ferranti, W.J. Baumol, M. Malach, A. Pablos-Mendez [et. al]. New Haven-London: Yale University Press, 2012. 238 p. ISBN 9780300188486 <https://doi.org/10.12987/9780300188486>

10. Чанг Х.Дж. Как устроена экономика / перевод с англ. Е. Ивченко. 8-е изд., дополненное. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 304 с. ISBN 978-5-00169-452-6
11. Хромов П.А. Производительность труда в народном хозяйстве. М.: Мысль, 1969. 227 с.
12. Хромов П.А. Производительность труда (теория, методология, динамика). М.: Наука, 1979. 240 с.
13. Гаврилов Р.В. Производительность труда: показатели планирования и методы измерения. М.: Экономика, 1985. 120 с.
14. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Издательство «Наука», 1982. 471 с.
15. Германова О.Е. Производительность: экономическое содержание и проблемы измерения. М.: Наука, 1996. 188 с.
16. Новиков В.Н. Совершенствование экономического механизма в непроизводственной сфере (вопросы теории и практики). М.: Киев, 1986. 193 с.
17. Якобсон Л.И. Эффективность и качество работы в непроизводственной сфере. М.: Экономика, 1984. 136 с.
18. Экономика, организация и планирование непроизводственной сферы / под ред. проф. Е.Н. Жильцова. М.: Издательство Московского университета, 1987. 206 с.
19. Рутгайзер В.М. Ресурсы развития непроизводственной сферы. М.: Мысль, 1975. 230 с.
20. Ver Eecke W. The Concept of a «Merit Good» the Ethical Dimension in Economic Theory and the History of Economic Thought or the Transformation of Economics into Socio-Economics // Journal of Socio-Economics. 1998. Vol. 27. No. 1. P. 133–153. [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(99\)80081-X](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(99)80081-X)
21. Desmarais-Tremblay M. Musgrave and the Idea of Community // Welfare Theory, Public Action and Ethical / eds. by R. Backhouse, A. Baujard, T. Nishizawa. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 232–255. <https://doi.org/10.1017/9781108882507.01>

Информация об авторе:

Валентина Юрьевна Музичук – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт экономики РАН
(SPIN-код: 4161-3862) (Scopus Author ID: 57208688015)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 26.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Muzychuk V.Yu. Employment and Labour Payment in the Cultural Sector: Outcomes of the Budget Reform and the May Decrees. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):501–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514 (In Russ.)
2. Muzychuk V.Yu. Kul'tura v Logike Rynka: Fakty VS Mify. Saint Petersburg: Publishing House Aletheia; 2025. 424 p. ISBN 978-5-00165-931-0 (In Russ.)
3. Muzychuk V.Yu. Government Failures in the Cultural Sector. Working paper. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. 58 p. (In Russ.)
4. Womack J.P. Jones D.T. Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation. Moscow: Publishing House Alpina Business Books; 2005. 473 p. ISBN 5-9614-0164-2
5. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. New York: Publishing House McGraw Hill; 1959. 1959. 628 p.
6. Dadamyan G.G. Skol'ko Stoit Iskusstvo? In: Dadamyan G.G. Novyi Povorot, ili Kul'tura Moego Pokoleniya. Saint Petersburg: Baltic Seasons; 2010. 304 p. ISBN 978-5-903368-53-2 (In Russ.)
7. Lavrov A.M., Yastrebova O.K. (eds.), Biryukov A.G., et al. Reforma Uchrezhdennii Byudzhetnoi Sfery: Predvaritel'nye Itogi i Novye Vyzovy. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2017. 99 p. ISBN 978-5-7598-1594-5 (In Russ.)
8. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A Study of Problems Common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: the Twentieth Century Fund; 1966. 582 p.
9. de Ferranti D., Baumol W.J., Malach M., et. al. The Cost Disease: Why Computers Get Cheaper and Health Care Doesn't. New Haven; London: Publishing House of the Yale University Press; 2012. 238 p. ISBN 9780300188486 <https://doi.org/10.12987/9780300188486>
10. Chang H.-J. Economics: the User's Guide. Transl. from English by E. Ivchenko. 8th ed., suppl. Moscow: Publishing House Mann, Ivanov and Ferber; 2021. 304 p. ISBN 978-5-00169-452-6
11. Khromov P.A. Proizvoditel'nost' Truda v Narodnom Khozyaistve. Moscow: Publishing House Mysl'; 1969. 227 p. (In Russ.)
12. Khromov P.A. Proizvoditel'nost' Truda (Teoriya, Metodologiya, Dinamika). Moscow: Publishing House Nauka; 1979. 240 p. (In Russ.)
13. Gavrilov R.V. Proizvoditel'nost' Truda: Pokazateli Planirovaniya i Metody Izmereniya. Moscow: Publishing House Ehkonika; 1985. 120 p. (In Russ.)

14. Strumilin S.G. Problemy Ehkonomiki Truda. Moscow: Publishing House Nauka; 1982. 471 p. (In Russ.)
15. Germanova O.E. Proizvoditel'nost': Ehkonomicheskoe Soderzhanie i Problemy Izmereniya. Moscow: Publishing House Nauka; 1996. 188 p. (In Russ.)
16. Novikov V.N. Sovrshennstvovanie Ehkonomicheskogo Mekhanizma v Neproizvodstvennoi Sfere (Voprosy Teorii i Praktiki). Moscow: Publishing House Kiev; 1986. 193 p. (In Russ.)
17. Yakobson L.I. Ehffektivnost' i Kachestvo Raboty v Neproizvodstvennoi Sfery. Moscow: Publishing House Ehkonomika; 1984. 136 p. (In Russ.)
18. Zhiltsova E.N. (ed.) Ehkonomika, Organizatsiya i Planirovanie Neproizvodstvennoi Sfery. Moscow: Publishing House Moscow University; 1987. 206 p. (In Russ.)
19. Rutgaizer V.M. Resursy Razvitiya Neproizvodstvennoi Sfery. Moscow: Publishing House Mysl'; 1975. 230 p. (In Russ.)
20. Ver Eecke W. The Concept of a Merit Good the Ethical Dimension in Economic Theory and the History of Economic thought or the Transformation of Economics into Socio-Economics. *Journal of Socio-Economics*. 1998; 27(1):133-153. [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(99\)80081-X](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(99)80081-X)
21. Desmarais-Tremblay M. Musgrave and the Idea of Community. In: Backhouse R., Baujard A., Nishizawa T. (eds.) Welfare Theory, Public Action and Ethical. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. P. 232-255. <https://doi.org/10.1017/9781108882507.011>

Information about the author:

Valentina Yu. Muzychuk – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 4161-3862) (Scopus Author ID: 57208688015)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 26.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 330.59, 339.562, 366.44

JEL E21, E31, F14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530

EDN PWNPRV

Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни

Алефтина Александровна Гулюгина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Аннотация

В статье целью является анализ продовольственной импортозависимости продукции внутреннего потребления в России в условиях санкционного давления и факторов, образующих ценовые риски в сфере уровня жизни. Методология исследования опирается на методологические положения российской статистики и Доктрины продовольственной безопасности РФ. Основные информационные источники – данные Росстата, таможенной статистики, Россельхознадзора, Банка России, ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций). В статье рассмотрены изменения в исследуемой области с 2014 г. на основе показателя продовольственной импортозависимости – расчётного индикатора, определяющего роль мирового рынка в формировании продовольственных ресурсов страны. Уровень импортозависимости отдельных видов социально значимой продукции рассчитан на базе статистических балансов товарных ресурсов потребительских товаров. Расчёты показали, что он отличается от показателя самообеспечения (регулируемый индикатор продовольственной безопасности) как по уровню, так и по динамике. Выявлены разные их сочетания по вектору динамики – снижение уровня импортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения, повышение первого показателя при снижении второго, повышение первого показателя на фоне роста второго. Обосновано, что недостаточно оценивать процессы трансформации по агрегированным видам продукции – важен детализированный подход к расширенному её составу. В статье показано, что вследствие глобальных проблем мирового продовольственного рынка в последние годы сформировался устойчивый фактор риска для уровня жизни из-за ускоренного роста мировых цен, а также в связи с ростом курса доллара США. Определено, что базовая импортируемая инфляция, рассчитанная по цене товара импорта в рублевом эквиваленте, оказывает влияние на индексы потребительских цен продовольственного рынка, оно уменьшается в условиях снижения уровня импортозависимости. По результатам исследования предлагается включить показатели импортозависимости и импортируемой инфляции в состав индикаторов продовольственной безопасности, что позволит более глубоко оценивать её состояние и напряжённые для уровня жизни населения направления.

Ключевые слова: мировой продовольственный рынок, импортируемая инфляция, продовольственная импортозависимость, продовольственная независимость, продукция импорта, риски, уровень жизни, уровень импортозависимости, уровень самообеспечения

Для цитирования: Гулюгина А.А. Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 518–530. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530
EDN PWNPRV

RAR (Research Article Report)

JEL E21, E31, F14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530

Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards

Aleftina A. Gulyugina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Abstract

This article aims to analyze Russia's dependence on food imports for domestic consumption in the context of sanctions and factors creating price risks affecting living standards. The research methodology is based on the principles of Russian statistics and the Russian Federation's Food Security Doctrine. The primary sources of information include data from Rosstat, customs statistics, Rosselkhoznadzor, the Bank of Russia, and the FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). This article examines changes in the study area since 2014 using the food import dependence indicator – a calculated indicator that determines the role of the global market in shaping a country's food resources. The level of import dependence for certain types of socially significant products was calculated using statistical balances of consumer goods. Calculations showed that it differs from the self-sufficiency indicator (an adjustable indicator of food security) in both level and dynamics. Various combinations of these dynamics are identified: a decrease in import dependence amidst rising self-sufficiency, an increase in the former indicator amidst a decline in the latter, and an increase in the former indicator amidst a rise in the latter. It is substantiated that assessing transformation processes based on aggregated product types is insufficient; a detailed approach to their broader composition is essential. The article demonstrates that, as a result of global problems in the global food market in recent years, a persistent risk factor for living standards has emerged due to the accelerated growth of global prices, as well as the appreciation of the US dollar. It was determined that core imported inflation, calculated based on the ruble equivalent of the imported product, influences consumer price indices in the food market, decreasing as import dependence declines. The study suggests including import dependence

and imported inflation indicators in food security indicators, allowing for a more comprehensive assessment of its status and the areas that pose challenges to the population's standard of living.

Keywords: global food market, imported inflation, food import dependence, food independence, imported products, risks, standard of living, level of import dependence, level of self-sufficiency

For citation: Gulyugina A.A. Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):518–530. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530 (In Russ.)

Введение

Продовольственная импортозависимость, связанная с целями и задачами продовольственной безопасности России, является элементом механизма создания условий для «реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путём гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения», в том числе за счёт достаточно го продовольственного обеспечения в объёмах, необходимых для активного и здорового образа жизни¹. Вектор развития продовольственной импортозависимости определяется национальными целями, установленными Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и предусматривающими сокращение доли импорта товаров и услуг в структуре валового внутреннего продукта, увеличение объёма производства продукции агропромышленного комплекса, создание условий для технологической независимости продовольственной безопасности. Принятый в стране курс на усиление независимости от импорта повышает актуальность данного направления исследований, практический и научный интерес к состоянию дел в этой области и социальным рискам.

Исследования отечественных и зарубежных учёных сфокусированы на вызовах глобальной и страновой продовольственной безопасности, их проявлениях в социальной сфере. Так, например, Л.С. Ревенко, О.И. Солдатенкова, Н.С. Ревенко считают, что вызовы в сфере продовольственной безопасности определяются её двойственным характером – с одной стороны, от их решения зависят благосостояние людей на локальном уровне жизни и их социальная активность в обществе, а с другой стороны, им придают глобальный характер «ограниченность мировых природных ресурсов для производства продовольствия, высокие темпы прироста численности населения мира и его урбанизации, а также политические кризисы и войны» [1, с. 56].

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025).

В докладе Всемирного экономического форума [2, с. 57] подчёркивается, что для глобальной продовольственной безопасности риски создаются ограниченными экономическими возможностями из-за наличия сложного комплекса других глобальных угроз (экономического спада, инфляции и др.), и они влекут за собой риски для уровня жизни значительной части населения во многих странах. Всемирный банк в своей работе «Food Security» выделяет в качестве основного источника продовольственного риска торговую политику, поскольку страны стали активно её использовать для удовлетворения внутренних потребностей, когда столкнулись с потенциальной нехваткой продовольствия в период пандемии COVID-19, а также обращает внимание на резкий рост мер торговой политики в отношении продовольствия в условиях украинского кризиса – по состоянию на апрель 2025 года 19 стран ввели 25 запретов на экспорт продовольствия, а 8 стран ввели 12 мер по ограничению экспорта [3, с. 4, 11].

В разных странах на импорт продовольствия неоднозначно влияет, как показывают в своей статье Wang Y., Sarkar A. [4], экономическое развитие, не оказывает существенного влияния тарифная политика, но дают определённый эффект численность населения и обеспеченность пахотными землями. Страны, против которых направлены барьеры, увеличивают, по мнению G. Felbermayr, H. Mahlkow, A. Sandkamp [5], экспорт и сокращают импорт, а благосостояние падает во всех странах.

К числу самых насущных продовольственных проблем специалисты относят климатические угрозы (глобальное потепление, дефицит воды и экстремальные погодные явления), полагая, что это «может вынудить крупнейших стран-экспортеров растениеводческой продукции вводить квоты и сокращать поставки на внешние рынки. При этом стоимость продовольствия, как ожидается, будет расти. Перебои в поставках продовольствия вследствие климатических катаклизмов уже наблюдаются по всему миру».²

² Глобальное изменение климата: вызовы и возможности для мировой торговли // Агроэкспорт: [сайт]. URL: <https://aemcs.ru/2020/05/26/глобальное-изменение-климата-вызовы/> (дата обращения: 25.05.2025).

Серьёзным вызовом для экономической доступности продовольствия учёные считают продовольственную инфляцию. На сильнейшее разбалансирование рынков и рост цен обращает внимание А.Н. Спартак [6, с. 11]. Динамика роста цен на зерновые культуры (ячмень, кукурузу, рис, пшеницу) и объясняющие факторы исследованы в работе авторов М. Kwas, A. Raccagnini, M. Rubaszek [7]. О значимом влиянии шоковых мировых цен на внутреннюю продовольственную инфляцию России говорится в работе Д. Крылова [8]. Рассматривая перенос обменного курса на потребительские цены, J. Ha, M. Marc Stocker, H. Yilmazkuday [9] отметили, что меры переноса, как правило, ниже в странах, которые сочетают гибкий режим обменного курса и обоснованные целевые показатели инфляции.

Обобщая сложившиеся в политическом и академическом дискурсе к началу 2020-х годов представления о влиянии санкций на продовольственную безопасность, В. Бартенев подчёркивает: «санкции неизбежно снижают общий уровень жизни и покупательную способность граждан подсанкционных стран и способствуют росту безработицы...» [10, с. 19–20]. А.В. Дрыnochkin в статье [11, с. 90] обосновывает, что «попытки западных экспертов связать рост цен исключительно с проведением СВО несостоятельны», а Т. Ven Hassen, H. El Bilali в работе [12, с. 2] показывают, что украинский кризис произошёл в неудачное время, поскольку цены на продовольствие уже были высокими из-за сбоев в цепочке поставок, вызванных пандемией COVID-19, высоким мировым спросом, засухой и плохими урожаями в Южной Америке в предыдущем году, что спровоцировало панические закупки на уровне стран и отдельных граждан.

Ограниченнная экономическая доступность продовольствия, вызванная высокими ценами на него, является ключевым фактором продовольственного кризиса, считает Г.В. Семеко [13], обращая внимание на глубокие структурные проблемы глобальной продовольственной системы, неопределенность перспективы изменения ситуации и высокую вероятность затяжного продовольственного кризиса. По итогам внешней торговли России в 2024 году А.Ю. Кнобель, А.С. Франчук пришли к выводу о том, что переориентация импорта завершилась, значительные объёмы товаров поступают через нейтральные страны, часто с формальным изменением страны-производителя [14, с. 2–3].

Проблематика импортозависимости находит отражение в работах учёных, направленных в том числе на их взаимосвязь с импортозамещением (например, А.М. Калинин [15], С.Н. Митяков,

Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова [16]); на оценивание импортозависимости региональной экономики (Г.А. Хмелева [17]); на вопросы продовольственной безопасности сельскохозяйственного сектора (В.Г. Закшевский, И.П. Богомолова, И.Н. Василенко, Д.В. Шайкин [18]). В целом характерным для исследований является применение общих показателей товарного импорта и/или показателей продовольственного самообеспечения агрегированных видов продукции. За рамками остаётся ситуация по конкретной продукции, которая имеет свои особенности, а также ценовые риски уровня жизни населения.

Объектом настоящего исследования являются потребители продовольствия и сельскохозяйственного сырья, предмет исследования – социально-экономические, включая управлеческие, отношения между субъектами продовольственной импортозависимости страны по поводу её обеспечения.

Цель работы – анализ продовольственной импортозависимости продукции внутреннего потребления России в условиях санкционного давления и факторов, образующих ценовые риски в сфере уровня жизни.

Задачи исследования

1. Анализ общей динамики продовольственного импорта в условиях санкций как компоненты структуры товарного импорта России.

2. Определение уровня продовольственной имортозависимости основных видов потребляемой продукции и его анализ в сопоставлении с уровнем самообеспечения в динамике.

3. Выявление индикаторов базовой импортируемой продовольственной инфляции в сопоставлении с ценами потребительского рынка.

4. Определение импортозависимых ценовых рисков уровня жизни населения.

Гипотезы исследования:

1) уровень продовольственной имортозависимости неуклонно снижается в условиях роста уровня самообеспечения продукции;

2) индекс потребительских цен на продукцию в условиях низкого уровня имортозависимости меньше, чем импортируемая инфляция, а при относительно высоком уровне имортозависимости он выше.

Теоретические и методологические положения

Методология исследования опирается на методологические положения российской статистики и Доктрины продовольственной безопасности. Для понятия «имортозависимость» единого определения не выработано. Тем не менее, в своих исследованиях учёные рассматривают его в еди-

ном ключе. Так, А.М. Калинин подчёркивает, что импортозависимость «является характеристикой объекта, отражающей использование импорта в соответствующей сфере (на рынке, в производственной деятельности, в потреблении)», и обращает внимание на то, что «речь идёт о доле импортных товаров» [15, с. 21]. В своей работе С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова отмечают: «уровень импортозависимости измеряется показателем..., который отражает, какую часть потребляемой продукции составляет импорт...» [16, с. 78].

В настоящей работе продовольственная импортозависимость рассматривается применительно к внутреннему потреблению продукции импорта (без учёта экспорта) с использованием показателя уровня импортозависимости, который рассчитан как доля продукции импорта во внутреннем потреблении (производственное, реализация (продажа) населению) на базе статистических балансов товарных ресурсов потребительских товаров. Сопоставление уровня импортозависимости с уровнем самообеспечения, который является регулируемым индикатором продовольственной независимости³, позволяет оценить два взаимодополняющих аспекта продовольственной безопасности и их значимость.

За низкий показатель импортозависимости в работе принимается уровень не более 5%, а за относительно высокий 20% и выше, исходя из пороговых значений продовольственной независимости и фактически достигнутого уровня самообеспечения по видам продукции.

В последние два десятилетия процессы глобализации способствуют распространению инфляционных волн по всем странам мирового хозяйства, на это обращает внимание А.Ю. Давыдов [19]. При этом активными являются два канала передачи инфляционных импульсов, первый из которых прямой, когда рост внутренних цен на товары одной страны через экспортные цены перекладывается на внутренние цены другой; второй – также через механизм экспортных цен, однако первоначальный импульс даёт повышение валютного курса страны-экспортёра. В последние годы доллар США дорожает по отношению к валютам стран-партнёров, что отражается на динамике их внутренних цен, стимулируя инфляционные процессы в этих странах.

Под «риском» уровня жизни населения понимается определение, сформулированное В.Н. Бобковым, А.А. Гулюгиной, Е.В. Одинцовой [20, с. 62]: «угрожающая потреблению населения опасность неблагоприятных последствий в его ресурсной

обеспеченности и доступности потребительских благ с вероятным негативным вариантом развития в условиях осуществления суверенизации страны и концентрации ресурсов для противодействия угрозам её существования».

Под импортозависимыми ценовыми рисками уровня жизни понимаются риски, которые образуются под влиянием уровня и динамики цен на товары импорта в рублевом эквиваленте по официальному курсу доллара США. Изменение цен в этом измерении определяет введённое в рамках исследования понятие «базовая импортируемая инфляция».

Данные и методы работы

Информационную основу для проведения исследования составили данные Росстата, Федеральной таможенной службы России (ФТС России), Банка России, информационной системы «Аргус-Фито» Россельхознадзора, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций).

Основные привлечённые для проведения исследования показатели: общий объём продовольственного импорта (в долл. США); уровень самообеспечения основной продукции; минимальные пороговые значения продовольственной независимости; данные статистических балансовых расчётов товарных ресурсов потребительских товаров в натуральном измерении; цены продукции импорта в долл. США; среднегодовой курс Банка России руб./долл. США; цены российского продовольственного рынка; мировые цены на основные виды продовольствия; показатели потребления и располагаемых ресурсов домашних хозяйств.

Исследование проводится на уровне Российской Федерации. Период исследования – 2014–2024 гг. Частично официальные данные ограничены 2021 годом в связи с прекращением публикации.

В работе используются экономико-статистические методы исследования – структурного анализа, группировки, индексный, сопоставлений.

Результаты исследования

На межстрановом уровне применяемый для международных сопоставлений продовольственного импорта показатель товарного импорта определяется как «пищевые продукты, напитки, табак». У большинства стран мира он занимал в национальных структурах товарного импорта по данным за 2021–2022 годы не более 10% (2021–2022 гг.), как и в России (9,5%, 2021 г.). Наименьшее значение показывала Индия (1,5%, 2022 г.), наибольшее – Эфиопия (18,9%, 2021 г.). В экономически развитых странах, которые одно-

³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025).

временно соответствуют двум признакам – более высокому, чем в России, валовому внутреннему продукту по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу, и сравнительно высокой продолжительности жизни (не менее 80 лет) – доля продовольственного импорта была несколько ниже, чем в России.⁴

Российская государственная статистика выделяет 9 групп товарного импорта, в составе которых учитывается в том числе компонента «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного)»⁵. По данным ФТС России в 2024 г. её доля составила 13,3% (-0,6 п.п. к 2014 г.) и уступала только таким позициям как машины, оборудование и транспортные средства (52,0%) и продукция химической промышленности, каучука (18,9%).

Резкое падение стоимостного объёма продовольственного импорта было зафиксировано после введения антироссийских санкций в 2015 г. (-33,3%), а дальнейшее снижение в 2016 г. привело к минимальному для периода 2014–2024 гг. уровню (25,1 млрд долл. США) (рисунок 1). В последующие годы санкционное давление не имело столь серьёзных последствий для продовольственного импорта. Более того, несмотря на усиление санкций, сформировалась тенденция роста стоимостного объёма. С 2019 г. показатель вышел на уровень 30 млрд долл. США, а в 2024 г. достиг 37,7 млрд долл. США, что лишь на 5,6% уступало показателю 2014 г. При этом доля продовольственного импорта в общем объёме товарного импорта оставалась не ниже 11,6% при максимальной для периода 14,6%.

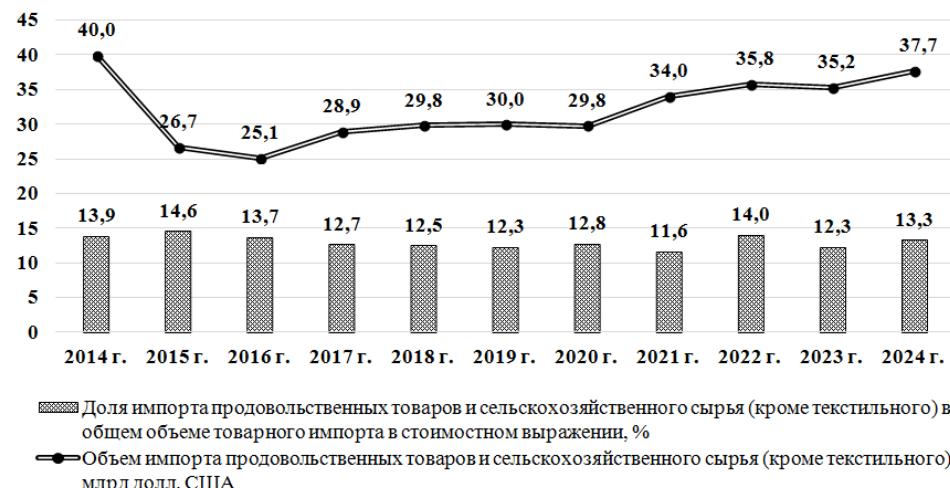

Рисунок 1. Объём импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) и его доля в общем объёме товарного импорта. Россия. 2014–2024 гг.

Figure 1. Volume of Imports of Food Products and Agricultural Raw Materials (Except Textiles) and its Share in the Total Volume of Commodity Imports. Russia. 2014–2024

Источник: данные ФТС России⁶.

В розничной торговле доля поступлений продовольственных товаров по импорту заметно

⁴ Россия и страны мира. 2024: Стат. сб./Росстат. М., 2024. С. 57–58, 113–114, 141–146, 380–381.

⁵ Товарная структура импорта включает: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного); минеральные продукты; продукция химической промышленности, каучук; кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; текстиль, текстильные изделия и обувь; металлы, драгоценные камни и изделия из них; машины, оборудование и транспортные средства; прочие товары. Источник: Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 04.05.2025).

⁶ Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 15.06.2025); Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.

снизилась после 2014 г. (34%), но не опускалась до 2022 г. ниже 23% (последние опубликованные данные)⁷. С 2020 г., когда из-за коронавирусной пандемии стала меняться внешнеторговая политика стран в пользу укрепления национальной продовольственной безопасности, в России ситуация с импортозависимостью формировалась в условиях роста уровня самообеспечения. В результате по итогам 2024 г. у таких товарных групп как мясо и мясопродукты, а также рыба и рыбопродукты уровень самообеспечения оставался выше 100% (таблица 1). В то же время у некоторых товарных групп – таких как молоко с молокопродуктами, овощи и продовольственные

⁷ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.

бахчевые культуры, фрукты и ягоды – уровень самообеспеченности в 2024 г. был по-прежнему ниже порога продовольственной независимости, а по картофелю из-за сокращения по сравнению с предыдущим годом вновь оказался ниже порогового

значения. Целевые показатели по овощам и продовольственным бахчевым культурам только к 2030 г. предусматривают достижение порогового уровня, а по молоку и молокопродуктам, фруктам и ягодам он не будет достигнут и в 2030 г.

Таблица 1

Уровень самообеспечения отдельных видов продовольствия, %. Россия

Table 1

Level of Self-Sufficiency in Individual Types of Food, %. Russia

	Годы					2024/ 2020 гг.	Порог: не ме- нее	Целевые по- казатели	
	2020	2021	2022	2023	2024			2025	2030
Мясо и мясопродукты	100,1	99,7	101,8	101,7	101,9	+1,8	85	85	85
Рыба и рыбопродукты	138,1	135,5	145,8	130,5	125,4	-12,7	85	85	85
Молоко и молокопродукты	84,0	84,3	85,7	86,0	84,7	+0,7	90	86,3	88
Яйца	97,4	98,2	98,0	98,6	97,1	-0,3	-	-	-
Картофель	89,2	88,7	94,5	101,0	92,0	+2,8	95	95	95
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	86,3	86,5	88,5	89,1	88,6	+2,3	90	89,2	90
Фрукты и ягоды	42,4	44,4	47,3	44,6	43,1	+0,7	60	46,7	50

Источники: ⁸.

Несмотря на существующие различия система самообеспечения в целом продемонстрировала устойчивость к усилению санкционного давления после начала специальной военной операции (СВО) – динамика фактического уровня самообеспечения до 2024 года оставалась в целом в рамках сложившихся тенденций.

За показателями самообеспечения агрегированных видов продовольствия скрывается неоднозначное положение продукции расширенного состава. Расчёты показывают, в 2021 г. (последний

год в опубликованных статистикой балансах товарных ресурсов потребительских товаров) при групповом уровне самообеспечения мяса и мясопродуктов 99,7% (85% порог независимости) показатель говядины (78,0%) был существенно ниже, но в то же время полное самообеспечение было достигнуто по свинине (105,5%) и мясу птицы (100,8%) (таблица 2). По молоку и молокопродуктам с групповым уровнем самообеспечения 84,3%, он был значительно ниже у сыра, сухого молока и сливок, масла животного.

Таблица 2

Уровень продовольственной импортозависимости и уровень самообеспечения отдельных видов продукции импорта. Россия. 2014–2021 гг.

Table 2

Level of Food Import Dependence and Level of Self-Sufficiency of Individual Types of Imported Products. Russia. 2014–2021

	Годы				2021/2014, п.п.
	2014	2019	2020	2021	
1. Снижение импортозависимости, рост самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Мясо и мясопродукты					
Свинина, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	16,7	2,6	0,2	0,3	-16,5
-уровень самообеспечения, %	84,3	100,8	105,3	105,5	+21,2
Мясо птицы, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	10,3	4,5	4,6	4,9	-5,4
-уровень самообеспечения, %	91,6	99,5	102,0	100,8	+9,2

⁸ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025); Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 08.09.2022 г. № 2567-р (ред. от 07.02.2025); Потребление основных продуктов питания населением–2025 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 15.10.2025).

Окончание Таблицы 2

	Годы				2021/2014, п.п.
	2014	2019	2020	2021	
Говядина, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	57,4	33,4	29,0	25,5	-31,9
-уровень самообеспечения, %	42,7	67,5	73,0	78,0	+35,3
Молоко и молокопродукты					
Масла животные					
-уровень импортозависимости, %	34,8	28,4	29,9	28,7	-6,1
-уровень самообеспечения, %	68,4	72,0	72,6	71,1	+2,7
Сухие молоко и сливки					
-уровень импортозависимости, %	50,3	41,5	33,0	30,5	-19,8
-уровень самообеспечения, %	53,9	56,5	67,6	70,2	+16,3
Сыры					
-уровень имортозависимости, %	38,1	30,9	30,7	31,0	-7,1
-уровень самообеспечения, %	64,5	72,1	72,4	72,2	+7,7
2. Рост имортозависимости, снижение самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Крупа					
-уровень имортозависимости, %	0,53	0,26	0,42	1,19	+0,7
-уровень самообеспечения, %	101,1	102,9	103,1	100,9	-0,2
3. Рост имортозависимости, рост самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Мука					
-уровень имортозависимости, %	0,91	0,91	0,60	1,13	+0,2
-уровень самообеспечения, %	100,0	103,0	102,4	102,3	+2,3

Источники: расчёты автора на основе данных⁹. Уровень самообеспеченности соответствует методике определения показателя Доктрины продовольственной безопасности РФ.

Как видно из таблицы 2, в рассматриваемом перечне продукции уровень имортозависимости в 2021 г. варьировал от 0,3% (свинина) до 31,0% (сыр) и был либо низким (не более 5%), либо относительно высоким (20% и более). При этом образовались три группы, различающиеся по сочетанию векторов динамики показателей имортозависимости и самообеспечения. Группа 1 включает в себя продукцию со снижением уровня имортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения. Товары-представители – мясная продукция (свинина, птица, говядина) и молочная продукция (сыры, масла животные, сухое молоко и сливки). Группа 2 определяется ростом уровня имортозависимости на фоне снижения уровня самообеспечения (товар-представитель – крупа). Группа 3 характеризуется ростом уровня имортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения (товар-представитель – мука). То есть имортозависимость продукции и самообеспечение продукции характеризуют не равнозначные процессы в формировании продовольственных ресурсов.

⁹ Балансы товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13272> (дата обращения: 05.04.2025).

Важной стороной продовольственного импорта являются потенциальные риски для уровня жизни населения, образующиеся под влиянием цен на социально значимую продукцию. В долларах США вектор цен на товары импорта в 2021/2014 гг. сложился неоднозначным (таблица 3). Так, цены снизились в долларах США, например, на мясо птицы, масло сливочное, картофель, но выросли на рыбу, макаронные изделия. Пересчёт цен в рублевый эквивалент по данным Банка России о среднегодовом курсе рубля к доллару США, который вырос до 73,65 руб./долл. США в 2021 г. (+94,0% к 2014 г.), показал, что товары продовольственного импорта в рублевом эквиваленте подорожали. В целом цены выросли в 1,5 и более раз, при этом значительно (в 2 и более раз) они увеличились на макаронные изделия, рыбопродукты, т.е. на товарные группы, у которых был отмечен рост цен в долларах США.

На продовольственном рынке цены на товары-представители выросли в 2021/2014 гг., несколько меньше (рост в 1,4–2,0 раза). При этом при низкой имортозависимости и высоком уровне самообеспечения (мясо птицы, рыба с ры-

бопродуктами, мука) индекс потребительских цен был ниже, чем базовая импортируемая инфляция. Например, у мяса птицы (в 2021 г. уровень импортозависимости 4,9%, самообеспечения 100,8%) базовая импортируемая инфляция составила 186,9%, а индекс потребительских

цен 139,9%. И в то же время при высокой импортозависимости и низком самообеспечении, например, у масла сливочного (28,7% и 71,1%, соответственно), индекс потребительских цен (196,8%) был выше, чем базовая импортируемая инфляция (187,9%).

Таблица 3

Индикаторы базовой импортируемой инфляции отдельных видов продовольствия и индексы потребительских цен на товары-представители. Россия. 2014–2021 гг.

Table 3

Indicators of Core Imported Inflation of Individual Types of Food and Consumer Price Indices for Representative Goods. Russia. 2014–2021

	2014 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г., %
Мясо птицы свежее и мороженое			
•долл. США/тонна	1764	1700	96,4
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	67,0	125,2	186,9
•руб./кг (потребительские цены, куры охлажденные и мороженые)	120,5	168,6	139,9
Рыба свежая и мороженая			
•долл. США/тонна	2997	3090	103,1
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	113,8	227,6	200,0
•руб./кг (потребительские цены, рыба мороженая неразделанная)	99,6	189,0	189,8
Масло сливочное			
•долл. США/тонна	4882	4728	96,8
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	185,4	348,2	187,9
•руб./кг (потребительские цены, масло сливочное)	338,4	665,9	196,8
Картофель свежий или охлажденный			
•долл. США/тонна	555	420	75,7
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	21,1	30,9	146,8
•руб./кг (потребительские цены, картофель)	28,0	42,4	151,4
Макаронные изделия			
•долл. США/тонна	1379	1496	108,5
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	52,4	110,2	210,4
•руб./кг (потребительские цены, макаронные изделия из пшеничной муки высшего сорта)	51,9	88,7	170,9
Среднегодовой курс руб./долл. США ¹⁰⁾	37,97	73,65	194,0

¹⁰⁾ По среднегодовому курсу руб./долл. США Банка России.

Источники: ¹⁰⁾.

На мировом продовольственном рынке индексы цен на основные виды продовольствия, согласно данным ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций), зафиксировали ускорение темпов роста цен с 2021 г. (рисунок 2). Сводный индекс цен (учи-

¹⁰⁾ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.; Россия и страны мира. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020.; Россия и страны мира. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.; Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: 15.05.2025).

тывает цены на мясо, молочную продукцию, зерновые, растительные масла, сахар) в 2021–2024 гг. находился в диапазоне 122,0–144,4%, в том числе на мясо 107,5–118,3%, молочные продукты 119,6–149,5%, растительные масла 126,3–187,8%, зерновые 113,5–154,7%, сахар 109,3–145,0%. В 2024 г. отмечается понижение сводного индекса цен (-2,5 п.п.), что было обусловлено снижением индексов цен на зерновые и на сахар при одновременном росте индексов цен на мясо, растительные масла, молочную продукцию.

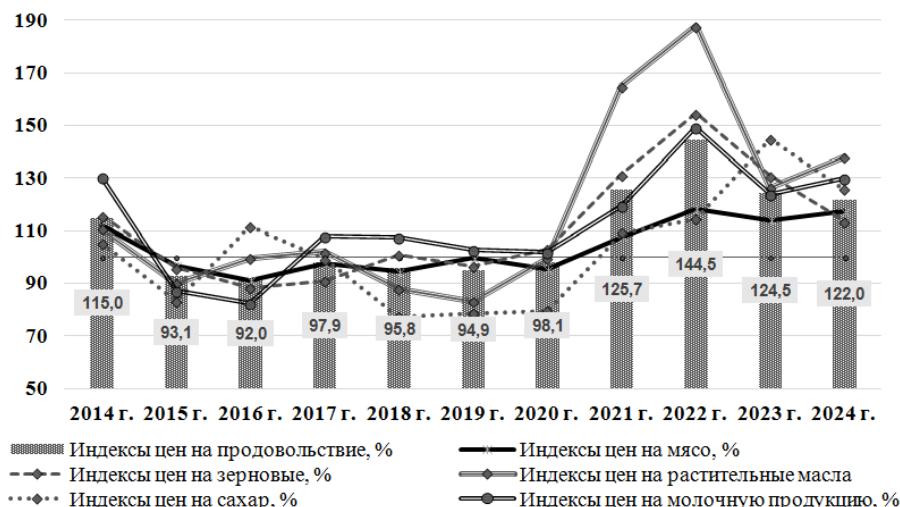

Рисунок 2. Индексы мировых цен в 2014–2024 гг., в %

Figure 2. World Price Indices in 2014–2024, in %

Источник: ¹¹.

В 2024 г. ослабляло напряжение на мировом продовольственном рынке снижение цен на топливо и удобрения, на морские перевозки, однако, вместе с тем, сохранялись риски, вызываемые экстремальными погодными условиями, логистикой, торговыми ограничениями. В 2025 г. по состоянию на май годовой индекс мировых продовольственных цен составил 127,7%, т.е. был выше, чем по итогам 2024 года. На говядину цены достигли нового исторического максимума под влиянием устойчивого мирового спроса и ограниченного экспортного предложения в основных странах-производителях. Также исторически вы-

сокая цена на сливочное масло поддерживается высоким спросом со стороны стран Азии и Ближнего Востока¹².

По номинальным ценам наиболее дорогими на мировом рынке являются говядина и телятина, сливочное масло, сыр (таблица 4). Ожидается, что к 2033 г. цены на всю основную продукцию (в долларах США) повысятся, кроме сахара рафинада. Особенно подорожает говядина и телятина (+27,3%), также более, чем на 10% повысятся цены на рыбу и морепродукты, цельное сухое молоко, сухое обезжиренное молоко, сыр, растительные масла.

Таблица 4

Мировые номинальные цены на отдельные продовольственные товары, USD/t

Table 4

World Nominal Prices of Selected Food Products, USD/t

	Мировые номинальные цены, USD/t			2033 г. к 2024 г., %
	2021–2023 гг. (факт)	2024 г. (оценка)	2033 г. (прогноз)	
Говядина и телятина	5289,0	4972,9	6331,2	127,3
Свинина	2801,7	2785,3	3049,2	109,5
Домашняя птица	1823,6	1806,2	1908,3	105,7
Рыба и морепродукты	3403,1	3321,4	3745,0	112,8
Цельное сухое молоко	3601,6	3096,2	3427,0	110,7
Сухое обезжиренное молоко	3300,2	2609,9	2963,6	113,6
Сывороточный порошок	1134,9	832,9	908,4	109,1
Сыр	4759,9	4398,6	4921,7	111,9
Сливочное масло	5258,3	4792,2	5193,8	108,4
Растительные масла	1230,5	1012,4	1151,5	113,7

¹¹ Положение с продовольствием в мире // ФАО: [сайт]. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru> (дата обращения: 25.05.2025).

¹² Food Security. Food Insecurity Statistics & Solutions // The World Bank.org: [website]. 25 April 2025. URL: <https://thedoctors.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

Окончание Таблицы 4

	Мировые номинальные цены, USD/t			2033 г. к 2024 г., %
	2021–2023 гг. (факт)	2024 г. (оценка)	2033 г. (прогноз)	
Пшеница	364,5	269,3	287,1	106,6
Кукуруза	267,6	204,0	218,0	106,9
Рис	439,4	464,3	466,5	100,5
Сахар	602,5	595,2	541,8	91,0

Источник: [21, с. 263].

В российских домохозяйствах фактическое потребление смещается в сторону продуктов, богатых белком – мясной, рыбной, молочной продукции, мировые цены на которые характеризуются как высокие, что важно с точки зрения импортируемой инфляции. Так, например, за последние 3 года (2024/2021 гг.) в домохозяйствах в среднем на потребителя выросло на 6,6% потребление мяса и мясопродуктов (производство мяса растёт, но в основном мяса птицы и свинины, а говядину приходится импортировать и её ввоз растёт¹³). Высоким (263 кг) по сравнению с другими продуктами является потребление молока и молочных продуктов, хотя и несколько понизилось за рассматриваемый период (-0,6%). В стоимости основных продуктов питания домашних хозяйств в 2024 г. наибольшие расходы пришлись именно на мясо с мясными продуктами (3269 руб. в среднем на члена домохозяйства в месяц) и на молоко с молочными продуктами (1770 руб.).¹⁴

К факторам, усиливающим напряжённость в сфере уровня жизни, относятся возросшие в последние годы темпы роста потребительских цен и курс рубля к доллару США. В частности, в 2024 г. сводный индекс цен на продовольственном рынке составил 111,1% и был выше, чем в предыдущие годы¹⁵, а курс рубля к доллару США в среднегодовом значении достиг 92,44 руб.¹⁶ В этих условиях у домохозяйств расходы на потребление в 2023/2021 гг. увеличились в среднем на члена домохозяйства на 27,1% при росте на 23,8% по рас-

¹³ Потребление мяса в России в 2024 году достигло 83 кг на человека // Интерфакс: [сайт]. 25 февраля 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1010715> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁴ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 15.05.2025).

¹⁶ Россия и страны мира. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020.; Россия и страны мира. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.; Сегодняшнее число // Коммерсантъ: [сайт]. 20 января 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7443585?ysclid=mcc6vh3p9966035055> (дата обращения 25.06.2025).

полагаемым ресурсам¹⁷, что является признаком снижения их уровня жизни.

Заключение

Результаты исследования показали, что общая картина импортозависимости потребляемой продукции в условиях санкционного давления за период с 2014 г. существенно трансформировалась. Характерной является неоднозначная динамика импортозависимости разных видов продовольствия. В настоящее время доминирует тенденция снижения уровня продовольственной импортозависимости в условиях роста самообеспечения. Наряду с этим у отдельных видов продукции отмечается рост уровня импортозависимости как при снижении уровня самообеспечения (например, по крупке), так и в условиях роста самообеспечения (например, по муке). В обоих случаях рост уровня импортозависимости был связан с продукцией, уровень самообеспечения которых в 2021 г. превышал 100%. Это позволяет создавать страховой ресурс и наращивать объёмы экспорта продукции. Таким образом, гипотеза 1, состоящая в том, что уровень продовольственной импортозависимости неуклонно снижается в условиях роста самообеспечения продукции, не подтвердилась.

Импортозависимые ценовые риски формировались в последние годы (2021–2024) при неблагоприятном развитии ситуации с ценами на мировом продовольственном рынке и курсом доллара США. Среди социально значимой продукции наиболее дорогими по мировым ценам являются говядина и молочные продукты с относительно высокой импортозависимостью (20% и выше). Расчёты показали, что у такой продукции индекс потребительских цен выше, чем индикатор базовой импортируемой инфляции. Примером является масло сливочное с уровнем импортозависимости 28,7% (2021 г.),

¹⁷ Уровень и структура расходов на потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.08.2025); Уровень и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.08.2025).

базовой импортируемой инфляцией 187,9%, индексом потребительских цен 196,8%. В то же время при низком уровне импортозависимости (не более 5%) индекс потребительских цен на продукцию меньше, чем индикатор базовой импортируемой инфляции. Примером является мясо птицы с уровнем импортозависимости 4,9% (2021 г.), базовой импортируемой инфляцией 186,9%, индексом потребительских цен 139,9%. Таким образом, подтвердилась гипотеза 2, состоящая в том, что индекс потребительских цен на продукцию в условиях низкого уровня импортозависимости меньше, чем импортируемая инфляция, а при относительно высоком уровне импортозависимости он выше.

Учитывая особенности механизма формирования и факторов влияния целесообразно показатель импортозависимости включить в состав индикаторов продовольственной безопасности наряду с уровнем самообеспечения. При этом важен детализированный подход, предполагающий оценивание продовольственной безопасности на базе расширенного состава продукции. В условиях высоких мировых цен и ожиданий дальнейшего их роста особое значение приобретает показатель импортируемой инфляции в составе индикаторов продовольственной безопасности. В целом это позволит более глубоко оценивать состояние продовольственной безопасности и выявлять напряженные сектора.

Список источников

1. Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Том 15. № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2022-15-4-54-65> EDN RCKWCT
2. The Global Risks Report 2024 // FSIN and Global Network Against Food Crises. The World Economic Forum. Switzerland: Geneva, 2024. 123 p. ISBN 978-2-940631-64-3 URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
3. Food Security // The World Bank. 25 April 2025. Washington: the World Bank, 2025. 21 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Wang Y., Sarkar A. Evaluating the influencing factors of food imports within belt and road initiatives (BRI) countries: An economic threshold model approach // Front. Sustain. Food Systems. 2022. Vol. 6. Art. 997549. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2022.997549>
5. Felbermayr G., Mahlkow H., Sandkamp A. Cutting Through the Value Chain: The Long-Run Effects of Decoupling the East from the West // Empirica. 2023. Vol. 50. P. 75–108. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09561-w>
6. Спартак А.Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35> EDN BPMQHS
7. Kwas M., Paccagnini A., Rubaszek M. Common factors and the dynamics of cereal prices. A forecasting perspective // Journal of Commodity Markets. 2022. Vol. 28(C). Art. 100240. <https://doi.org/10.1016/j.jcomm.2021.100240>
8. Крылов Д. Продовольственная инфляция в России и мировые цены на продукты питания / Серия докладов об экономических исследованиях. № 126. Банк России. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. 49 с.
9. Ha J., Marc Stocker M., Yilmazkuday H. Inflation and exchange rate pass-through // Journal of International Money and Finance. 2020. Vol. 105. Art. 102187. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102187>
10. Бартенев В. Влияние санкционного давления на продовольственную безопасность: традиционные и новые измерения // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2(63). С. 11–37. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-11-37> EDN CBOGWI
11. Дрыnochkin A.В. Некоторые аспекты обеспечения продовольственной безопасности стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Современная Европа. 2023. № 1(115). С. 88–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072> EDN OSEEEC
12. Ben Hassen T., El Bilali H. Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? // Foods. 2022. Vol. 11. Issue 15. Art. 2301. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
13. Семеко Г.В. Мировой продовольственный рынок: современные вызовы и перспективы // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 1. С. 19–43. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> EDN ZUDPBH
14. Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С. Итоги внешней торговли в 2024 году, № 2(184) Март 2025 // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара: [сайт]. URL: <https://www.iep.ru/ru/doclib/mart/itogi-vneshney-torgovli-v-2024-godu-2-184-mart-2025-g.html?ysclid=mbeqnxrplw194070402> (дата обращения: 25.05.2025).
15. Калинин А.М. Импортозависимость и импортозамещение в России: оценка на основе таблиц ресурсов и использования // Проблемы прогнозирования. 2024. №. 2(203). С. 21–33. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-21-33> EDN SQVDVA

16. Инструментарий оценки импортозамещения экономических систем различных иерархических уровней / С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2(209). С. 74–85. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-74-85> EDN EHRTDJ
17. Хмелева Г.А. Динамика импортозависимости регионов России: сопротивление автаркии // π-Economy. 2024. Том 17. № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.18721/JE.17205> EDN NYRFCH
18. Продовольственная независимость России: современное состояние, риски безопасности, перспективные тренды / В.Г. Закшевский, И.П. Богомолова, И.Н. Василенко, Д.В. Шайкин // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Том 10. № 1. С. 9–28. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.1.116696> EDN BVZYAP
19. Давыдов А.Ю. Инфляция возвращается в Америку? // Россия и Америка в XXI веке. 2023. № 3. <https://doi.org/10.18254/S207054760026337-7> EDN SPZMGR
20. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999_9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
21. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024-2033. OECD, Food and Agriculture Organization of the United Nations. Paris-Rome, 2024. 335 p. ISBN 978-92-64-72259-0 <https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en>

Информация об авторе:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук (SPIN-код: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. Global Food Problem: New Challenges for the World and Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2022;15(4):54-65. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65> (In Russ.)
2. The Global Risks Report. 2024. FSIN and Global Network Against Food Crises. The World Economic Forum. Switzerland: Geneva; 2024. 123 p. ISBN 978-2-940631-64-3 URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (date of access: 25.05.2025).
3. Food Security. The World Bank. 2025, April 25. Washington: the World Bank, 2025. 21 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (date of access: 25.05.2025).
4. Wang Y., Sarkar A. Evaluating the Influencing Factors of Food Imports within Belt and Road Initiatives (BRI) Countries: An Economic Threshold Model Approach. *Front. Sustain. Food Systems*. 2022;6:997549. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2022.997549>
5. Felbermayr G., Mahlkow H., Sandkamp A. Cutting Through the Value Chain: The Long-Run Effects of Decoupling the East from the West. *Empirica*. 2023;50:75-108. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09561-w>
6. Spartak A.N. Reshaping Russia's International Economic Cooperation amid Sanctions and New Challenges. *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(4):9-35. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35> (In Russ.)
7. Kwas M., Paccagnini A., Rubaszek M. Common Factors and the Dynamics of Cereal Prices. A Forecasting Perspective. *Journal of Commodity Markets*. 2022;28(C),100240. <https://doi.org/10.1016/j.jcomm.2021.100240>
8. Krylov D. Prodovol'stvennaya Inflyatsiya v Rossii i Mirovye Tseny na Produkty Pitaniya. Seriya Dokladov ob Ehkonomicheskikh Issledovaniyakh. Bank of Russia. No. 126. Moscow: Central Bank of the Russian Federation; 2024. 49 p. (In Russ.)
9. Ha J., Marc Stocker M., Yilmazkuday H. Inflation and Exchange Rate Pass-Through. *Journal of International Money and Finance*. 2020;105,102187. <https://doi.org/10.1016/j.jimfin.2020.102187>
10. Bartenev V. The impact of Sanctions on Food Security: Traditional and New Dimensions. *Puti k Miru i Bezopasnosti=Pathways to Peace and Security*. 2022;(2(63)):11-37. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-11-37> (In Russ.)
11. Drynochkin A.V. Some Aspects of Food Security in the Countries of Central and South-Eastern Europe. *Sovremennaya Evropa=Contemporary Europe*. 2023;(1(155)):88-99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072> (In Russ.)
12. Ben Hassen T., El Bilali H. Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? *Foods*. 2022;11(15),2301. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
13. Semeko G.V. World Food Market: Current Challenges and Prospects. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii=Economic and Social Problems of Russia*. 2023;(1):19-43. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> (In Russ.)
14. Knobel' A.Yu., Firanchuk A.S. Itogi Vneshnei Torgovli v 2024 godu. Mart 2025;(2(184)). Gaidar Institute for Economic Policy: [website]. URL: <https://www.iep.ru/ru/doclib/mart/itogi-vneshney-torgovli-v-2024-godu-2-184-mart-2025-g>.

- html?ysclid=mbeqnxrplw194070402 (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)
15. Kalinin A.M. Import Dependence and Import Substitution in Russia: Assessment Based on Resource and Use Tables. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2024;35(2):171-179. <https://doi.org/10.1134/S10757007240200>
16. Mityakov S.N., Mityakov E.S., Ladynin A.I., et al. Toolset for Assessing the Import Substitution of Economic Systems at Various Hierarchical Levels. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(2):203-211. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700679> (In Russ.)
17. Khmeleva G.A. Dynamics of Import Dependence of Russian Regions: Resistance to Autarky. *π-Economy*. 2024;17(2):86-99. <https://doi.org/10.18721/JE.17205> (In Russ.)
18. Zakshevskiy V.G., Bogomolova I.P., Vasilenko I.N., et al. Russia's Food Independence: Current State, Security Risks and Promising Trends. *Prodovolstvennâ politika i bezopasnost=Food Policy and Security*. 2023;10(1):9-28. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.1.116696> (In Russ.)
19. Davydov A. Inflation in the United States: Will it Come Back? *Rossiya i Amerika v XXI veke=Russia and America in the XXI century*. 2023;(3). <https://doi.org/10.18254/S207054760026337-7> (In Russ.)
20. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
21. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024-2033. OECD, Food and Agriculture Organization of the United Nations. Paris: Rome; 2024. 335 p. ISBN 978-92-64-72259-0 <https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en>

Information about the author:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018).

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья

УДК 332.1

JEL R11, R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_3_531_545

EDN RMKJDF

Типология российских регионов по инфляционным характеристикам развития и их влиянию на реальные денежные доходы населения

Елена Ирековна Янгирова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

(beglovaelen75@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9863-0200>)

Аннотация

Целью исследования является типологизация регионов в зависимости от влияния их инфляционных характеристик развития на реальные денежные доходы населения и разработка рекомендаций по трансформации реального экономического роста в повышении уровня жизни в российских регионах. Основными задачами исследования выступают оценка степени воздействия инфляционного развития регионов на реальный экономический рост страны и определение на этой основе приоритетных мер по обеспечению положительной динамики денежных доходов населения. Методологической основой исследования послужили методы сравнительного и ретроспективного анализа, опирающиеся на показатели валового регионального продукта (ВРП) как суммы валовых добавленных стоимостей за 2016–2022 годы по отраслям экономики 82-х субъектов Российской Федерации в текущих и постоянных (2016 г.) ценах. Данная характеристика качеству роста ВРП регионов России в зависимости от степени его инфляционности, что позволило выявить регионы с исключительно инфляционным характером развития. Проведено ранжирование российских регионов в зависимости от удельных значений инфляционного прироста ВРП (на душу населения). Выявлены регионы, играющие значимую роль в инфляционном развитии России, для которых характерны наиболее выраженные инфляционные характеристики динамики ВРП и высокие удельные значения инфляционного прироста ВРП (на душу населения). Показано, что в результате влияния инфляционных характеристик такие регионы не обеспечивают рост реальных денежных доходов населения, адекватный реальному росту ВРП. В связи с этим предложены рекомендации по трансформации реального экономического роста в повышении уровня жизни в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: инфляция, регионы-субъекты, валовой региональный продукт, прирост валового регионального продукта, индекс роста, инфляционные характеристики региона, текущие и постоянные цены, реальные денежные доходы населения

Для цитирования: Янгирова Е.И. Типология российских регионов по инфляционным характеристикам развития и их влиянию на реальные денежные доходы населения // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 531–545. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_3_531_545
EDN RMKJDF

RAR (Research Article Report)

JEL R11, R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_3_531_545

Typology of Russian Regions Based on Inflationary Development Characteristics and Their Impact on Real Monetary Incomes of the Population

Elena I. Yangirova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

(beglovaelen75@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9863-0200>)

Abstract

The aim of the study is to typologize regions depending on the impact of their inflationary development patterns on the real monetary incomes of the population and to develop recommendations for the transformation of real economic growth into an increase in living standards in Russian regions. The main objectives of the study are to assess the degree of impact of the inflationary development of the regions on the real economic growth of the country and, on this basis, to determine priority measures to ensure the positive dynamics of monetary incomes of the population. The study was based on comparative and retrospective analysis methods, which used gross regional product (GRP) indicators as the sum of gross value added for 2016–2022 in the economic sectors of 82 regions of the Russian Federation in current and constant (2016) prices. The quality of Russian regions' GRP growth was characterized according to its inflationary degree, which allowed identifying regions with exceptionally inflationary development. The Russian regions were ranked according to the specific values of GRP inflationary growth (per capita). The regions that play a significant role in the inflationary development of Russia have been identified. These regions are characterized by the most pronounced inflationary characteristics of GRP dynamics and high specific values of GRP inflationary growth (per capita). It is shown that as a result of the impact of inflationary factors, these regions do not guarantee an increase in real monetary incomes of the population adequate to the real growth of GRP. In this regard, recommendations were proposed for the transformation of real economic growth into an improvement in the standard of living in the regions of the Russian Federation.

Keywords: inflation, regions-subjects, gross regional product, growth of gross regional product, growth indices, inflationary characteristics of the region, current and constant prices, real monetary incomes of the population

For citation: Yangirova E.I. Typology of Russian Regions Based on Inflationary Development Characteristics and Their Impact on Real Monetary Incomes of the Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2025;21(4):531–545. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_3_531_545 (In Russ.)

Введение

На современном этапе инфляция остаётся одной из наиболее актуальных проблем экономического развития России. С одной стороны, она носит общегосударственный характер и регулируется с помощью единой для всей страны денежно-кредитной политики. В то же время, с другой стороны, – в связи с различным уровнем развития территорий инфляция по-разному проявляется в регионах, то есть объективно существуют региональные особенности инфляции. Соответственно, их исследование и всесторонняя оценка региональных факторов позволит успешно сдерживать инфляцию на уровне всей страны и более эффективно реализовывать меры по повышению уровня жизни населения.

В конечном счёте, управление региональными факторами инфляции будет способствовать выравниванию уровня жизни населения в регионах и созданию необходимых условий для практического внедрения парадигмы базового дохода для всех граждан страны, предлагаемой В.Н. Бобковым [1], целью которой является запуск трансформационных процессов в реализации человеческого потенциала России.

Проводимые на региональном уровне исследования инфляции автором статьи условно разделены на направления.

Первое направление – это работы, посвящённые исследованию инфляционных процессов в отдельно взятом регионе-субъекте страны. В частности, в статье В.К. Мелькова [2] построена модель региональной инфляции для условий экономики Кузбасса, в работе А.К. Жихаревой [3] выделены внутрирегиональные факторы, в наибольшей степени влияющие на инфляционные процессы в Алтайском крае, – уровень тарифов в естественных монополиях, ценообразование на энергоресурсы и федеральные вливания в регион.

Второе направление нацелено на анализ факторов межрегиональных различий в индексах цен, инфляционной реакции на общегосударственные импульсы либо всех регионов, либо значительной их совокупности. Особую ценность здесь представляют исследования, использующие панельные данные и эконометрический анализ.

Так, к числу зарубежных авторов, исследующих индексы цен и их составные части в виде цен на отдельные группы товаров на примере стран-регионов, входящих в объединения, в частности,

в Евросоюз, можно отнести Andersson et al. [4], связавших межстрановые различия в инфляции со степенью регулирования в них рынка товаров; Angeloni, Ehrmann [5], выявивших значимость реальных процентных ставок и регулирования импортных цен; Zdarek, Aldasoro [6], обративших внимание на разрывы между странами в объемах производства и общественные товары с регулируемыми ценами.

В свою очередь, исследуя инфляцию в странах ОЭСР, Pehnelt [7] отметил усиление влияния процесса глобализации; Kirsanli [8] пришёл к выводу, что повышение темпов инфляции даже на 1% приводит к сдерживанию экономического роста от 0,03 до 0,15 процентных пункта.

В отношении инфляционного развития регионов отдельных стран Mehrotra et al. [9] на примере провинций Китая отметили высокую значимость для большинства из них инфляционных ожиданий; Tirtosuharto [10] и др., исследуя регионы Индонезии, пришли к выводу, что усилия, направленные на совершенствование инфраструктуры способны сдерживать инфляцию на региональном уровне.

Среди работ российских авторов, посвящённых вопросам межрегиональных различий в динамике инфляции, можно выделить труды Б.И. Алексина [11], С.В. Арженовского [12], П.А. Бондаренко [13] и др.

И, наконец, третье направление, представлено наименьшим числом публикаций, но оно является не менее важным. Отличие этого направления заключается в том, что если в первых двух направлениях регион/регионы исследуются как самостоятельные объекты со своими особенностями, оценивается их восприимчивость к процессам, протекающим на уровне всей страны (то есть исследуется влияние «сверху-вниз»: страна – регион), то в рамках третьего направления регионы рассматриваются как составные элементы некоторого общегосударственного процесса, в данном случае инфляции (влияние «снизу-вверх»: регион – страна). Одна из немногих работ в этом направлении выполнена Utama et al. [14]. Авторами выявлено, что на Яву и Суматру, то есть лишь на два из всех регионов Индонезии, приходится 84,3% национальной инфляции. А на остальные провинции, которые значительно больше по площади, приходится только 15,7%. Соответственно, этими авторами делается важный вывод, что в целях реализации

эффективной денежно-кредитной политики нужно учитывать вес каждого региона.

Объект исследования – масштабы и темпы инфляции в российских регионах на основе показателя валового регионального продукта, оценённого в текущих и постоянных ценах, предмет исследования – инфляционные характеристики развития регионов и их влияние на уровень жизни населения.

Цель исследования – типологизация регионов в зависимости от влияния их инфляционных характеристик развития на реальные денежные доходы населения и разработка рекомендаций по трансформации реального экономического роста в повышение уровня жизни в российских регионах.

Задачами исследования являются:

1) характеристика масштабов инфляции в развитии России и её регионов;

2) оценка регионального разреза развития России в части сравнения вклада регионов в инфляционную и реальную составляющую национального экономического роста;

3) классификация регионов в зависимости от их ориентации по отношению к инфляционному развитию и реальному экономическому росту страны;

4) определение качества экономического роста в регионах на основе степени его инфляционности;

5) группировка регионов в зависимости от динамики инфляционного ВРП и удельных значений инфляционного прироста ВРП (на душу населения);

6) оценка влияния инфляционных характеристик развития регионов на реальные денежные доходы населения;

7) разработка рекомендаций по снижению влияния инфляционных характеристик развития регионов на реальные денежные доходы населения и трансформации реального экономического роста в повышение уровня жизни в регионах России.

Гипотеза исследования – в российских регионах высокая инфляция препятствует трансформации экономического роста в повышение уровня жизни населения.

Основные теоретические и методологические положения

Исследователями выделяются различные факторы, влияющие на региональную инфляцию, среди которых: структура региональных экономик, проявляющаяся в дифференциации экспортной и импортной зависимости регионов [15, с. 326]; среднемесячная заработная плата, потребительские расходы населения и тарифы производителей [16, с. 236]; инфраструктурные факторы, влияющие на формирование издержек в ре-

гионе (к примеру, в северных территориях) [17], возрастная структура населения [18, с. 6].

В то же время, выявлено, что общероссийские факторы составляют не менее половины от колебаний инфляции в регионах [19, с. 50].

Что же касается инструментария анализа инфляции, то зачастую используется индекс потребительских цен на товары и услуги. Здесь авторами [20; 21] отмечается, что лежащая в основе этого показателя потребительская корзина усиливает различия инфляции между регионами в силу не только неодинакового изменения цен на отдельные товары, но и разницы в доле расходов на эти товары (или структуре потребления регионов).

К недостаткам индекса потребительских цен на товары и услуги также можно отнести его относительную узость, а именно то, что он отражает лишь часть платёжеспособного спроса в экономике (соответственно, только на конечные товары и услуги), который предъявляет население, и вновь не всё, а в его части, проживающей в городах. Тогда как темпы роста цен на продукцию базовых отраслей, производящих промежуточную продукцию, остаются неучтёнными. Кроме того, индекс потребительских цен учитывает инфляцию в части импортных товаров, на которые, как правило, степень влияния региона достаточно невелико.

Поэтому, по мнению автора статьи, в рамках развития третьего направления более предпочтительным является использование инструментария валовых региональных продуктов, оценённых в текущих и постоянных ценах, который позволяет дать не только обобщающую динамическую характеристику уровню цен во всех отраслях и секторах региональной экономики, то есть более полно охватить инфляционные процессы, но и проанализировать инфляцию, которая возникает непосредственно во внутреннем производстве товаров и услуг на уровне региона, что позволяет глубже раскрыть региональную составляющую инфляции и степень её влияния на уровень цен, формируемый в стране в целом.

Данные и методы

Для характеристики инфляционных факторов регионального развития были использованы показатели валового регионального продукта как суммы валовых добавленных стоимостей (ВДС) за 2016–2022 годы по отраслям экономики субъектов Российской Федерации в текущих ценах и постоянных ценах 2016 г.¹ Методологической основой исследования послужили методы сравнительного и ретроспективного анализа, опирающиеся на пересчёт стоимостного показателя но-

¹ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025).

минального ВРП, выраженного в текущих ценах, в реальный ВРП, измеренного в постоянных ценах относительно года, принятого за базу.

Для анализа использовано следующее правило – номинальная величина равна сумме её реальной и инфляционной составляющих. Опираясь на это правило, ВРП 2022 г. в текущих ценах в статье разделён на ВРП 2022 г. в ценах 2016 г. (то есть реальный ВРП) и инфляционную составляющую ВРП (или инфляционный ВРП). Такие величины были получены как на уровне каждого региона, так и на уровне Российской Федерации, что обозначено в статье как ВРП РФ, путём суммирования соответствующих валовых региональных продуктов, в которых затем были рассчитаны доли регионов.

Соответственно, увеличение ВРП за указанный период в постоянных ценах, то есть разница ВРП за 2022 г. и 2016 г., измеренных в ценах 2016 г., представляет собой его реальный прирост в абсолютном выражении (то есть измеренный в рублях), очищенный от инфляции. Разница же между увеличением в абсолютном выражении ВРП в текущих ценах (а именно, разница ВРП в 2022 г. и 2016 г., измеренных в ценах 2022 г. и 2016 г.) и его упомянутым выше приростом в ценах 2016 г. (или реальным приростом) составляет инфляционный прирост ВРП. Здесь также были рассчитаны величины реального и инфляционного прироста ВРП на уровне Российской Федерации и доли регионов в них. Сопоставление этих долей с удельным весом в ВРП РФ 2022 г., измеренного в текущих ценах, позволило выстроить типологизацию регионов и выявить те из них, которые вносят существенный или, наоборот, несущественный вклад либо в реальный, либо в инфляционный приrostы ВРП РФ, и оценить их значимость в масштабах страны. Кроме того, по каждому региону абсолютный инфляционный прирост ВРП соотнесён с численностью населения и получено его среднедушевое значение. Этот показатель представляет интерес, поскольку позволяет увидеть «генерируемую» регионами инфляцию в расчёте на душу населения, то есть оценить в удельном выражении «инфляционность» региона. Переход от приведённых абсолютных показателей к относительным позволяет получить в процентах темпы роста ВРП в текущих ценах, а также темпы его реального и инфляционного роста.

Аналогичный подход реализован и по отношению к общим годовым денежным доходам населения регионов, полученным из официальных данных Росстата². В статье для различия

от среднедушевых (в месяц) таких общих доходов они названы «денежными (суммарными) доходами населения». Их реальные показатели в 2022 г. были получены на основе наращивания среднедушевых значений 2016 г. с помощью индексов роста реальных доходов населения за 2016–2022 гг., затем их умножения на 12 месяцев (для приведения к годовому объёму) и на среднегодовую численность населения в 2022 г.

Кроме того, для выявления характера взаимодействия между экономическим ростом и повышением уровня жизни была построена классификация регионов на основе сравнения темпов роста реального ВРП на душу населения и реальных денежных доходов.

Выбор же указанного периода обусловлен следующими моментами. В 2016 г. произошёл переход на новый классификатор видов экономической деятельности – ОКВЭД-2 (версия ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)). Соответственно, начиная с этого года, Росстатом начат расчёт ВРП регионов по новой методологии. На момент написания статьи наиболее длительным, актуальным и методологически единым временным промежутком ВРП регионов, измеренного в постоянных ценах, оказался 2016–2022 гг.

Количество исследуемых регионов составило 82, так как автономные округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий) были включены в вышестоящие регионы (Архангельская и Тюменская области). По причине отсутствия данных за анализируемый период не были учтены сведения по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям.

Результаты

Получены следующие результаты исследования.

1. Рассмотрен региональный разрез развития России в части вклада крупнейших регионов в инфляционную составляющую национального экономического роста (а именно, в инфляционный прирост ВРП РФ). Выбор именно крупнейших регионов связан с тем, что они объективно вносят больший вклад в эту составляющую. Однако представляет интерес, насколько их вклад в инфляционную составляющую национального экономического роста соотносится с их удельным весом в ВРП РФ (в текущих ценах), по которому традиционно оценивается величина регионов, а также каковы соотношения этого вклада с долей в реальном приросте ВРП РФ. В число крупнейших включены 10 регионов с наибольшим удельным весом в ВРП РФ в 2022 г. (в текущих ценах).

² Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

Ниже приведены их показатели (таблица 1). Сделан вывод, что, с одной стороны, доля крупнейших регионов в инфляционном приросте ВРП РФ (61,1%) выше их доли в ВРП РФ в текущих ценах (58,0%), что свидетельствует об их относительно повышенном (более концентрированном)

инфляционном влиянии на экономическое развитие России по сравнению с менее крупными регионами. Однако указанное повышенное инфляционное влияние сочетается с ещё большим вкладом крупнейших регионов в реальный экономический рост России (более 64%).

Вклад 10-ти крупнейших и остальных регионов-субъектов в ВРП РФ (в текущих ценах) в 2022 г., инфляционную и реальную составляющие его роста по сравнению с 2016 г.

Table 1

Contribution of the 10 Largest and Other Regions to the Russian Federation's GRP (in Current Terms) in 2022, Inflationary and Real Components of Its Growth Compared to 2016

№ п/п	Регион-субъект	Доля в ВРП РФ в 2022 г. (в текущих ценах), %	Доля в реальном ВРП РФ в 2022 г. (в ценах 2016), %	Доля в приросте ВРП РФ в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей, %	Доля в реальном приросте ВРП РФ (в ценах 2016 г.) в 2022 г. по сравнению с 2016 г., %
1	г. Москва	20,3	21,0	19,2	25,2
2	Тюменская область	9,9	8,4	12,2	9,0
3	г. Санкт-Петербург	7,9	6,1	10,6	10,5
4	Московская область	5,5	5,9	4,9	7,4
5	Краснодарский край	3,1	3,3	2,8	4,9
6	Республика Татарстан	3,0	2,8	3,2	3,2
7	Свердловская область	2,5	2,7	2,1	1,4
8	Красноярский край	2,4	2,3	2,5	0,9
9	Самарская область	1,7	1,6	1,8	0,0*
10	Иркутская область	1,7	1,6	1,8	2,0
	Итого по 10-ти крупнейшим регионам	58,0	55,7	61,1	64,5
	Остальные регионы-субъекты	42,0	44,3	38,9	35,5

*За анализируемый период в Самарской области произошёл спад ВРП в ценах 2016 г.

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.³

Сделан вывод, что инфляционный фактор ослабляет влияние крупнейших регионов на реальный ВРП РФ в 2022 г. (измеренный в ценах 2016 г.) по сравнению с номинальным (измеренным в текущих ценах). Инфляция приводит к тому, что доля большинства из рассматриваемых регионов (а именно Тюменской области, г. Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Красноярского края, Самарской и Иркутской областей) в номинальном ВРП РФ оказывается завышенной по сравнению с реальными их значениями.

Рассмотрим, как указанные выше процессы проявляются в отношении денежных (суммарных) доходов населения крупнейших регионов (таблица 2).

³ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025).

Сравнивая таблицы 1 и 2, можно сделать вывод, что крупнейшие регионы оказывают меньшее инфляционное влияние на денежные (суммарные) доходы населения РФ нежели на ВРП РФ (44,6% против 61,1%) и более существенный вклад в реальный рост денежных (суммарных) доходов населения РФ также в сравнении с реальным ростом ВРП (77,9% против 64,5%). В результате на долю остальных регионов приходится свыше 55% инфляционного и лишь чуть больше 21% реального прироста денежных (суммарных) доходов населения РФ.

Это позволяет предположить о том, что результаты федеральной выравнивающей политики «съедаются» более высокими темпами инфляции в остальных регионах.

Таблица 2

**Доля 10-ти крупнейших (по ВРП РФ 2022 г. в текущих ценах) и остальных регионов-субъектов
в номинальных и реальных денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г.
и компонентах их прироста по сравнению с 2016 г.**

Table 2

**The Share of the 10 Largest Regions (by GRP of the Russian Federation in 2022, at Current Prices)
and Other Subjects in Nominal and Real Monetary Incomes of the Population of the Russian Federation
in 2022 and the Components of Their Growth Compared to 2016**

№ п/п	Регион-субъект	Доля в денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г. (в текущих ценах), %	Доля в реальных денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г. (в ценах 2016), %	Доля в приросте денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей, %	Доля в реальном приросте денежных (суммарных) доходах населения РФ (в ценах 2016 г.) в 2022 г. по сравнению с 2016 г., %
1	г. Москва	19,2	20,1	16,8	42,0
2	Тюменская область	3,4	3,9	2,3	6,7
3	г. Санкт-Петербург	5,3	5,5	4,8	11,2
4	Московская область	6,9	7,2	6,1	9,5
5	Краснодарский край	4,1	4,2	3,8	4,9
6	Республика Татарстан	2,6	2,7	2,5	1,5
7	Свердловская область	2,9	2,8	3,0	0,0*
8	Красноярский край	1,8	1,7	1,9	1,3
9	Самарская область	1,7	1,7	1,9	0,0*
10	Иркутская область	1,3	1,2	1,5	0,8
	Итого по 10-ти крупнейшим регионам	49,2	51,0	44,6	77,9
	Остальные регионы-субъекты	50,8	49,0	55,4	22,1

*За анализируемый период в Свердловской и Самарской областях произошёл спад денежных (суммарных) доходов населения РФ в ценах 2016 г.

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.⁴

2. Проведена классификация регионов РФ на четыре группы в зависимости от их ориентации по отношению к инфляционному развитию и реальному экономическому росту страны.

Рассмотрим представителей групп на примере данных таблицы 1. В первую группу вошли такие регионы, как, например, г. Москва. Если доля Москвы в ВРП РФ в текущих ценах в 2022 г. составила 20,3%, то её удельный вес в приросте ВРП РФ в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей оказался меньше – 19,2%, в то же время её доля в реальном приросте ВРП РФ превысила 25%. Такая же наиболее заметная разница и в Московской области – 5,5%, 4,9%, 7,4% соответственно. Таким образом, если в сравнении с удельным весом региона ВРП РФ в текущих ценах его доля в ин-

фляционном приросте ВРП РФ ниже, а доля в реальном приросте ВРП РФ выше, то подобные регионы условно можно отнести к преимущественно формирующему реальный экономический рост РФ.

Примером второй группы является Тюменская область, доля которой в инфляционном приросте ВРП РФ (12,2%) превысила её долю в ВРП РФ в текущих ценах (9,9%), но в то же время у области оказался ниже этих значений удельный вес в реальном приросте ВРП РФ (9,0%). То есть регионы, у которых доля в инфляционном приросте ВРП РФ выше, а доля в реальном приросте ВРП РФ ниже, чем удельный вес ВРП РФ в текущих ценах, с определённой степенью допущения могут являться преимущественно формирующими инфляционное развитие РФ.

Представителем третьей группы можно считать г. Санкт-Петербург, где доли в инфляционном и реальном приростах ВРП РФ (10,6% и 10,5%, соответственно) выше его доли в ВРП РФ в текущих

⁴ Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

ценах (7,9%). Такие регионы могут быть отнесены к формирующему и инфляционное развитие РФ, и реальный экономический рост.

Пример четвёртой группы – Свердловская область, которая показывает, что обе доли (в инфляционном и реальном приростах ВРП РФ: 2,1% и 1,4%, соответственно) могут оказаться

ниже доли в ВРП РФ в текущих ценах (2,5%). Подобные регионы могут условно считаться относительно пассивными в отношении инфляционного развития РФ и её реального экономического роста.

Распределение регионов по описанным четырём группам представлено в таблице 3.

Таблица 3

Классификация регионов в зависимости от их влияния на инфляционное развитие и реальный экономический рост РФ

Table 3

Classification of Regions Depending on Their Impact on Inflationary Development and Real Economic Growth of the Russian Federation

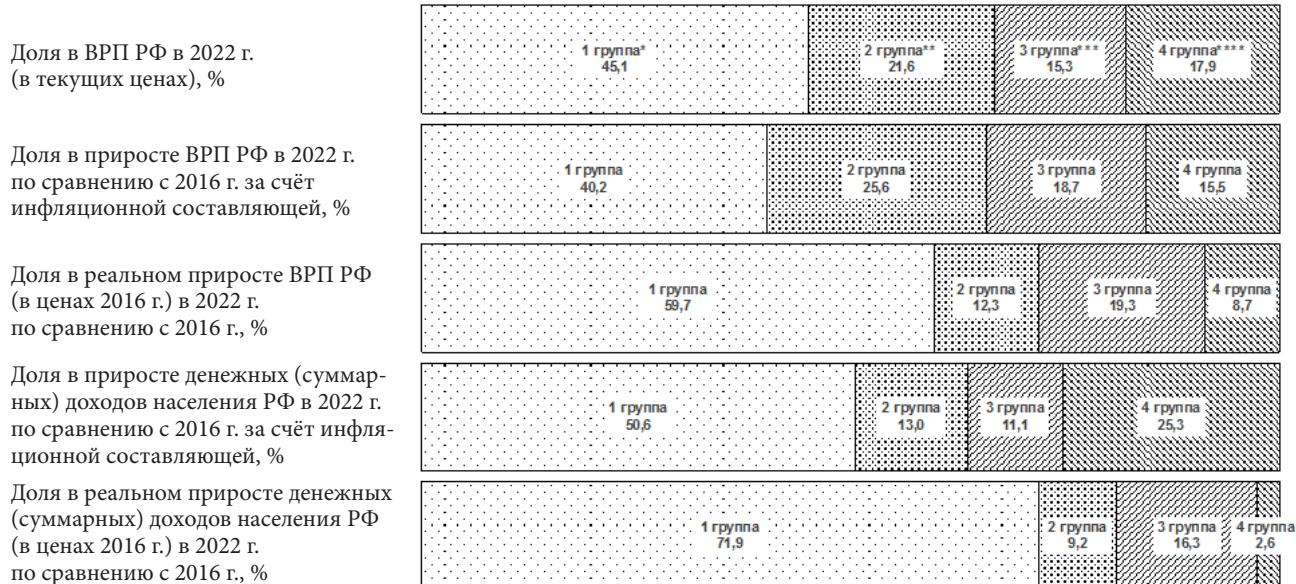
Название группы	Перечень регионов
1 группа. Регионы, преимущественно формирующие реальный экономический рост РФ	Амурская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, г. Москва, Еврейская автономная область, Кабардино-Балкарская, Калининградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кировская область, Краснодарский край, Курская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Пензенская область, Приморский край, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Крым, Ростовская область, Саратовская область, Ставропольский край, Тульская область, Чеченская Республика
2 группа. Регионы, преимущественно формирующие инфляционное развитие РФ	Вологодская область, Кемеровская область-Кузбасс, Красноярский край, Мурманская область, Оренбургская область, Пермский край, Республика Коми, Республика Тыва, Самарская область, Сахалинская область, Тюменская область, Чукотский автономный округ
3 группа. Регионы, формирующие и инфляционное развитие, и реальный экономический рост РФ	Астраханская область, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Забайкальский край, Иркутская область, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан
4 группа. Регионы, пассивные в отношении инфляционного развития и реального экономического роста РФ	Алтайский край, Архангельская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Камчатский край, Костромская область, Курганская область, Липецкая область, Новгородская область, Орловская область, Псковская область, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Хакасия, Рязанская область, Свердловская область, Северная Осетия-Алания, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Челябинская область, Чувашская Республика, Ярославская область

Источник: разработано автором.

Как следует из таблицы, самыми многочисленными являются четвёртая и первая группы (33 и 29 регионов, соответственно), далее со значительно меньшим количеством регионов следуют вторая (12) и третья (8) группы.

Далее произведена оценка масштабов этих групп (рисунок 1). Исходя из рисунка можно сделать вывод, что первая группа регионов занимает наибольший удельный вес в ВРП РФ, оцененном в текущих ценах, – более 45%, при этом эта группа обеспечила почти 60% от общерегионального реального и лишь чуть более 40% от инфляционного прироста ВРП РФ.

При этом регионы этой группы вносят практически подавляющий вклад в реальный рост денежных (суммарных) доходов населения РФ – почти 72%. Это свидетельствует о том, что РФ обладает значительным числом регионов и их потенциалом для реального (безинфляционного) экономического роста и опережающего повышения уровня жизни населения. По отношению к подобным регионам необходима реализация поддерживающей политики, стимулирующей к их дальнейшему развитию, при этом уделяя особое внимание мониторингу анализируемых показателей.

*1 группа – регионы, преимущественно формирующие реальный экономический рост РФ

**2 группа – регионы, преимущественно формирующие инфляционное развитие РФ

***3 группа – регионы, формирующие и инфляционное развитие, и реальный экономический рост РФ

****4 группа – регионы, пассивные в отношении инфляционного развития и реального экономического роста РФ

Рисунок 1. Доли четырех групп регионов в ВРП РФ (в текущих ценах), инфляционном и реальном приростах ВРП РФ и денежных (суммарных) доходов населения РФ

Figure 1. The Shares of the Four Groups of Regions in the GRP of the Russian Federation (in Current Prices), Inflationary and Real Increases of the GRP of the Russian Federation and Monetary (Total) Incomes of the Population of the Russian Federation

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.⁵

В целях ускорения реального экономического роста и реализации эффективной антиинфляционной политики внимание заслуживают регионы второй и четвёртой группы, которые при совокупном удельном весе в ВРП РФ в текущих ценах почти в 40% и примерно таком же вкладе в инфляционный рост ВРП РФ обеспечили лишь 21% от совокупного реального экономического роста страны, а также с чуть более чем 38%-м удельным весом в инфляционном росте денежных (суммарных) доходов населения РФ сформировали только 12% их реального роста.

И, наконец, «поддерживающей» первую группу является третья группа регионов, которая при совокупном удельном весе в ВРП РФ в текущих ценах в 15,3% внесла почти 20-процентный вклад в реальный экономический рост страны, однако по отношению к регионам из этой группы необходимы меры по сдерживанию их инфляционно-

го влияния на национальную экономику с 18,7% до уровня их удельного веса в ВРП РФ в текущих ценах. При этом регионы этой группы, имея наименьший удельный вес в инфляционном росте денежных (суммарных) доходов населения РФ (11,1%), обеспечили второй по значимости (после первой группы) вклад в реальный рост упомянутых доходов в размере более 16%.

3. Даны оценка удельным значениям инфляционного прироста ВРП (на душу населения) российских регионов. В целом по России эта величина составила 390,7 тыс. руб. В первый интервал – интервал минимальных значений (от 10 до 99 тыс. руб.) вошли республики Северо-Кавказского федерального округа: Кабардино-Балкарская, Северная Осетия-Алания, Дагестан, Чеченская, Ингушетия, Карачаево-Черкесская. Общая доля регионов этого интервала в инфляционном приросте ВРП РФ – менее 1%.

Во втором интервале от 100 до 199 тыс. руб. оказалось наибольшее число регионов (их 33) – это республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Крым, Марий Эл, Мордовия, Тыва, Чувашская; Алтайский, Ставропольский края;

⁵ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025); Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

Брянская, Волгоградская, Еврейская автономная, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Новгородская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ульяновская, Ярославская области; г. Севастополь. Совокупная доля этой группы регионов в инфляционном приросте ВРП РФ оказалась около 12%.

Чуть меньшее количество (21) регионов расположилось в третьем интервале от 200 до 299 тыс. руб., а именно республики Карелия, Удмуртская, Хакасия; Забайкальский, Краснодарский, Приморский, Хабаровский края; Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новосибирская, Свердловская, Томская, Тульская, Челябинская области. Суммарная доля этих регионов в инфляционном приросте ВРП РФ – 18%.

Далее в четвёртом интервале от 300 до 399 тыс. руб. оказались Амурская, Астраханская, Московская, Оренбургская, Самарская области и Пермский край (доля регионов в инфляционном приросте ВРП РФ – 10,4%); в пятом интервале от 400 до 499 тыс. руб. – Республика Татарстан; Камчатский и Красноярский края; Архангельская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская-Кузбасс области (11,5%, соответственно); в очередном интерва-

ле от 500 до 599 тыс. руб. – регионов нет, значит, его можем соединить со следующим интервалом.

Накопленным итогом получается, что в первых пяти интервалах, в которых сосредоточено 73 региона, аккумулируется 52,6% инфляционного прироста ВРП РФ, 73% такого же прироста денежных (суммарных) доходов населения РФ, 52,4% реального прироста ВРП РФ и лишь 37,7% аналогичного прироста денежных (суммарных) доходов населения РФ.

То есть подобные регионы не генерируют прирост реальных денежных (суммарных) доходов, адекватный реальному приросту ВРП на своих территориях, что также подтверждает отсутствие корреляционной связи между этими показателями в разрезе всех российских регионов (коэффициент корреляции составляет 0,1). Таким образом, в подобных регионах необходима реализация как на федеральном, так и региональном уровнях политики трансформации реального прироста ВРП в прирост реальных денежных (суммарных) доходов населения, частью которой является адресная антиинфляционная политика по отношению к этим регионам, которая наряду со сдерживанием роста цен позволит выровнять распределение денежных доходов по территории РФ.

Наконец, рассмотрим регионы в шестом интервале от 500 тыс. руб. и выше (таблица 4).

Таблица 4

Table 4

Регионы-субъекты с наивысшими значениями инфляционного прироста ВРП на душу населения

Regions with the Highest GRP per Capita Inflation Rates

№ п/п	Регион-субъект	Прирост ВРП в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей (в текущих ценах) на душу населения, тыс. руб.	Прирост среднемесячных среднедушевых денежных доходов населения в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей (в текущих ценах), руб. (место в России)
1	Тюменская область	1 822,8	11 632 (45)
2	Сахалинская область	1 782,4	22 069 (5)
3	Чукотский автономный округ	1 252,2	30 027 (2)
4	г. Санкт-Петербург	1 085,0	16 538 (10)
5	Магаданская область	969,5	32 892 (1)
6	Республика Саха (Якутия)	961,1	14 244 (15)
7	Мурманская область	945,7	23 434 (4)
8	г. Москва	844,3	24 936 (3)
9	Республика Коми	617,4	18 789 (7)

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.⁶

Данные таблицы 4 позволили сделать вывод, что наивысшими значениями инфляционного

⁶ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025); Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы Рос-

прироста ВРП на душу населения обладают как крупные (среди которых г. Москва, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, наличие которых обусловлено

ции. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

вило то, что совокупная доля приведённых в таблице регионов в инфляционном приросте ВРП РФ превысила 47%), так и небольшие регионы. Особое внимание обратили на себя Тюменская, Сахалинская области, Чукотский автономный округ и г. Санкт-Петербург, где среднедушевой инфляционный прирост ВРП составил более 1 млн руб., что более чем в 100 раз выше минимального значения среди всех регионов. Необходимо отметить наличие значимой связи приведённого показателя с инфляционным приростом среднемесячных среднедушевых денежных доходов населения – коэффициент корреляции между ними в разрезе всех анализируемых российских регионов превышает 0,6. В результате и у регионов из анализируемого интервала (за исключением Тюменской области)

эти значения входят в 15 самых высоких в России. Соответственно, сдерживание инфляции в этих регионах – существенный резерв повышения в них реальных доходов населения.

Однако, несмотря на высокую инфляционность ВРП, регионы шестого интервала в целом по сравнению с предыдущими интервалами значительно меньше влияют на инфляционный рост денежных (суммарных) доходов (их доля в нём 27%) и вносят наибольший вклад в увеличение их реальной величины (с долей в 62,3%).

4. В целях совершенствования управления региональным развитием предложена классификация регионов, учитывающая темпы роста реального ВРП и реальных денежных доходов (таблица 5).

Таблица 5

Классификация регионов в зависимости от динамики роста реального ВРП на душу населения и реальных денежных доходов

Table 5

Classification of Regions Depending on the Dynamics of Growth of Real GRP per Capita and Real Monetary Incomes of the Population

		Динамика реальных денежных доходов населения за 2016–2022 гг.	
		Снижение реальных денежных доходов населения (индекс роста менее 100%)	Рост реальных денежных доходов населения (индекс роста более 100%)
Динамика реального ВРП на душу населения за 2016–2022 гг.	Рост реального ВРП на душу населения (индекс роста более 100%)	<p>3 группа</p> <p>Республики: Башкортостан, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Коми, Северная Осетия-Алания, Удмуртская.</p> <p>Края: Алтайский, Пермский.</p> <p>Области: Астраханская, Белгородская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Курганская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская, Ярославская</p>	<p>1 группа</p> <p>Подгруппа 1.1 (рост реальных денежных доходов выше роста реального ВРП)</p> <p>Города: Москва, Санкт-Петербург, Севастополь.</p> <p>Республики: Дагестан, Кабардино-Балкарская, Мордовия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия.</p> <p>Края: Камчатский, Красноярский.</p> <p>Области: Волгоградская, Калининградская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Новосибирская, Тюменская.</p> <p>Чукотский автономный округ</p> <p>Подгруппа 1.2 (рост реальных денежных доходов ниже роста реального ВРП)</p> <p>Республики: Адыгея, Крым, Карелия, Чеченская, Марий Эл, Татарстан, Чувашская, Алтай, Бурятия.</p> <p>Края: Краснодарский, Ставропольский, Забайкальский, Приморский, Хабаровский.</p> <p>Области: Брянская, Владимирская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тверская, Архангельская, Мурманская, Псковская, Ростовская, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская-Кузбасс, Томская, Амурская</p> <p>Еврейская автономная область</p>
Снижение реального ВРП на душу населения (индекс роста менее 100%)	4 группа	Калужская область	<p>2 группа</p> <p>Республика Ингушетия, Сахалинская область</p>

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.⁷

⁷ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025); Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

Предлагаемая классификация позволяет оценивать характер взаимодействия между экономическим ростом и изменением уровня жизни населения в конкретном регионе и соответственно этому характеру вырабатывать рекомендации по совершенствованию управления региональным развитием.

В представленной классификации наиболее многочисленной оказалась первая группа ре-

гионов, в которых положительными оказались темпы прироста и реального ВРП на душу населения, и реальных денежных доходов населения. Всего в этой группе 54 региона и она самая значимая по сравнению с другими группами (таблица 6), оказывающая решающее влияние и на ВРП, и на уровень жизни населения в целом в РФ.

Масштабы групп регионов из таблицы 5

The Scales of the Regional Groups from Table 5

Таблица 6

Table 6

№ группы	Доля в приросте ВРП РФ в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей, %	Доля в приросте денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г. по сравнению с 2016 г. за счёт инфляционной составляющей, %	Доля в реальном приросте ВРП РФ (в ценах 2016 г.) в 2022 г. по сравнению с 2016 г., %	Доля в реальном приросте денежных (суммарных) доходах населения РФ (в ценах 2016 г.) в 2022 г. по сравнению с 2016 г., %	Доля в реальном ВРП РФ в 2022 г. (в ценах 2016), %	Доля в реальных денежных (суммарных) доходах населения РФ в 2022 г. (в ценах 2016), %
1	81,7	75,4	89,7	99,2	79,7	79,1
1.1	56,1	40,5	61,6	84,0	51,7	47,9
1.2	25,6	34,9	28,1	15,2	28	31,2
2	1,5	0,7	0	0,7	0,9	0,7
3	16,3	23,2	10,1	0	18,9	19,6
4	0,5	0,7	0,2	0,1	0,5	0,6

Источник: расчёты автора на основании данных Росстата.⁸

В то же время среди этих регионов лишь в 19-ти (подгруппа 1.1) темпы роста реальных денежных доходов либо равны, либо опережают темпы роста реального среднедушевого ВРП. Соответственно, для этих регионов необходима только поддерживающая политика как внутрирегиональная, так и со стороны федерального центра. Но тут нужно учитывать, что некоторые из этих регионов достигают этого соотношения не на основе внутреннего потенциала, а благодаря выравнивающей политике федерального центра на основе межбюджетных трансфертов. Об этом, в частности, можно косвенно судить по тому, что в г. Севастополь, а также республиках Дагестан, Кабардино-Балкарская и Тыва в реальные денежные (суммарные) доходы населения превышают совокупный реальный ВРП. Это означает, что внутреннее экономическое

развитие не покрывает потребности региона в обеспечении требуемого уровня жизни. Тогда как в приведённых в таблицах 1 и 2 крупнейших регионах реальный ВРП заметно больше реальных денежных (суммарных) доходов населения. Таким образом, в обеспечиваемых сверх объёма собственного ВРП выравнивающими федеральными трансфертами регионах продолжение федеральной поддержки должно сочетаться с мониторингом эффективности усилий региональных властей по замещению этой поддержки источниками внутреннего экономического развития.

В составе первой группы большую часть (по численности) составляет подгруппа 1.2, в которой темпы роста реальных денежных доходов ниже темпов роста реального ВРП на душу населения. Эта подгруппа является второй по значимости среди всех представленных групп (по показателям, представленным в таблице 6) и включает в себя 35 регионов. Основная особенность подгруппы заключается в том, что прирост реального ВРП на душу населения не преобразуется адекватным образом в рост реальных де-

⁸ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025); Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

нежных доходов населения. Следовательно, в подобных регионах необходима реализация политики трансформации реального экономического роста в повышение уровня жизни населения, нацеленная на опережающий рост его денежных доходов. Одним из элементов этой политики выступает первоочерёдное сдерживание роста потребительских цен по сравнению реализацией комплекса мер антиинфляционной политики в производственной сфере. Ещё одним направлением упомянутой политики трансформации является воздействие на структуру распределения ВРП региона с целью повышения доли оплаты труда. Для этого возможны дальнейшая индексация заработных плат работников, финансируемых из регионального и местного бюджетов, меры по повышению производительности труда, стимулирование частного сектора к перераспределению издержек в пользу оплаты труда. В представленной подгруппе также, как и в предыдущей, есть регионы со значительной федеральной выравнивающей поддержкой, обеспечивающей превышение реальных денежных (суммарных) доходов населения над совокупным реальным ВРП – республики Адыгея, Бурятия, Крым, Чеченская, а также Псковская область, поэтому подобные регионы должны находиться под особым вниманием федерального центра.

Вторая группа, в которой рост реальных денежных доходов населения произошёл на фоне падения реального среднедушевого ВРП, включает в себя лишь два региона – Республику Ингушетия и Сахалинскую область. В таблице 4 было отмечено, что Сахалинская область обладает одними из самых высоких значений инфляционного ВРП на душу населения, следовательно, она нуждается в комплексе мер по снижению инфляции в производственном секторе, которые позволяют нарастить реальный ВРП. В Республике Ингушетия снижение реального ВРП на душу населения произошло в связи с опережающими темпами роста численности населения по сравнению с ростом совокупного ВРП, что свидетельствует о недостаточной динамике развития экономики. Поэтому региону необходим комплекс мер по стимулированию роста реального ВРП и привлечению инвестиций. При этом необходимо учитывать, что рост реальных денежных доходов населения произошёл при существенной поддержке федерального центра, в результате их величина по отношению к реальному ВРП составила почти 174%.

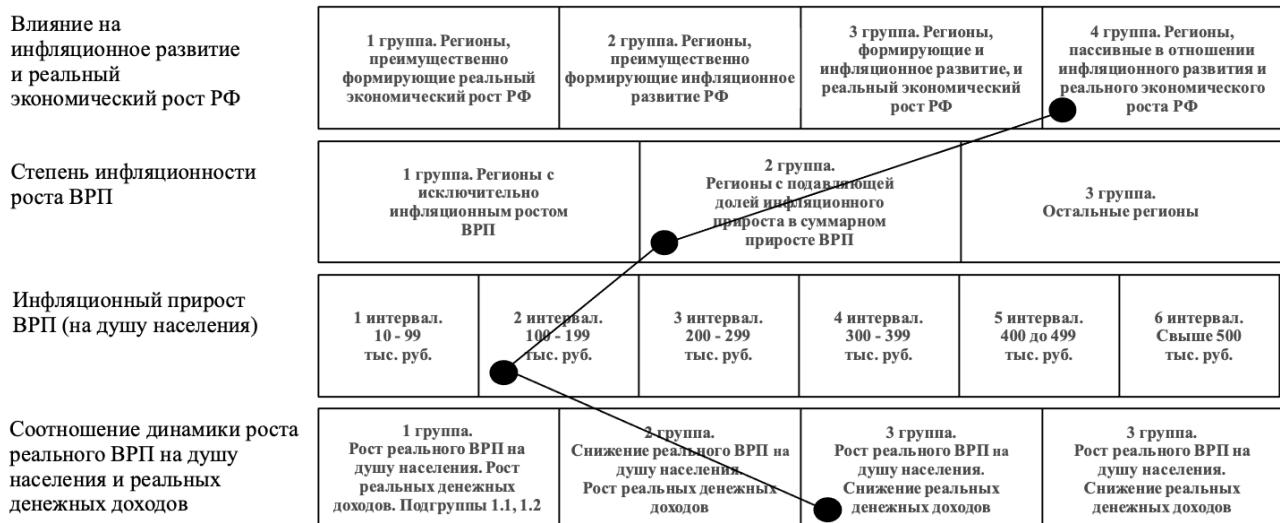
Третья группа, включающая в себя регионы, в которых снижение реальных денежных доходов происходит на фоне растущего реаль-

ного ВРП на душу населения, состоит из 25-ти субъектов. Согласно таблице 5 значимость этой группы достаточно существенна. В отношении мер, которые должны быть реализованы, третья группа весьма схожа со подгруппой 1.2. Однако в отличие от указанной подгруппы упомянутая выше политика трансформации экономического роста в повышение уровня жизни населения должна проводиться более решительно, поскольку ставится задача перелома динамики реальных денежных доходов в положительную плоскость. Для регионов третьей группы высокую актуальность имеет антиинфляционная политика в потребительском секторе, поскольку при доле этой группы в суммарном реальном ВРП и реальных денежных (суммарных) доходах РФ в 19–20% её удельный вес в инфляционном приросте последних превышает 23%. Нужно отметить, что в составе рассматриваемой группы представлено лишь два региона с высокой федеральной выравнивающей поддержкой – Ивановская область и Республика Северная Осетия-Алания.

И, наконец, в четвёртой группе, где одновременно снижается и реальный ВРП на душу населения, и реальные денежные доходы населения, находится лишь один регион – Калужская область. Причём приведённые показатели в целом выражении по региону растут, снижение среднедушевых значений связано с опережающим ростом населения за анализируемый период. Представленный регион нуждается в реализации комплекса мер стимулирования социально-экономического развития, заключающегося в обеспечении опережающего по отношению к увеличению численности населения роста реального ВРП с последующей его трансформацией в повышение реальных денежных доходов.

В целях разработки адресных мер развития по отношению к конкретному отдельно взятому региону возможно построение его профиля в рамках всех представленных выше классификаций. На рисунке 2 приведён пример Республики Башкортостан.

В частности, на основании приведённого на рисунке профиля можно сделать вывод, что в Республике Башкортостан помимо упомянутых выше в отношении выделенных групп регионов мер государственного регулирования необходима реализация антиинфляционной политики как в производственной сфере, чтобы повысить её роль в реальном экономическом росте РФ, так и в потребительском секторе – для перелома тенденции к снижению реальных денежных доходов населения.

Рисунок 2. Профиль Республики Башкортостан
Figure 2. Profile of the Republic of Bashkortostan

Источник: разработано автором на основании расчётов по данным Росстата.⁹

Заключение

На основе полученных результатов сформированы следующие выводы.

1. Величина региона связана с его вкладом в инфляционные процессы России. В то же время было выявлено, что повышенное инфляционное влияние группы крупнейших регионов сочетается с их преимущественной нацеленностью на реальный национальный экономический рост и повышение уровня жизни населения. В свою очередь, роль группы остальных, менее крупных регионов в инфляционном развитии более выражена по сравнению с их неадекватным вкладом в реальный экономический рост России и слабым влиянием на динамику реальных денежных (суммарных) доходов населения по России в целом.

2. РФ обладает значительным числом регионов и их потенциалом для реального (безинфляционного) экономического роста и повышения уровня жизни населения. Выявлено, что группа регионов, преимущественно формирующих реальный экономический рост страны, занимает наибольший удельный вес в ВРП РФ, оценённом в текущих ценах, – почти 46%, притом эта группа обеспечила более 60% от общерегионального реального и лишь чуть более 40% от инфляционного прироста ВРП РФ. Регионы этой группы вносят основной вклад в реальный

рост денежных (суммарных) доходов населения РФ – почти 72%.

3. Существенна дифференциация удельных значений инфляционного прироста ВРП (на душу населения) среди российских регионов – от 10,3 тыс. руб. до 1,8 млн руб. Наиболее влияющей на инфляционное развитие России оказалась группа регионов с наивысшими удельными значениями, такие регионы требуют адресных мер воздействия по снижению этой величины. Обнаружена высокая связь инфляционного прироста ВРП (на душу населения) с инфляционным приростом среднемесячных среднедушевых денежных доходов населения, что позволяет проводить взаимосвязанную антиинфляционную политику в производственном и потребительском секторах.

4. Разработана классификация регионов, позволяющая вырабатывать адресные меры в процессе управления экономическим ростом и его трансформации в повышение уровня жизни населения в конкретном регионе. В целях взаимоувязки всех приведённых группировок предложено построение профиля региона для определения приоритетности мер по обеспечению положительной динамики реальных значений ВРП и денежных доходов населения.

Таким образом, полученные результаты подтвердили гипотезу о негативном влиянии высокой инфляции на процесс трансформации экономического роста в повышение уровня жизни населения и могут способствовать выработке эффективных антиинфляционных мер по преодолению этих противоречий в российских регионах.

⁹ Валовой региональный продукт // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.03.2025); Денежные доходы и расходы населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 03.03.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 03.03.2025).

Список источников

1. Бобков В.Н. Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 18–37. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.2> EDN ENCPAJ
2. Мельков В.К. Моделирование региональной инфляции как основа выработки мероприятий по управлению инфляционными процессами // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12-2. С. 356–361. <https://doi.org/10.17513/vaael.1519> EDN EZQFVG
3. Жихарева А.К. Особенности развития инфляционных процессов в экономике регионов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 3. С. 97–102. EDN RTYAVD
4. Andersson M., Masuch K., Schiffbauer M. Determinants of Inflation and Price Level Differentials Across the Euro Area Countries. ECB Working Paper. No. 1129. Germany: ECB, 2009. P. 1–38. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1519943>
5. Angeloni I., Ehrmann M. Euro Area Inflation Differentials. ECB Working Paper. No. 388. Germany: ECB, 2004. P. 1–43. <https://doi.org/10.2139/ssrn.576026>
6. Zdarek V., Aldasoro I. Inflation Differentials in the Euro Area and Their Determinants – an Empirical View. William Davidson Institute Working Paper. No. 958. USA: Michigan, 2009. P. 1–53. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1488942>
7. Pehnelt G. Globalisation and Inflation in OECD Countries // Jena Economic Research Paper. No. 2007-055. Germany: Jena, 2007. P. 1–38. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1022901>
8. Kirsanli F. Inflation – Economic Growth Nexus: Evidence from OECD Countries // Journal of Emerging Economies and Policy. 2022. August 1. P. 1–13.
9. Mehrotra A., Peltonen, T., Santos A. Modelling Inflation in China – a Regional Perspective. ECB Working Paper. No. 829. Germany: ECB, 2007. P. 1–41. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1010629>
10. Tirtosuharto D. Connectivity and Regional Inflation: Does Better Infrastructure Impact Inflation in the Indonesian Regions? // SSRN Electronic Journal. 2015. Art. 2766902. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2766902>
11. Алексин Б.И. Межрегиональные различия в инфляции в свете теории Экли // Финансовый журнал. 2023. Том 15. № 1. С. 8–25. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-8-25> EDN ILKTXU
12. Арженовский С.В. Инфляция и неравенство: исследование взаимосвязи в региональном аспекте // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 151–160. <https://doi.org/10.32609/042-8736-2023-4-151-160> EDN QJLMKF
13. Бондаренко П.А. Подходы к измерению инфляции для групп населения с учетом регионального фактора // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2024. № 3. С. 114–129. <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2024-3-114-129> EDN ZGKUUZ
14. Utama C., Wijaya M. B. L., Lim C. The Role of Interest Rates and Provincial Monetary Aggregate in Maintaining Inflation in Indonesia // Bulletin of Monetary Economics and Banking. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 267–286. <https://doi.org/10.21098/bemp.v19i3.666>
15. Серков Л.А. Межрегиональный инфляционный дифференциал как следствие неоднородности российского экономического пространства // Экономика региона. 2020. Том 16. № 1. С. 325–339. <https://doi.org/10.17059/2020-1-24> EDN PSWHBT
16. Куклинова П.С., Дворядкина Е.Б. Оценка влияния факторов инфляции на региональное экономическое развитие // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Том 247. № 3. С. 226–245. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-247-3-226-245> EDN MFOGXD
17. Катроша Д.И. Роль региональных факторов в динамике инфляции: случай Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. Том 27. № 4(86). С. 25–41. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2024.86.002> EDN NBNESF
18. Шевченко Е.С. Оценка влияния демографических факторов на уровень инфляции в регионах России // Экономика и математические методы. 2022. Том 58. № 4. С. 71–82. <https://doi.org/10.31857/S042473880023020-1> EDN HDWTXR
19. Перевышин Ю.Н., Егоров Д.И. Влияние общероссийских факторов на региональную инфляцию // Экономическое развитие России. 2016. Том 23. № 10. С. 44–50. EDN WWWAYJ
20. Синельников-Мурылев С.Г., Перевышин Ю.Н., Трунин П.В. Различия темпов роста потребительских цен в российских регионах: эмпирический анализ // Экономика региона. 2020. Том 16. № 2. С. 479–493. <https://doi.org/10.17059/2020-2-11> EDN DETTMX
21. Brown M., De Haas R., Sokolov V. Regional Inflation, Banking Integration and Dollarization // Review of Finance. 2018. Vol. 22. Issue 6. P. 2073–2108. <https://doi.org/10.1093/rof/rfx021>

Информация об авторе:

Елена Ирековна Янгирова – доктор экономических наук, исполняющий обязанности заведующего, кафедра стратегического управления, Уфимский университет науки и технологий (SPIN-код: 9260-1351) (ResearcherID: ABF-3475-2021)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Bobkov V.N. The Basic Income Paradigm and Its Impact on Human Development Opportunities. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(4):18-37. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.2> (In Russ.)
2. Melkov V.K. Modeling of Regional Inflation as a Basis for Developing Measures to Manage Inflationary Processes. *Vestnik Altajskoj Akademii Ekonomiki I Prava*. 2020;(12-2):356-361. <https://doi.org/https://doi.org/10.17513/vaael.1519> (In Russ.)
3. Zhikhareva A.K. The Features of Inflationary Processes Development in the Regional Economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2013;(3):97-102. (In Russ.)
4. Andersson M., Masuch K., Schiffbauer M. Determinants of Inflation and Price Level Differentials Across the Euro Area Countries. ECB Working Paper. No. 1129. Germany: ECB; 2009. P. 1-38. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1519943>
5. Angeloni I., Ehrmann M. Euro Area Inflation Differentials. ECB Working Paper. No. 388. Germany: ECB; 2004. P. 1-43. <https://doi.org/10.2139/ssrn.576026>
6. Zdarek V., Aldasoro I. Inflation Differentials in the Euro Area and Their Determinants – an Empirical View. William Davidson Institute Working Paper. No. 958. USA: Michigan; 2009. P. 1-53. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1488942>
7. Pehnelt G. Globalisation and Inflation in OECD Countries. Jena Economic Research Paper. No. 2007-055. Germany: Jena; 2007. P. 1-38. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1022901>
8. Kirsanli F. Inflation – Economic Growth Nexus: Evidence from OECD Countries. *Journal of Emerging Economies and Policy*. 2022;(August 1):1-13.
9. Mehrotra A., Peltonen, T., Santos A. Modelling Inflation in China – a Regional Perspective. ECB Working Paper. No. 829. Germany: ECB; 2007. P. 1-41. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1010629>
10. Tirtosuharto D. Connectivity and Regional Inflation: Does Better Infrastructure Impact Inflation in the Indonesian Regions? *SSRN Electronic Journal*. 2015;2766902. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2766902>
11. Alekhin B.I. Interregional Differences in Inflation through the Prism of Ackley's Theory. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2023;15(1):8-25. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-8-25> (In Russ.)
12. Arzhenovsky S.V. Inflation and Income Inequality: Relationship Research in the Regional Aspect. *Voprosy Ehkonomiki*. 2023;(4):151-160. <https://doi.org/10.32609/042-8736-2023-4-151-160> (In Russ.)
13. Bondarenko P.A. Approaches to Measuring Inflation for Population Groups Taking into Account Regional Factors. *Nauchnye Trudy: Institut narodnozyajstvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS*. 2024;(3):114-129. <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2024-3-114-129> (In Russ.)
14. Utama C., Wijaya M. B. L., Lim C. The Role of Interest Rates and Provincial Monetary Aggregate in Maintaining Inflation in Indonesia. *Bulletin of Monetary Economics and Banking*. 2017;19(3):267-286. <https://doi.org/10.21098/bemp.v19i3.666>
15. Serkov L.A. Inter-Regional Inflation Differential as a Consequence of Heterogeneity of the Russian Economic Space. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2020;16(1):325-339. <https://doi.org/10.17059/2020-1-24> (In Russ.)
16. Kuklinova P.S., Dvoryadkina E.B. Assessment of the Impact of Inflation Factors on Regional Economic Development. *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii=Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024;247(3):226-245. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-247-3-226-245> (In Russ.)
17. Katrosha D.I. The Influence of Regional Factors on Inflation: a Case Study of the Murmansk Region. *Sever i ry'rok: formirovanie e'konomicheskogo poryadka=The North and The Market: Forming the Economic Order*. 2024;27(4(86)):25-41. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2024.86.002> (In Russ.)
18. Shevchenko E.S. Impact Estimation of Demographic Factors on the Inflation Rate in the Russian Regions. *E'konomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*. 2022;58(4):71-82. <https://doi.org/10.31857/S042473880023020-1> (In Russ.)
19. Perevyshin Yu.N., Egorov D.I. Influence of Common Factors on Russian Regional Inflation. *Ehkonomicheskoe razvitiye Rossii=Economic Development of Russia*. 2016;23(10):44-50. (In Russ.)
20. Sinelnikov-Murylev S.G., Perevyshin YUN., Trunin P.V. Inflation Differences in the Russian Regions: an Empirical Analysis. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2020;16(2):479-493. <https://doi.org/10.17059/2020-2-11> (In Russ.)
21. Brown M., De Haas R., Sokolov V. Regional Inflation, Banking Integration and Dollarization. *Review of Finance*. 2018;22(6):2073–2108. <https://doi.org/10.1093/rof/rfx021>

Information about the author:

Elena I. Yangirova – Doctor of Economics, Acting Head of the Strategic Management Department, Ufa University of Science and Technology (SPIN-code: 9260-1351) (ResearcherID: ABF-3475-2021).

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья

УДК 331.101.6

JEL J24, E24

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_4_546_561

EDN TFSMMM

Повышение производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области

Руслан Алексеевич Долженко¹, Светлана Борисовна Долженко²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ (Rad@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>)

² (ginsb@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2575-9588>)

Аннотация

В условиях происходящих изменений работодатели сталкиваются с непрекращающимся дефицитом кадров. Ситуацию обостряет тот факт, что крупные промышленные предприятия в разы увеличивают объёмы производства в связи со сменой производственных цепочек, каналов сбыта, заказа со стороны государства, чтобы их обеспечить бизнес нацелен на повышение производительности труда за счёт использования различных резервов. Компании сталкиваются при этом с рядом ограничений, которые не позволяют им добиться поставленных целей в этом направлении. Цель – изучить направления и возможности повышения производительности труда на промышленных предприятиях Свердловской области с позиций руководителей предприятий и директоров по персоналу, выявляя существующие ограничения и предлагая пути преодоления возникших трудностей. Ключевыми методами исследования выступили опросы, реализованные среди промышленных предприятий Свердловской области, а также среди работодателей и работников предприятий. Опрос руководителей показал, что в условиях кадрового дефицита возрастает значимость повышения производительности труда, необходимость комплексного подхода к эффективности, включая перестройку бизнес-моделей и общее улучшение деятельности, а не только локальные изменения, однако многие проекты в этой области воспринимаются как издержки. Основные резервы роста связаны с более эффективным использованием персонала. Требуется устранить расхождения между мотивацией сотрудников и действующими системами стимулирования. Основными методами повышения производительности являются обучение, цифровизация, автоматизация и бережливое производство. Подтверждена гипотеза, что существующий дефицит трудовых ресурсов и низкие уровни автоматизации существенно снижают темпы роста производительности труда на предприятиях Свердловской области, необходима реализация системных организационных решений и инновационных подходов, обеспечивающих эффективное повышение производительности труда в регионе.

Ключевые слова: производительность труда, промышленные предприятия, резервы роста, кадровый дефицит, региональная производительность труда, руководители предприятий, персонал предприятий

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-20469 и Правительства Свердловской области

Для цитирования: Долженко Р.А., Долженко С.Б. Повышение производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 546–561. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_4_546_561
EDN TFSMMM

RAR (Research Article Report)

JEL J24, E24

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_4_546_561

Increasing Labor Productivity in Conditions of Staff Shortage at Enterprises in the Sverdlovsk Region

Ruslan A. Dolzhenko¹, Svetlana B. Dolzhenko²

^{1,2} Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

¹ (Rad@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>)

² (ginsb@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2575-9588>)

Abstract

In the context of the ongoing changes, employers are faced with a persistent shortage of staff. The situation is aggravated by the fact that large industrial enterprises are significantly increasing their production volumes due to a change in production chains, sales channels, and government orders. To ensure them, the business aims to increase labor productivity by using various reserves. At the same time, companies face a number of limitations that prevent them from achieving their goals in this direction. The aim is to study the directions and possibilities of increasing labor productivity at industrial enterprises in the Sverdlovsk region from the positions of heads of enterprises and HR directors, identifying existing limitations and suggesting ways to overcome the difficulties that have arisen. The key research methods were surveys conducted among industrial enterprises of the Sverdlovsk region, as well as among employers and employees of enterprises. The survey of managers showed that in conditions of personnel shortage, the importance of increasing labor productivity increases, the need for an integrated approach to efficiency, including restructuring business models and overall improvement of activities, and not just local changes, but many projects in this area are perceived as costs. The main growth reserves are associated with more efficient use of personnel. It is necessary to eliminate discrepancies between employee motivation and existing incentive systems. The main methods of increasing productivity are training, digitalization, automation and lean manufacturing. The hypothesis has been confirmed that the existing shortage of labor resources and low levels of automation significantly reduce the growth rate of labor productivity at enterprises in the Sverdlovsk region, and it is necessary to implement systemic organizational solutions and innovative approaches that ensure an effective increase in labor productivity in the region.

Keywords: labor productivity, industrial enterprises, growth reserves, personnel shortage, regional labor productivity, enterprise managers, enterprise personnel

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20469 and the Sverdlovsk Region

For citation: Dolzenko R.A., Dolzenko S.B. Increasing Labor Productivity in Conditions of Staff Shortage at Enterprises in the Sverdlovsk Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2025;21(4):546–561. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_4_546_561 (In Russ.)

Введение

Тема роста производительности труда является перманентно актуальной для любого хозяйствующего субъекта рыночной экономики. Этот показатель отражает эффективность работы, позволяет сделать выводы об успешности реализации бизнес-стратегии, говорит о качестве использования трудового капитала и других базовых ресурсов. Чаще об этой теме говорят в периоды кризисов и накопления противоречий, которые мешают субъектам развиваться, получать необходимые эффекты и результаты. Значимость целевой задачи – повышения производительности труда в стране – выведена на уровень национальной цели и зафиксирована в целом комплексе активностей и проектов национального проекта «Эффективная экономика».

Не отстаёт и ответственный бизнес, который запускает комплексные программы развития, повышения организационной эффективности, обучения работников бережливым технологиям и др. Среди таких компаний особенно хочется выделить промышленные предприятия регионов, продолжающие поиск резервов роста производительности труда.

Исходя из значимости темы, мы поставили перед собой цель – изучить направления и возможности повышения производительности труда на промышленных предприятиях Свердловской области с позиций руководителей предприятий и директоров по персоналу, выявляя существующие ограничения и предлагая пути преодоления возникших трудностей.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что существующий дефицит трудовых ресурсов и низкие уровни автоматизации существенно снижают темпы роста производительности труда на предприятиях Свердловской области. Следовательно, необходима реализация системных организационных решений и инновационных подходов, обеспечивающих эффективное повышение производительности труда в регионе.

В соответствии с этим, объектом исследования являются промышленные предприятия Свердловской области, сталкивающиеся с проблемой кадрового голода и необходимостью повышения производительности труда, а предметом исследования выступают организационно-технологические меры и резервы повышения производительности труда на предприятиях ре-

гиона, выявляемые через мнение руководителей и специалистов по управлению персоналом.

Структура исследования способствует реализации следующих задач:

- выявить текущие тенденции и проблемы производительности труда на промышленных предприятиях Свердловской области путём анализа вторичных данных и проведённых опросов;
- определить факторы, ограничивающие потенциал роста производительности труда, включая кадровый дефицит;
- выявить источники резервов роста производительности труда за счёт организационных факторов с опорой на мнение респондентов – экспертов и руководителей предприятий.

Основной метод исследования – анкетные опросы, проведённые в 2023–2024 гг.

В плане научной разработанности теории производительности труда большинство вопросов закрыты: есть чёткое понимание сущности этого показателя, методов его оценки, подходов к увеличению. Исследователей в целом интересуют не вопросы определений и подходов к расчёту производительности, а влияние факторов, выявление резервов, воздействие структурных, технологических, институциональных кризисов и трансформаций, соотношения вклада в человеческий капитал и научно-исследовательские разработки, исследование производительности труда в отдельных секторах экономики и типах организаций [1]. В отношении последнего интересно появление в 2025 г. серии публикаций различных авторских коллективов на тему производительности труда в строительном секторе [2; 3; 4; 5; 6] (что также может быть интересно ввиду представленных далее в нашей статье параметров респондентов опросов). В количественном отношении лидируют статьи по вопросам влияния на производительность труда цифровизации, автоматизации, технологий искусственного интеллекта, и эти исследования описывают опыт как развитых [7], так и развивающихся стран [8; 9]. В первой группе стран отмечается тематика снижения уровня производительности труда [10], для второй группы характерны поиски пути повышения производительности труда и переноса (займствования, внедрения) технологий и подходов [11; 12].

Актуальные исследования производительности труда в отечественных источниках в целом так-

же начинают обращаться к факторной [13; 14; 15] и секторальной [16; 17; 18] проблематике, в т.ч. представляя опыт межстранового сопоставления [19]. Вместе с этим, ключевой особенностью российских исследований является региональный срез [20; 21; 22], которому следует и настоящая статья. Уникальным источником информации для отечественных исследователей являются профильные национальные проекты [23; 24]. Цифровизация, роботизация, бизнес-моделирование также входят в поле научного обозрения [25], делаются подходы к изучению взаимосвязи производительности труда с другими показателями – «здоровья» трудового и производственного потенциала страны, например, занятостью [26; 27] или в нестандартных условиях [28]. Вместе с этим отечественная школа может представить и актуальные исследования о трансформации смысла самого труда [29].

Теоретические и методологические положения производительности труда и исследования факторов её роста

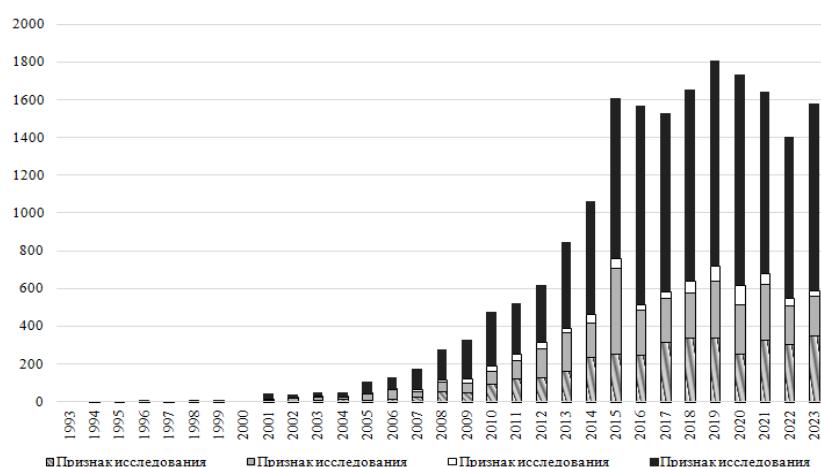
Под производительностью труда вслед за большинством учёных и практиков в этой области мы будем понимать результат деятельности людей, который измеряется количеством произведённых товаров или оказанных услуг, за единицу времени. Наукой и практикой накоплен большой опыт в управлении данным показателем, поэтому важно оценить текущие наработки, чтобы понять направления их использования в условиях кадрового дефицита.

Как показывают исследователи, производительность труда – это сложная система, постоянно требующая модернизации и совершенствования в условиях социально-экономической нестабильности.

ности на макро и микроуровнях [30, с. 18]. Высокое значение этого показателя и его рост обеспечивает национальное экономическое благосостояние, а использование новых технологий, транслируемых из-за рубежа, позволяет использовать рабочую силу более эффективно и результативно.

Тема производительности труда и инструментов её повышения поднимается в научных работах на постоянной основе, во многом, потому что ориентир в её повышении всегда стоит перед предприятиями любой отрасли. Одной из наиболее значимых публикаций, актуализирующих значимость роста производительности труда в нашей стране, является работа коллектива авторов из «МакКензи» в журнале «Российский журнал менеджмента» [31]. Работа, опубликованная более 15 лет назад, сохраняет актуальность. В 2010 году производительность труда в российских предприятиях была в 5–6 раз ниже, чем в европейских. За десятилетие, включающее реализацию национального проекта «Производительность труда», этот показатель вырос, но не достиг уровня зарубежных компаний, которые также активно повышали производительность труда [32].

За всё время существования нашей страны наблюдается устойчивый рост научного интереса к вопросам производительности труда. Начиная с 2001 года количество публикаций, посвящённых данной проблематике, набирает стремительную популярность, в том числе в ключевых экспертных изданиях [33]. Поэтому нами был проведён анализ публикаций в отечественных научных журналах, посвящённых теме производительности труда (по ключевым словам, «производительность труда» в РИНЦ), его результаты представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Динамика количества публикаций в отечественных научных журналах, посвященных вопросам производительности труда (по ключевым словам, «производительность труда» в РИНЦ)
Figure 1. Dynamics of the Number of Publications in Domestic Scientific Journals Devoted to issues of Labor Productivity (by Keywords «Labor Productivity» in the RSCI)

Источник: составлено авторами на основе результатов поиска ключевых слов на сайте eLIBRARY.RU на дату 01.05.2025

Как видно из рисунка 1, тема вызывает значительный интерес учёных, особенно в периоды экономических кризисов и при реализации национальных проектов, таких как «Производительность труда» (2015–2016, 2019–2020 гг.). Количество научных публикаций на тему производительности труда выросло за последние 15 лет более чем в 3 раза. Это подогрело интерес к «бережливым технологиям», про которые также стали писать больше. Другие технологии оптимизации процессов и повышения производительности труда встречаются реже и не на системной основе.

Все проанализированные публикации по теме можно распределить по следующим группам: теория вопроса и определения понятия «производительность труда»; исследования показателей производительности труда в региональном разрезе, в том числе исследования опыта отдельных регионов в построении систем управления производительностью труда; резервы и факторы производительности труда; связь производительности труда и отдельных вопросов управления персоналом, занятости, рынка труда.

Самой цитируемой работой на тему «производительности труда» в русскоязычных журналах оказалась работа А.В. Воронцовского [34], в которой автор анализирует влияние цифровых технологий на рост производительности труда и доказывает, что именно они могут стать драйвером развития эффективности российских компаний, но до их внедрения прежде необходимо реализовать целый комплекс оптимизационных решений.

В последние годы интерес к теме производительности труда значительно вырос, это отражает нацеленность бизнеса на повышение эффективности управления экономическими системами, в первую очередь за счёт внедрения инноваций, развития человеческого капитала, цифровизации процессов и использования бережливого производства [35; 36].

Как показал обзор литературы на тему производительности труда, большая часть научных работ (по нашим оценкам более 50% публикаций по теме, проиндексированных в РИНЦ) описывает аграрный сектор экономики [37]. Сельское хозяйство в нашей стране – одна из важнейших областей экономики, которая обеспечивает продовольственную безопасность страны, даёт ресурсы для её развития и очень зависит от новых технологий и прироста эффективности. Производительность труда в аграрном секторе остаётся одной из наиболее популярных тем для исследователей эффективности вплоть до 2023 года.

Начиная с начала 2000-х годов в научных статьях начинают встречаться исследования производительности труда в регионах. И уже через не-

сколько лет публикационная активность в области производительности труда начала стремительно усиливаться: ежегодно стало выходить более 100 статей на данную тему и с каждым годом темп увеличивался, как и охват факторов, способных влиять на показатель [38; 39; 40; 41].

После 2010 года появляются исследования о применении бережливого производства в отечественном опыте [35; 42]. Предпосылками этого роста стало ожидание спада эффективности национальной экономики и необходимость её перевода на интенсивный характер развития. Следующим этапом развития исследований в этой области стали работы, осмысливающие отраслевые особенности роста производительности труда, в первую очередь в промышленности и металлургии [43; 44].

После финансового кризиса 2007–2008 гг. происходит сдвиг к изучению влияния на производительность труда человеческого капитала [45]. Эта тема испытывает ренессанс в связи с ситуацией кадрового голода и недостатка ликвидности для технического перевооружения бизнеса, который усиленно развивает сотрудников для повышения эффективности их труда [46].

И если первые годы после финансового кризиса учёные «обратили взор» на запад, для понимания их действий и стратегий выхода из ситуации и повышения эффективности, то уже с 2012–2013, 2015 г. уменьшилось количество статей, изучающих производительность труда в других странах, так как на первый план вышли исследования, посвящённые изучению ситуации с показателем в России [47].

С 2018 года тема увеличения производительности труда стала фокусом внимания государства, как из-за низких значений показателя на фоне других развитых стран, так и ожидаемого дефицита кадров на рынке труда из-за последствий демографической ямы в 90-е годы 20 века. Для этого был разработан и внедрён комплекс мер государственной поддержки бизнеса, включающих финансовое стимулирование и экспертную помощь в оптимизации производственных процессов, которые легли в основу национального проекта «Производительность труда»¹. Реализация плана этого проекта предполагала пятипроцентный ежегодный прирост производительности труда на средних и крупных предприятиях несырьевых отраслей экономики.

Реализация данного проекта стартовала в 2019 году. Проект подразумевает под собой создание федерального, региональных и отраслевых центров компетенций в сфере производительнос-

¹ Национальный проект «Производительность труда» // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 12.09.2025).

ти труда для тиражирования лучших практик бережливого производства, использования передового управленческого опыта, внедрения цифровых технологий, автоматизации производства. Запуск национального проекта определил значительное увеличение исследований в этой предметной области начиная с 2019 года в контексте планов и результатов национального проекта. Именно это определило пик внимания интереса учёных к теме в 2019 году – в рамках всестороннего анализа различных факторов, влияющих на производительность труда и критического осмыслиения успехов и неудач национального проекта [25]. С 2025 года проект уже в новом формате федерального проекта действует и предполагает целевую ориентацию на больший охват предприятий экономики и инновацию, вовлечение в проекты повышения производительности труда 100% организаций отрасли социальной сферы с помощью создаваемых отраслевых центров компетенций в социальной сфере. Можно предположить, что в ближайшие годы эта тема станет актуальной среди профильных исследователей. К данному федеральному проекту и предыдущему национальному проекту у экспертного сообщества накоплены не решённые вопросы, так как его узкая сосредоточенность на решении конкретных целей и достижение показателей не приближает экономику страны к росту в условиях, когда многие фундаментальные вопросы (денежно-кредитной, налоговой политики, открытости рынка для зарубежных товаропроизводителей, имеющих в этой части гораздо более благоприятные условия для своей деятельности) не решены.

Анализ показывает, что динамика роста научного интереса к проблемам производительности труда отражает стремление учёных к комплексному подходу в оценке всех возможных факторов, влияющих на этот показатель, а также поиску эффективных методов его повышения в различных отраслях и регионах, сферах экономической деятельности нашей страны.

Использованные данные и методика исследования мнений субъектов труда о производительности труда на предприятиях Свердловской области

Для оценки представлений ключевых субъектов труда предприятий Свердловской области о производительности труда, для понимания отдельных аспектов изучаемой проблематики в части промышленных предприятий мы воспользовались данными соцопроса Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей (далее – СОСПП), исследовавшего мнение руководителей региональных предприятий, руководителей по персоналу промышленных предприятий региона²

² Отчёт о результатах исследования мнений руководителей предприятий – членов Свердловского областного союза

(далее – опрос СОСПП), а также опроса, реализованного совместно с HeadHunter (ООО «Хэдхантер», далее – НН.ru) в 2024 году среди работников и работодателей³ (далее – опрос НН.ru).

Цель исследования в форме опроса – осуществить срез мнений представителей работодателей предприятий Свердловской области и их работников о производительности труда в организации, её кадровой политике и её ориентациях на повышение производительности труда работников.

- Достижение поставленной цели реализуется в рамках следующих задач: оценить мнения представителей работодателей предприятий Свердловской области о ключевых проблемах, мешающих развитию бизнеса;

- определить какие инструменты повышения эффективности бизнеса они предпочитают использовать в текущих условиях;

- оценить роль кадровой политики в решении бизнес-задач, стоящих перед предприятиями региона;

- изучить направления повышения производительности труда на предприятиях области в оценках руководителей и работников;

- оценить соответствие мотивов работников, направленных на повышение производительности их труда и действующих в организациях систем стимулирования, используемых руководителями.

Объект исследования – представители работодателей предприятий Свердловской области и их работников.

Предмет исследования – мнение представителей работодателей предприятий Свердловской области и их работников о различных аспектах производительности труда в кадровой политике организаций.

В исследовании СОСПП, которое было проведено в ноябре-декабре 2023 г. методом формализованного анкетирования, приняли участие руководители 102 предприятий и организаций Свердловской области, являющихся членами СОСПП. 60,7% опрошенных предприятий расположены на территории муниципального образования город Екатеринбург, 39,3% – на территориях иных муниципальных образований Свердловской области. Общая численность работников предприятий, принявших участие в исследовании, составляет 335 тыс. человек. Результаты исследования учитывают мнения руководителей предприятий Свердловской области, на которых занято 15,3% трудоспособного населения Свердловской области.

Исследование с привлечением НН.ru осуществлялось через анкетный опрос, реализованный в

промышленников и предпринимателей за 2023 год // Свердловский областной союз промышленников и предпринимателей: [сайт]. URL: https://sospp.ru/wp-content/uploads/2024/03/otchet_2024_12.02-2.0.pdf (дата обращения: 12.09.2025).

³ Исследования рынка труда // HeadHunter: [сайт]. URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/article/research> (дата обращения: 08.12.2024).

2023–2024 гг. с помощью онлайн-анкетирования. Выборка формировалась методом снежного кома. Исследование проводилось в течение 2 лет, с 2023 по 2024 гг., планируется продолжение опроса в последующие периоды. Выборка исследования мнения представителей работодателей и работников на тему производительности труда, проведённого совместно с НН.ru: 80 компаний-работодателей в 2023 году, 107 – в 2024 году, а также 1183 работников в 2023 году, и 2563 – в 2024 году. Под каждую целевую аудиторию опроса была подготовлена отдельная онлайн-анкета. Анкеты рассыпалась в первую очередь в те компании, которые принимали участие в опросе в предыдущие годы, а также по общей базе рассылки активным участникам платформы НН.ru и работникам с активными профилями на НН.ru, в сфере интересов которых была указана тема производительности труда. Небольшая выборка по представителям работодателей обусловлена малым размером генеральной совокупности, так как нас интересовали в первую очередь промышленные предприятия. Низкий уровень доверительной вероятности компенсировался в нашем случае качеством выборки, в которую попали руководители и директора по персоналу ключевых предприятий региона. Требования к выборке по респондентам из числа работников соблюdenы полностью.

Вопросы анкет сформулированы для раскрытия следующих гипотез исследования.

H1. Для большинства компаний нехватка кадров в регионе является ключевой проблемой, мешающей бизнесу.

H2. Большинство работодателей из числа промышленных предприятий региона видят ключевым инструментом повышения эффективности – кадровую политику.

H3. Ухудшение ситуации на рынке труда привело к переориентации ключевых целей кадровых политик и служб по работе с персоналом на привлечение и удержание персонала.

H4. Для большинства промышленных компаний приоритетной темой является производительность труда и её повышение.

H5. Большая часть компаний планирует сохранить или снизить инвестиции в мероприятия по повышению производительности труда.

H6. Проекты повышения производительности труда в организации ведут к росту затрат на персонал, а не к оптимизации расходов.

H7. Компаниям в первую очередь не хватает компетенций в области производительности труда.

H8. Проекты повышения производительности труда в любой форме затрагивают большинство подразделений оцениваемых предприятий.

H9. Самым используемым инструментом по-вышения производительности труда является развитие человеческого капитала через обучение персонала;

H10. Базовые мотивы заниматься производительностью труда у работников не поддерживаются действующими системами стимулирования со стороны предприятий.

Проанализируем результаты исследования, сделаем соответствующие выводы.

Результаты исследования мнения субъектов труда о производительности труда на предприятиях Свердловской области

Начнём с анализа результатов опроса СОСПП. По мнению опрошенных экспертов, наиболее острые проблемы, которые препятствовали эффективной работе предприятий в 2022–2023 гг., разнообразны по содержанию и влиянию на субъектов (рисунок 2).

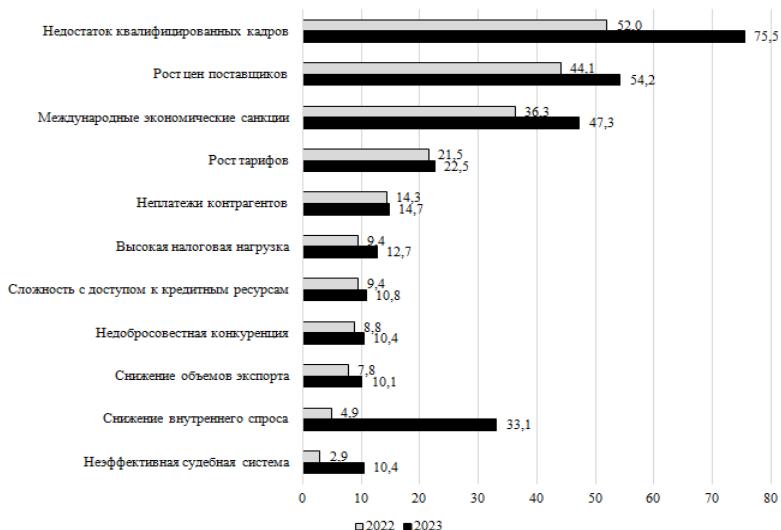

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос о проблемах на рынке труда региона, %

Figure 2. Distribution of Responses to the Question about the Problems in the Region's Labor Market, %
Источник: результаты опроса СОСПП.

Ключевая проблема 2023 года – нехватка кадров. Она резко вышла на первое место, при том, что в 2022 году была на 2 месте по значимости для промышленников после проблемы роста цен поставщиков. Наша гипотеза H1 подтвердилась. Значительно упала значимость таких факторов как снижение внутреннего спроса и неэффективная судебная система, уменьшается влияние санкций (с 47,3% до 36,3%), точнее бизнес к ним адаптировался. При этом руководители отмечают усилива-

ющееся за счёт накопительного действия международных санкций и повсеместный рост цен поставщиков, которые заставляют предприятия оптимизировать расходы и ориентироваться на обходные пути ведения экономических отношений, которые насыщены трансакционными издержками для бизнеса.

Что повлиял эффективность предприятий в 2023 году? Мнение представителей бизнеса представлено на рисунке 3.

Рисунок 3. Распределение ответов по вопросу о факторах, положительно влияющих на развитие промышленных предприятий региона в 2023 году, %

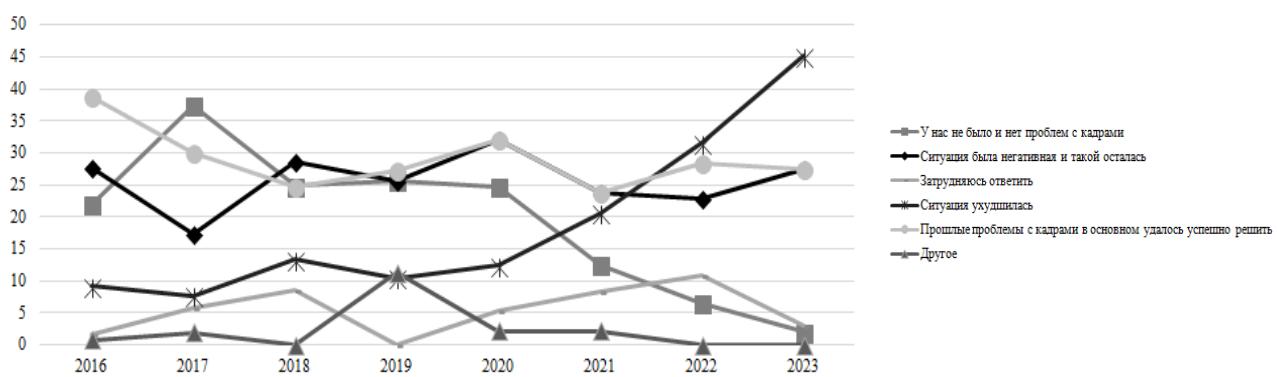
Figure 3. Distribution of Responses to the Question about the Factors That Positively Influencing the Development of Industrial Enterprises in the Region in 2023, %

Источник: результаты опроса СОСПП.

Ответы однозначны. Положительное влияние в первую очередь оказывает эффективная кадровая политика. Наша гипотеза H2 подтвердилась. После этого – выход на новые рынки и модернизация оборудования. Приоритеты очень быстро поменялись из-за изменений во внешней среде: выросла ключевая ставка ЦБ, поменялись связи с поставщиками, уменьшилось количество проверок со стороны проверяющих органов и др. Из-за этого значение факторов развития,

которые играли значительную роль ранее, в последние два года ушли на периферию внимания бизнеса.

Для понимания ситуации с кадрами и её восприятия экспертами от предприятий региона нами был задан соответствующий закрытый вопрос, распределение ответов на который приведено на рисунке 4. Лонгитюдность опроса позволила сопоставить между собой результаты ответов в динамике с 2016 по 2023 гг.

Рисунок 4. Динамика оценок ситуации с кадрами за период с 2016 по 2023 годы, %

Figure 4. The Dynamics of Estimates of the Personnel Situation for the Period from 2016 to 2023, %

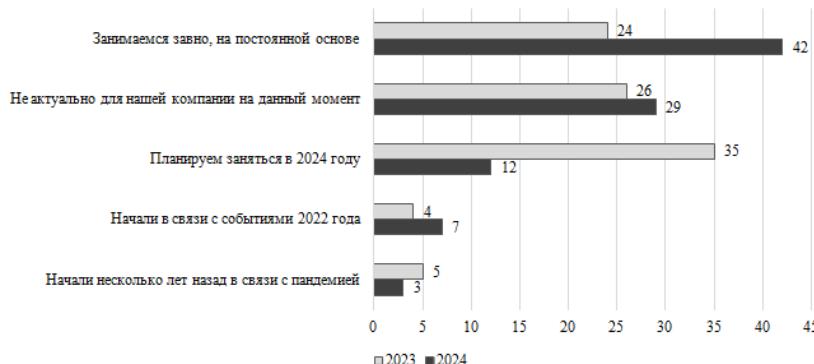
Источник: результаты опроса СОСПП.

Как видно из рисунка 4, начиная с 2019 года ситуация последовательно ухудшается и начинает значительно ухудшаться с 2021 года, с обострением в 2023 году, когда почти каждый второй представитель бизнеса отметил, что ситуация ухудшилась. Только у 2,9% опрошенных проблем с кадрами не было, хотя ещё в 2020 году таковых было почти 25%.

Ухудшение ситуации изменяет и приоритеты кадровых служб предприятий региона. Для оценки этих изменений нами был включён вопрос о ключевых показателях эффективности HR-служб. У 91,7% респондентов базовым показателем является «укомплектованность штата», у 58,3% – текучесть персонала, 50% – вовлечённость/лояльность персонала и уже у 41,7% – производительность труда. Гипотеза Н3 подтвердилась частично. Да, для компаний важно набирать персонал и снижать текучесть, но при этом возрастает роль производительности труда и её роста.

Далее рассмотрим результаты опроса, проведённого среди представителей работодателей и работников предприятий Свердловской области с привлечением HH.ru. Основой для анализа стали результаты исследования мнения представителей работодателей предприятий, а также их работников, активных пользователей платформы HH.ru, посвящённого вопросам производительности труда, её представленности в приоритетах руководства, кадровых политиках, проводимом на протяжении в 2023–2024 гг. Это ежегодный опрос, инициированный в рамках исследовательского проекта выявления резервов роста производительности труда на предприятиях и среди сотрудников.

Ответы на вопросы распределились следующим образом. Нас интересовало, ведёт ли компания респондента-руководителя работу по повышению производительности труда. Распределение ответов приведено на рисунке 5.

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос о ведении проектов повышения производительности труда на предприятии в последние годы, %

Figure 5. Distribution of Responses to the Question about the Implementation of Projects to Increase Productivity at the Enterprise in Recent Years, %

Источник: результаты опроса HH.ru.

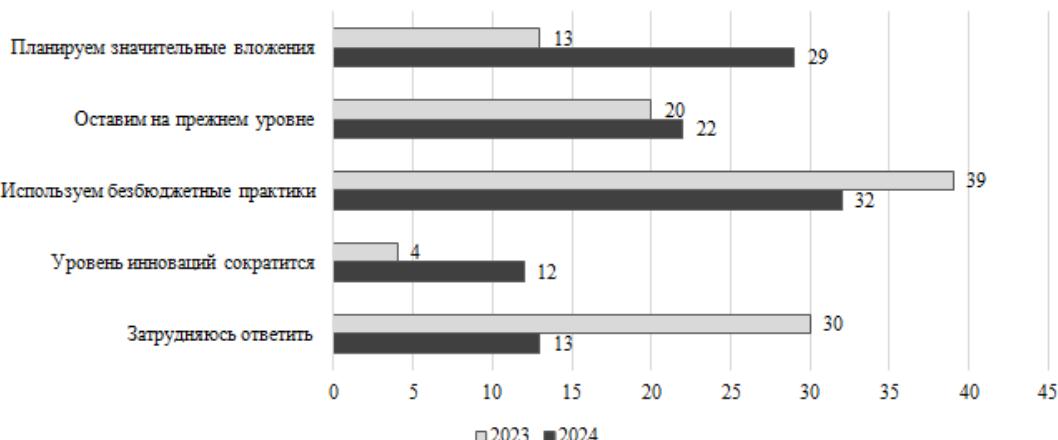
Почти для трети компаний из числа респондентов тема производительности труда не актуальна как в 2023, так и 2024 годах. Но для многих 2023 год стал реперной точкой, до которой 35% респондентов планировали заняться темой в следующем году, после – уже 42% занимаются на постоянной основе (таких за последний год стало почти в 2 раза больше). Кадровый дефицит актуализирует тему повышения производительности труда в сознании работодателей, но не в явной форме. Гипотеза Н4 не подтвердилась.

При этом многие респонденты понимают, что рост производительности труда – это затратный процесс, как с точки зрения трудозатрат, так и инвестиций в обновление технологий.

Распределение ответов на вопрос: «Вырастет ли в 2024 году уровень инвестиций вашей компа-

нии в новые технологии и мероприятия по повышению производительности труда?» приведено на рисунке 6.

Ответы респондентов говорят о том, что с одной стороны, бизнес значительно повысил инвестиции в повышение производительности труда в 2024 году по сравнению с 2023 г. (почти в 2 раза увеличилось количество компаний, инвестирующих в ПТ с 13 до 29%), с другой стороны растёт и количество тех, у кого уровень инвестиций снизился почти в 3 раза. Это говорит о нарастающей дифференциации между успешными компаниями, которые растут в новых условиях и инвестируют в развитие, и неэффективными, у которых всё меньше средств на инвестиции. Гипотеза Н5 подтвердилась частично.

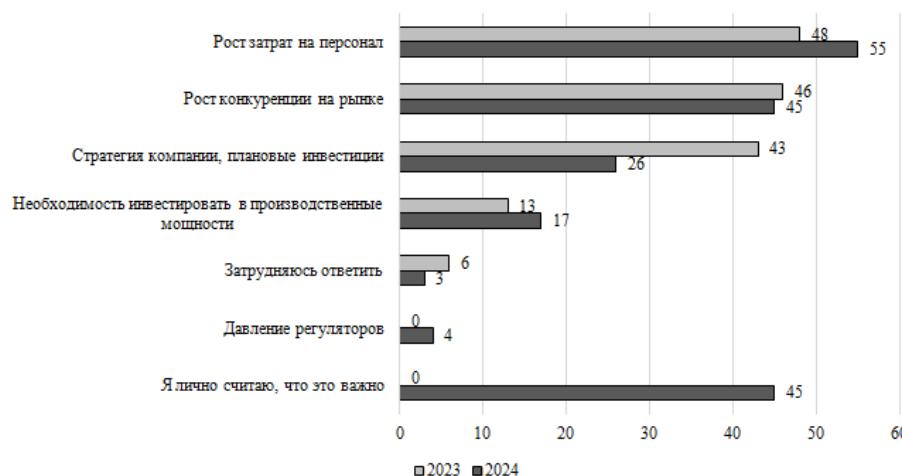

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос о росте инвестиций в повышение производительности труда, %
Figure 6. Distribution of Responses to the Question about the Growth of Investments in Improving Labor Productivity, %

Источник: результаты опроса HH.ru.

У тех компаний, которые проводят проекты повышения производительности труда, происходят значительные изменения, которые затрагивают разные стороны деятельности. Резуль-

таты распределения ответов на вопрос: «Какие проекты по росту производительности труда в 2023–2024 гг. затронули вашу компанию?» приведено на рисунке 7.

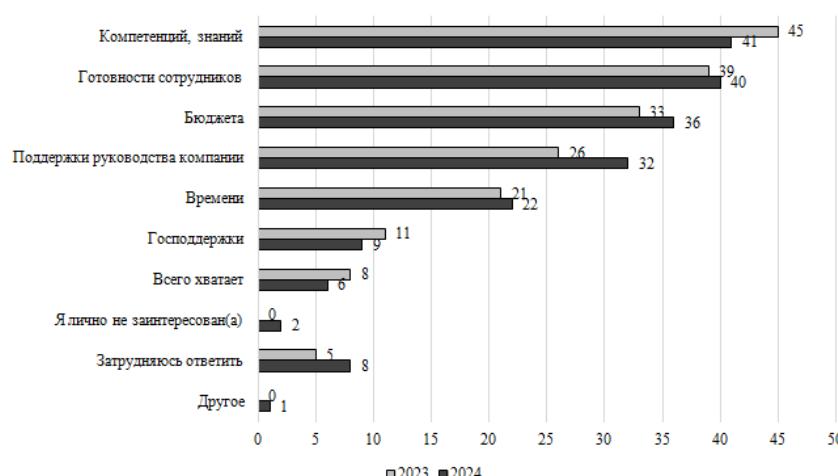
Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос о влиянии проектов повышения производительности труда на компанию, %
Figure 7. Distribution of Responses to the Question about the Impact of Productivity Improvement Projects on the Company, %

Источник: результаты опроса HH.ru.

Повышение производительности труда требует повышения затрат на персонал, рост эффективности не ослабляет конкуренцию, а даже усиливает её. Опрос показал, что уже практически не осталось людей, которые не видят смысла в повышении производительности труда. Но при этом большинство респондентов

считают, что проекты повышения производительности труда – это издержки. Гипотеза Н₀ подтвердилась.

Распределение ответов на вопрос: «Каких ресурсов вам не хватает на данном этапе для работы по повышению производительности труда?» представлено на рисунке 8.

Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос о дефиците ресурсов, которых не хватало для роста производительности труда, %

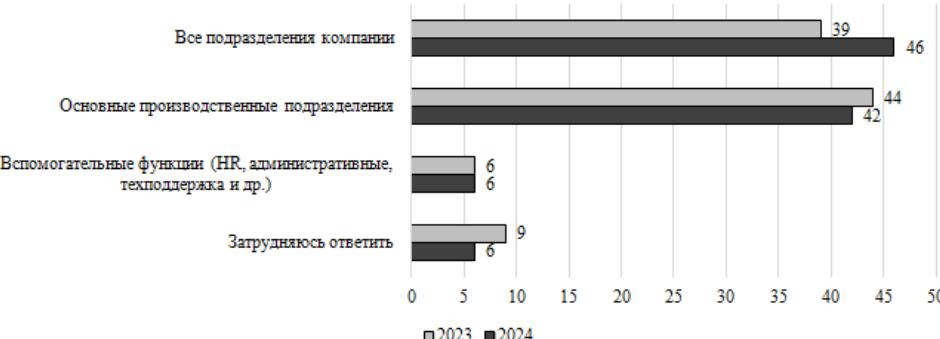
Figure 8. Distribution of Responses to the Question about the Shortage of Resources That Were Not Enough to Increase Labor Productivity, %

Источник: результаты опроса HH.ru.

Ключевой ресурс, которого не хватает для реализации роста производительности труда, по мнению руководителей – это компетенции, знания и готовность работников меняться. Знаний становится всё больше с учётом обучения персонала, но это по-прежнему самый дефицитный ресурс. Важны бюджеты и поддержка руководителя. В господдержке заинтересованы около 10% респондентов. Гипотеза Н7 подтвердилась частично, так как стоит признать, что не меньшей проблемой является низкая мотивация и готовность работников реализовывать проекты повышения производительности труда.

Одним из важных моментов является страх работников перед проектами повышения производительности труда, так как они боятся, что по

их итогам произойдет оптимизация численности и увольнения. Как показывает практика, зачастую это предубеждение не имеет под собой оснований. Сокращают неэффективных сотрудников, в результате оптимизации происходит перераспределение производительных работников на другие направления. Ещё один важный аспект – это направления оптимизации на вспомогательные функции, административно-управленческие или производственные. В этой связи респондентам был задан соответствующий вопрос: «Какие подразделения в вашей компании затронут проекты по росту производительности труда?» (среди тех, кто ведёт или планирует вести работу по повышению производительности труда). Распределение ответов на него приведено на рисунке 9.

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос о том, какие подразделения затронут проекты повышения производительности труда, %

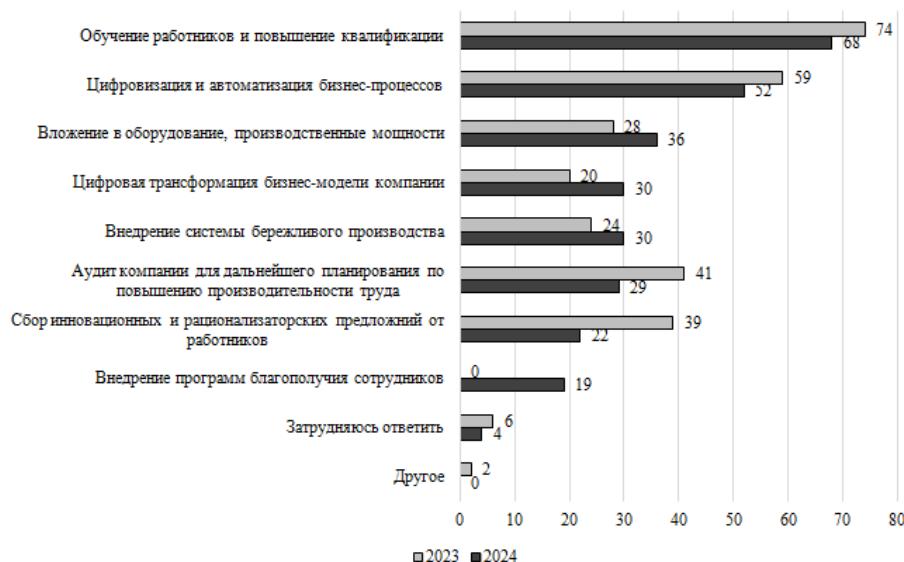
Figure 9. Distribution of Responses to the Question on Which Departments Will Be Affected by Productivity Improvement Projects, %

Источник: результаты опроса HH.ru.

Проекты повышения производительности труда по мнению 46% опрошенных затронули в 2024 году все подразделения, ещё 42% отметили, что в их контур попали основные производственные подразделения. Вспомогательные подразделения затронула оптимизация лишь у 6% респондентов. Гипотеза Н8 не подтвердилась, менее половины подразделений попали под проекты повышения производительности труда. Стоит отметить, что большинство респондентов под та-

ковыми понимают оптимизацию расходов и численности.

Распределение ответов работодателей на вопрос: «Какие задачи в сфере повышения производительности труда компания ставит на ближайшие 1–2 года?» (выбор из 5 или менее вариантов ответа) среди тех, кто ведёт или планирует вести работу по повышению производительности труда), приведено на рисунке 10.

Рисунок 10. Распределение ответов на вопрос о задачах, которые ставит компания в области повышения производительности труда

Figure 10. Distribution of Responses to the Question on the Tasks Set by the Company in the Field of Labor Productivity Improvement

Источник: результаты опроса HH.ru.

Как видно из рисунка 10, тренд на цифровизацию процессов меняется. Бизнес видит интерес либо в обучении работников, либо в смене бизнес-модели компании, её уходе в цифру на глобальном уровне. Всё больше участники опроса заявляют о человекоцентричности и благополучии работников. Это тренд последних лет. Гипотеза Н9 подтвердилась.

Далее мы оценили мнение респондентов-работников об их собственной производительности труда и оценках показателя по компании.

Респонденты в целом оценивают свою личную производительность как высокую. Парадокс субъективного восприятия себя и локус-контроля. У 52% опрошенных из базы в 1200 респондентов-работников выражены представления об их высокой производительности. Но при этом производительность труда во многих отечественных компаниях низкая. И если посмотреть на оценки уровня производительности труда своих компа-

ний у этих же респондентов, можно увидеть, что они много ниже. Лишь 25% респондентов из 1200 считают, что у них в компании высокий уровень производительности, 40% – средняя, 15% – низкая и целых 20% опрошенных отметили, что, по их мнению, в компании вообще не задумываются о повышении производительности труда.

Следующий блок исследования касался оценки влияния различных факторов на производительность труда со стороны работников и работодателей. По мнению респондентов, ключевой фактор, положительно влияющий на их производительность труда – это оценка их заслуг (материальная и нематериальная), этот вариант выбрали 57% опрошенных, интерес к работе (50%), хорошая атмосфера в коллективе (50%) и др. Это расходится с представлениями работодателей о том, что необходимо делать для повышения производительности труда у персонала: обучать работников (62%), увеличивать заработную плату (57%),

прислушиваться к мнению работников и поддерживать их инициативы (55%). Гипотеза Н10 нашего исследования подтвердилась.

В целом, опрос показал, что основными инструментами повышения производительности труда эксперты видят обучение работников, внедрение новых технологий, в том числе цифровизацию и автоматизацию процессов, использование методик бережливого производства и др. Большинство экспертов топ-уровня (директора предприятий) в дополнительных комментариях отметили, что необходим комплексный подход к повышению эффективности компаний страны, не бережливые технологии и локальные улучшения процессов, а пересборка бизнес-моделей и повышение эффективности деятельности.

Заключение

Основная гипотеза исследования содержательно подтверждена: существующий дефицит трудовых ресурсов и низкие уровни автоматизации существенно снижают темпы роста производительности труда на предприятиях Свердловской области, необходима реализация системных организационных решений и инновационных подходов, обеспечивающих эффективное повышение производительности труда в регионе. Однако отметим, что кадровый дефицит актуализирует тему повышения производительности труда в сознании работодателей, но не в явной форме, компании не артикулируют соответствующие мероприятия, либо же сами мероприятия и проекты по повышению производительности труда не затрагивают большинство подразделений организаций и предприятий. Сдерживающим фактором также является низкая мотивация и готовность работников реализовывать проекты повышения производительности труда в текущей системе стимулирования, а сами проекты имеют большую

вероятность успешной реализации в зависимости от предыдущего опыта предприятий и внедрения в организационную культуру инновационных практик.

Таковы результаты опроса представителей предприятий, которые обозначили свои мнения о разных аспектах производительности труда. Тема стала крайне актуальной в 2023 году, в первую очередь из-за исчерпывания возможностей использования дополнительных кадров и их дефицита на рынке труда. Теперь бизнес понимает, что для выполнения возросших планов нужно повышать производительность труда, инвестировать дополнительные доходы в технологическую трансформацию, оптимизацию и цифровизацию процессов.

Особенно актуальна эта тема для промышленных предприятий, так как они особенно зависимы от рабочих, которых на рынке труда катастрофически не хватает, поэтому нужно замещать их функции автоматизированными системами, новым оборудованием, который не предполагает наличие человеческого ресурса. Как видно из опроса, бизнес это понимает и прикладывает усилия к поиску технологических решений. Комментарии отдельных респондентов говорят о том, что организационные факторы роста производительности труда исчерпаны, необходимы новые системные решения, так как рост заработной платы, привлечение работников с рынка, вахтовый метод и другие инструменты интенсификации рабочей силы уже не дают нужного эффекта, а ресурсоёмкие подходы к обновлению технологий требуют значительных инвестиций и роста качества человеческих ресурсов. Как их использовать респонденты в большинстве своем не понимают, используют типовые решения, которые в уникальных условиях ведения бизнеса в настоящем уже не дают необходимого эффекта.

Список источников

1. Last But Not Least: Laggard Firms, Technology Diffusion, And Its Structural And Policy Determinants / G. Berlingieri, S. Calligaris, C. Criscuolo, R. Verlhac // International Economic Review. 2025. Vol. 66. Issue 2. P. 489–979 <https://doi.org/10.1111/iere.12748>
2. Calik I., Koc K., Şahin O. Life cycle risk management for improving labor productivity in construction projects in Türkiye // Buildings. 2025. Vol. 15. Issue 3. P. 484. <https://doi.org/10.3390/buildings15030484>
3. Huynh N. M., Le-Hoai L., Do C.D. Assessing and improving labor productivity management in construction: A practical framework and measurement tool // Construction Economics and Building. 2025. Vol. 25. Issue 1. P. 69–96. <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v25i1.8895>
4. Pradhana R., Trianto A., Fansuri M. H. Literature Review: Factors Affecting Labor Productivity in the Construction Sector // Journal of Civil Engineering and Planning. 2025. Vol. 6. Issue 1. P. 24–38. <https://doi.org/10.11648/j.ajese.20200402.13>
5. Sakr H., Naderpour H., Sharbatdar M.K. Critical Factors Influencing the Labor Productivity of Mass Housing Construction // Journal of Structural Design and Construction Practice. 2025. Vol. 30. No. 1. Art. 04024095. <https://doi.org/10.1061/JSDCCC.SCENG-1546>

6. Van Tam N. Impact of self-efficacy on construction labor productivity: the mediating role of work motivation // Engineering, Construction and Architectural Management. 2025. Vol. 2. Issue 5. P. 3407–3431. <https://doi.org/10.1108/ECAM-11-2023-1114>
7. Aleca O.E., Mihai F. The Role of Digital Infrastructure and Skills in Enhancing Labor Productivity: Insights from Industry 4.0 in the European Union // Systems. 2025. Vol. 13. Issue 2. C. 113. <https://doi.org/10.3390/systems13020113>
8. Song M., Tao W., Shen Z. The impact of digitalization on labor productivity evolution: Evidence from China // Journal of Hospitality and Tourism Technology. 2025. Vol. 16. Issue 1. P. 33–52. <https://doi.org/10.1108/JHTT-03-2022-0075>
9. The Role of Digital Transformation in Shaping Labor Productivity across EU Member States / A. Zegrean, A. Girlovan, C.-A. Botoroga, M. Vrabie // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 4923–4934. <https://doi.org/10.2478/picbe-2025-0376>
10. Fernald J., Inklar R., Ruzic D. The productivity slowdown in advanced economies: common shocks or common trends? // Review of Income and Wealth. 2025. Vol. 71. Issue 1. Art. e12690. <https://doi.org/10.1111/roiw.12690>
11. Karacuka M., Myovella G., Haucap J. Productivity paradox in Africa: Does digitalization foster labor productivity in African economies? // Journal of the Knowledge Economy. 2025. Vol. 16. P. 8374–8393. <https://doi.org/10.1007/s13132-024-02200-8>
12. Labor productivity and output convergences in South Asia: are they capable to develop an outfit for respective economies? / T. Mahmood, S. Ahmad, K. Ullah, N.C. Shil // Journal of Economic and Administrative Sciences. 2025. P. 1–17. <https://doi.org/10.1108/JEAS-11-2024-0477>
13. Гафарова Е.А. Эконометрический анализ факторов роста производительности труда в субъектах Российской Федерации // Вопросы статистики. 2021. Том 28. № 2. С. 80–89. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-80-89> EDN AFOOMY
14. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К., Михеев Е.Б. Факторы роста производительности труда промышленного сектора в условиях структурной перестройки экономики // Экономика промышленности. 2025. Том 18. № 1. С. 49–62. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1425> EDN QVAPOE
15. Шарин В.И., Плутова М.И. Социальные факторы производительности труда // Human Progress. 2023. Том 9. № 1. С. 18. <https://doi.org/10.34709/IM.191.18> EDN KBCFXB
16. Бурицева Т.А. Измерители региональной производительности труда // Вопросы статистики. 2021. Том 28. № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-18-27> EDN TSPLBN
17. Малышев Д.С., Долженко Р.А. Развитие подходов к производительности труда и ее оценке // Экономика труда. 2021. Том 8. № 12. С. 1577–1590. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113989> EDN SLPHAS
18. Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний / Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык, А.А. Федюнина, А.А. Зайцев, М.А. Юревич // Вопросы экономики. 2021. №. 3. С. 31–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-31-67> EDN WSCOBD
19. Ростислав К.В. Различия между странами мира в общей производительности // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 2. С. 16–24. EDN STBVENT
20. Дубровский В.Ж., Иванова Е.М., Чупракова Н.В. Экономическая оценка факторов роста производительности труда на градообразующих предприятиях ОПК: влияние на моногорода // Экономика региона. 2020. Том 16. № 3. С. 831–844. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-12> EDN YTXCES
21. Зимнякова Т.С. Факторы производительности труда ресурсных и «нересурсных» регионов // Вопросы управления. 2021. №. 2(69). С. 47–60. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-47-60> EDN BZDVIW
22. Производительность труда в регионах Российской Федерации: сущность, факторы и резервы роста / Н.В. Трофимова, Э.Р. Мамлеева, М.Ю. Сазыкина, Г.Ф. Шайхутдинова // Вестник УГНТУ. Наука, Образование, Экономика. Серия: Экономика. 2022. №. 2(40). С. 111–121. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-111-121> EDN XZIMXS
23. Король С.П., Король Р.А. Национальный проект «Производительность труда» как направление развития отраслевой экономики // Экономика труда. 2022. Том 9. № 5. 893–908. <https://doi.org/10.18334/et.9.5.114773> EDN AMEBXD
24. Потапцева Е.В., Чашкина П.Д. Национальный проект «Производительность труда»: от заявленных целей к реальным результатам // ЭКО. 2023. № 7(589). С. 108–129. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-7-108-129> EDN HSMSMD
25. Labor division and advantages and limits of participation in creation of intangible assets in industry 4.0: humans versus machines / S.V. Lobova, A.N. Alekseev, T.N. Litvinova, N.A. Sadovnikova // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21. No. 4. С. 623–638. <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2019-0277> EDN HNPUIYT
26. Узякова Е.С. Производительность труда и возможности роста экономики // ЭКО. 2020. № 6(522). С. 87–110. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-87-110> EDN MCLRLK
27. Узякова Е.С., Широв А.А. Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4(205). С. 6–20. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-6-20> EDN НТЕУЈТ
28. Гридасова В.В., Матершева В.В. Пандемия и факторы роста производительности труда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. №. 1. С. 13–24. <https://doi.org/10.17308/econ.2021.1/3346> EDN KRQOBD
29. Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культуре потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY
30. Иваницкий В.П. Факторы и резервы роста производительности труда в статистических учреждениях // Управлениец. 2012. № 5-6(33-34). С. 18–21. EDN PEMGKR
31. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста // Российский журнал менеджмента. 2009. Том 7. № 4. С. 109–168. EDN KYBGAD

32. Долженко С.Б., Малышев Д.С. Оценка производительности труда на предприятиях в России и Италии // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Том 20. № 1. С. 95–111. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-1-7> EDN YYSIOD
33. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 97–116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-97-116> EDN OWGODY
34. Воронцовский А.В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Том 36. № 2. С. 189–216. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.202> EDN DRYBAY
35. Долженко Р.А. Сущность и оценка эффективности использования оптимизационных технологий «ЛИН» и «Шесть сигм» // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 25–33. EDN SFORMX
36. Долженко Р.А. Малышев Д.С. Проблемы на пути цифровой трансформации на российских промышленных предприятиях // Вестник НГУЭУ. 2022. № 1. С. 31–51. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-1-031-051> EDN MTSFTE
37. Ушачев И. Производительность и мотивация труда – важнейшие факторы экономического развития сельского хозяйства // АПК: экономика, управление. 2008. № 1. С. 1–11. EDN IJORAB
38. Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: Экономика и Социология. 2015. № 2(86). С. 86–112. <https://doi.org/10.15372/REG20150605> EDN TUGWOD
39. Бурцева Т.А. Измерители региональной производительности труда // Вопросы статистики. 2021. Том 28. № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-18-27> EDN TSPLBN
40. Черкасов М.В., Грачев А.Н., Лапидус В.А. Управление производительностью труда на уровне региона // Стандарты и качество. 2021. № 5. С. 72–78. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-5-72-78> EDN RGZGHS
41. Седова С.В. Анализ производительности труда в промышленности регионов РФ // Экономика и математические методы. 2003. Том 39. № 4. С. 25–39. EDN OOONEZ
42. Клочков Ю.П. «Бережливое производство»: понятия, принципы, механизмы // Инженерный вестник Дона. 2012. № 2(20). С. 429–437. EDN PCRQPT
43. Барышева Г.А. Бабенко И. В. Производительность труда в металлургической отрасли: анализ тенденций // Известия Томского политехнического университета. 2009. Том 315. № 6. С. 5–9. EDN KYPLBN
44. Силка Д.Н. Особенности оценки производительности труда при обеспечении эффективности производственной деятельности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2017. № 3(369). С. 25–29. EDN KYPLBN
45. Лядская А.В. Lean-производство vs HR-сфера – возможна ли интеграция? // Управление развитием персонала. 2014. № 1. С. 30–37. EDN RYZBLL
46. Голованов А.И. От производительности к эффективности труда // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 137–141. EDN RLYNNV
47. Радостева М.В. К вопросу о производительности труда // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Том 45. № 2. С. 268–272. <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-2-268-272> EDN USCRQQ

Информация об авторах:

Руслан Алексеевич Долженко – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код: 8576-4140) (ResearcherID: J-2847-2015)

Светлана Борисовна Долженко – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код: 8557-7373) (ResearcherID: B-5311-2018)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Светлана Борисовна Долженко.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 30.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Berlingieri G., Calligaris S., Criscuolo C., et al. Last But Not Least: Laggard Firms, Technology Diffusion, and Its Structural and Policy Determinants. *International Economic Review*. 2025;66(2):489–979. <https://doi.org/10.1111/iere.12748>
2. Calik I., Koc K., Şahin O. Life Cycle Risk Management for Improving Labor Productivity in Construction Projects in Türkiye. *Buildings*. 2025;15(3):484. <https://doi.org/10.3390/buildings15030484>
3. Huynh N.M., Le-Hoai L., Do C.D. Assessing and Improving Labor Productivity Management in Construction: A Practical Framework and Measurement Tool. *Construction Economics and Building*. 2025;25(1):69–96. <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v25i1.8895>
4. Pradhana R., Trianto A., Fansuri M.H. Literature Review: Factors Affecting Labor Productivity in the Construction Sector. *Journal of Civil Engineering and Planning*. 2025;6(1):24–38. <https://doi.org/10.11648/j.ajese.20200402.13>
5. Sakr H., Naderpour H., Sharbatdar M.K. Critical Factors Influencing the Labor Productivity of Mass Housing Construction. *Journal of Structural Design and Construction Practice*. 2025;30(1),04024095. <https://doi.org/10.1061/JSDCCC.SCENG-1546>

6. Van Tam N. Impact of Self-Efficacy on Construction Labor Productivity: the Mediating Role of Work Motivation. *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2025;32(5):3407-3431. <https://doi.org/10.1108/ECAM-11-2023-1114>
7. Aleca O.E., Mihai F. The Role of Digital Infrastructure and Skills in Enhancing Labor Productivity: Insights from Industry 4.0 in the European Union. *Systems*. 2025;13(2):113. <https://doi.org/10.3390/systems13020113>
8. Song M., Tao W., Shen Z. The Impact of Digitalization on Labor Productivity Evolution: Evidence from China. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2025;16(1):33-52. <https://doi.org/10.1108/JHTT-03-2022-0075>
9. Zegrean A., Girlovan A., Botoroga C.-A., et al. The Role of Digital Transformation in Shaping Labor Productivity across EU Member States. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2025;19(1):4923-4934. <https://doi.org/10.2478/picbe-2025-0376>
10. Fernald J., Inklaar R., Ruzic D. The Productivity Slowdown in Advanced Economies: Common Shocks or Common Trends? *Review of Income and Wealth*. 2025;71(1),e12690. <https://doi.org/10.1111/roiw.12690>
11. Karacuka M., Myovella G., Haucap J. Productivity Paradox in Africa: Does Digitalization Foster Labor Productivity in African Economies? *Journal of the Knowledge Economy*. 2025;16:8374-8393. <https://doi.org/10.1007/s13132-024-02200-8>
12. Mahmood T., Ahmad S., Ullah K., et al. Labor Productivity and Output Convergences in South Asia: are They Capable to Develop an Outfit for Respective Economies? *Journal of Economic and Administrative Sciences*. 2025;1-17. <https://doi.org/10.1108/JEAS-11-2024-0477>
13. Gafarova E.A. Econometric Analysis of Factors of labor Productivity Growth in Constituent Entities of the Russian Federation. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2021;28(2):80-89. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-80-89> (In Russ.)
14. Zhuravlev D.M., Chaadaev V.K., Mikheev E.B. Factors of Labour Productivity Growth of the Industrial Sector in the Context of the Economic Restructuring. *Ekonomika promyshlennosti=Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(1):49-62. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1425> (In Russ.)
15. Sharin V.I. Plutova M.I. Social Factors of Labor Productivity as its Growth Drivers. *Human Progress*. 2023;9(1):18. <https://doi.org/10.34709/IM.191.18> (In Russ.)
16. Burtseva T.A. Measures of Regional Labor Productivity. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2021;28(1):18-27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-18-27> (In Russ.)
17. Malyshev D.S., Dolzhenko R.A. Development of Approaches to Labor Productivity and its Assessment. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(12):1577-1590. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113989> (In Russ.)
18. Simachev Y.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., et al. Labor Productivity in the Non-Resource Sectors of the Russian Economy: What Determines Firm-Level Growth? *Voprosy Ekonomiki*. 2021;(3):31-67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-31-67> (In Russ.)
19. Rostislav K.V. Differences between the Countries of the World in Overal Productivity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya=Lomonosov Geography Journal*. 2022;(2):16-24. (In Russ.)
20. Dubrovsky V.Zh., Ivanova E.M., Chuprakova N.V. Economic Assessment of Growth Factors of Labor Productivity at Core Enterprise of the Defence Industry: Impact on Single-Industry Towns. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2020;16(3):831-844. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-12> (In Russ.)
21. Zimnyakova T.S. Productivity Factors of Resource and Non-Resource Regions. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2021;(2(69)):47-60. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-47-60> (In Russ.)
22. Trofimova N.V. et al. Labor Productivity in the Regions of the Russian Federation: Essence, Factors and Reserves of Growth. *Vestnik UGNTU. Nauka, Obrazovanie, Ehkonomika. Seriya: Ehkonomika=Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*. 2022;(2(40)):111-121. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-111-121> (In Russ.)
23. Korol S.P., Korol R.A. The National Project «Labor Productivity» as a Direction of the Development of the Sectoral Economy Development. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(5):893-908. <https://doi.org/10.18334/et.9.5.114773> (In Russ.)
24. Potaptseva E.V., Chashchikhina P.D. The National Project «Labor Productivity»: from Stated Targets to Real Results. *ECO*. 2023;(7(589)):108-129. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-7-108-129> (In Russ.)
25. Lobova S.V., Alekseev A.N., Litvinova T.N., et al. Labor Division and Advantages and Limits of Participation in Creation of Intangible Assets in Industry 4.0: Humans versus Machines. *Journal of Intellectual Capital*. 2020;21(4):623-638. <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2019-0277> (In Russ.)
26. Uzyakova E.S. Labor Productivity and Opportunities for Economic Growth. *ECO*. 2020;552(6):87-110. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-87-110> (In Russ.)
27. Uzyakova E.S., Shirov A.A. Employment and Labor Productivity in Russia: Analysis and Forecasts. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2024;(4(205)):6-20. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-6-20> (In Russ.)
28. Gridasova V.V., Matersheva V.V. Pandemic and Labor Productivity Growth Factors. *Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie=Eurasian Journal of Economics and Management*. 2021;(1):13-24. <https://doi.org/10.17308/econ.2021.1/3346> (In Russ.)
29. Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):274-286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)

30. Ivanitsky V.P. Factors and Reserves of Labor Productivity Growth in Statistical Organisation. *Upravlenets*. 2012;(5-6(33-34)):18-21. (In Russ.)
31. Ehffektivnaya Rossiya: proizvoditel'nost' kak fundament rosta. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2009;7(4):109-168. (In Russ.)
32. Dolzhenko S.B., Malyshev D.S. Evaluation of Labour Productivity in Russian and Italian Enterprises. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta=Journal of the Ural State University of Economics*. 2019;20(1):95-111. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-1-7> (In Russ.)
33. Akaev A. O Strategii Integrirovannoj Modernizatsii Ehkonomiki Rossii do 2025 goda. *Voprosy ehkonomiki*. 2012;(4):97-116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-97-116>. (In Russ.)
34. Vorontsovskiy A.V. Digitalization of the Economy and its Impact on Economic Development and Social Welfare. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika=St Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2020;36(2):189-216. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.202>. (In Russ.)
35. Dolzhenko R.A. Essence and Evaluation of Optimizational Technologies «Lean» and «Six Sigma». *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika=Herald of Omsk University. Series «Economics»*. 2014;(1):25-33. (In Russ.)
36. Dolzhenko R.A., Malyshev D.S. Problems on the Way of Digital Transformation at Russian Industrial Enterprises. *Vestnik NGUEHU=Vestnik NSUEM*. 2022;(1):31-51. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-1-031-051> (In Russ.)
37. Ushachev I. Productivity and Labor Motivation – as Important Factors of Economic Development in Agriculture. *APK: ehkonomika, upravlenie=AIC: Economics, Management*. 2008;(1):1-11. (In Russ.)
38. Mikheeva N.N. Workforce Productivity in Russian Regions: Comparative Analysis. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*. 2015;(2(86)):86-112. <https://doi.org/10.15372/REG20150605> (In Russ.)
39. Burtseva T.A. Measures of Regional Labor Productivity. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2021;28(1):18-27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-18-27> (In Russ.)
40. Cherkasov M.V., Grachev A.N., Lapidus V.A. Managing Labor Productivity at the Regional Level: a System for Monitoring and Analysis. *Standarty i kachestvo=Standards and Quality*. 2021;(5):72-78. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-5-72-78> (In Russ.)
41. Sedova S.V. Analysis of Industrial Labor Productivity of in Regions of the RF. *Ekonomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*. 2003;39(4):25-39. (In Russ.)
42. Klochkov Yu.P. «Berezhlioe Proizvodstvo»: Pomyatiya, Printsipy, Mekhanizmy. *Inzhenernyi vestnik Dona*. 2012;2(20):429-437. (In Russ.)
43. Barysheva G.A., Babenko I.V. Labor Productivity in Metallurgical Industry: Tendency Analysis. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta=Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 2009;315(6):5-9. (In Russ.)
44. Silka D.N. Features Evaluation of Labor Productivity While Ensuring Production Efficiency. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti=Textile Industry Technology*. 2017;(3(369)):25-29. (In Russ.)
45. Lyadskaya A.V. Lean-Proizvodstvo vs HR-Sfera – Vozmozhnali Integratsiya? *Upravlenie razvitiem personala*. 2014;(1):30-37. (In Russ.)
46. Golovanov A.I. From Productivity to Labor Efficiency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journals*. 2013;(376):137-141. (In Russ.)
47. Radosteva M.V. On the Question of Labor Productivity. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika=Scientific Bulletins of the Belgorod State University. Series Economics, Computer Science*. 2018;45(2):268-272. <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-2-268-272>. (In Russ.)

Information about the authors:

Ruslan A. Dolzhenko – Doctor of Economics, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics
(SPIN-код:8576-4140) (ResearcherID: J-2847-2015)

Svetlana B. Dolzhenko – PhD in Economics, Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics
(SPIN-код: 8557-7373) (ResearcherID: B-5311-2018)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Svetlana B. Dolzhenko.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 30.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья

УДК 331.101

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_5_562_576

EDN UEXHHE

Анализ условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров

Аркадий Константинович Соловьев

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
(asolovev@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8563-9836>)

Аннотация

Целью исследования является анализ условий достижения социальных и экономических параметров развития государственной пенсионной системы, которые установлены нормативными актами. Актуальность материала определяется тем, что предстоящий бюджетный и плановый период 2026–2028 гг. становится решающим этапом завершения реформы базовых принципов развития страховой пенсионной системы, которые были заложены в 2002 г. и скорректированы в правительственный Стратегии долгосрочного развития государственной пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г. (Стратегия-2030). Методология работы основана на актуарном анализе условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров и оценке рисков выполнения долгосрочных государственных обязательств перед всеми категориями пенсионеров. Актуарно-статистический анализ позволил установить, что современная государственная пенсионная система, несмотря на выполнение социальных функций и реализацию основных мероприятий Стратегии-2030 (ликвидация бедности всех категорий пенсионеров, вывод накопительных составляющих из страховой пенсии, актуализация условий формирования пенсионных прав и др.), испытывает возрастающее влияние внешних глобальных факторов, которые создают стратегические риски достижения национальных целей благополучия старших поколений, определённых Указом Президента РФ №309 (2024 г.). В результате исследования выявлены нерешённые задачи предшествующих этапов пенсионной реформы на страховых принципах, показано, что современная практика поставила перед отечественной пенсионной системой новые проблемы, обусловленные объективными изменениями глобальных и национальных вызовов, которые выходят за пределы пенсионной системы и должны регулироваться в рамках макроэкономической и налогово-бюджетной политики. Обосновано, что развитие цифровых технологий в системе социального обеспечения сегодня является ключевым фактором, способствующим повышению эффективности выполнения пенсионных обязательств государства перед гражданами, а также обоснованы условия достижения национальных целей благополучной старости к установленным срокам и выявлены проблемы, которые препятствуют повышению эффективности пенсионной системы.

Ключевые слова: национальные цели благополучной старости, государственная пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, уровень жизни пенсионеров, коэффициент замещения, актуарно-статистический анализ

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00306

Для цитирования: Соловьев А.К. Анализ условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 562–576. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_5_562_576 EDN UEXHHE

RAR (Research Article Report)

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_5_562_576

Analysis of Conditions for Achieving National Goals of Decent Standard of Living for Pensioners

Arkadii K. Solovev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
(asolovev@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8563-9836>)

Abstract

This study analyses the conditions for attaining the socio-economic development parameters of the state pension system, as stipulated by statutory instruments. The relevance of this research is underpinned by the forthcoming 2026–2028 budgetary and planning period, which represents a decisive phase in finalising the reform of the fundamental principles governing the insurance-based pension system. These principles were originally established in 2002 and subsequently refined by the governmental «Strategy for the Long-Term Development of the Russian Federation's State Pension System until 2030» (Strategy-2030). The methodological framework is grounded in an actuarial analysis of the conditions for achieving national objectives for a decent standard of living for pensioners, coupled with an assessment of risks associated with fulfilling the state's long-term commitments to all pensioner categories. The actuarial-statistical analysis established that the contemporary state pension system, notwithstanding the execution of its social functions and the implementation of core Strategy-2030 measures – such as the eradication of poverty among all pensioner categories, the removal of funded components from the insurance pension, and the revision of pension entitlement criteria – is subject to the growing influence of external global factors. These factors present strategic risks to the attainment of national objectives for the welfare of older generations, as defined by Russian Presidential Decree No. 309 (2024). The study identified unresolved issues from prior stages of the insurance-based pension reform. It demonstrated that current developments have confronted the national pension system with novel challenges, stemming from objective shifts in the global and national landscape. These challenges extend beyond the remit of the pension system itself and necessitate regulation within the framework of macroeconomic and fiscal policy. Furthermore, the research substantiates that the advancement of digital technologies within the social security system constitutes a pivotal factor in enhancing the efficacy with which the state fulfils its pension obligations to citizens. The study also delineates the conditions requisite for achieving the national goals of a prosperous old age within the established timelines and pinpoints the specific impediments to enhancing the pension system's overall efficiency.

OPEN

ACCESS

CC

i

4.0

U

РОССИИ

•

2025

Том 21

№ 4

С. 562–576

Keywords: national goals for a prosperous old age, state pension system, mandatory pension insurance, standard of living for pensioners, replacement rate, actuarial and statistical analysis

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00306

For citation: Solovev A.K. Analysis of Conditions for Achieving National Goals of Decent Standard of Living for Pensioners. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):562–576. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_5_562_576 (In Russ.)

Введение

Объектом исследования является государственная пенсионная система РФ, которая включает страховую и нестраховую составляющие. Предмет исследования – государственное регулирование выполнения государственной пенсионной системой конституционных функций социального государства по обеспечению достойного уровня жизни нетрудоспособных категорий граждан при наступлении страховых рисков старости, инвалидности, потери кормильца. Цель исследования заключается в обосновании условий, обеспечивающих достойный уровень жизни нетрудоспособных категорий граждан, параметры которого установлены нормативными актами. Для достижения этой цели намечены задачи: сопоставление стратегических критериев и планово-бюджетных параметров развития государственной пенсионной системы, а также их трансформации в процессе реализации страховой пенсионной реформы.

Исходная гипотеза заключается в том, что активное регулирование развития пенсионной системы до сих пор направлено на решение тактических задач (целевая поддержка наиболее бедных категорий пенсионеров, сокращение бюджетных трансфертов, расширение льготных категорий застрахованных лиц и т.д.) в ущерб последовательному и комплексному решению задач, определённых президентскими поручениями и правительственными документами, направленными на достижение стратегических национальных целей достойного уровня жизни всех категорий граждан.

Достижение этих целей по достойному уровню жизни находится в центре внимания широких кругов научной общественности, однако не достигнуто единой позиции, начиная с критериев и показателей достойного уровня пенсионного обеспечения, институциональной его сущности, и заканчивая экономическим механизмом реализации и социальных результатов. Наиболее распространённая позиция заключается в том, что уровень пенсионного обеспечения должен непосредственно зависеть от текущих финансовых возможностей государства [1; 2; 3; 4].

Данная позиция была последовательно реализована путём сокращения индексации, секвес-

тирования пенсионных прав работающих пенсионеров, повышения минимальных требований доступности участия работников в солидарно-страховой пенсионной системе, ограничения максимального объёма формируемых пенсионных прав и др. [5; 6]. Закономерно, что это привело к снижению уровня пенсионного обеспечения наиболее активной части работающих пенсионеров (а их было более трети) и незначительному росту за этот счёт у неработающих пенсионеров.

Альтернативная позиция, основанная на руководящих документах и рекомендациях Международной организации труда (МОТ) и Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО), а также ратифицированных законами РФ документах [7; 8; 9], заключается в том, что для достойного уровня жизни пенсионеров регулирование не может ограничиваться внутрипенсионными инструментами, а должно обеспечиваться общебюджетными источниками в части нестраховых пенсионных обязательств [10; 11].

В исследовании обоснована необходимость комплексного подхода к регулированию как внутри-, так вне-пенсионными факторами развития государственной пенсионной системы (ГПС) для достижения стратегический целей, исходя из безусловной необходимости завершения установленных Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы¹ страховой пенсионной реформы и соблюдения страховых принципов формирования пенсионных прав всех застрахованных лиц.

На основе актуарно-статистического анализа показана стратегическая неэффективность разнонаправленных методов регулирования пенсионного обеспечения, которые, решая краткосрочные конъюнктурные задачи, тормозили достижение национальных целей по достойному уровню жизни всех категорий пенсионеров.

Постановка проблемы: методологические положения

Пенсионные обязательства государства являются самым значительным расходным социальным обязательством государственного бюджета (таблица 1). При этом основная его часть, прихо-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р «О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ» (с изм. и доп.).

дящаяся на обязательное пенсионное страхование, хотя и обособлена от государственного бюджета, но непосредственно с ним взаимосвязана, в первую очередь в форме трансфертов, направляемых согласно действующему законодательству государственному страховщику – Социальному фонду России (СФР) – на пок-

рытие как обязательств нестрахового характера (материнский (семейный) капитал, целевые социальные доплаты и выплаты и др.), так и страхового (компенсацию целевых льгот страхователям), а также на субсидиарное участие в финансировании досрочных и «льготных» видов пенсий [11].

Динамика основных параметров бюджета Фонда пенсионного и социального страхования РФ, млрд руб.
Table 1

**Dynamics of the Main Budget Parameters of the Russian Federation Pension and Social Insurance Fund,
Billion Rubles**

	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Доходы	9 490,8	11 162,3	11 178,9	11 362,3	13 629,7	14 413,0	15 336,3
Межбюджетные трансферты	3 364,0	4 947,4	4 541,1	4 200,7	5 291,5	5 402,6	5 654,2
из федерального бюджета, в т.ч.	3 346,7	4 931,7	4 525,6	4 182,7	5 073,0	5 130,5	5 359,4
Страховые взносы	6 126,8	6 214,9	6 637,8	7 161,5	8 338,2	9 010,4	9 682,2
Расходы	9 302,4	10 730,7	11 405,7	11 468,6	13 494,8	14 255,1	14 924,5
Дефицит/профицит	188,4	431,6	-226,8	-106,3	134,9	157,9	411,9
Итого с учётом межбюджетных трансфертов из федерального бюджета по накопительной составляющей пенсионной системы							
Доходы	9 551,6	11 206,7	11 222,8	11 432,9	13 711,2	14 495,3	15 422,1
Расходы	9 365,2	10 766,5	11 441,9	11 512,9	13 541,3	14 303,9	14 975,2

Источник: расчёты автора по отчётам СФР об исполнении бюджета.

Учитывая первостепенную социальную значимость государственной пенсионной системы и возрастающее влияние на консолидированный бюджет, проблема регулирования её развитием постоянно находится в центре внимания как органов управления, так и в научных исследованиях и публикациях. Однако несмотря на активную экспертную дискуссию, до сих пор не достигнуто сколько-нибудь согласованного методологического подхода. Анализ наиболее аргументированных публикаций позволяет выделить основные векторы государственного регулирования.

Учитывая демографические и макроэкономические проблемы, которые оказывают негативное влияние на выполнение государственных пенсионных обязательств, большинство публикаций обосновывают необходимость «адаптировать пенсионную систему» к изменяющимся социально-экономическим условиям, т.е. регулировать параметры пенсионного обеспечения в непосредственной зависимости от конъюнктурных возможностей госбюджета [1; 2; 3; 4; 12; 13; 14]. Наиболее подробно соответствующая аргументация представлена в так называемой Стратегии-2020 [5; 6], главные положения которой были воплощены в конкретных

мероприятиях по регулированию пенсионной системы, начиная с повышения пенсионного возраста, внедрения всеобщего обязательного накопления, секвестирования прав работающих пенсионеров и др.).

Базовым аргументом данного (экономического) вектора регулирования развитием пенсионной системы служит необходимость обеспечить финансовую устойчивость путём ограничения численности получателей пенсий и последовательным сокращением их размера. В исследовании показано, что закономерным результатом является снижение социальных показателей пенсионного обеспечения, которые являются целевыми ориентирами страховой пенсионной реформы.

Альтернативные предложения по регулированию развития пенсионной системы ориентированы на достижение именно социальных результатов страховой реформы, исходя из международно-признанных и акцептованных нормативными актами целей стратегического развития социального государства, а не текущей бюджетной конъюнктурой [7; 8; 9; 10; 15; 16; 17]. Основные положения социально ориентированной методологии регулирования развития пенсионной реформы получили отражение

в правительенной Стратегии долгосрочного развития государственной пенсионной системы.²

Государственная пенсионная система обеспечивает выполнение социальной функции по материальному обеспечению граждан при наступлении старости, инвалидности и потери кормильца. Финансовым источником реализации этой функции как в отечественной, так и в международной практике являются нормативные отчисления от заработка (дохода) гражданина в трудоспособный период для формирования персонифицированной части пенсии и бюджетные трансферты для выполнения целевых социальных гарантий государства³.

Справочно. Основные принципы функционирования систем социального обеспечения сформулированы МОТ в Рекомендации № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты»⁴.

1. Всеобщий характер защиты, основанной на социальной солидарности;

2. Право на получение пособий и льгот, предусмотренных законодательством

3. Адекватный характер и прогнозируемость пособий и льгот;

4. Недопущение дискриминации, обеспечение гендерного равенства и реагирование на особые потребности лиц;

5. Социальная интеграция, в том числе лиц, занятых в неформальном секторе;

6. Уважение прав и достоинства лиц, охваченных социальными гарантиями;

7. Последовательный характер реализации, в том числе посредством установления целей и сроков;

8. Солидарность в области финансирования и стремление к обеспечению оптимальной сбалансированности между сферой ответственности и интересами тех, кто финансирует системы социального обеспечения, и тех, кто пользуется ими;

9. Рассмотрение разнообразных методов и принципов, в том числе механизмов финансирования и систем реализации;

10. Прозрачный, подотчётный и рациональный характер ведения финансовых дел;

² Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р «О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ» (с изм. и доп.).

³ Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (заключена в г. Женеве 28.06.1952 г.).

⁴ Рекомендация Международной организации труда от 14.06.2012 г. № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты» (с изм. и доп.).

11. Финансовая, налогово-бюджетная и экономическая устойчивость при надлежащем учёте принципов социальной справедливости и равенства;

12. Согласованность с социально-экономической политикой и политикой в области занятости;

13. Согласованность действий учреждений, отвечающих за функционирование систем социального обеспечения;

14. Высококачественные государственные услуги, гарантирующие расширение систем социального обеспечения;

15. Эффективность и доступность процедур подачи и рассмотрения жалоб и апелляций;

16. Регулярный мониторинг соблюдения и периодическая оценка;

17. Соблюдение принципов ведения коллективных переговоров и свободы объединения для всех работников.

Российская система обязательного пенсионного страхования характеризуется наличием многочисленных нестраховых компонентов, которые направлены на решение конъюнктурных задач адресной поддержки конкретных категорий граждан. Выполнение этих нестраховых функций государственной пенсионной системы (ГПС), хотя и позволяет оперативно решать актуальные проблемы социальной политики (сократить расходы на трансферт из госбюджета, повысить пенсии целевым группам населения, снизить тарифную нагрузку на плательщиков и т.п.), однако затрудняет достижение эффективности страховой пенсионной системы в целом и тормозит решение долгосрочных задач.

В России система пенсионного обеспечения охватывает всё населения страны, однако размеры и формы пенсионных выплат так же, как и условия финансирования различных видов государственных социальных обязательств существенно различаются. Многочисленные льготы, пособия, единовременные выплаты – это все меры поддержки социально уязвимых слоёв населения, поэтому необходимо проанализировать структуру самой пенсионной системы для решения задач её компонентов и установить взаимосвязь принципов формирования прав и финансирования государственных обязательств, исходя из характеристик самого элемента, входящего в институт социальной защиты. С этой точки зрения предлагаются выделить несколько институциональных элементов ГПС формирования прав граждан и источников финансирования государственных обязательств (рисунок 1):

Рисунок 1. Структура государственной пенсионной системы

Figure 1. Structure of the State Pension System

Источник: составлено автором.

Методы исследования: анализ основных параметров пенсионной системы России для достижения благополучия пенсионеров

Современная государственная пенсионная система представляет собой многокомпонентный конгломерат организационно-административных и нормативно-правовых институтов, которые при этом имеют различный экономический механизм функционирования и требуют разные методы государственного регулирования.

Учитывая первостепенную значимость для развития любой пенсионной системы демографических факторов, анализ факторов регулирова-

ния начинаем с исследования особенностей главного участника пенсионной системы – населения.

Структура российского населения включает в себя различные группы, в числе которых значительную долю занимают пенсионеры. По итогам 2022 года удельный вес пенсионеров в общей численности населения России составила почти треть всего населения – 28,5%, на получателей страховой пенсии приходится 26%. В целом с момента функционирования солидарно-накопительной модели пенсионной системы, доля пенсионеров в общей численности населения возрастила вплоть до повышения пенсионного возраста (рисунок 2).

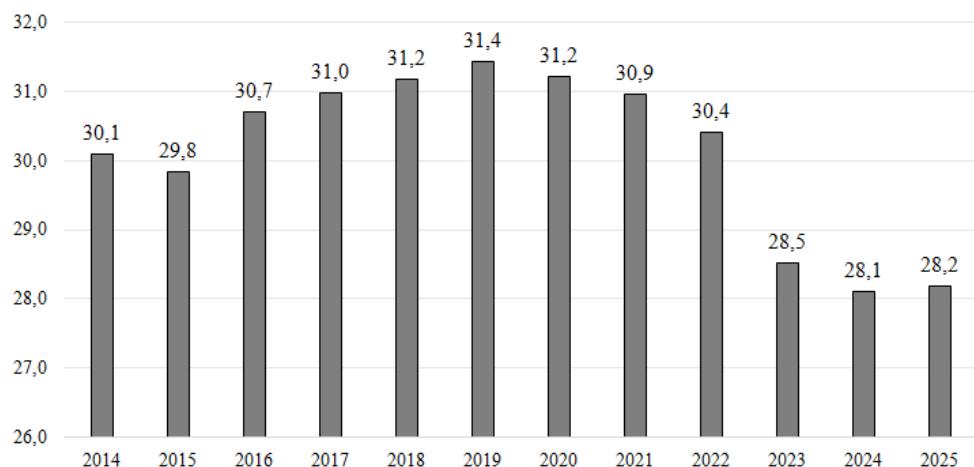

Рисунок 2. Динамика удельного веса пенсионеров в общей численности населения России в 2014–2025 гг., %

Figure 2. Dynamics of the Share of Pensioners in the Total Population of Russia in 2014–2025 Years, %

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Для того чтобы пенсионная система обеспечивала выполнение функции по достойной жизни нетрудоспособного населения, необходимо разработать адекватное нормативно-правовое сопровождение, которое соответствует актуальным макроэкономическим и демографическим процессам в стране.

Пенсионная система России, как и в практике большинства государств, включает в себя несколько составных элементов, которые должны иметь адекватное правовое сопровождение⁵. От этого непосредственно зависит её экономическая и социальная эффективность. Так, гипотетическая модель оптимальной пенсионной системы должна интегрировать альтернативные модели пенсионного страхования: индивидуально-накопительные и солидарно-распределительные, однако строго опираясь на конкретные особенности национальных демографических и макроэкономических факторов [18; 19; 20; 21; 22].

Новый бюджетно-плановый период функционирования отечественной пенсионной системы на 2026–2028 гг. отличается от предшествующих не только необходимостью учёта возрастающего влияния внешних к пенсионной системе глобальных вызовов (социально-демографических, макроэкономических, миграционных и проч.), но и необходимостью выполнения качественного перехода от «борьбы с бедностью» пенсионеров, которая благополучно завершилась установлением целевых федеральной и региональной социальной доплат⁶ (соответственно, ФСД и РСД) к пенсиям до прожиточного минимума пенсионеров (федерального или регионального), к решению стратегической задачи, которая является приоритетной не только для нашей страны: создания комплекса материальных условий для достойного уровня жизни и благополучия всех категорий пенсионеров.

Актуальность такого перехода конкретизирована в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»: в качестве национальных целей развития России на указанный период наряду с материальным обеспечением отмечены сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия всех возрастных групп граждан, реализация потенциала каждого человека, комфортная и безопасная среда жизни и др.⁷

⁵ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Report // OECD: [сайт]. 13 December 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 23.09.2025).

⁶ Источником финансирования ФСД и РСД являются не страховые отчисления работника, а общеналоговые поступления в государственный бюджет.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период 2030 и перспективу 2036 г.».

Для выполнения актуарно-статистического анализа эффективности ГПС необходимо обосновать целевые критерии и определить показатели, которые будут использованы в исследовании. Следует подчеркнуть, что несмотря на разнообразный опыт национальных пенсионных систем, до сих пор не достигнуто единодушное мнение по универсальным критериям эффективности, поскольку все национальные пенсионные системы уникальны⁸ [23; 24; 25].

Тем не менее наиболее признанным критерием как в сопоставительном анализе, так и в планово-бюджетных проектировках в нашей стране и в международных сопоставлениях используется в качестве критерия экономической эффективности функционирования пенсионных систем, основанных на солидарно-страховом перераспределении принцип эквивалентности прав и обязательств [10]. Данный принцип призван обеспечить баланс сформированных в течение трудовой деятельности застрахованного лица пенсионных прав и обязательств страховщика по выплате пенсии, адекватной уровню его трудового вклада в экономику страны. Здесь речь уже идёт о реализации принципа адекватности уровня материального обеспечения. Адекватно оценить трудовой вклад застрахованного лица на протяжении всей его жизни в современной стоимостной оценке помогает сопоставление суммы учтенных страховых взносов и размера назначеннной страховой пенсии, а принят коэффициент замещения.

Справочно. Рассмотренные принципы и критерии отражены в международных документах, посвящённых организации пенсионных систем, однако российское законодательство не содержит подобные нормы. Так, «базовые» правовые основы солидарно-страховой модели пенсионного обеспечения.

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании» описывает параметры системы, но не принципы её функционирования, вытекающие напрямую из цели создания самой системы⁹. Федеральный закон от 16 июля 1999 года «Об основах обязательного социального страхования» (№ 165-ФЗ) включает только отдельные принципы обязательного социального страхования:

1. Устойчивость финансовой системы обязательного социального страхования, обеспечивае-

⁸ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Report // OECD: [сайт]. 13 December 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 23.09.2025).

⁹ Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

мая на основе эквивалентности страхового обеспечения средствам обязательного социального страхования;

2. Всеобщий обязательный характер социального страхования, доступность для застрахованных лиц реализации своих социальных гарантий;

3. Государственная гарантия соблюдения прав застрахованных лиц на защиту от социальных страховых рисков и исполнение обязательств по обязательному социальному страхованию независимо от финансового положения страховщика;

4. Государственное регулирование системы обязательного социального страхования;

5. Паритетность участия представителей субъектов обязательного социального страхования в органах управления системы обязательного социального страхования;

6. Обязательность уплаты страхователями страховых взносов;

7. Ответственность за целевое использование средств обязательного социального страхования;

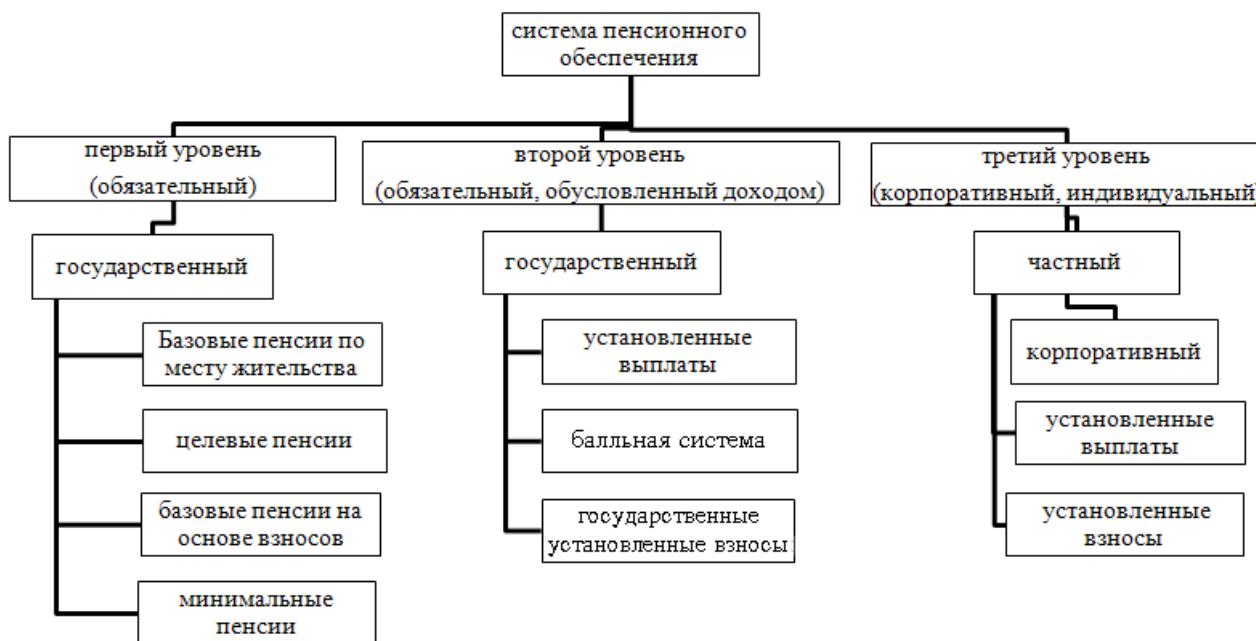
8. Обеспечение надзора и общественного контроля;

9. Автономность финансовой системы обязательного социального страхования¹⁰.

Нормативное обеспечение финансирования государственных пенсионных обязательств регулируется специальными законами, глубоко аф-

илированными, с одной стороны, в бюджетное законодательство (Бюджетный кодекс РФ), а, с другой стороны, в тарифно-налоговое законодательство (Налоговый кодекс РФ).

Многообразие источников финансирования пенсионного обеспечения в РФ обусловлено пенсионной моделью, а также внешними параметрами макроэкономической системы страны, оказывающими непосредственное влияние на её устойчивость. Обобщение международной практики финансирования пенсионных обязательств государства представлено в годовом докладе ОЭСР «Pension at Glance 2023», который обосновывает классификацию пенсионных моделей по способу финансирования.¹¹ Рисунок 3 обобщает характеристики компонентов различных пенсионных систем. Первый уровень включает программы, предлагающие минимальный уровень социальной защиты при утрате трудоспособности по возрасту, при расчёте пенсионного дохода которых учитываются только нормативно-установленные минимальные требования для участников системы обязательного пенсионного страхования (ОПС) (без учёта индивидуальных пенсионных прав: заработка, полного стажа и т.п.). Такие схемы предназначены для обеспечения определённого минимального уровня жизни при выходе на пенсию.

Рисунок 3. Взаимообусловленность пенсионной и финансовой модели
Figure 3. Interdependence of the Pension and Financial Models

Источник: составлено автором по данным «Pension at Glance 2023»¹².

¹⁰ Федеральный закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об основах обязательного социального страхования».

¹¹ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Report // OECD: [сайт]. 13 December 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 23.09.2025).

¹² Там же.

Базовый обязательный компонент пенсионной системы представляет собой реализацию государственных гарантий по социальной защите граждан. Базовые пенсии первого компонента могут предоставляться как по праву резидентства, так и на основе минимального размера уплаченных страховых взносов, могут носить целевой характер или предоставляться адресно в связи с нуждаемостью.

Размер страховой пенсии может меняться в зависимости от времени проживания или уровня взносов, но не отражает заработок, полученный во время трудовой деятельности.

Справочно: В ряде стран ОЭСР первый уровень (базовый) устанавливается по факту резидентства гражданина (в Норвегии базовый компонент представляет собой целый набор материальной поддержки, правда на основе проверки нуждаемости). Однако в большинстве стран ОЭСР базовый уровень зависит от минимального стажа и размера уплаченных страховых взносов. Во всех случаях, базовый уровень – это государственная гарантия минимальной денежной выплаты при выполнении конкретных условий (старше пенсионного возраста, семейная бедность и т.п.).

Обсуждение результатов анализа: факторы и условия достижения целевых параметров страховой пенсионной реформы

Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы России до 2030 года¹³ (Стратегия-2030) предусмотрены количественные критерии её дости-

жения: средний размер трудовой пенсии по старости – не менее 2,5–3 прожиточных минимума пенсионера (далее – ПМП) и коэффициент замещения трудовой пенсий по старости 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате¹⁴. Эти два целевых индикатора реализуются в отношении главного компонента пенсионной системы – системы ОПС.

Для достижения целевого индикатора по соотношению среднего размера страховой пенсии по старости в 2,5 ПМП к 2030 году необходимо было ежегодно наращивать этот показатель на 5–6 процентных пунктов (рисунок 4). Величина ПМП учитывается в двух размерах: в целом для Российской Федерации и для каждого субъекта отдельно. Первый вариант используется как целевой ориентир Стратегии, второй вариант как основа для определения нуждаемости и предоставления мер социальной поддержки.

Как показано на рисунке 4, целевой ориентир в 2,5–3 ПМП для страховых пенсий по старости не достигается ни среди всех получателей, ни среди неработающих пенсионеров. Для работающих пенсионеров этот показатель даже снизился до 145% ПМП. Максимальное соотношение страховой пенсии по старости с ПМП в рассматриваемом периоде наблюдалось лишь после валоризации пенсионных прав (в 2012 году – 195% ПМП). Следует отметить также рост показателей в период 2016–2023 гг. только для неработающих пенсионеров, после отмены индексации работающим пенсионерам.

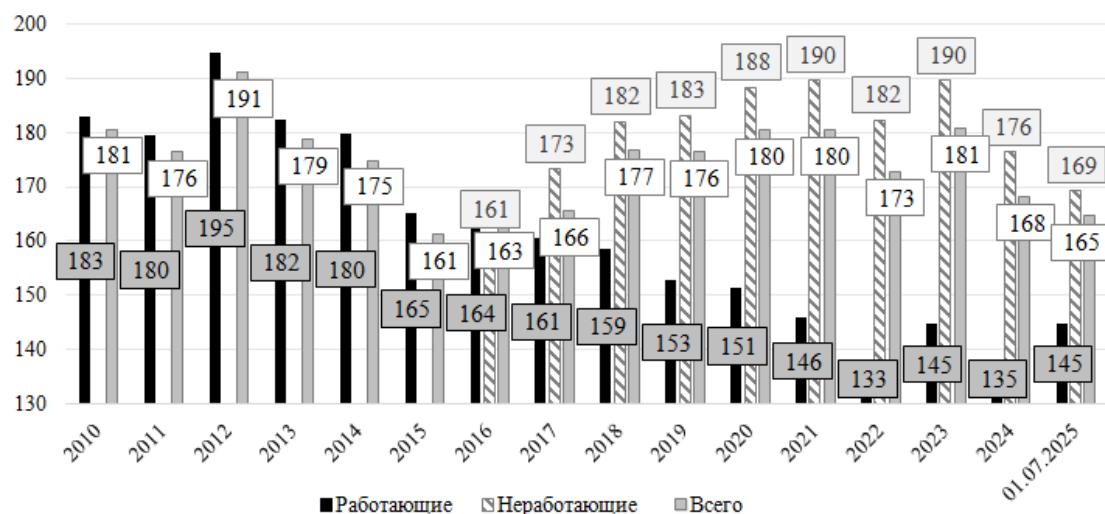

Рисунок 4. Динамика соотношения среднего размера страховой пенсии по старости с ПМП, %

Figure 4. Dynamics of the Ratio of the Average Old-Age Insurance Pension to the Minimum Subsistence Level, %

Источник: расчёты автора на основе данных СФР¹⁵

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р «О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ» (с изм. и доп.).

¹⁴ С 2015 года нормативное понятие «трудовая пенсия» заменено на «страховую пенсию».

¹⁵ Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr (дата обращения: 01.09.2025).

Таким образом, на текущий момент без нестраховых доплат система обязательного пенсионного страхования не может обеспечить решение проблемы бедности пенсионеров в страховом формате. Кроме того, следует отметить, что ПМП – это минимальные гарантии государства, но они недостаточны для достойной старости.

При использовании ПМП для мониторинга уровня жизни пенсионеров в ходе анализа учитывалось, что ПМП используется как единственный законодательно установленный измеритель бедности в среднем по стране, и не отражает существенную региональную дифференциацию в уровне жизни по субъектам РФ и климатическим регионам, а также даёт лишь стоимостную оценку потребительской корзины без учёта обязательных платежей и сборов. В то время как состав потребительской корзины требует не только регуляр-

ной индексации, но и актуализации, поскольку всё более отстает от изменений потребительского поведения пенсионеров.

Применение показателя соотношения размера страховой пенсии с ПМП как интегрального критерия эффективности пенсионной системы нельзя считать исчерпывающим, так как он служит индикатором определения минимальной границы для всех видов пенсий. Анализ динамики этого показателя позволяет проследить зависимость от государственного регулирования на различных этапах пенсионной реформы (таблица 2). При этом существенно различаются изменения уровня жизни для различных видов пенсий. Так, соотношение страховой пенсии с ПМП по РФ составляет 174%: страховой пенсии по старости – 181%, страховой пенсии по инвалидности – 110%, страховой пенсии по случаю потери кормильца – 121%.

Динамика соотношения средних размеров страховой пенсии и ПМП в Российской Федерации

Table 2

Dynamics of the Ratio between the Average Insurance Pension and the Minimum Subsistence Level in the Russian Federation

Год	Соотношение среднего размера страховой пенсии с ПМП, %	Соотношение страховой пенсии по старости с ПМП, %	Соотношение среднего размера страховой пенсии по инвалидности с ПМП, %	Соотношение среднего размера страховой пенсии по случаю потери кормильца с ПМП, %
2002	107,5	115,3	83,7	57,2
2003	110,5	118,9	84,8	62,8
2004	114,4	123,1	87,4	67,6
2005	106,5	114,3	81,8	61,6
2006	106,0	113,5	79,8	61,9
2007	121,9	129,6	93,4	68,9
2008	127,7	134,7	95,5	75,6
2009	154,0	161,7	116,3	90,9
2010	172,8	180,6	112,8	106,4
2011	169,1	176,4	109,2	105,8
2012	183,6	191,1	118,2	116,1
2013	171,9	178,7	110,4	109,9
2014	169,0	175,3	108,7	108,8
2015	155,5	161,1	100,0	99,4
2016	157,5	163,0	101,2	101,0
2017	160,23	165,70	102,32	103,85
2018	166,23	171,74	105,58	108,56
2019	173,67	179,49	110,43	114,23
2020	174,41	180,32	110,36	115,04

Окончание Таблицы 2

Год	Соотношение среднего размера страховой пенсии с ПМП, %	Соотношение страховой пенсии по старости с ПМП, %	Соотношение среднего размера страховой пенсии по инвалидности с ПМП, %	Соотношение среднего размера страховой пенсии по случаю потери кормильца с ПМП, %
2021	174,30	180,45	110,63	117,22
2022	183,41	190,02	114,66	125,86
2023	174,26	180,80	109,63	121,13

Источник: расчёты выполнены на основе параметров, установленных Правительством РФ; Форма № 94 (Пенсии)-Краткая.

Так, в частности, увеличение соотношения в период 2002–2004 обусловлено введением единого социального налога (далее – ЕСН) при сохранении размера тарифа страховых взносов 28%, распределляемого на базовую, страховую и накопительную части. Однако, уже с 2005 года наблюдается снижение этого соотношения в связи с повышением размера базовой части трудовой пенсии. Размер базовой части трудовой пенсии в 2005 году был увеличен дважды, в том числе с 1 марта 2005 года с 660 рублей до 900 рублей, то есть почти на 36%. Это было обусловлено образовавшимся в 2005 году дефицитом по базовой части трудовой пенсии вследствие снижения ставки ЕСН.

Следующее масштабное сокращение бедности произошло в 2007 году благодаря «искусственно» (сверх законодательного/инфляционного механизма) изменению размера базовой части трудовой пенсии и индексировался трижды, вследствие этого выплата увеличилась за год в более чем в 1,5 раза по сравнению с предыдущим годом.

Третий этап увеличения размера базовой части трудовой пенсии произошел в 2009 году на 31% и был увязан с инфляционными процессами, происходящими в стране вследствие экономического кризиса. Темп роста базовой части трудовой пенсии за период 2002–2009 гг. существенно превосходил динамику инфляции в стране.

Несмотря на позитивные социальные результаты сокращения бедности пенсионеров благодаря опережающему повышению минимальных размеров всех видов пенсии, это нарушило сложившийся институциональный и параметрический баланс между страховой и базовой составляющими страховой пенсии и, таким образом, привело к еще большему нарушению страхового принципа функционирования пенсионной системы.

Закономерно, в 2010 году произошли институциональные изменения в пенсионной системе: базовая часть трудовой пенсии была заменена на фиксированный базовый размер (ФБР) и утратила свою институциональную обособленность. ФБР стал увеличиваться одновременно с индек-

сацией страховой части трудовой пенсии. Таким образом, в период 2010–2014 гг. вся страховая часть пенсии (включая ФБР) увеличивалась одинаковыми темпами.

С 2015 года существенным образом изменился механизм государственного регулирования индексации страховой пенсии и фиксированной выплаты к ней. Во-первых, для обеих выплат был установлен различный подход к индексации. Во-вторых, индексация по уровню доходов ПФР или по уровню темпа роста средней заработной платы стала нерегулярной.

В условиях бюджетного кризиса 2015–2016 гг. продолжилась практика сокращения расходов ПФР исходя из возможностей госбюджета, включая отказ от традиционного механизма увеличения размеров пенсий путём его индексации в пользу единовременной «индексационной» прибавки к установленному размеру пенсии: все пенсионеры независимо от категории пенсии получили по 5 тыс. рублей в январе 2017 года. Таким образом, в течение анализируемого периода развития страховой пенсионной системы наблюдаются неоднократные изменения (отмена, приостановка/«заморозка», перенос сроков) выполнения государственных нормативно-установленных пенсионных обязательств под прямым влиянием внешних к страховой пенсионной системе факторов создало прецедент неполного выполнения гарантированных гражданам пенсионных обязательств. Несмотря на все проводимые мероприятия, на сегодняшний день соотношение страховой пенсии с ПМП вернулось к уровню 2010 года.

Необходимо отметить также региональные различия уровня материального положения пенсионеров. Например, в 60 субъектах РФ установлены федеральные социальные доплаты, назначаемые в случае, если общая сумма материального обеспечения пенсионера ниже прожиточного минимума пенсионера в регионе. По состоянию на 2024 год численность таких лиц в целом по РФ составила 3,1 млн человек. Региональная социальная доплата, назначаемая в тех субъектах, в

которых величина ПМП субъекта превышает величину ПМП по РФ, установлена в 30 субъектах РФ в отношении 3,2 млн человек.

Анализ статистических показателей в динамике позволяет сделать вывод, что в указанный период каждый шестой получатель страховой пенсии без учёта ФСД и РСД в России должен быть отнесён к абсолютно бедным категориям. Напомним, что в 2010 году численность абсолютно бедных пенсионеров составляла без малого 5,0 млн человек, и прирост числа абсолютно бедных пенсионеров за прошедший период достиг 22%.

Таким образом, проблемы бедности определённой части страховых пенсионеров обусловлены не только и не столько недостатками государственной пенсионной системы как главной составляющей социальной политики, но и является прямой производной от макроэкономических проблем (низкие темпы роста, инфляции) и негативных процессов на рынке труда (теневая занятость, экономическое неравенство занятых в различных видах деятельности и регионах) [10].

Бедность пенсионеров, по сути, является результатом бедности трудоспособных возрастов, поскольку страхуемые государственной пенсионной системы права граждан формируются исходя из их «трудового участия» в форме количественных нормативов по продолжительности стажа и сумме отчислений от заработка/дохода. В то время как сформировать свои пенсионные права трудоспособные граждане могут только при условии доступности соответствующих форм занятости на рынке труда и соответствующего заработка для отчисления страховых взносов.

Заключение и выводы по результатам анализа: обоснование условий достижения целевых показателей страховой пенсионной реформы

Очередной планово-бюджетный период 2026–2028 гг. играет ключевую роль в решении проблем достижения целевых ориентиров страховой пенсионной реформы, предусмотренных Стратегией-2030.

Бюджетные и тарифно-налоговые параметры государственной пенсионной системы обязательного пенсионного страхования на указанный период предусматривают комплекс мероприятий, которые непосредственно ориентированы на завершающий этап правительственного плана по выполнению Стратегии-2030 с учётом дополнительных требований Указа Президента РФ №309 о национальных целях.

Проведённый в исследовании анализ позволяет подтвердить обоснованность исходной гипотезы исследования о необходимости трансформации

государственного регулирования развитием пенсионной системы с тактических задач на достижение стратегических параметров, установленных нормативными актами. Выполненный анализ позволил обобщить и выделить основные проблемы учёта и нивелирования негативного влияния внешних макроэкономических вызовов, препятствующих достижению указанных целей и выработки адекватных мер бюджетной и тарифно-налоговой политики ОПС, которые можно разделить на параметрические и фундаментальные. К параметрическим мерам относятся меры по обоснованию:

1. Размера тарифа страховых взносов недостаточен для формирования объёма пенсионных прав для достойного уровня жизни при наступлении страхуемых рисков;

2. Дифференцирования системы тарифов страховых взносов для различных категорий плательщиков, препятствующая обеспечению равного доступа к участию в государственной пенсионной системе и формированию достойного размера страховой пенсии;

3. Регулирования размера тарифа страховых взносов с учётом выделения части тарифа на солидарное перераспределение на основе актуарных расчётов потребности на минимальный уровень страховой пенсии;

4. Выделение конкретного источника компенсации льгот страхователям по уплате обязательных отчислений в СФР;

5. Регулирование предельной величины базы для исчисления страховых взносов на солидарную и индивидуальную части страховой пенсии для наёмных работников, а также для плательщиков страховых взносов, не производящих выплаты физическим лицам;

6. Обоснование источников финансирования досрочных пенсий с учётом общеустановленных требований государственной системы ОПС;

7. Актуарное обоснование страховой модели формирования пенсионных прав растущей категории самозанятого населения с целью реализации их конституционных прав при наступлении социальных рисков [10; 18; 26].

Решение этих проблем возможно путём трансформации системы обязательного пенсионного страхования, исходя из необходимости дифференциации источников финансирования страховых и нестраховых государственных обязательств. Для этого должна быть радикально пересмотрена сама модель формирования тарифа страховых взносов.

Страховая составляющая пенсионной системы должна обеспечивать решение следующих задач:

- Недопущение бедности при утрате трудоспособности по возрасту, инвалидов и получателей пенсий по потере кормильца.

- Обеспечивать адекватность пенсионных прав и размеров пенсионных выплат для участников систем обязательного пенсионного страхования.
- Обеспечить возможность формирования адекватного уровня пенсионных прав для высокодоходных граждан, главным образом за счёт целевых программ обязательного пенсионного страхования.

В российском пенсионном законодательстве в настоящее время отсутствует понятие минимальной пенсии [9; 10; 17]. Единственный гарантированный минимум пенсионного обеспечения для всех граждан страны – это социальная пенсия, размер по старости которой устанавливается ежегодно в бюджетном пакете законов, в частности, в 2024 г. размер социальной пенсии составлял 7 689,82 рубля (т.е. всего 58% ПМП). Этот вид пенсии предоставляется тем, кто не смог сформировать пенсионные права для страховой пенсии к нормативному пенсионному возрасту, поэтому выплачивается на пять лет позже.

В рамках страховых государственных обязательств для участников системы ОПС, которые выполнили минимальные требования по стажу и страховым взносам, к «персонифицированному» страховому размеру пенсии гарантированно выплачивается фиксированная выплата (ФВ) в размере не менее 8134,88 или 61% ПМП в расчёте на тот же период.

Следует подчеркнуть, что фиксированная выплата в исследовании не отождествляется с минимальной пенсией как нормативно-самостоятельной выплатой, поскольку минимальными требованиями для её получения в рамках реализации пенсионных прав в системе ОПС является наличие установленной суммы индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК) (30 ИПК к 2026 году) и стажа. Расчёты показывают, что выполнение минимальных требований в системе ОПС соответствует размеру страховой пенсии на уровне 11 887 рублей, т.е. лишь 89% ПМП, а дополнительная нестраховая выплата ФСД до уровня ПМП реализуется только для неработающих пенсионеров. Таким образом,

рассмотренные минимальные гарантии в рамках системы ОПС до сих пор либо ниже ПМП, либо не имеют всеобщего охвата.

Для повышения социальной эффективности пенсионной системы ОПС экономический механизм гарантирования минимального уровня страховой пенсии должен быть ориентирован на соотношение с ПМП и быть составной частью формирования пенсионных прав каждого застрахованного лица. Под минимальным уровнем страховой пенсии понимается неотъемлемая часть страховой пенсии, которая должна быть не ниже ПМП, иначе теряется стимул уплаты страховых взносов и легального трудового стажа. Основным результатом исследования является выделение первоочередных задач государственного регулирования минимального уровня пенсии:

– минимальный размер выводится из экономической модели ОПС и финансируется за счёт федерального бюджета, фактически выступая как базовый доход для всех пенсионеров, размер которого равен ПМП. Реализация такого подхода возможна посредством актуализации института социальной пенсии, фиксированной выплаты и ФСД;

– минимальный размер выделяется в составе экономической модели ОПС как самостоятельная составляющая, ориентированная на уровень ПМП. При этом источником её финансирования являются целевой размер страховых взносов, который актуализируется ежегодно в соответствии с планово-бюджетными параметрами.

Расчёты показывают, что для установления всем получателям страховой пенсии минимальной пенсии в размере ПМП расчётный размер тарифа страховых взносов для её финансирования должен составить в расчёте на 2024 год 14%. В бюджетных параметрах 2024 года совокупный объём расходов бюджета СФР на осуществление ФСД, повышенной фиксированной выплаты и социальных пенсий потенциально должен составить около 1,3 трлн рублей, что на 4,6 трлн рублей или на 78% ниже оценочного уровня расходов на выплату минимальной пенсии (таблица 3).

Таблица 3

Прогноз потребности на финансовое обеспечение достижения целевых ориентиров

Table 3

Forecast of Financial Requirements for Achieving Target Indicators

Показатели	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2036
ПМП, руб.	13 290	14 837	17 017	18 200	19 394	20 701	22 076	32 535
Численность пенсионеров, млн человек	37,2	35,8	36,1	34,6	34,9	35,1	35,4	36,6
Расходы на выплату минимальной пенсии, трлн руб.	5,9	6,4	7,4	7,6	8,1	8,7	9,4	14,3
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	80 618	86 124	91 669	76 314	81 441	86 867	92 675	136 395

Окончание Таблицы 3

Показатели	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2036
Численность наёмных работников, млн чел.	43,8	44,0	44,3	44,9	45,1	45,1	45,2	45,5
Тариф страховых взносов для финансирования минимальной пенсии, %	14,0	14,0	15,1	18,4	18,4	18,5	18,7	19,2
Расходы на ФСД, трлн руб.*	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,7
Повышенная фиксированная выплата, руб.	1 500	1 613	1 672	1 733	1 797	1 863	1 931	2 396
Расходы на выплату повышенной фиксированной выплаты, трлн руб.	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,8	0,9	1,1
Средний размер социальной пенсии, руб.	13 230	14 425	15 884	16 937	17 770	18 668	19 598	26 276
Численность получателей социальной пенсии, млн чел.	3 414	3 468	3 523	3 579	3 636	3 694	3 752	4 124
Расходы на социальные пенсии, трлн руб.	0,54	0,60	0,67	0,73	0,78	0,83	0,88	1,30
Итого расходы на социальные пенсии и ФВ, трлн руб.	1,3	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,0	3,1

*даннные за период 2024–2027 гг. в соответствии с бюджетными проектировками, до 2036 гг. – актуарные предположения

Источник: расчёты автора.

Для реализации заданных целевых параметров потребуются значительные дополнительные средства из федерального бюджета, причём увеличивающиеся в конце прогнозного периода, или размер минимального уровня страховой пенсии должен корректироваться с учётом макроэкономических условий соответствующего прогнозного периода. Предлагаемый в исследовании механизм финансового обеспечения системы ОПС предусматривает, с одной стороны, унификацию

прав на формирование адекватного уровня страховой пенсии для всех категорий работников, а, с другой стороны, регулирование солидарного перераспределения для выполнения обязательств перед застрахованными лицами на получение ПМП. Для финансового обеспечения минимального размера страховой пенсии, тариф страховых взносов предлагается начислять на весь заработок наёмных работников без установления предельной величины базы.

Список источников

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> EDN OQBUZN
2. Гурвич Е.Т. Развилки пенсионной реформы: российский и международный опыт // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 5–39. <https://doi.org/0.32609/0042-8736-2019-9-5-39> EDN IFXOEJ
3. Синявская О.В., Якушев Е.Л., Червякова А.А. Российская пенсионная система в контексте долгосрочных вызовов и национальных целей развития: научный доклад. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 120 с. ISBN 978-5-7598-2506-7
4. Ляшок В.Ю. Назаров В.С. Орешкин М.С. Факторы роста размера пенсий в современной России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 1(29). С. 7–22. EDN VLJTRH
5. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Кн. 1. / под научн. ред. В.А. May, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с. ISBN 978-5-7749-0786-1
6. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Кн. 2. / под научн. ред. В.А. May, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 408 с. ISBN 978-5-7749-0787-8
7. Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э. Г. Тучкова, Ю. В. Васильева. М.: Проспект, 2013. 435 с. ISBN 978-5-392-10501-4
8. Гумар Н.А., Есетова С.К., Тажмуратов Ш.Е. Теоретические основы пенсионного обеспечения населения и виды пенсионных систем // Образование и право. 2021. № 10. С. 119–130. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-119-130> EDN GHDZCT
9. Тучкова Э.Г. Итоги реформ и перспективы формирования многоуровневой национальной пенсионной системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 10(38). С. 16–25. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.016-025> EDN ZTLSSN
10. Соловьев А.К. Пенсионные права застрахованных лиц: проблемы формирования и риски реализации. М.: Прометей, 2020. 326 с. ISBN 978-5-00172-042-3

11. Соловьев А.К. Особенности российской пенсионной системы на бюджетно-плановый период 2025–2027 гг. // Финансы. 2024. № 11. С. 58–64. EDN GYCWRV
12. Гурвич Е.Т. Пенсионная политика и старение населения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 2(42). С. 177–185. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-10> EDN CSHZQS
13. Швандар К.В., Анисимова А.А. Подходы к реформированию пенсионных систем в мире и рекомендации для России // Финансовый журнал. 2021. Том 13. № 1. С. 125–135. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-1-125-135> EDN IMQFMY
14. Чичканов В.П., Чистова Е.В. Реформирование пенсионной системы России: направления развития и критерии оценки // Журнал экономической теории. 2019. Том 16. № 4. С. 606–616. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.1> EDN YKJVNR
15. Тучкова Э.Г. К вопросу о понятии социального риска и его роли в механизме правового регулирования социально-обеспечительных отношений // Социальное и пенсионное право. 2022. № 4. С. 20–26. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-4-20-26> EDN SZEUXV
16. Воронин Ю.В. К вопросу о роли социального обеспечения в рыночной экономике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4(47). С. 622–626. EDN RBJOVE
17. Истомина Е.А., Федорова М.Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: [монография]. Екатеринбург: Уральский институт управления РАНХиГС, 2018. 239 с. ISBN 978-5-8056-0344-1
18. Devereux S., Solórzano A. Resilient people, resilient systems: The essential role of social protection in a polycrisis world // International Social Security Review. 2025. Vol. 78. Issue 2-3. P. 11–35. <https://doi.org/10.1111/issr.70001>
19. Holland-Szyp C., Lind J. Social protection and resilience in protracted crises // International Social Security Review. 2025. Vol. 78. Issue 2-3. P. 173–190. <https://doi.org/10.1111/issr.70000>
20. Barrientos A., Malerba D. Social assistance and inclusive growth // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. Issue 3. P. 33–53. <https://doi.org/10.1111/issr.12244>
21. McKinnon R. Introduction: Social security, inclusive growth and social cohesion // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. Issue 3. P. 5–12. <https://doi.org/10.1111/issr.12242>
22. García C. L.-C. Remittance-financed social protection programmes for international migrant workers in Latin America // International Social Security Review. 2024. Vol. 77. Issue 3. P. 123–141. <https://doi.org/10.1111/issr.12369>
23. Горлин Ю.М., Салмина А.А., Ляшок В.Ю. Эмпирические пенсионные индикаторы: межстрановые сравнения и методология для России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4(52). С. 122–141. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-5> EDN FKTVP
24. Калмыков Ю.П. Анализ совершенствования пенсионного страхования // Страховое дело. 2020. № 7(328). С. 58–66. EDN FKLXKL
25. Волкова Т.Г. Анализ основных результатов использования методики оценки эффективности функционирования и реформирования пенсионной системы РФ на основе балльно-коэффициентной модели // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2018. Том 28. № 5. С. 613–623. EDN YNAOHZ
26. Ghorpade Ya., Rahman A.A., Jasmin A. Social Insurance for Gig Workers: Insights from a Discrete Choice Experiment in Malaysia. Policy Research Working Paper. № 10629. Washington: World Bank Group, 2023. 28 p. <https://doi.org/10.1111/issr.12365>

Информация об авторе:

Аркадий Константинович Соловьев – доктор экономических наук, профессор, директор, Научно-исследовательский центр развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ (SPIN-код: 6165-1300) (Scopus Author ID: 57200797260)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Population Aging and Risks of Budget Crisis. *Voprosy Ekonomiki*. 2012;(3):52-79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> (In Russ.)
2. Gurvich E.T. The Junctions of Pension Reforms: Russian and International Experience. *Voprosy Ekonomiki*. 2019;(9): 5-39. <https://doi.org/0.32609/0042-8736-2019-9-5-39> (In Russ.)
3. Sinyavskaya O.V., Yakushev E.L., Chervyakova A.A. Rossiiskaya Pensionnaya Sistema v Kontekste Dolgosrochnykh Vyzovov i Natsional'nykh Tselei Razvitiya. Scientific Report). Higher School of Economics Moscow: HSE Publishing House; 2021. 120 p. ISBN 978-5-7598-2506-7 (In Russ.)
4. Lyashok V.Yu., Nazarov V.S., Oreshkin M.S. Factors of Pensions Growth in Modern Russia. *Finansoviy zhurnal=Financial Journal*. 2016;(1(29)):7-22. (In Russ.)
5. Mau V.A., Kuz'minova Ya.I. (sci. eds.) Strategiya-2020: Novaya Model' Rosta – Novaya Sotsial'naya Politika. Book 1. Moscow: Publishing House «Delo» of the RANEPA; 2013. 430 p. ISBN 978-5-7749-0786-1 (In Russ.)

6. Mau V.A., Kuz'minova Ya.I. (sci. eds.) Strategiya-2020: Novaya Model' Rosta – Novaya Sotsial'naya Politika. Book 2. Moscow: Publishing House «Delo» of the RANEPA; 2013. 408 p. ISBN 978-5-7749-0787-8 (In Russ.)
7. Tuchkov E.G., Vasilyev Yu.V. (ex. eds.) Mezhdunarodnye i Rossiiskie Normy Pensionnogo Obespecheniya: Sravnitel'nyi Analiz. Moscow: Publishing House Prospekt; 2013. 435 p. ISBN 978-5-392-10501-4 (In Russ.)
8. Gumar N.A., Yessetova S.K., Tazhmuratov Sh.E. Theoretical Foundations of Population Pension Provision and Types of Pension Systems. *Obrazovanie i pravo=Education and Law*. 2021;(10):119-130. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-119-130> (In Russ.)
9. Tuchkova E.G. Results of Reforms and Prospects of Formation of Tiered National Pension System. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina=Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2017;(10(38)):16-25. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.016-025> (In Russ.)
10. Solovyov A.K. Pensionnye Prava Zastrakhovannykh Lits: Problemy Formirovaniya i Riski Realizatsii. Moscow: Prometheus; 2020. 326 p. ISBN 978-5-00172-042-3 (In Russ.)
11. Solovyov A.K. Osobennosti Rossiiskoi Pensionnoi Sistemy na Byudzhetno-Planovyi Period 2025–2027 gg. *Finansy*. 2024;(11):58-64. (In Russ.)
12. Gurvich E.T. Pension Policy and Population Ageing. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2019;(2(42)):177-185. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-10> (In Russ.)
13. Shvandar K.V., Anisimova A.A. Approaches to Reforming Pension Systems in the World and Recommendations for Russia. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2021;13(1):125-135. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-1-125-135> (In Russ.)
14. Chichkanov V.P., Chistova E.V. Reform of the Russian Pension System: Development Directions and Evaluation Criteria *Zhurnal ekonomicheskoi teorii=Russian Journal of Economic Theory*. 2019;16(4):606-616. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.1> (In Russ.)
15. Tuchkova E.G. On the Social Risk Concept and its Role in the Mechanism of Legal Regulation of Social Security Relations. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo=Social and Pension Law*. 2022;(4):20-26. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-4-20-26> (In Russ.)
16. Voronin Yu.V. On the Role of Social Security in a Market Economy. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya=Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2014;(4(47)):622-626. (In Russ.)
17. Istomina E.A., Fedorova M.Y. Legal Mechanism of Social Risk Management Monograph. Yekaterinburg: Ural Institute of Management of the RANEPA; 2018. 239 p. ISBN 978-5-8056-0344-1 (In Russ.)
18. Devereux S., Solórzano A. Resilient People, Resilient Systems: The Essential Role of Social Protection in a Polycrisis World. *International Social Security Review*. 2025;78(2-3):11-35. <https://doi.org/10.1111/issr.70001>
19. Holland-Szyp C., Lind J. Social Protection and Resilience in Protracted Crises. *International Social Security Review*. 2025;78(3):173-190. <https://doi.org/10.1111/issr.70000>
20. Barrientos A., Malerba D. Social Assistance and Inclusive Growth. *International Social Security Review*. 2020;73(3):33-53. <https://doi.org/10.1111/issr.12244>
21. McKinnon R. Introduction: Social Security, Inclusive Growth and Social Cohesion. *International Social Security Review*. 2020;73(3):5-12. <https://doi.org/10.1111/issr.12242>
22. García C.L.-C. Remittance-Financed Social Protection Programmes for International Migrant Workers in Latin America. *International Social Security Review*. 2024;77(3):123-141. <https://doi.org/10.1111/issr.12369>
23. Gorlin Yu.M., Salmina A.A., Lyashok V.Yu. Empirical Pension Indicators: Cross-Country Comparisons and Methodology for Russia. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2021;(4(52)):122-141. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-5> (In Russ.)
24. Kalmykov Yu.P. Analysis of Pension Insurance Improvement. *Strakhovoe Delo*. 2020;(7(528)):58-66. (In Russ.)
25. Volkova T.G. Analysis of the Main Results of Using the Methodology for Assessing the Effectiveness of Functioning and Reform of the Pension System of the Russian Federation on the Basis of the Score-Coefficient Model. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo=Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*. 2018;28(5):613-623. (In Russ.)
26. Ghorpade Ya., Rahman A.A., Jasmin A. Social Insurance for Gig Workers: Insights from a Discrete Choice Experiment in Malaysia. Policy Research Working Paper. № 10629. Washington: World Bank Group; 2023. 28 p. <https://doi.org/10.1111/issr.12365>

Information about the author:

Arkadii K. Solovev – Doctor of Economics, Professor, Director, Research Center for the Development of the State Pension System and Actuarial and Statistical Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 6165-1300) (Scopus Author ID: 57200797260)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья
УДК 369.5, 369.512, 658.5
JEL H55
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_6_577_590
EDN VXAAMG

Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему

Вячеслав Николаевич Бобков¹, Николай Кузьмич Долгушкин², Екатерина Андреевна Смирнова³, Владимир Васильевич Коваленко⁴

^{1,3}Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия,
¹(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

²Российская академия наук, г. Москва, Россия,
(dolgushkin@presidium.ras.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1969-9451>)

³(vokatemoscow@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4703-3171>)

⁴Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия,
(kovalenko-447@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0001-1979-8679>)

Аннотация

В статье изучены риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему. Цель представленного исследования – выявить их и обосновать меры по снижению рисков и реализации возможностей. Объектом исследования является пенсионная система Российской Федерации, включающая обязательное пенсионное страхование и государственное социальное обеспечение. Предмет исследования – риски и возможности развития пенсионной системы при введении базового пенсионного дохода. Гипотеза исследования – риски введения базового пенсионного дохода как отдельного элемента пенсионной системы могут быть минимизированы, а возможности использованы для повышения уровня жизни пенсионеров. Данными для исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации, законодательство в области пенсионного обеспечения, аналитические отчеты российских и международных организаций по вопросам изучения уровня жизни населения, социальной защиты и справедливости. Методы исследования включали: анализ нормативно-правовых актов в сфере пенсионного законодательства и научной литературы по изучаемой проблеме; систематизация рисков и возможностей, их оценивание и применение соответствующих матриц; расчётно-аналитический метод; метод логического обоснования изложенных подходов, а также их научный синтез. Результатами исследования являются характеристика основных элементов перспективной пенсионной системы – базового пенсионного дохода, страховой и дополнительной пенсии. Построена матрица рисков введения в пенсионную систему базового пенсионного дохода, охарактеризована система управления рисками. Конкретизированы риски высокой, средней и низкой вероятности при переходе к новой пенсионной системе и возможности повышения уровня жизни пенсионеров. Намечены направления дальнейших исследований, состоящие в дополнении логического метода выявления рисков и возможностей введения БПД в российскую ПС получением соответствующих риски ориентированных экспертизы оценок, а также обработкой результатов массового опроса респондентов из числа работников и пенсионеров, не являющихся экспертами; разработке дорожной карты по переходу от действующего механизма выплат страховых и социальных пенсий к новому, основанному на управлении рисками и возможностями введения в пенсионную систему инструментария базового пенсионного дохода.

Ключевые слова: универсальный базовый доход; базовый пенсионный доход; риски; возможности; пенсионная система; обязательное пенсионное страхование; государственное пенсионное обеспечение; социальная защита; уровень жизни пенсионеров; управление рисками

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00228, <https://rscf.ru/project/25-18-00228/>, в Институте экономики Российской академии наук

Для цитирования: Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Смирнова Е.А., Коваленко В.В. Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 577–590. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_6_577_590 EDN VXAAMG

RAR (Research Article Report)
JEL H55
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_6_577_590

Risks and Opportunities of Introducing a Basic Income in Russia into the Russian Pension System

Vyacheslav N. Bobkov¹, Nikolay K. Dolgushkin², Ekaterina A. Smirnova³, Vladimir V. Kovalenko⁴

^{1,3}Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
¹(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

²Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(dolgushkin@presidium.ras.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1969-9451>)

³(vokatemoscow@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4703-3171>)

⁴Sochi State University, Sochi, Russia,
(kovalenko-447@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0001-1979-8679>)

Abstract

The article examines the risks and opportunities of introducing a universal basic income into the Russian pension system. The aim of the presented study is to identify them and justify measures to reduce risks and realize opportunities. The object of the study is the state pension system of the Russian Federation, which includes compulsory pension insurance and state social security. The subject of the study is the risks and opportunities of developing the pension system with the introduction of basic pension income. The research hypothesis is that the risks of introducing a basic pension income as a separate element of the state pension system can be minimized, and the opportunities can be used to improve the standard of living of pensioners. The authors used domestic and foreign scientific publications, legislation in the field of pension provision, analytical reports of Russian and international organizations on the study of the standard of living of the population, social protection and justice for their research. The research methods included: analysis of regulatory legal acts in the field of pension legislation and scientific literature on the problem under study; systematization of risks and opportunities, their assessment and application of appropriate matrices; computational and analytical method; the method of logical substantiation of the outlined approaches, as well as their scientific synthesis. The results of the study are the characteristics of the main elements of a promising pension system – basic pension income, insurance and supplementary pension. A matrix of risks of introducing basic pension income into the pension system has been constructed, and a risk management system has been described. The risks of high, medium and low probability during the transition to a new state pension system and the possibility of improving the standard of living of pensioners are specified. The directions of further research are outlined, which consist in supplementing the logical method of identifying risks and opportunities for introducing basic pension income into the Russian pension system by obtaining appropriate risk-oriented expert assessments, as well as processing the results of a mass survey of respondents from among employees and pensioners who are not experts; to develop a roadmap for the transition from the current mechanism for paying insurance and social pensions to a new one based on risk management and the possibility of introducing basic pension income tools into the pension system.

Keywords: universal basic income; basic pension income; risks; opportunities; state pension system; compulsory pension insurance; state pension provision; social protection; standard of living of pensioners; risk management

Acknowledgments: the reported study was funded by Russian Science Foundation grant 25-18-00228, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00228/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Smirnova E.A., Kovalenko V.V. Risks and Opportunities of Introducing a Basic Income in Russia into the Russian Pension System. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):577–590. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_6_577_590 (In Russ.)

Введение

Пожилые люди являются одной из целевых групп при реализации социальной политики по причине необходимости сокращения масштабов бедности и повышения уровня жизни [1, с. 356]. Проведённые за рубежом исследования показывают, что существует два способа снижения рисков, связанных с доходами в пожилом возрасте: 1) обеспечение высокого уровня равенства на рынке труда с точки зрения постоянного участия в регулярной занятости представителей обоих полов и всех социальных групп, 2) наличие базовой пенсии [2, с. 469]. Пожилые люди, которые подпадают под действие программы выплат базовой пенсии, подвергаются меньшему риску бедности, что в целом может способствовать повышению уровня общего благосостояния общества [3]. Учитывая ускоренное развитие нестандартной занятости, гарантии минимального дохода (базовые, гарантированные или минимальные пенсии) играют важную роль для нынешних и будущих поколений в целях сокращения масштабов бедности [4, с. 452]. Таким образом, финансовое положение пожилых людей зависит от сбалансированного развития государственных пенсионных программ, основанных как на осуществлении взносов, так и не связанных со страховыми взносами [5]. При этом будущие пенсионные реформы, направленные на достижение баланса между активным долголетием и обеспечением социальной справедливости, должны учитывать ранее

существовавшую институциональную структуру государственных пенсий и результаты предыдущих пенсионных реформ [6].

На основании вышеизложенного важно продолжать исследование пенсионной системы Российской Федерации, представляющей собой совокупность правовых, организационно-управленческих и финансово-экономических отношений между работниками, работодателями и государством¹, в части формирования новых институционально-структурных подходов к её развитию. Ожидания бедности жизни на пенсии превалируют у работающих граждан во всех поколенных группах и отражают российские реалии. Основной источник дохода для большинства пенсионеров – пенсия – не обеспечивает им экономической устойчивости, несмотря на вынужденное продолжение частью из них занятости. Введение базового пенсионного дохода в российскую пенсионную систему позволит повысить уровень жизни пенсионеров (покупательную способность пенсии), будет способствовать добровольной, а не вынужденной и более продуктивной занятости пенсионеров.

В настоящем исследовании ставится цель: выявить риски и возможности введения базового пенсионного дохода (далее – БПД) в пенсионную систему Российской Федерации и обосновать меры по снижению рисков и реализации возмож-

¹ Соловьев А.К. Экономика пенсионного страхования: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 5.

ностей. Основными задачами исследования являются: 1) определение и классификация рисков и возможностей введения БПД в российскую пенсионную систему; 2) характеристика систем и видов управления рисками при введении БПД.

Объектом исследования является пенсионная система Российской Федерации (ПС), включающая обязательное пенсионное страхование и государственное социальное обеспечение. Предмет исследования – риски и возможности развития ПС при введении БПД. Научная новизна исследования заключается в предложенных авторами элементах перспективной пенсионной системы Российской Федерации, построенных матрицах рисков и возможностей введения БПД в ПС, которые могут быть использованы при принятии управленческих решений. Гипотеза исследования: риски введения БПД в ПС, как её отдельного элемента, могут быть минимизированы, а возможности использованы для повышения уровня жизни пенсионеров.

Теоретические и методологические положения

- Универсальный базовый доход представляет собой универсальный денежный трансферт, который выплачивается всем гражданам страны, независимо от их возраста, участия в занятости и других характеристик с целью обеспечения всеобщих базовых условий для человеческого развития. Среди учёных, исследующих проблематику БД, сложилось общее понимание его основных характеристик. Они включают [7; 8]:

- Универсальность, т. е. предназначение выплаты для всех граждан той или иной страны и одинаковость размера;
- Безусловность, что означает выплату БД независимо от занятости и от других оснований жизнедеятельности;
- Базовый характер, что позволяет рассматривать выплату в качестве основания над всеми другими индивидуальными доходами;
- Регулярность.

Причинами обращения исследователей, политиков и практиков к проблематике БД являются возрастающие риски утраты доходов гражданами, обусловленные изменениями современных экономик и обществ. В России эти риски проявляются в:

- 1) масштабировании неустойчивой (прекарной) занятости;
- 2) разрушении сложившихся моделей обязательного социального страхования из-за сокращения сферы устойчивой занятости и недостаточности страховых взносов для выплат при наступлении старости, инвалидности и других страховых случаев;

3) сложности отечественной системы социальной защиты населения и её низкой результативности;

4) высоком социально-экономическом неравенстве в сочетании с низким уровнем жизни широких масс;

5) нереализованном общественном запросе на социальную справедливость.

Эксперты МОТ полагают, что страны, которые не готовы или не имеют средств для введения универсального БД, могут рассмотреть возможность введения его переходных форм для различных групп населения в целях дальнейшего укрепления системы социальной защиты населения [9, с. 28]; выступают против полной замены государственных систем социальной защиты базовым доходом, настаивая на том, что БД должен гарантировать базовый (минимальный) уровень дохода, в дополнении к которому могут осуществляться другие выплаты [9]. Кроме того, МОТ отмечается важность БД как дополняющего, а не замещающего элемента социальной защиты населения.

Согласно мнению экспертов другой международной организации – Международного валютного фонда (МВФ) – существующие в современном мире административные, политические и финансовые ограничения обуславливают необходимость применения поэтапного подхода к реформированию системы социальной защиты, ориентируясь, в первую очередь, например, на охват определённых подгрупп населения, в частности, таких как дети и пожилые люди².

Отношение в обществе к введению БД во многом будет определяться тем, как он будет спроектирован в существующей системе социального обеспечения [10, с. 7]. Так, представители профессиональной ассоциации, изучающей социальную политику в Европе, отмечают, что модель введения БД для определённых групп или лиц, которые могут получить больше пользы от такой меры, будет иметь более высокую результативность, чем введение универсального (для всех) базового дохода³. При введении универсального БД он может потерять свою привлекательность в связи с недообеспеченением малоимущих и, при этом, незаметным дополнительным доходом для более обеспеченных слоёв населения. В таком случае потребуется создание ещё одной системы посо-

² International Monetary Fund. Fiscal Monitor: Tackling Inequality. Washington, October 2017, p. 29 // International Monetary Fund: [сайт]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/IMF/Issues/2017/10/05/fiscal-monitor-october-2017> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Greener I. Why Basic Income may not be the answer // Social Policy Association: [сайт]. URL: <https://social-policy.org.uk/spa-blog/why-basic-income-may-not-be-the-answer-by-ian-greener/> (дата обращения: 01.06.2025).

бий для тех, у кого есть дополнительные потребности в денежных средствах. Поэтому, возможно, что введение БД для конкретной группы лиц является, с одной стороны, более простым решением, с другой стороны, имеет определённую достижимую цель.

Резюмируя, можно определить ряд принципов⁴ введения базового дохода в систему социальной защиты населения: поэтапность введения, охват определённой группы населения, наличие роли дополняющего элемента системы социальной защиты.

Поддержка применения БД в государственной социальной политике будет определяться существующими рисками для социально-экономической безопасности и финансовой стабильности страны, которые зависят от численности, структуры населения страны, их динамики и ценностных установок граждан; от условий на рынке труда и в сфере занятости; от уровня научно-технологического развития и его динамики; от размеров, структуры и динамики экономики; от размеров, структуры и динамики финансовой системы страны, а также от уровня жизни и существующей системы социальной защиты населения.

Определение термина «риск» в научных публикациях имеет различное толкование. К примеру, понятие риска в переводе на русский язык трактуется как «характеристика ситуации или действия, когда возможны многие исходы, существует неопределенность в отношении конкретного исхода и, по крайней мере, одна из возможностей является нежелательной» [11, с. 321]. В настоящем исследовании под риском введения БПД понимается возможная опасность наступления отрицательных последствий для государства и общества, исходящая от перспективной российской ПС⁵.

Изучение и анализ потенциальных рисков является важнейшим этапом в подготовке и последующем управлении введением БД. На фоне многообразия рисков не следует забывать о возможностях их ограничения, связанных с управлением рисками.

Система управления рисками (СУР) представляет собой совокупность методов, процессов и инструментов, предназначенных для их выявления, оценки, контроля и мониторинга, которые могут повлиять на достижение поставленных целей. Предварительные действия по формированию СУР заранее позволяют сфор-

⁴ Принцип – основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы // Толковый словарь Ожегова онлайн: [сайт]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23929> (дата обращения: 11.09.2025).

⁵ Риск // Толковый словарь Ожегова онлайн: [сайт]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27127> (дата обращения: 11.09.2025).

мировать стратегию по минимизации рисков и повысить шансы на успешную реализацию проекта по введению БД.

В преддверии введения БД следует, как минимум, выполнить следующие рекомендации для выявления рисков:

- провести комплексный анализ рисков;
- оценить вероятность возникновения каждого риска и его потенциальное влияние на основе применения методологий оценки рисков;
- привлечь экспертов и заинтересованные стороны;
- разработать матрицу рисков для приоритизации и фокусировки на наиболее критичных из них;
- разработать сценарии (или бизнес-процессы) для управления рисками;
- использовать прототипы СУР для мониторинга и коррекции стратегии управления рисками по мере развития ситуации;
- организовать обучение и подготовку кадров.

Такой подход позволит не только лучше понять возможные риски, но и подготовить ревизионные меры по их минимизации до начала введения БД, что может существенно повысить шансы на успешную реализацию проекта и обеспечит непрерывность управления рисками.

Введение БД сопровождается не только рисками, но и новыми возможностями для людей. Под возможностями, обусловленными введением БПД, авторами понимаются допустимые и осуществимые положительные исходы, и последствия для уровня жизни пенсионеров вследствие перехода к перспективной ПС.

МОТ подчёркивается, что введение БД уменьшает неравенство в доходах, укрепляет такие социальные ценности, как чувство собственного достоинства и чести, позволяет более чётко планировать финансовые доходы и расходы, сумму сбережений. Фактически БД представляет собой способ долгосрочных инвестиций в человеческий капитал⁶. Важно отметить, что результаты большинства экспериментов и ожиданий от введения БД связаны с более достойным самочувствием людей, физиологическим и психологическим здоровьем, со снижением стресса и психических заболеваний, улучшением привычек питания, урегулированием домашних и личных долгов, свободой в выборе жизненной траектории, дополнительным самообразованием и образованием детей, повышением субъективного благополучия и участия в социальной жизни общества, а, значит, желательны с мировоззренческой, этической, ценностной точек зрения [12, с. 94; 13 и др.].

⁶ Kamanga F. Comparing a universal basic income to cash transfers // Basic Income Earth Network: [сайт]. URL: <https://basicincome.org/news/2017/07/comparing-universal-basic-income-cash-transfers/> (дата обращения: 20.05.2025).

Риски и возможности введения БД целесообразно дифференцировать по видам и субъектам их воздействия. Различают следующие основные виды рисков: мировоззренческие, политические, социальные, экономические, финансовые, психологические и административные. По субъектам воздействия целесообразно выделять риски государству, работнику и работодателю.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационную основу исследования составили нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу пенсионного обеспечения в Российской Федерации, а также документы и аналитические отчёты международных организаций по вопросам изучения уровня жизни населения и, в частности, социальной защиты и справедливости. Для расчётов использовались *данные* российской статистики в области пенсионного обеспечения и социальной поддержки пенсионеров.

Методы исследования включали: анализ нормативно-правовых актов в сфере пенсионного законодательства и научной литературы по изучаемой проблеме; метод логического обоснования изложенных подходов; расчётно-аналитический метод, а также их научный синтез. В настоящее время наиболее востребованными для управления российской пенсионной системой являются риск-логический и риск-ориентированный методы. Риск-логический метод позволяет верифицировать риски изменений демографической структуры, финансовых потоков, дефицита бюджета и др. Риск-ориентированный метод фокусирует ресурсы и меры на самых значимых рисках. Такие вопросы, как демографическая устойчивость, финансовая устойчивость государственного бюджета и социального фонда, инвестиционные риски, операционные риски и регуляторные риски, получают приоритет в планировании. В результате определяется, какие риски наиболее опасны и требуют внимания. Целесообразно использовать оба метода изучения рисков в комбинации, чтобы вначале построить логико-структурированную модель риска, а затем применить риск-ориентированную оценку для приоритизации мер и бюджетирования.

Результаты исследования

Об основных элементах перспективной российской пенсионной системы

В целях конкретизации рисков и возможностей введения в пенсионную систему БПД представляется важным обозначить сущность и особенности предлагаемых авторами нововведений.

В российской ПС осуществляются выплаты, которые можно обособить от страховых, преобразовать в БПД и управлять ими в качестве самостоятельного инструмента ПС, минимизируя риски и используя возможности для повышения уровня жизни пенсионеров [14; 15; 16; 17].

Такими выплатами являются фиксированная выплата (ФВ) к страховой пенсии и социальная доплата к пенсии до прожиточного минимума пенсионера в обязательном пенсионном страховании, а также социальная пенсия и социальная доплата до прожиточного минимума пенсионера в государственном пенсионном обеспечении. Размер этих выплат не зависит от трудового и страхового стажа их получателей. Согласно авторскому подходу вышеобозначенные выплаты целесообразно обособить в качестве БПД, выплачивать в размере не менее ПМ пенсионера и управлять этими выплатами как самостоятельной частью пенсионной системы.

В [17, с. 494] обосновывается выделение в ПС нормативно-социальной пенсии на основе концепции базового дохода и корпоративно-солидарной пенсии, основанной на страховой схеме. В [15] в качестве важного элемента введения в ПС базового пенсионного дохода предлагается возвращение к базовой части пенсии как прототипу базового дохода.

Вторая часть ПС будет включать страховую пенсию. Высвободившиеся средства, ранее направляемые на ФВ к страховой пенсии, предлагаются направить на учёт пенсионных прав и текущую выплату страховой пенсии действующим пенсионерам, учесть при её индексации. В [16] также предлагается убрать ФВ из расчёта страховой пенсии по старости, формируемой в распределительной системе обязательного пенсионного страхования, которая в настоящее время устанавливается не расчётоно к заработку, а в фиксированной (твёрдой) сумме.

Повышение страховой части ПС потребует также повышения покупательной способности работников по заработной плате, увеличения страховых взносов в отдельных видах деятельности, включая отрасли с вредными и опасными условиями труда, и более последовательной реализации страховых принципов в этой части ПС (упразднения целого ряда льготных режимов пенсионирования)⁷.

В третью часть ПС целесообразно выделить многочисленные дополнительные надбавки для отдельных категорий пенсионеров, имеющиеся в ПС и не включаемые в БПД.

Таким образом, пенсия в системе обязательного пенсионного страхования будет состоять

⁷ Пути решения этих проблем в данной статье не рассматриваются.

из БПД, страховой пенсии и дополнительной пенсии (для отдельных категорий пенсионеров).

Как результат, БПД (базовая часть пенсии) будет гарантировать базовый (минимальный) уровень дохода и выступать в качестве дополняющего элемента в системе обязательного социального страхования, что соответствует подходам МОТ.

В системе государственного пенсионного обеспечения в БПД будет трансформирована социальная пенсия и социальная доплата к пенсии до прожиточного минимума.

Размер БПД должен в перспективе позволять минимизировать риски абсолютной монетарной бедности и деприваций его получателя⁸. Они со-

храняются в диапазоне от 1–2 ПМ пенсионера [18 и др.]. На начальном этапе БПД предлагается выплачивать на уровне не ниже общероссийского прожиточного минимума пенсионера всем лицам, достигшим пенсионного возраста, вне зависимости от трудового и страхового стажа и дохода в период трудовой деятельности. Таким образом, его выплата будет являться безусловной (кроме условия вступления в пенсионный возраст), осуществляться регулярно и вне зависимости от нуждаемости.

Об адаптации принципов введения базового дохода к их применению в новой ПС

Адаптация принципов введения БПД в системы социальной защиты к пенсионной системе РФ представлена в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

Адаптация принципов введения базового дохода к пенсионной системе Российской Федерации

Adaptation of the Principles of Introducing Basic Income to the State Pension System of the Russian Federation

Принцип введения	Описание принципа	Международные организации, поддерживающие принцип	Адаптация принципа применительно к пенсионной системе РФ ⁹
Поэтапность введения	Введение БД происходит постепенно: вначале предполагается ввести базовый доход, направленный на определённую группу лиц.	Международная организация труда; Международный валютный фонд.	Категорией получателей БПД являются российские пенсионеры.
Категориальный подход	Охват определённых групп населения: пенсионеры.	Международная организация труда; Международный валютный фонд.	БПД вводится для получателей страховых и социальных пенсий.
Дополняющий элемент системы социальных выплат	Введённый БПД дополняет систему социальных выплат, не заменяя её.	Международная организация труда.	Введение БПД не отменяет страховую часть пенсионных выплат и не заменяет все иные выплаты в российской пенсионной системе (региональные социальные доплаты к пенсии; надбавки за северный стаж и целый ряд других надбавок к пенсии отдельным категориям пенсионеров).

Источник: составлено авторами на основе [9], данных International Monetary Fund¹⁰.

О характеристиках рисков и возможностей введения базового пенсионного дохода

Определим риски и возможности введения БПД в пенсионную систему России для всех её участников (субъектов), таких как государство, работники и работодатели, и разделим риски

⁸ В данной рукописи авторами не проводятся расчёты вероятных расходов государственного бюджета на введение БПД в ПС.

⁹ Предложения авторов публикации.

и возможности на подгруппы согласно признакам, которые относятся к разнообразным составляющим общественной жизни (экономические, финансовые, административные, социальные, политические и психологические) (таблицы 2 и 3).

¹⁰ International Monetary Fund. Fiscal Monitor: Tackling Inequality. October 2017 // International Monetary Fund: [сайт]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Issues/2017/10/05/fiscal-monitor-october-2017> (дата обращения: 10.05.2025).

Таблица 2

Риски введения базового пенсионного дохода¹¹

Table 2

Risks of Introducing a Basic Pension Income

Риски / Субъект	Государство	Работник	Работодатель
Политические	П.1. Противостояние политических партий по вопросу введения БПД.	П.2. Протестные формы поведения против пенсионной реформы (введения БПД).	П.3. Агитация работников против проведения пенсионной реформы в части введения БПД.
Социальные	С.1. Рост социальной напряжённости в обществе в связи с возможным увеличением числа занятых в теневой экономике и ростом числа лиц, неуплачивающих взносы на обязательное пенсионное страхование. С.2. Рост социальной напряжённости в обществе, обусловленный возможным повышением налогобложения физических лиц и бизнеса как источников средств для выплаты БПД. С.3. Рост социальной напряжённости в обществе в случае уравнивания возраста назначения БПД лицам, выработавшим и не выработавшим страховой стаж.	С.4. Сокращение численности работников сферы пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения в связи с уменьшением административной нагрузки. С.5. Прекращение трудовой и социальной активности населением, желающим получать только минимально гарантированный уровень пенсии. С.6. Увеличение числа пенсионеров, желающих проживать только на минимально гарантированный уровень пенсии.	С.7. Сокращение численности работников, желающих работать официально и платить страховые взносы на обязательное пенсионное страхование.
Экономические	Э.1. Рост размеров теневой занятости в связи с отсутствием необходимости зарабатывать страховой стаж работы для получения минимальной гарантированной пенсии на уровне прожиточного минимума пенсионера. Э.2. Отказ части работников от уплаты страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования в связи с отсутствием необходимости, обусловленной получением минимальной гарантированной пенсии на уровне прожиточного минимума пенсионера.	Э.3. Снижение размера будущей пенсии. Э.4. Рост требований к условиям получения страховой пенсии.	Э.1., Э.2., Э.3. На работодателя переходят риски государства и работников.
Финансовые	Ф.1. Нехватка средств для выплаты БПД в долгосрочной перспективе.	Ф.2. Снижение уровня финансового благополучия пенсионеров в связи с низкой результативностью программ введения БПД.	Ф.3. Повышение ставок налогобложения бизнеса. Ф.4. Рост ставок страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.
Психологические	ПС.1. Непринятие государственными органами управления пенсионной реформы в части введения БПД.	ПС.2. Непонимание сути проводимой реформы введения БПД. ПС.3. Непринятие реформы, особенно молодым поколением, которое отказывается от уплаты страховых взносов и предпочитает иные инструменты инвестирования денежных средств.	ПС.2. Неприятие сути проводимой реформы введения БПД.

¹¹ В данной публикации не рассматриваются мировоззренческие риски введения БПД, поскольку его введение акцентируется на повышении уровня жизни наименее обеспеченных слоёв населения, каковыми являются пенсионеры, и не анализируется в контексте всестороннего развития человека и снижения монетарного и немонетарного неравенства.

Окончание Таблицы 2

Риски / Субъект	Государство	Работник	Работодатель
Административные	A.1. Перестройка административных процессов в рамках проведения реформы введения в ПС БПД и адаптации других её частей.	A.2. Необходимость посещения центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), региональных отделений Фонда пенсионного и социального страхования в случае возникновения ошибок администрирования пенсионной системы.	A.3. Сложность перестройки систем бухгалтерского и иного учёта в связи с новыми изменениями в пенсионном законодательстве.

Источник: составлено авторами на основе [8; 9; 10; 12; 15; 17; 19; 20], данных Basic Income Earth Network¹², Social Policy Association.¹³

Далее построим матрицу рисков, с помощью которой оценим уровень вероятности возникновения рисков по шкале: высоковероятно; возможно; маловероятно (таблица 3). Согласно

выстроенной матрице оценки рисков, большая их часть, по мнению авторов, относится к группе рисков со средней или низкой вероятностью возникновения.

Таблица 3

Матрица рисков введения базового пенсионного дохода

Table 3

Matrix of Risks of Introducing a Basic Pension Income

Критерий	Риски	Высокий	Средний	Низкий
ВОЗДЕЙСТВИЕ	Политические	П.1.	П.2.	П.3.
	Социальные	С.2, С.3	С.1., С.4., С.7.	С.5., С.6.,
	Экономические	Отсутствуют	Э.1., Э.2.	Э.3., Э.4.
	Финансовые	Ф.1.	Ф.2., Ф.3, Ф.4	Отсутствуют
	Психологические	Отсутствуют	ПС.1., ПС.2, ПС.3.	Отсутствуют
	Административные	Отсутствуют	А.1.	А.2., А.3.
ВЕРОЯТНОСТЬ		Высоковероятно	Возможно	Маловероятно

Источник: составлено авторами на основе Таблицы 2 «Риски введения базового пенсионного дохода».

Конкретизируем возможности введения БПД в разнообразных составляющих общественной жизни (политические, социальные, экономичес-

кие, финансовые, психологические, административные) (таблица 4).

Таблица 4

Возможности введения базового пенсионного дохода¹⁴

Table 4

The Possibilities of Introducing a Basic Pension Income

Возможности / Субъект	Государство	Работник	Работодатель
Политические	Соблюдение международных стандартов в области социального обеспечения граждан.	Повышение уровня доверия к политическим институтам – организациям, в том числе органам власти, политическим партиям со стороны населения,	Повышение уровня доверия к политическим институтам – организациям, в том числе органам власти, политическим партиям со стороны населения,

¹² Kamanga F. Comparing a universal basic income to cash transfers // Basic Income Earth Network: [сайт]. URL: <https://basicincome.org/news/2017/07/comparing-universal-basic-income-cash-transfers/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹³ Greener I. Why Basic Income may not be the answer // Social Policy Association: [сайт]. URL: <https://social-policy.org.uk/blog/why-basic-income-may-not-be-the-answer-by-ian-greener/> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ В данной публикации не рассматриваются мировоззренческие возможности введения БПД, поскольку его введение акцентируется на повышении уровня жизни наименее обеспеченных слоев населения, каковыми являются пенсионеры, и не анализируется в контексте всестороннего развития человека и снижения монетарного и немонетарного неравенства.

Окончание Таблицы 4

Возможности / Субъект	Государство	Работник	Работодатель
		в частности, лиц старшего возраста, в связи с более понятной и прозрачной и надёжной организацией системы пенсионных выплат.	работодателей, предпринимателей.
Социальные	Повышение уровня социальной справедливости в обществе.	Сокращение уровня абсолютной монетарной бедности и деприваций среди лиц старшего возраста.	Повышение покупательной способности среди работников лиц старшего возраста.
Экономические	Повышение уровня социальных гарантий пенсионеров.	Наличие источника стабильного дохода в размере БПД.	Создание условий для развития различных форм занятости лиц старшего возраста (самозанятость, платформенная занятость, участие в программах наставничества и т.д.).
Финансовые	Снижение издержек, связанных с организацией и функционированием ПС.	Повышение финансовой обеспеченности домохозяйств, включающих лиц старшего возраста.	Снижение обеспокоенности уровнем заработной платы, финансовым обеспечением со стороны работников старшего возраста.
Психологические	Устойчивое развитие ПС, обеспечивающее надёжное и стабильное выполнение её функций.	Снижение психологической обеспокоенности уровнем жизни в старости среди пенсионеров; Рост вовлечённости в домашнее хозяйство, воспитание внуков.	Более устойчивая психологическая обстановка в коллективе, состоящем, в том числе, из лиц старшего возраста.
Административные	Снижение административных расходов на организацию ПС в связи с отсутствием необходимости проверки нуждаемости.	Повышение прозрачности и понятности функционирования ПС.	Повышение прозрачности и понятности функционирования ПС.

Источник: составлено авторами на основе [8; 9; 10; 12; 15; 17; 19; 20], данных Basic Income Earth Network¹⁵, Social Policy Association.¹⁶

Согласно представленному перечню возможностей стоит выделить основные: сокращение уровня бедности среди лиц пенсионного возраста, повышение прозрачности и надёжности системы начисления пенсионных выплат, учитывающей старение населения и трансформацию сферы занятости. На начальном этапе эти возможности являются основными при реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации¹⁷. Решение данных задач имеет дальнейший потенциал и направлено на достижение достойного уровня жизни (покупа-

тельной способности) российских граждан, достигших пенсионного возраста.

О системах и видах управления рисками при введении БПД

Большое количество рисков и их разнообразие приводит к необходимости решения сложной задачи – выбора конкретных систем управления рисками (СУР) из достаточно широкого ассортимента – от документальных до компьютерных решений.

Документальные СУР основаны на документации и процедурных методах, они не используют автоматизированные программы или программные комплексы. Включают в себя создание и ведение документов, регламентирующих процессы управления рисками¹⁸.

Для краткого описания состава документальных СУР удобно использовать иерархичес-

¹⁵ Kamanga F. Comparing a universal basic income to cash transfers // Basic Income Earth Network: [сайт]. URL: <https://basicincome.org/news/2017/07/comparing-universal-basic-income-cash-transfers/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁶ Greener I. Why Basic Income may not be the answer // Social Policy Association: [сайт]. URL: <https://social-policy.org.uk/spa-blog/why-basic-income-may-not-be-the-answer-by-ian-greener/> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р (ред. от 24.10.2018) «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации».

¹⁸ Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля».

кую модель документальной базы в виде схемы «Нормативно-документационное обеспечение СУР», состоящей из трёх компонентов и четырёх блоков внутри каждой компоненты: I. Уровень (1. Законодательный, 2. Подзаконный, 3. Ненормативный, 4. Технологический), II. Вид документов (1. Законы РФ, Кодексы; 2. Постановления Правительства, приказы министерств и ведомств; 3. Письма, разъяснения и др., 4. Документация к информационным системам), III. Цель и назначение (1. Фундаментальные принципы и разграничения ответственности по управлению рисками; 2. Методики и процедуры, форматы отчётности; 3. Разъяснения сложных моментов применения нормативных актов; 4. Описание технической реализации процессов).

Автономные СУР, реализованы на бизнес-процессах, обеспечивая управление каждым риском с помощью разработанного для него бизнес-процесса. Функционируют независимо от основной ИТ-инфраструктуры проекта, обеспечивая управление рисками в отдельных подразделениях или направлениях. Позволяют более гибко и оперативно реагировать на риски, используя бизнес-процессы как основу для их эффективного контроля и минимизации [21]. Особенno полезны на этапе введения БПД, когда требуется высокая оперативность для выявления рисков и точного определения места их возникновения.

Кроме автономных СУР существуют иные виды систем, применяемые для эффективного выявления, оценки и снижения рисков. Они могут быть классифицированы как многоуровневые и многофункциональные системы управления рисками.

СУР имеют этапы цикла управления рисками. На практике используются несколько вариантов цикла. Наиболее распространённым является следующий набор этапов: идентификация рисков; оценка (измерение) рисков; управление рисками (реагирование на риски); мониторинг и контроль рисков¹⁹.

При введении БПД в ПС, на начальном этапе, можно использовать удобную систему управления рисками, а при наступлении устойчивой работы перспективной российской ПС, то есть режима эксплуатации, заменить её управлением в рамках Фонда обязательного пенсионного и социального страхования.

Обсуждение

С учётом социально-экономической направленности статьи ниже рассматривается ряд рис-

¹⁹ Политика управления рисками АО «Национальный НПФ» // АО «Национальный НПФ»: [сайт]. URL: <https://www.nnpf.ru/about-us/risk-management-policies/> (дата обращения: 15.06.2025).

ков социального и финансового характера. Один из социальных рисков – возможное непонимание сути новой ПС обществом, и, как итог, её неприятие. Второй – непринятие новой ПС в том виде, в котором она будет реализована.

К числу социальных рисков при введении БПД необходимо также отнести временной период унификации возраста начала выплаты БПД пенсионерам – получателям трудовой и социальной пенсии. Как известно, в действующей пенсионной системе социальная пенсия назначается на пять лет позже трудовой пенсии по старости. Встаёт вопрос о том, насколько справедливыми будут считаться выплаты БПД тем пенсионерам, которые не имеют необходимого страхового стажа, с одного возраста с теми, кто его заработал, при том, что у большинства из них покупательная способность пенсий не обеспечивает среднего уровня жизни? Не исключено, что это может вызвать социальную напряжённость в обществе и, как итог, неприятие перспективной ПС. Эта проблема осложняется тем, что очевидна тенденция роста доли получателей социальной пенсии в общей численности пенсионеров. За последние 20 лет их число выросло в 1,7 раза, что может быть связано, в том числе с ростом числа граждан, не уплачивающих страховые взносы или не достигающих нормативного страхового стажа. Так, в 2005 году число пенсионеров, получающих социальные пенсии, составляло 1819 тыс. чел. (4,7% от общего числа пенсионеров)²⁰, в 2025 году – 3466 тыс. чел. (8,4% от общего числа пенсионеров)²¹. В дальнейшем эта тенденция может ускориться из-за быстрого развития экономики физических лиц. Если в 2025 году численность самозанятых граждан составляет 14,1 млн человек²², то к 2050 году она может вырасти до 29 млн чел. Структура занятости трансформируется – работающие по найму могут составить 38,9%, а самозанятые – 61,1% [22].

При введении БПД также следует учитывать риск высокой вероятности, а именно, финансовый риск нехватки средств для выплаты БПД настоящим и будущим поколениям. Этот вопрос является предметом острых дискуссий.

²⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения: 10.07.2025).

²¹ Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 10.07.2025).

²² Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://rmfp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 11.09.2025).

Для сведения к минимуму социальных и финансовых рисков потребуется: учёт мнений экспертов и представителей работников и пенсионеров, не являющихся экспертами, по вопросам рисков и возможностей имплементации БПД в пенсионную систему РФ и обеспечения более достойного уровня жизни получателей пенсий, а также организация продуманной и хорошо спланированной кампании, направленной на информирование населения о сути, целях и задачах, этапах проведения реформы. Наоборот, возможности перспективной ПС, при её успешной реализации, будут приветствоваться пенсионерами, поскольку введение БПД в качестве экономического инструмента снижает уровень бедности среди пенсионеров и уменьшает для них риски ненадёжного материального обеспечения, а упрочение страховых принципов и учёт особенностей отдельных категорий населения повышают экономическую устойчивость домохозяйств с пенсионерами. Более того, международные эксперименты по введению БД в странах, где больше граждан испытывают финансовые трудности, демонстрируют более высокую поддержку его введения. Также стоит учесть, что население, скорее примет новую пенсионную реформу, чем не примет, в случае понимания того, что устойчивость ПС повысится, а также не будет нанесён ущерб текущему уровню пенсионных выплат, то есть размер пенсий не уменьшится.

Экономические последствия уравнивания возраста назначения БПД для получателей трудовой и социальной пенсии состоят в увеличении расходов на его выплату и также могут стать препятствием для его введения или последующего повышения покупательной способности. Возможно, стоит учесть эти обстоятельства при введении БПД, и постепенно уменьшать законодательно установленный временной промежуток (5 лет) в назначении трудовой и социальной пенсии. В качестве критерия уменьшения этого интервала можно было бы руководствоваться соблюдением принципа принадлежности получателей трудовой пенсии к более высокому по уровню жизни социальному слою по сравнению с получателями социальной пенсии. Это могло бы работать следующим образом. Например, при превышении среднего размера трудовой пенсии по старости 2-х ПМП – переход из низкообеспеченных (в 2022 году составляли 48,0% получателей страховой пенсии по старости) в слой обеспеченных ниже среднего уровня жизни, временной период для установления социальной пенсии мог бы быть сокращён до 3-х лет после вступления в установленный пенсионный возраст. При превышении среднего размера трудовой пенсии по старости 3,2 ПМП – переход из обеспеченных ниже

среднего уровня (в 2022 году составляли 37,3% получателей страховой пенсии по старости) в слой среднеобеспеченных, временной период для установления социальной пенсии мог бы быть сокращён до 2-х лет и т.д., вплоть до выравнивания возраста назначения трудовой и социальной пенсии при превышении покупательной способности трудовой пенсии по старости уровня ядра среднего слоя (4,5 ПМП)²³. Все эти ступени выравнивания возраста установления трудовых и социальных пенсий необходимо устанавливать с учётом прогнозируемых демографических параметров и структуры занятости, финансовых возможностей, источника выплаты БПД, социально-го климата в обществе и др. факторов.

Имеются аргументированные точки зрения, состоящие в том, что выплата универсального базового дохода всем гражданам страны в размере прожиточного минимума невозможна в обозримом будущем из-за непомерного финансового бремени [20, с. 34 и др.]. Однако, применительно к выплате БПД речь идёт примерно о 25–30% от общей численности россиян. Также надо учитывать, что в настоящее время (2024 г.) доля межбюджетного трансфера уже составляла 19,83%²⁴. В публикации одного из авторов показано, что дополнительные затраты на выплату БПД по состоянию на 2022 год посильны для государственного бюджета [23]. В дальнейшем необходимо провести средне- и долгосрочные прогнозные расчёты, учитывающие демографические тенденции, изменения возрастной структуры населения, структуры рынка труда и сферы занятости, позволяющие принять обоснованные решения и оценить размер необходимых финансовых средств для стабильной выплаты БПД.

Отдельного рассмотрения потребует изучение возможности привлечения различных финансовых источников для его выплаты, таких как налоги, рента и специально созданные фонды [8 и др.], определение условий динамичного и устойчивого развития/роста экономики страны.

Важно подчеркнуть, что при всех сложностях и возможных альтернативных направлениях использования имеющихся финансовых и материальных ресурсов приоритетным является этический императив – преодоление абсолютной monetарной бедности и немонетарных деприваций для пенсионеров – категории российских граждан, внесших значительный вклад в развитие страны и воспитание будущих поколений.

²³ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 26.05.2025).

²⁴ Исполнение бюджета СФР по доходам // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: <https://sfr.gov.ru/files/id/open-data/2025/dohodyi.csv> (дата обращения: 13.06.2025).

Заключение

Результаты исследования показали наличие рисков и возможностей при введении базового дохода в российскую пенсионную систему. Подтверждена гипотеза исследования, состоящая в том, что риски введения БПД в ПС, как её отдельного элемента, могут быть минимизированы системами управления рисками, а возможности использованы для повышения уровня жизни пенсионеров. Охарактеризована система управления рисками, способствующая решению задач повышения государственных гарантий российским пенсионерам.

По итогам проведённого исследования авторами рассмотрены следующие дискуссионные вопросы содержательного характера, сопровождающие введение БД в ПС России: о структуре пенсии, об элементах БПД и его получателях, об условиях выплаты БПД, источниках его финан-

сирования, возможностях минимизации некоторых социальных рисков и др. По оценкам авторов введение БПД позволит повысить уровень жизни пенсионеров и устойчивость домохозяйств, включающих лиц старшего возраста.

Дальнейшие исследования этой проблематики предполагается направить на:

- дополнение логического метода выявления рисков и возможностей введения БПД в российскую ПС получением соответствующих риск-ориентированных экспертных оценок, а также обработкой результатов массового опроса респондентов из числа работников и пенсионеров, не являющихся экспертами;

- разработку дорожной карты по переходу от действующего механизма выплат страховых и социальных пенсий к новому, основанному на управлении рисками и возможностями введения в пенсионную систему инструментария БПД.

Список источников

1. Parvaei S., Mazinani T.A.A., Zanjari N. Poverty and Social Policy of Aging: Investigating the Determinants of Income Poverty Among Older Adults in the Organization for Economic Co-operation and Development Countries // Iranian Rehabilitation Journal. 2023. Vol. 21. Issue 2. P. 355–364. <https://doi.org/10.32598/irj.21.2.1864.1>
2. Möhring K. The Consequences of Non-standard Working and Marital Biographies for Old Age Income in Europe: Contrasting the Individual and the Household Perspective // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 3. P. 456–484. <https://doi.org/10.1111/spol.12720>
3. Lee K. Old-age Poverty in a Pension Latecomer: The Impact of Basic Pension Expansions in South Korea // Social Policy and Administration. 2022. Vol. 56. Issue 7. P. 1022–1040. <https://doi.org/10.1111/spol.12829>
4. Ebbinghaus B. Inequalities and Poverty Risks in Old Age across Europe: The Double-edged Income Effect of Pension Systems // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 3. P. 440–455. <https://doi.org/10.1111/spol.12683>
5. Ku I., Lee W., Lee S. Declining Family Support, Changing Income Sources, and Older People Poverty: Lessons from South Korea // Population and Development Review. 2021. Vol. 47. Issue 4. P. 965–996. <https://doi.org/10.1111/padr.12442>
6. Lee K. Varying Effects of Public Pensions: Pension Spending and Old-age Employment under Different Pension Regimes // Journal of European Social Policy. 2024. Vol. 34. Issue 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.1177/09589287231223391>
7. Квашин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // Современная Европа. 2019. № 3(89). С. 171–181. <https://doi.org/10.15211/sovereurope32019171181> EDN АНПРФР
8. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Том 15. № 3. С. 8–24. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069> EDN QBCARF
9. Universal Basic Income Proposals in Light of ILO Standards: Key Issues and Global Costing / I. Ortiz, C. Behrendt, A. Acuna-Ulaate, Q.A. Nguyen. ESS – Working Paper No. 62. Geneva: International Labour Organization, 2018. 54 p. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3208737>
10. Lee S. Attitudes Toward Universal Basic Income and Welfare State in Europe: A Research Note // Basic Income Studies. 2018. Vol. 13. No. 1. Art. 20180002. <https://doi.org/10.1515/bis-2018-0002>
11. Быков А.А., Порфириев Б.Н. Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа риска. 2006. Том 3. № 4. С. 319–337. EDN NUFCTZ
12. Lain B. Basic Income Experiments: Limits, Constraints and Opportunities // Ethical Perspectives. 2021. Vol. 28. Issue 1. P. 89–101. <https://doi.org/10.2143/EP.28.1.3289574>
13. Quantifying the Mental health and Economic Impacts of Prospective Universal Basic Income Schemes among Young People in the UK: a Microsimulation Modelling Study / T. Chen, H. Reed, F. Parra-Mujica, E.A. Johnson, M. Johnson, M. O'Flaherty, B. Collins, C. Kypridemos // BMJ Open. 2023. Vol. 13. No. 10. Art. e075831. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-075831>
14. Колесник А.П. Принципы и модели организации пенсионной системы государства // Социальное и пенсионное право. 2025. № 1. С. 23–33. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2025-1-23-33> EDN DGSKRC
15. Бобков В.Н., Пилиюс А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 EDN ECLHCE
16. Воронин Ю.В. Пенсионный процесс: новый поворот в старой дискуссии // Социальное и пенсионное право. 2024. № 02. С. 5–16. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-2-5-16> EDN FNKZKD

17. Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 482–498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 EDN JYVIJH
18. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения: [монография] / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева [и др.]; под ред. Н.Е. Тихоновой (отв. ред.). М. - СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7 <https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7> EDN YSPCNF
19. Basic Income: Opportunities or Problem? / B. Végvári, M. Gelencsér, A. Kurucz, G. Szabó-Szentgróti // Regional and Business Studies. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 5-15. <https://doi.org/10.33568/rbs.3289>
20. Капельюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Препринт WP3/2020/04. Серия WP3: Проблемы рынка труда. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 52 с.
21. Коваленко В.В., Комендантов Г.А. Системный подход к управлению рисками: объединение стратегического управления и процессной интеграции с автономной системой // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2025. № 2(53). С. 98–105. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2025-2-98-105> EDN ULULRI
22. Человек. Труд. Экономика: [коллективная монография] / под общ. ред. Е.В. Вашаломидзе. М.: Директ-Медиа, 2024. 296 с. ISBN 978-5-4499-4880-9 <https://doi.org/10.23681/718662> EDN VUNNEG
23. Смирнова Е.А. Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396 EDN VEFVSD

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель научного проекта, Лаборатория исследований базового пенсионного дохода, Институт экономики Российской академии наук

(SPIN-код: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus Author ID: 55960509800)

Николай Кузьмич Долгушкин – доктор экономических наук, академик РАН, вице-президент, Российская академия наук (SPIN-код: 9327-6822) (ResearcherID: HCH-2675-2022) (Scopus Author ID: 57260259100)

Екатерина Андреевна Смирнова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований базового пенсионного дохода, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 4549-7878) (ResearcherID: ABD-3297-2020) (Scopus Author ID: 60153468200)

Владимир Васильевич Коваленко – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и математики, Сочинский государственный университет (SPIN-код: 6027-3119) (Scopus Author ID: 56165483300)

Заявленный вклад авторов:

В.Н. Бобков – научное руководство, постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, обобщение результатов исследования;

Н.К. Долгушкин – научное консультирование, научное редактирование;

Е.А. Смирнова – обзор отечественных и международных исследований и публикаций по вопросам пенсионного обеспечения, рисков и возможностей введения базового пенсионного дохода, обработка, обобщение, систематизация и анализ данных, графическое представление данных;

В.В. Коваленко – обзор исследований и публикаций по вопросу управления рисками введения новых инструментов социальной защиты, обработка, обобщение, систематизация данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Екатерина Андреевна Смирнова.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Parvaei S., Mazinani T.A.A., Zanjari N. Poverty and Social Policy of Aging: Investigating the Determinants of Income Poverty Among Older Adults in the Organization for Economic Co-operation and Development Countries. *Iranian Rehabilitation Journal*. 2023;21(2):355–364. <https://doi.org/10.32598/irj.21.2.1864.1>
2. Möhring K. The Consequences of Non-standard Working and Marital Biographies for Old Age Income in Europe: Contrasting the Individual and the Household Perspective. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):456–484. <https://doi.org/10.1111/spol.12720>
3. Lee K. Old-Age Poverty in a Pension Latecomer: The Impact of Basic Pension Expansions in South Korea. *Social Policy and Administration*. 2022;56(7):1022–1040. <https://doi.org/10.1111/spol.12829>
4. Ebbinghaus B. Inequalities and Poverty Risks in Old Age across Europe: The Double-edged Income Effect of Pension Systems. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):440–455. <https://doi.org/10.1111/spol.12683>
5. Ku I., Lee W., Lee S. Declining Family Support, Changing Income Sources, and Older People Poverty: Lessons from South Korea. *Population and Development Review*. 2021;47(4):965–996. <https://doi.org/10.1111/padr.12442>
6. Lee K. Varying Effects of Public Pensions: Pension Spending and Old-age Employment under Different Pension Regimes. *Journal of European Social Policy*. 2024;34(1):3–19. <https://doi.org/10.1177/09589287231223391>
7. Kvashnin Yu. Basic Income for the European Countries: From Theory to Practice. *Sovremennaya Evropa=Contemporary Europe*. 2019;(3(89)):171–181. <https://doi.org/10.15211/soveurope32019171181> (In Russ.)

8. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Universal Basic Income: Reflections on the Possible Impact on Improving the Living Standards and Quality of Life and the Sustainability of Society. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2019;15(3):8–24. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069> (In Russ.)
9. Ortiz I., Behrendt C., Acuna-Ulate A., et al. Universal Basic Income Proposals in Light of ILO Standards: Key Issues and Global Costing. ESS – Working Paper No. 62. Geneva: International Labour Organization; 2018. 54 p. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3208737>
10. Lee S. Attitudes Toward Universal Basic Income and Welfare State in Europe: A Research Note. *Basic Income Studies.* 2018;13(1),20180002. <https://doi.org/10.1515/bis-2018-0002>
11. Bykov A.A., Porfiriev B.N. Risk Analysis, Concepts and Classification. *Problemy analiza risika=Issues of Risk Analysis.* 2006;3(4):319–337 (In Russ.)
12. Laín B. Basic Income Experiments: Limits, Constraints and Opportunities. *Ethical Perspectives.* 2021;28(1):89–101. <https://doi.org/10.2143/EP.28.1.3289574>
13. Chen T., Reed H., Parra-Mujica F., et al. Quantifying the Mental Health and Economic Impacts of Prospective Universal Basic Income Schemes among Young People in the UK: a Microsimulation Modelling Study. *BMJ Open.* 2023;13(10),e075831. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-075831>
14. Kolesnik A.P. Principles and Models of Design of the State Pension System. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo=Social and Pension Law.* 2025;(1):23–33. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2025-1-23-33> (In Russ.)
15. Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. Basic Income and Pension Systems: Research Overview and Transformation Frameworks. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal.* 2024;(4):87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 (In Russ.)
16. Voronin Yu.V. The Pension Process: A New Turn in the Old Discussion. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo=Social and Pension Law.* 2024;(02):5–16. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-2-5-16> (In Russ.)
17. Zakharov I.N. Opportunities for Introducing Basic Income Elements in the Payment and Social Assistance in the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2024;20(4):482–498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 (In Russ.)
18. Tikhonova N.E. (ex. ed), Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., et al. Model' Dokhodnoi Stratifikatsii Rossiiskogo Obshchestva: Dinamika, Faktory, Mezhstranovye Sravneniya. Monograph. Moscow: Saint Petersburg: Publishing House Nestor-Istoriya; 2018. 368 p. ISBN 978-5-4469-1419-7 <https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7> (In Russ.)
19. Végvári B., Gelencsér M., Kurucz A., et al. Basic Income: Opportunities or Problem? *Regional and Business Studies.* 2022;14(1):5–15. <https://doi.org/10.33568/rbs.3289>
20. Kapeliyushnikov R.I. Universal Basic Income: does it have a Future? Working paper WP3/2020/04. Seriya WP3: Problemy rynka truda. National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 52 p. (in Russ.)
21. Kovalenko V.V., Komendantov G.A. Systemic Approach to Risk Management: Combining Strategic Management and Process Integration with an Autonomous System. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni Vitte S.Yu., seriya 1: Ekonomika i upravlenie=Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management.* 2025;(2(53)):98–105. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2025-2-98-105> (In Russ.)
22. Vashalomidze E.V. (ed.). Chelovek. Trud. Ekonomika. Coll. Monograph. Moscow: Publishing House Direkt-Media; 2024. 296 p. ISBN 978-5-4499-4880-9 <https://doi.org/10.23681/718662> (In Russ.)
23. Smirnova E.A. Dynamics of the Post-Soviet Mandatory Pension Insurance System and Basic Pension Income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2024;20(3):385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396 (In Russ.)

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Scientific Project, Laboratory for Research on the Basic Pension, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus Author ID: 55960509800)

Nikolay K. Dolgushkin – Doctor of Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice-President, the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9327-6822) (ResearcherID: HCH-2675-2022) (Scopus Author ID: 57260259100)

Ekaterina A. Smirnova – PhD in Economics, Associate Professor, Senior Researcher, the Laboratory for Research on the Basic Pension Income, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 4549-7878) (ResearcherID: ABD-3297-2020) (Scopus Author ID: 60153468200)

Vladimir V. Kovalenko – PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Information Technology and Mathematic, Sochi State University (SPIN-код: 6027-3119) (Scopus Author ID: 56165483300)

Authors' declared contribution:

V.N. Bobkov – scientific management, problem statement, research concept, analysis of research results, formulation of research conclusions;

N.K. Dolgushkin – scientific consultation, scientific redaction.

E.A. Smirnova – review of domestic and international studies and publications on pension provision, risks and opportunities of introducing basic pension income, data processing, generalization, systematization and analysis, graphical representation of data;

V.V. Kovalenko – review of research and publications on the issue of risk management of the introduction of new social protection instruments, processing, generalization, systematization of data.

The authors declare no conflict of interests.

The author responsible for the correspondence is Ekaterina A. Smirnova.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья

УДК 364.02

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601

EDN XWARPY

Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами

Елена Евгеньевна Гришина

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(egrishinawork@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-8548-5497>)

Аннотация

Целью настоящей статьи является анализ материального положения домохозяйств со студентами очной формы обучения и оценка эффекта от введения дополнительного пособия для студентов из бедных домохозяйств на уровень бедности и дефицит доходов населения, а также оценка объёма дополнительных бюджетных расходов, требуемого для внедрения такого пособия. Модельные расчёты проведены на основании данных В выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, про- ведённого Росстата в начале 2024 г. Проведённый анализ показал, что студенты колледжей и вузов, обучающиеся на очном отделении, являются крайне уязвимой социально-демографической группой, нуждающейся в дополнительной поддержке государства. Было выявлено, что домохозяйства со студентами, и особенно домохозяйства, состоящие только из студентов, и домохозяйства, имеющие в своём составе как студентов в возрасте от 17 до 23 лет, так и двух и более детей моложе 17 лет, испытывают повышенные риски бедности. Модельные расчёты показывают, что введение дополнительного пособия в размере от 50% до 100% ПМ для студентов в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся на очном отделении вузов и колледжей и имеющих среднедушевые доходы ниже границы бедности, позволит снизить уровень бедности населения в 1,2 раза, а общий объём дефицита денежного дохода населения – в 1,3 раза. Введение такого пособия потребует выделения дополнительных бюджетных средств в размере 0,06% ВВП в год и будет способствовать не только улучшению материального положения домохозяйств со студентами, но и повышению качества человеческого капитала молодёжи.

Ключевые слова: студенты, доходы, уровень бедности, дефицит доходов, меры социальной поддержки, стипендия, пособие

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00537 (<https://rscf.ru/project/23-18-00537/>) в Институте экономики Российской академии наук

Для цитирования: Гришина Е.Е. Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601 EDN XWARPY

RAR (Research Article Report)

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601

Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students

Elena E. Grishina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(egrishinawork@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-8548-5497>)

Abstract

The purpose of this article is to analyze the financial situation of households with full-time students and to assess the effect of new social benefit for students from poor households on the poverty level and income deficit, and to estimate the amount of additional budget expenditures required to introduce this benefit. Model calculations were based on the Sample Survey of Population Income and Participation in Social Programs (VNDN-2024) conducted by Federal State Statistics Service. The analysis showed that full-time college and university students are extremely vulnerable and need additional state social assistance. It was found that households with students, and especially households of students, and households with both students aged 17 to 23 and two or more children under 17, experience high poverty risks. Model calculations show that the introduction of a new benefit in the amount of 50% to 100% of the subsistence minimum for students aged 17 to 23 years with per capita income below the poverty line could reduce the poverty level by 1.2 times, and the total income deficit by 1.3 times. The introduction of the benefit will require additional budget funding in the amount of 0.06% of GDP per year and help to improve the financial situation of households with students and the human capital quality of young people.

Keywords: students, income, poverty level, income deficit, social support measures, scholarship, allowance

Acknowledgments: the work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00537, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00537/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Grishina E.E. Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601 (In Russ.)

Введение

В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309¹ необходимо обеспечить снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г.

По состоянию на 2024 г. уровень бедности составил 7,2% (-1,1 п.п. г/г).² По мнению экспертов³ основным фактором снижения бедности в 2024 г. стал ускоренный рост заработных плат на фоне дефицита кадров на рынке труда. Однако в 2025 г. темпы роста реальной заработной платы существенно замедлились: в январе-мае 2025 г. реальная заработная плата увеличилась лишь на 3,8% г/г (для сравнения: в январе-мае 2024 г. – на 10,1%).⁴ Это позволяет предположить, что вклад роста реальной заработной платы в сокращение уровня бедности в 2025 г. будет ниже, чем в 2024 г.

В исследованиях [1; 2; 3; 4] отмечается, что в составе малоимущих домохозяйств в России высока доля домохозяйств с детьми, а уровень бедности домохозяйств с детьми выше среднего, особенно среди многодетных и неполных семей, а кроме того, указывается [5], что риски бедности домохозяйств с детьми до 18 лет, имеющих в своём составе учащихся колледжей и вузов, выше, чем среди домохозяйств с детьми в целом.

Цель настоящей статьи – провести анализ материального положения домохозяйств со студентами очной формы обучения и на основе модельных расчётов оценить эффект от введения дополнительного пособия для студентов из бедных домохозяйств на уровень бедности и дефицит доходов населения, а также объём дополнительных бюджетных расходов, требуемый для внедрения такого пособия. Указанные модельные расчёты будут проведены на основании данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведённого Росстата в начале 2024 г. (далее ВНДН-2024) Задачами исследования являются анализ структуры доходов, уровня бедности и дефицита доходов домохозяйств со студентами, а также моделирование на микро-данных ВНДН-2024 введения дополнительного пособия для студентов из бедных домохозяйств и оценка

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

² Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.ru/folder/13397> (дата обращения: 24.08.2025).

³ Бедность за порогом // Коммерсантъ [сайт]. 13 марта 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7566181> (дата обращения: 24.08.2025).

⁴ Социально-экономическое положение России. 2025 // Росстат[сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DOKLAD_2025.htm (дата обращения: 24.08.2025).

влияния данного пособия на уровень бедности и дефицит доходов домохозяйств со студентами и всего населения в целом.

В качестве объекта исследования рассматривается материальное положение домохозяйств со студентами, а в качестве предмета исследования – влияние дополнительного пособия для студентов из бедных домохозяйств на уровень бедности и дефицит доходов таких домохозяйств и населения в целом.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что домохозяйства со студентами испытывают повышенные риски бедности и нуждаются в дополнительных мерах социальной поддержки для снижения уровня бедности и дефицита дохода.

Научной проблемой исследования является изучение возможности снижения уровня бедности населения за счёт оказания дополнительной социальной поддержки домохозяйств со студентами.

Теоретические и методологические положения

В рамках данной работы в качестве домохозяйств со студентами будут рассматриваться домохозяйства, в состав которых входят лица в возрасте от 17 до 23 лет включительно, обучающиеся на очном отделении в организациях среднего профессионального или высшего образования.

Основной фокус данного исследования сосредоточен на анализе материального положения домохозяйств со студентами, обучающихся на очном отделении колледжа или вуза, и роли социальных выплат в снижении рисков бедности таких домохозяйств.

Следует отметить, что существенную роль в снижении уровня бедности семей с детьми сыграло введение с 2023 г. ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка (далее – единное пособие на ребёнка), предоставляемое на основе доходных и имущественных критериев нуждаемости малоимущим семьям с детьми. Единое пособие выплачивается до достижения ребёнком возраста 17 лет. Таким образом, лица в возрасте от 17 лет и старше, обучающиеся на очном отделении колледжей и вузов и находящиеся на иждивении у своих родителей, не могут претендовать на получение единого пособия. При этом, например, страховая пенсия по потере кормильца выплачивается как детям до 18 лет, так и детям старше 18 лет, обучающимся на очном отделении вуза или колледжа, до достижения ими возраста 23 лет.⁵ В зарубежных странах верхний предел возраста ребёнка, являющегося студентом, для получения пособия существенно различается

⁵ Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

и может достигать 21 лет (например, в Италии, Эстонии и США), 24 лет (например, в Австрии и Польше), 25 лет (например, в Германии и Бельгии) или 26 лет (например, в Чехии и Словении).⁶

Установленное возрастное ограничение на получение единого пособия (до достижения ребёнком возраста 17 лет) ставит в неравное положение семьи с детьми до 17 лет и семьи, в которых дети в возрасте 17 лет и старше обучаются по очной форме, не имеющие собственных трудовых доходов и находятся на иждивении родителей [6].

При этом как отмечают исследователи [4; 6; 7], действующие меры социальной поддержки не могут полностью компенсировать дефицит доходов всех малоимущих домохозяйств с детьми и не позволяют выйти из бедности домохозяйствам, имеющим значительный объём дефицита дохода. Одной из причин такой ситуации может быть наличие в составе семей с детьми до 17 лет, студентов в возрасте от 17 лет и старше, не имеющих собственных трудовых доходов и права на получение детских социальных пособий.

Что же касается стипендиального обеспечения студентов, то невысокий размер большинства стипендий не позволяет рассчитывать, что они могут внести существенный вклад в повышение доходов и снижение рисков бедности семей со студентами.

В исследованиях⁷ отмечается, что студенты часто испытывают материальные трудности в процессе обучения, в том числе, не могут из-за недостатка денежных средств позволить себе качественное и разнообразное питание и даже вынуждены сокращать объём потребляемой пищи, не могут своевременно оплатить жилищно-коммунальные услуги и арендную плату, имеют трудности с выполнением учебных заданий из-за отсутствия доступа к интернету, компьютеру или специальным компьютерным программам.

В докладе ОЭСР указано, что уровень бедности лиц в возрасте от 18 до 25 лет в странах ОЭСР в среднем выше, чем среди лиц в возрасте от 26 до 65 лет (12,3% против 9,8% в 2021 г.) [8], причём доля бедных среди лиц в возрасте от 18 до 25 лет существенно варьируется по странам и зависит от множества факторов, в том числе, от ситуации на рынке труда, уровня предоставляемой госу-

⁶ Family benefits // Mutual Information System on Social Protection: [сайт]. URL: <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/> (дата обращения: 24.08.2025); Benefits for Children // Social Security Administration: [сайт]. URL: <https://www.ssa.gov/pubs/EN-05-10085.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

⁷ 2023–2024 Student Basic Needs Survey Report // The Hope Center for Student Basic Needs at Temple University. URL: <https://hope.temple.edu/research/hope-center-basic-needs-survey/2023-2024-student-basic-needs-survey-report> (дата обращения: 24.08.2025).

дарственной социальной поддержки и объёма внутрисемейных и междусемейных трансфертов.

Семьи, в состав которых входит несколько несовершеннолетних детей, а также студенты, обучающиеся в организациях профессионального образования, имеют более ограниченные возможности для инвестиций в образование и материальной поддержки своих детей, что приводит к тому, что студенты из таких семей часто испытывают финансовые трудности и имеют более низкую академическую успеваемость [9].

Кроме того, исследователи [10] подчёркивают, что низкий уровень материального положения студентов заставляет их отказываться от создания семьи и отложить рождение детей.

Финансовые трудности, с которыми сталкиваются многие студенты во время очного обучения в колледже или вузе, стимулируют их к поиску дополнительного заработка. Так, по данным НИУ ВШЭ более 50% студентов работали хотя бы один месяц в течение своего обучения.⁸ При этом, как указывается в научных работах [11], занятость студентов очной формы обучения отрицательно влияет на объём времени, посвящаемый подготовке к занятиям, и снижает качество их обучения. Кроме того, уровень трудовых доходов студентов является, как правило, невысоким, поскольку студенты часто имеют нерегулярную занятость в сфере услуг и в неформальном секторе [12].

В то же время улучшение материального положения студентов, наоборот, повышает вероятность успешного завершения программы профессионального образования. В частности, в исследовании Райта Н.А. и Картера А.К. [13] показано, что финансовая помощь нуждающимся студентам способствует улучшению их академических результатов, снижению рисков их отчисления из колледжа. Исследователи Бастиан Я. и Мишельмор К. [14] отмечают, что дополнительные 1000 долл. США адресной социальной помощи малообеспеченным семьям с детьми в возрасте от 13 до 18 лет увеличивает вероятность окончания такими детьми колледжа на 4,2%. В исследовании Пейдж М.Е. [15] указано, что оказание материальной поддержки детям из низкоходных семей позитивно влияет на человеческий капитал таких детей, увеличивает вероятность поступления их в колледж и регулярной посещаемости колледжа. Кроме того, исследователи [16] отмечают, что предоставление финансовой поддержки малообеспеченным студентам в процессе их обучения повышает вероятность получения ими более высокого трудового дохода в будущем.

⁸ Совмещение работы и учёбы стало массовым явлением среди студентов: более 50% студентов работали хотя бы один месяц в течение срока обучения // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/965622420.html> (дата обращения: 24.09.2025).

Использованные данные и методы работы с ними

Для анализа охвата стипендиями лиц, обучающихся по очной форме в организациях высшего и среднего профессионального образования, и расчёта среднемесячного размера таких стипендий были использованы формы статистического наблюдения Минпросвещения России (форма № СПО-2⁹) и Минобрнауки России (форма № ВПО-2¹⁰).

Для оценки структуры доходов, уровня бедности и дефицита доходов домохозяйств со студентами были использованы данные ВНДН, проведённого Росстата в начале 2024 г.

Уровень бедности домохозяйств определённой социально-демографической группы на микроданных ВНДН рассчитывался как доля домохозяйств с денежными доходами ниже границы бедности в % от общей численности домохозяйств данной группы.

Дефицит доходов домохозяйств из расчёта на одно домохозяйство (на одного члена домохозяйства) определялся как сумма денежных средств, необходимая для доведения доходов домохозяйств, со среднедушевыми денежными доходами ниже границы бедности, до границы бедности из расчёта на одно бедное домохозяйство (на одного члена бедного домохозяйства).

ВНДН проводится во всех субъектах РФ с охватом в 2024 г. 60 тыс. домашних хозяйств. Уровень представительности результатов – в целом

по России, субъектам РФ и социально-демографическим группам населения и домохозяйств.¹¹ Данные ВНДН могут быть использованы для оценки эффективности мер социальной политики и анализа уровня жизни различных групп населения. Указанные данные ВНДН использовались для осуществления модельных расчётов, направленных на оценку эффектов от введения дополнительного пособия для бедных студентов в возрасте от 17 до 23 лет (включительно), обучающихся в колледжах или вузах на очном отделении и проживающих в бедных домохозяйствах. В частности, была проведена оценка возможных темпов снижения уровня бедности населения и сокращения дефицита денежных доходов населения при введении такого пособия.

Результаты исследования

Анализ состава домохозяйств, в которых проживают студенты в возрасте от 17 до 23 лет, обучающиеся на очном отделении колледжа или вуза, свидетельствует о том, что 51% таких домохозяйств не имеют в своем составе детей до 17 лет и состоят из студентов и лиц трудоспособного и/или старше трудоспособного возраста (таблица 1). 41% домохозяйств со студентами – это домохозяйства со студентами и детьми до 17 лет, а 8% домохозяйств со студентами – одиноко проживающие студенты или несколько студентов, проживающих совместно.

Таблица 1

Распределение домохозяйств со студентами в 2023 г., %

Table 1

Distribution of Households with Students in 2023, %

№	Тип домохозяйства	%
	Д/х со студентами, всего	100,0
1.	Д/х со студентами и лицами трудоспособного возраста	37,9
2.	Д/х со студентами, детьми и лицами трудоспособного возраста	34,0
3.	Д/х со студентами, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	10,2
4.	Д/х студентов	8,0
5.	Д/х со студентами, детьми, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	6,5
6.	Д/х со студентами и лицами старше трудоспособного возраста	2,8

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

Проведённое исследование стипендиального обеспечения студентов показывает, что размеры

⁹ Форма № СПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации», 2024 г. // Минпросвещения России: [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (дата обращения: 24.08.2025).

¹⁰ Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования», 2024 г. // Минобрнауки России [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 24.08.2025).

государственных академических и социальных стипендий, предоставляемых студентам, обучающимся на очном отделении колледжа или вуза, за счёт средств федерального бюджета, невелики. Так, например, с 1 сентября 2025 г. нормативная величина государственной академической стипендии студентам вузов, составляет 2224 руб. или 12,5% от величины прожиточного минимума (да-

¹¹ Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2024 // Росстат: [сайт]. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2024/index.html (дата обращения: 24.08.2025).

лее – ПМ), студентам колледжей, подведомственных Минобрнауки России – 806 руб. (4,5% ПМ).¹² Получить государственную академическую стипендию могут студенты очного отделения, обучающиеся за счёт бюджетных средств на «4» и «5» без академических задолженностей.

Нормативная величина государственной социальной стипендии, назначаемая на основе принадлежности студента к законодательно определённым льготным категориям, в том числе малоимущим студентам, имеющим среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, с 1 сентября 2025 г. составляет для студентов вузов 3340 руб. (18,8% ПМ), а для студентов колледжей, подведомственных Минобрнауки России – 1214 руб. (6,8% ПМ).

Право на повышенную государственную социальную стипендию имеют студенты первого и второго курсов, имеющие право на государственную социальную стипендию и обучающиеся на «4» и «5». Согласно письму Минобрнауки России от 20.01.2025 N МН-11/57¹³ с 1 января 2025 г. сум-

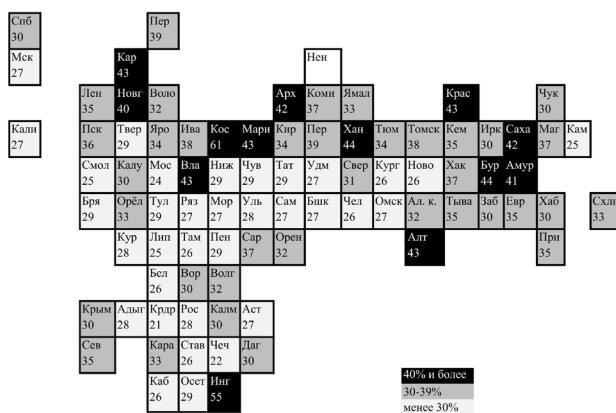
ма государственной академической и государственной социальной стипендий в повышенном размере для студентов 1-го и 2-го курсов бакалавриата и специалитета, не может быть ниже 14375 руб. (81,1% ПМ).

Размер именных стипендий, назначаемых за счёт средств юридических и физических лиц, а также стипендий Президента РФ и Правительства РФ, как правило выше (например, размер ежемесячной стипендии Президента РФ с 1 сентября 2025 г. составляет 30 тыс. руб.¹⁴), однако такие стипендии получает лишь небольшое число талантливых студентов.

Минимальные размеры региональных стипендий устанавливаются в соответствии с региональным законодательством и существенно различаются в зависимости от региона.

По данным Минобрнауки России и Минпросвещения России в 2024 г. в среднем по России 30% студентов вузов и 44% студентов колледжей получали стипендии. Охват студентов стипендиями существенно отличается по регионам (рисунок 1).

В организациях высшего образования

Рисунок 1. Доля студентов вузов и колледжей, получающих стипендии в 2024 г. в регионах, %
Picture 1. The Share of Students of Higher and Secondary Vocational Education Institutions Receiving Scholarships in 2024 in the Regions, %

Источник: расчёты автора на данных Минобрнауки России и Минпросвещения России.

Так, например, если в Краснодарском крае, Чеченской Республике и Московской области менее 25% студентов вузов охвачены стипендиями, то в Республике Ингушетия и Костромской области – более 50%. Если в Москве, Пермском крае и Республике Дагестан менее 35% студентов колледжей охвачены стипендиями, то в Республике Ингушетия, Брянской и Орловской областях – более 65%.

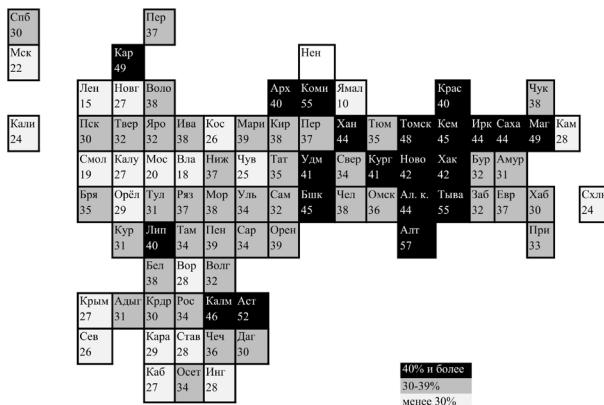
¹² Письмо Минобрнауки России от 04.08.2025 г. № МН-11/1560 «О стипендиальном обеспечении с 1 сентября 2025 года».

¹³ Письмо Минобрнауки России от 20.01.2025 г. № МН-11/57 «О сумме государственных академической и социальной стипендий в повышенном размере в 2025–2027 годах».

Среднемесячный размер стипендий, получаемых студентами вузов в 2024 г., составил 5,2 тыс. руб. или 34% от величины прожиточного минимума населения (далее – ПМ), в то время как среднемесячный размер стипендий, получаемых студентами колледжей – 1,1 тыс. руб. или 7% ПМ. При этом в 38 регионах размер стипендий в вузах был ниже среднероссийского уровня, а в отдельных регионах (Владимирской, Ленинградской, Московской и Смоленской областях) не превышал 20% ПМ (рисунок 2).

¹⁴ Стипендия Президента Российской Федерации // Стипендиат России: [сайт]. URL: https://xn--80ahclcba9ameqejaeh.xn--plai/prez_prior (дата обращения: 24.08.2025).

В организациях высшего образования

В организациях среднего профессионального образования

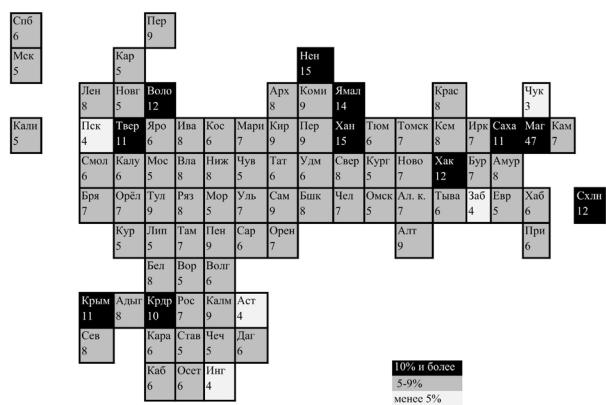

Рисунок 2. Средний размер стипендии в вузах и колледжах в 2024 г., % от величины прожиточного минимума населения

Picture 2. Average Scholarship Size in Higher and Secondary Vocational Education Institutions in 2024, % of the Subsistence Minimum of the Population

Источник: расчёты автора на данных Минобрнауки России и Минпросвещения России.

Ещё более сложная ситуация – с размером стипендий студентам колледжей: в 51 регионе размер стипендий в колледжах был ниже среднероссийского уровня, а в 15 регионах не превышал 5% ПМ.

Вклад стипендий в общий объём доходов домохозяйств со студентами крайне небольшой и составляет менее 1% (таблица 2). Наибольший вклад в доходы вносят стипендии у домохозяйств, полностью состоящих из студентов, – 5,6% от общего объёма доходов. При этом если среди всех домохозяйств со студентами в общем объёме доходов доля трудовых доходов достаточно высока и составляет 82%, то у домохозяйств, имеющих

в своём составе одиноких родителей с детьми до 17 лет и студентами, а также у многодетных домохозяйств доля трудовых доходов составляет менее 60%. Наиболее сложная ситуация складывается у домохозяйств, состоящих только из студентов, и домохозяйств, состоящих из студентов и лиц старше трудоспособного возраста: в общем объёме доходов домохозяйства доля трудовых доходов у них – менее 40%. При этом доля «прочих доходов», включающих денежные трансферты от других физических лиц (например, родителей или родственников), у домохозяйств, состоящих только из студентов, составляет более 45%.

Таблица 2

Структура денежных доходов домохозяйств со студентами по источникам поступления, %

Table 2

Structure of Monetary Income of Household by Sources of Receipt, %

№	Тип домохозяйства	Трудо-вой доход	Социаль-ные выплаты	в том числе:			Доходы от собственности	Прочие доходы
				посо-бия	пен-сию	сти-пен-дии		
1.	Д/х со студентами	82,3	13,5	5,5	7,1	0,9	0,7	3,5
2.	Д/х студентов	37,3	16,4	8,5	2,3	5,6	0,8	45,5
3.	Д/х со студентами и лицами трудоспособного возраста	91,4	5,5	2,4	2,3	0,8	0,6	2,5
4.	Д/х со студентами и лицами старше трудоспособного возраста	35,7	57,1	6,8	48,9	1,3	0,3	6,9
5.	Д/х со студентами, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	73,6	25,1	3,3	21,1	0,7	0,6	0,7
6.	Д/х со студентами, детьми и лицами трудоспособного возраста, в том числе:	84,2	12,5	9,4	2,3	0,8	0,5	2,9
6.1	д/х со студентами, детьми и одним лицом трудоспособного возраста	56,0	26,9	19,2	6,3	1,3	0,4	16,7

Окончание Таблицы 2

№	Тип домохозяйства	Трудо-вой доход	Социаль-ные выплаты	в том числе:			Доходы от собствен-ности	Про-чие дохо-ды
				посо-бия	пен-си	сти-пен-дии		
6.2	д/х со студентами, с тремя и более детьми и лицами трудоспособного возраста	57,6	39,3	31,9	6,4	0,9	0,3	2,9
7.	д/х со студентами, детьми, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста, в том числе:	70,7	24,9	6,1	18,1	0,7	1,9	2,5
7.1	д/х со студентами, детьми, лицами старше трудоспособного возраста и одним лицом трудоспособного возраста	50,0	35,5	8,9	25,7	0,9	5,5	8,9

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

Анализ занятости студентов продемонстрировал, что в целом лишь 12% студентов в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся на очном отделении колледжа или вуза, работали в 2024 г. Наиболее высока доля работающих была среди одиноко проживающих студентов и студенческих пар – 31%. В то время как среди студентов, проживающих совместно с братьями и сестрами до 17 лет, доля работающих студентов составила лишь 9%.

Риски бедности домохозяйств со студентами более чем в 3 раза выше, чем риски бедности домохозяйств в целом (рисунок 3). Причём наиболее высокие риски бедности наблюдаются среди домохозяйств студентов (в 8,8 раза выше среднего) и домохозяйств со студентами, имеющими в своем составе трёх и более детей до 17 лет (в 9,8 раза выше среднего).

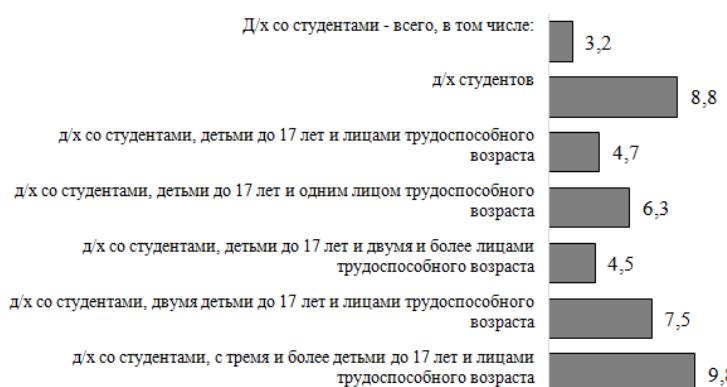

Рисунок 3. Риски бедности¹⁵ домохозяйств со студентами в 2023 г., раз
Picture 3. Poverty Risks of Households with Students in 2023, Times

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

В 2023 г. дефицит доходов бедных домохозяйств со студентами составил 26% ПМ из расчёта на одного члена домохозяйства в месяц,

а у бедных домохозяйств, состоящих только из студентов, – 51% ПМ на человека в месяц (таблица 3).

Таблица 3

Дефицит доходов домохозяйств в среднем на 1 человека и на 1 домохозяйство в 2023 г., % от величины прожиточного минимума

Table 3

Household Income Deficit per Person and per Household in 2023, % of the Subsistence Minimum

№	Тип домохозяйства	в среднем на 1 чел., в % ПМ	в среднем на 1 д/х, в % ПМ
1.	д/х со студентами	26,0	98,5
2.	д/х студентов	50,5	71,3

¹⁵ Риск бедности – это отношение уровня бедности рассматриваемых домохозяйств к уровню бедности всех домохозяйств в целом. Если значение показателя «риск бедности» рассматриваемой группы домохозяйств меньше (больше) 1, то это означает, что уровень бедности данной группы домохозяйств ниже (выше), чем в среднем по всем домохозяйствам.

Окончание Таблицы 3

№	Тип домохозяйства	в среднем на 1 чел., в % ПМ	в среднем на 1 д/х, в % ПМ
3.	Д/х со студентами и лицами трудоспособного возраста	25,9	80,8
4.	Д/х со студентами и лицами старше трудоспособного возраста	12,3	32,8
5.	Д/х со студентами, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	21,1	90,5
6.	Д/х со студентами, детьми до 17 лет и лицами трудоспособного возраста	24,8	122,6
7.	Д/х со студентами, детьми до 17 лет, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	17,6	94,0

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

Модельные расчёты показывают, что в случае предоставления студентам в возрасте от 17 до 23 лет, обучающимся на очном отделении колледжа или вуза и проживающим в домохозяйствах со среднедушевым доходом ниже границы бедности, дополнительного пособия в размере от 50% ПМ до 100% ПМ¹⁶, уровень бедности населения в 2023 г. мог бы снизиться в 1,2 раза, а

общий объём дефицита денежного дохода населения – в 1,3 раза (таблица 4).

Проведённая оценка расходов на введение дополнительного пособия для бедных студентов показывает, что в случае, если такое пособие было введено в 2023 г., объём дополнительных бюджетных средств составил 0,06% ВВП в год (по состоянию на 2025 г. – это около 140 млрд руб. в год).

Таблица 4

Уровень бедности и дефицит дохода до и после предоставления пособия в 2023 г.

Table 4

Poverty Level and Income Deficit before and after the Provision of Benefit in 2023

	Уровень бедности населения, %	Уровень бедности лиц, проживающих со студентами, %	Дефицит денежного дохода, млрд руб.
До предоставления пособия	8,3	16,6	637,8
После предоставления пособия	6,8	1,8	509,3
Справочно: снижение, раз	1,22	9,47	1,25

Источник: оценки автора на основе данных ВНДН-2024.

Предоставление такого дополнительного пособия могло бы снизить уровень бедности среди домохозяйств со студентами более чем в 12 раз: с 9,7% до 0,8% (таблица 5). А среди до-

мохозяйств со студентами, имеющими в своём составе трёх и более детей до 17 лет уровень бедности мог бы снизиться в 4 раза: с 29,3% до 7,3%.

Таблица 5

Уровень бедности и дефицит дохода до и после предоставления пособия в 2023 г.

Table 5

Poverty Level and Income Deficit before and after the Provision of Benefit in 2023

№	Тип домохозяйства	Уровень бедности домохозяйств, %	
		до предоставления пособия	после предоставления пособия
1.	Д/х со студентами	9,7	0,8
2.	Д/х студентов	26,5	0,0
3.	Д/х со студентами и лицами трудоспособного возраста	4,2	0,2
4.	Д/х со студентами и лицами старше трудоспособного возраста	10,2	0,0
5.	Д/х со студентами, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	3,5	0,0
6.	Д/х со студентами, детьми, лицами трудоспособного возраста, в том числе:	14,1	2,0

¹⁶ Размер пособия определяется следующим образом: базовый размер пособия составляет 50% ПМ на душу населения. Пособие в размере 75% ПМ выплачивается в случае, если при предоставлении пособия в размере 50% ПМ среднедушевой доход домохозяйства остаётся ниже границы бедности. Пособие в размере 100% ПМ выплачивается в случае, если при предоставлении пособия в размере 75% ПМ среднедушевой доход домохозяйства остаётся ниже границы бедности.

Окончание Таблицы 5

№	Тип домохозяйства	Уровень бедности домохозяйств, %	
		до предоставления пособия	после предоставления пособия
6.1	д/х со студентами, двумя детьми и лицами трудоспособного возраста	22,4	3,7
6.2	д/х со студентами, тремя и более детьми и лицами трудоспособного возраста	29,3	7,3
7.	Д/х со студентами, детьми, лицами трудоспособного и старше трудоспособного возраста	6,8	0,0

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

Введение указанного пособия будет способствовать снижению уровня бедности населения в регионах, причём в отдельных регионах темпы снижения уровня бедности будут выше среднероссийских. Так, например, в 16 регионах уровень бедности населения при введении дополни-

тельного пособия для бедных студентов мог бы сократиться более чем в 1,5 раза, в том числе, в Кабардино-Балкарской Республике, Курганской и Ярославской областях – более чем в 2,0 раза (рисунки 4.1 и 4.2).

До предоставления пособия

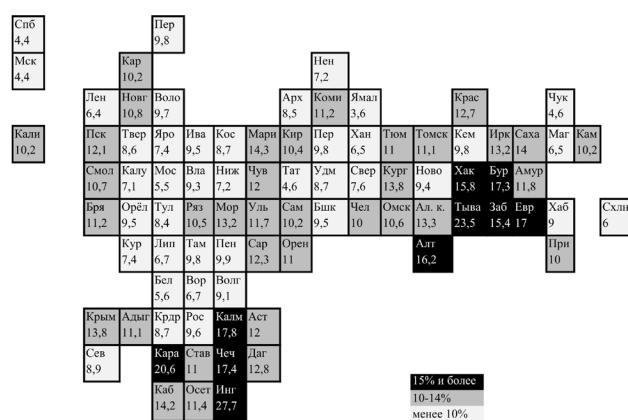

Рисунок 4.1 Уровень бедности населения в регионах до предоставления пособия в 2023 г., %
Picture 4.1 Poverty Level of the Population in Regions before the Provision of Benefit in 2023, %

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

После предоставления пособия

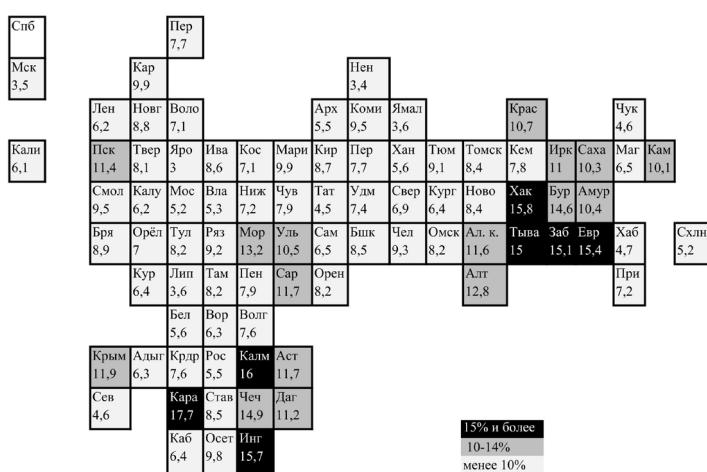

Рисунок 4.2 Уровень бедности населения в регионах после предоставления пособия в 2023 г., %
Picture 4.2 Poverty Level of the Population in Regions after the Provision of Benefit in 2023, %

Источник: расчёты автора на основе данных ВНДН-2024.

Заключение

Проведённый анализ показал, что студенты колледжей и вузов, обучающиеся на очном отделении, являются крайне уязвимой социально-демографической группой, нуждающейся в дополнительной поддержке государства. Основная гипотеза исследования подтвердилась: было выявлено, что домохозяйства со студентами испытывают повышенные риски бедности и нуждаются в дополнительных мерах социальной поддержки для снижения уровня бедности и дефицита дохода.

Было выявлено, что домохозяйства со студентами, и особенно домохозяйства, состоящие только из студентов, и домохозяйства, имеющие в своём составе как студентов в возрасте от 17 до 23 лет, так и двух и более детей моложе 17 лет, испытывают повышенные риски бедности. Недостаточный охват стипендиями студентов, низкий размер большинства стипендий, а также отсутствие права студентов 17–23 лет,

обучающихся на дневном отделении вузов и колледжей, на получение единого пособия на ребёнка ограничивают возможности малоимущих домохозяйств со студентами по выходу из бедности.

При этом улучшение материального положения домохозяйств со студентами могло бы способствовать повышению качества человеческого капитала подрастающего поколения и снижению уровня бедности населения в стране.

Модельные расчёты показывают, что введение дополнительного пособия в размере от 50% до 100% ПМ для студентов в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся на очном отделении вузов и колледжей и имеющих среднедушевые доходы ниже границы бедности, позволит снизить уровень бедности населения в 1,2 раза, а общий объём дефицита денежного дохода населения – в 1,3 раза. Введение такого пособия потребует выделения дополнительных бюджетных средств в размере 0,06% ВВП в год.

Список источников

1. Елизаров В.В., Синица А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Том 15. № 2(212). С. 63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065> EDN MZVLOC
2. Ржаницына Л.С., Рыбальченко С.И. Улучшение положения детей в разведенных семьях – путь к снижению бедности в России // Народонаселение. 2021. Том 24. № 1. С. 24–32. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.3> EDN NBNLUG
3. Смирнов В.М., Селиванова О.В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. 2023. Том 10. № 5. С. 695–714. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824> EDN JKOTSO
4. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93> EDN LAOWFK
5. Гришина Е.Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. 2025. Том 12. № 1. С. 86–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26580> EDN YXGSSU
6. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Семьи с детьми старшего школьного возраста: потребность в социальной поддержке // Народонаселение. 2022. Том 25. № 3. С. 153–162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.12> EDN LWSALJ
7. Коробкова Н.Ю. Единое пособие на ребенка в системе мер социальной поддержки в современных условиях: оценка влияния на основе моделирования доходов // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 132–142. <http://dx.doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-132-142> EDN LNMFQY
8. Creating pathways to success for young people. Policy paper. OECD. Paris: OECD Publishing, 2024. 20 p. <https://doi.org/10.1787/fa0145d1-en>
9. Toper F., Aslan H. Üniversite Öğrencileri Arasında Çok Boyutlu Yoksulluğun İncelenmesi // Toplumsal Politika Dergisi. 2023. Vol. 4. Issue 1. P. 23–41.
10. Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 1. С. 135–149. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-135-149> EDN XURWKG
11. Цыганенко Н.В. Учебная успеваемость работающих студентов // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4(17). С. 113–120. EDN BEXHCN
12. Яркова Т.А., Михайлова Н.К. Занятость студентов на рынке труда: «старые» или новые тенденции? // Экономика труда. 2019. Том 6. № 1. С. 587–598. <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39880> EDN QFCARI
13. Wright N. A., Carter A.K. Who Benefits Most? Examining the Heterogeneous Impact of a Need-based Grant Program in Jamaica. Working Paper No. 2412. Florida International University, Department of Economics. Miami: Florida International University, 2024. 22 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4946638>
14. Bastian J., Michelmore K. The Long-Term Impact of the Earned Income Tax Credit on Children's Education and Employment Outcomes // Journal of Labor Economics. 2018. Vol. 36. No. 4. P. 1127–1163. <https://doi.org/10.1086/697477>

15. Page M. New advances on an old question: does money matter for children's outcomes? // *Journal of Economic Literature*. 2024. Vol. 62. No. 3. P. 891–947. <https://doi.org/10.1257/jel.20231553>
16. Dynarski S., Page L.C., Scott-Clayton J. College Costs, Financial Aid, and Student Decisions // *Handbook of the Economics of Education* / eds. by E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann. North Holland: Elsevier, 2023. P. 227–285. ISBN 978-0-444-53429-3 <https://doi.org/10.1016/bs.hesedu.2023.03.006>

Информация об авторе:

Елена Евгеньевна Гришина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 6414-7957) (Scopus Author ID: 57207744090)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

- Yelizarov V.V., Sinitsa A.L. Factors of Poverty of Families with Children and Prospects of its Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(2(212)):63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065> (In Russ.)
- Rzhanitsina L.S., Rybalchenko S.I. Improving the Situation of Children in Divorced Families – the Way to Reduce Poverty in Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2021;24(1):24–32. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.3> (In Russ.)
- Smirnov V.M., Selivanova O.V. Single-Parent Household in Russia: Scale, Problems and Social Assistance. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(5):695–714. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824> (In Russ.)
- Razumov A.A., Selivanova O.V. The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(1(50)):83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93> (In Russ.)
- Grishina E. Possible Risks and Problems in Social Protection of Families with Children Hindering Poverty Reduction. *Demograficheskoye obozreniye=Demographic Review*. 2025;12(1):86–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26580> (In Russ.)
- Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Families with High School Children: the Need for Social Assistance. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(3):153–162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.12> (In Russ.)
- Korobkova N.Yu. Standard Child Allowance in the System of Social Support Measures in Current Conditions: Impact Assessment Based on Income Modeling. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(4(53)):132–142. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-132-142> (In Russ.)
- Creating Pathways to Success for Young People. Policy paper. OECD. Paris: OECD Publishing; 2024. 20 p. <https://doi.org/10.1787/fa0145d1-en>
- Toper F., Aslan H. Üniversite Öğrencileri Arasında Çok Boyutlu Yoksulluğun İncelenmesi. *Toplumsal Politika Dergisi*. 2023;4(1):23–41.
- Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Student family in modern Russia: demographic and social characteristics according to sample survey data. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki=Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series Socio-Economic Sciences*. 2022;15(1):135–149. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-135-149> (In Russ.)
- Tsyganenko N.V. Academic Performance of Working Students. *Obrazovaniye i Problemy Razvitiya Obshchestva*. 2021;(4(17)):113–120. (In Russ.)
- Yarkova T. A., Mikhaylova N. K. Student Employment in the Labour Market: «Old» or New Trends? *Ekonomika truda=Labor Economics*. 2019;6(1):587–598. <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39880> (In Russ.)
- Wright N. A., Carter A.K. Who Benefits Most? Examining the Heterogeneous Impact of a Need-Based Grant Program in Jamaica. Working Paper No. 2412. Florida International University, Department of Economics. Miami: Florida International University; 2024. 22 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4946638>
- Bastian J., Michelmore K. The Long-Term Impact of the Earned Income Tax Credit on Children's Education and Employment Outcomes. *Journal of Labor Economics*. 2018;36(4):1127–1163. <https://doi.org/10.1086/697477>
- Page M. New Advances on an Old Question: Does Money Matter for Children's Outcomes? *Journal of Economic Literature*. 2024;62(3):891–947. <https://doi.org/10.1257/jel.20231553>
- Dynarski S., Page L.C., Scott-Clayton J. College Costs, Financial Aid, and Student Decisions. In: Hanushek E.A., Machin S., Woessmann L. (eds.) *Handbook of the Economics of Education*. North Holland: Elsevier; 2023. P. 227–285. ISBN 978-0-444-53429-3 <https://doi.org/10.1016/bs.hesedu.2023.03.006>

Information about the author:

Елена Е. Гришина – PhD in Economics, Senior Researcher, Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 6414-7957) (Scopus Author ID: 57207744090)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 26.08.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.17, 332.1

JEL J11, R13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617

EDN YZRFOF

Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России

Вадим Александрович Безвербный¹, Тамара Керимовна Ростовская², Арсений Михайлович Ситковский³,
Станислав Васильевич Рославцев⁴

^{1,2,3,4} Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

¹ (vadim_ispr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3148-7072>)

² (rostovskaya.tamara@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>)

³ (omnistat@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8725-6580>)

⁴ (roslavtcev.sv22@physics.msu.ru), (<https://orcid.org/0009-0002-1045-3591>)

Аннотация

Исследование, основанное на интеграции пространственных, демографических и социально-экономических данных, раскрывает системные взаимосвязи между демографическими процессами и уровнем социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении и оценке взаимосвязей между демографическими процессами (рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграционный прирост) и показателями социально-экономического развития российских регионов в 1990–2025 гг., а также построении типологии регионов России по сходству этих взаимосвязей. Используя матрицы парных коэффициентов корреляции для 85 регионов, полученные на основе наблюдений ключевых 59 социально-экономических показателей Росстата в период 1990–2025 гг., и авторскую базу данных значимых корреляций ($r \geq 0,7$), выполнены два уровня анализа: (1) агрегация средних коэффициентов корреляции по каждому из выбранных демографических показателей и (2) кластерный анализ «корреляционных портретов» регионов с использованием алгоритмов k-средних и иерархической кластеризации. Кроме того, для обоснования результатов проведён обзор отечественной и зарубежной литературы по влиянию демографических процессов на экономику, жилищные условия, социальную инфраструктуру и региональное развитие. В результате установлено, что ожидаемая продолжительность жизни демонстрирует наиболее прочные положительные связи с валовым региональным продуктом (ВРП) на душу населения и стоимостью фиксированного потребительского набора, а отрицательные связи – с обеспеченностью больничными койками и долей населения с доходами ниже прожиточного минимума. Суммарный коэффициент рождаемости в большинстве регионов обратно связан с уровнем урбанизации, обеспеченностью жильём и кредитной нагрузкой. Численность и плотность населения тесно связаны с концентрацией медицинских кадров и одновременно отрицательно коррелируют с общей кредитной задолженностью и обеспеченностью жилой площадью. Кластерный анализ позволил выделить четыре типа регионов – синергетический, переходный, смешанный и контрастный – отличающиеся количеством и значимостью корреляционных связей. Выявленные закономерности подтверждают теорию агломерационных эффектов и демографического перехода, а также подчёркивают необходимость реализации дифференцированной региональной политики, учитывающей специфику социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: демографические процессы; социально-экономическое развитие регионов России; корреляционный анализ; кластерный анализ; численность населения: суммарный коэффициент рождаемости; ожидаемая продолжительность жизни; миграционное сальдо; доля городского населения; плотность населения

Благодарности: исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

Для цитирования: Безвербный В.А., Ростовская Т.К., Ситковский А.М., Рославцев С.В. Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 602–617. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 EDN YZRFOF

RAR (Research Article Report)

JEL J11, R13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617

The Interrelationship of Demographic and Socio-Economic Indicators of Regional Development in Russia

Vadim A. Bezverbny¹, Tamara R. Rostovskaya², Arseny M. Sitkovskiy³, Stanislav V. Roslavtsev⁴

^{1,2,3,4} Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (vadim_ispr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3148-7072>)

² (rostovskaya.tamara@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>)

³ (omnistat@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8725-6580>)

⁴ (roslavtcev.sv22@physics.msu.ru), (<https://orcid.org/0009-0002-1045-3591>)

Abstract

This study integrates spatial, demographic, and socioeconomic data to uncover systemic interdependencies between demographic processes and the level of socioeconomic development across the constituent entities of the Russian Federation. The purpose of this article is

OPEN

ACCESS

to identify and assess the interrelationships between demographic processes (standard of living, fertility, mortality, life expectancy, migration etc.) and indicators of socio-economic development of regions in 1990–2025. Using matrices of pairwise correlation coefficients for 85 regions based on observations of 59 key socio-economic indicators for Federal State Statistics Service the period 1990–2025, together with an original database of strong correlations ($r \geq 0.7$), two levels of analysis were undertaken: (1) aggregation of mean correlation coefficients for each selected demographic indicator; and (2) cluster analysis of regional "correlation portraits" using k-means and hierarchical clustering. To substantiate the findings, a review of Russian and international literature was conducted on the effects of demographic processes on the economy, housing conditions, social infrastructure, and regional development. The results show that life expectancy exhibits the most robust positive associations with gross regional product (GRP) per capita and the cost of a fixed consumer basket, and negative associations with hospital bed availability and the share of the population with incomes below the subsistence minimum. In most regions, the total fertility rate is inversely related to the level of urbanization, housing provision (residential floor area per capita), and credit burden. Population size and density are closely associated with the concentration of medical personnel, while negatively correlating with total credit indebtedness and housing provision. The cluster analysis identifies four regional types – synergistic, transitional, mixed, and contrasting – distinguished by the number and strength of correlation links. The observed patterns corroborate agglomeration-effects and demographic-transition theories and underscore the need for a differentiated regional policy that reflects the specificities of socioeconomic development across Russia's regions.

Keywords: demographic processes; socioeconomic development of Russian regions; correlation analysis; cluster analysis; population size; total fertility rate (TFR); life expectancy; net migration; urban population share; population density

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 25-78-30004 «Digital Demographic Observatory: Development of a System for Monitoring Demographic Processes in Russian Regions Using GIS Technologies and Big Data», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

For citation: Bezverbny V.A., Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M., Roslavtsev S.V. The Interrelationship of Demographic and Socio-Economic Indicators of Regional Development in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):602–617. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (In Russ.)

Введение

Несмотря на развитую литературу по урбанизации, агломерационным эффектам и новой экономической географии, большинство работ в отечественной повестке анализируют отдельные факторы (например, плотность или уровень урбанизации) и отдельные факторы (рождаемость, доходы, жильё, доступ к услугам), что ограничивает целостность картины. Разнородность методик и периодов наблюдений дополнительно ведёт к противоречивости выводов. Требуется системный подход, в котором демографические процессы рассматриваются как взаимосвязанный блок, а социально экономические индикаторы – как полидисциплинарный результат этих процессов и одновременно один из их детерминант.

Настоящее исследование адресует указанную лакуну, ставя целью выявление устойчивых взаимосвязей между ключевыми демографическими процессами и показателями социально экономического развития субъектов Российской Федерации за длительный период наблюдений и с учётом пространственной неоднородности. Методическая рамка включает построение по каждому региону матриц парных коэффициентов корреляции между демографическими и социально экономическими индикаторами, формирование «корреляционных портретов» регионов и их последующую кластеризацию (алгоритмы k-средних и иерархическая кластеризация) для выделения типологий взаимосвязей. Эмпирическая база – официальная региональная статистика за 1990–2025 гг., охватывающая шир-

рокий спектр демографических, экономических, социальных и инфраструктурных показателей. Такой дизайн позволяет одновременно увидеть (i) направление и силу сопряжённости показателей внутри регионов и (ii) повторяющиеся пространственные паттерны на карте страны.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего:

- сохраняющимися межрегиональными диспропорциями в демографической динамике (естественное движение, миграция, структура возрастов) и их влиянием на экономики регионов;
- долгосрочными последствиями постсоветской трансформации, когда демографические сдвиги сопровождались резкими изменениями в занятости, доходах, жильё, здравоохранении;
- необходимостью перейти от анализа отдельных детерминант к системной оценке связей «демография – развитие» в логике пространственной демографии и региональной политики.

Научная новизна работы заключается в:

- переходе от одномерного фактора (например, плотности) к комплексному анализу блока демографических процессов и широкого набора социально-экономических исходов;
- использовании «корреляционных портретов» как компактного представления межпоказательных связей внутри регионов и их типологизации методами кластерного анализа;
- сопоставлении выявленных кластеров с теоретическими ожиданиями новой экономической географии, теории агломерационных эффектов и парадигмами пространственной демографии.

Цель статьи – выявить и количественно оценить взаимосвязи между демографическими процессами (рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграционный прирост) и показателями социально-экономического развития российских регионов в 1990–2025 гг., а также построить типологию регионов по сходству этих взаимосвязей.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- сформировать согласованный набор демографических и социально экономических индикаторов на региональном уровне;
- рассчитать по каждому субъекту РФ матрицы парных коэффициентов корреляции и агрегировать их в «корреляционные портреты»;
- выделить кластеры регионов по сходству портретов и интерпретировать их в терминах пространственных моделей развития;
- обсудить управленческие импликации для дифференцированной региональной политики и систем мониторинга.

Методологическая основа включает концепции новой экономической географии (П. Кругман, М. Фудзита, А. Венейблс) [1], теорию агломерационных эффектов и современные подходы пространственной демографии. Применяются методы корреляционного анализа (Пирсон), кластерного анализа (k-средних, иерархическая кластеризация) и элементы пространственной типологизации регионов; информационная база – официальная статистика по субъектам РФ за 1990–2025 гг.

В исследовании проверялись следующие рабочие гипотезы:

- взаимосвязи демографических и социально экономических показателей гетерогенны в пространстве и времени и группируются в устойчивые кластерные типы;
- улучшение показателей здоровья (ожидаемая продолжительность жизни) статистически сопряжено с более высоким уровнем жизни и меньшей бедностью, тогда как рождаемость чаще обратна уровням урбанизации и жилищной обеспеченности;
- миграционные процессы играют роль «мгновенного механизма» перенастройки региональных профилей, меняя направления и величины корреляций быстрее, чем естественные движения населения.

Объектом исследования выступают регионы Российской Федерации как целостные социально экономические системы, различающиеся по демографическим траекториям, структуре расселения и институтам. *Предмет исследования* – взаимосвязи между демографическими процессами и показателями социально экономического разви-

тия, отражающие способы, которыми изменение демографических параметров сопряжено с динамикой уровня жизни, экономики, инфраструктуры и социальной сферы.

Многие работы подтверждают, что на уровень и порядок рождений одновременно воздействуют объективные экономические факторы (доходы, рынок труда, жильё) и их субъективные оценки домохозяйствами. В частности, О.А. Козлова, Н.М. Макарова, В.Н. Архангельский интегрируют официальные региональные ряды и микроданные Росстата, применяют методы машинного обучения и корреляционно-регрессионные процедуры, выделяя вклад социально-экономических факторов в целевые показатели рождаемости. Новизна их исследования заключается в сочетании объективных и субъективных факторов и применения методов машинного обучения для расчёта парциальных вкладов. Результаты показали разнонаправленные эффекты: объективные факторы (уровень доходов, обеспеченность жильём) обладают в среднем большей силой, однако субъективные оценки, например уверенность в будущем, также играют существенную роль. Используя официальные данные Росстата по 85 регионам за 2021 год и микроданные комплексного наблюдения условий жизни, они выявили, что на рождаемость влияет не только материальное положение, но и субъективная оценка жизненных условий [2].

В российской литературе подчёркивается, что демографический фактор оказывает умеренное влияние на валовой региональный продукт (ВРП), тогда как доходы региональных бюджетов сильнее зависят от структуры экономики и уровня хозяйственной активности. Например, исследование В.М. Кудымова выявило снижение корреляции между ВРП и численностью населения с 0,84 до 0,71, что указывает на рост значения факторов эффективности и инновационного развития [3].

Особое внимание уделяется влиянию социально-экономических детерминант на здоровье и продолжительность жизни населения. К.Б. Борисова, Л.М. Дворецкий и А.А. Федотов показали, что высокий уровень безработицы, бедности, преступности и младенческой смертности негативно отражается на ожидаемой продолжительности жизни, тогда как рост денежных доходов населения и благоприятные климатические условия оказывают положительное воздействие [4]. Эти результаты согласуются с наблюдением, что в экономически развитых регионах продолжительность жизни выше, а смертность – ниже.

Ряд исследований акцентирует внимание на роли инфраструктуры. Так, Р.В. Фаттахов,

М.М. Низамутдинов и В.В. Орешников предложили интегральные индексы социальной инфраструктуры и с помощью корреляционно-регрессионного анализа показали, что развитая инфраструктура положительно связана с демографическими показателями и может служить инструментом прикладной оценки регионов [5]. Аналогично, Р.В. Маньшин и Е.М. Моисеева выявили значимую положительную связь между плотностью населения и уровнем транспортной инфраструктуры, показав, что транспортная связанность опосредованно укрепляет демографический потенциал территории [6].

Влияние занятости и рынка труда также подробно анализируется. Е.Я. Пастухова и Т.А. Логунов на панельных данных СФО (2005–2022) показали, что рост занятости снижает демографическую нагрузку и смертность от внешних причин, а ожидаемая продолжительность жизни прямо коррелирует с уровнем занятости и ВРП [7].

Особый пласт исследований посвящён миграционным процессам. С.И. Абыкаликов, используя корреляционный анализ и кластеризацию, выделил семь кластеров регионов по миграционным характеристикам, показав различие детерминант в европейской и азиатской части России [8]. Позднее В.А. Шабашев и соавторы доказали, что миграционные потоки в регионах РФ формируются комплексом факторов, среди которых всё большее значение приобретают качество жизни и социальные условия [9].

В исследовании «Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России» разработан интегральный показатель уровня жизни, связанного с направлениями государственной политики, что делает возможной оценку результативности регионального управления. Статья представляет собой комплексное эконометрическое исследование, в котором количественно доказано, что качество жизни населения в российских регионах определяется результативностью социально-экономической политики [10].

В зарубежной литературе активно обсуждается связь демографических трансформаций с экономическим ростом и устойчивым развитием. На материалах российских регионов Е. Batipova и G. Perucca показали, что процессы депопуляции имеют неоднозначные эффекты: в части территории «сжатие» населения сопровождалось модернизацией экономики, тогда как в других оно усиливало социально-экономическую дивергенцию [11].

Работы Д. Блума, Д. Кэннинга и Г. Финка показывают, что старение населения имеет двойственный эффект: с одной стороны, оно снижает

предложение труда и может замедлять темпы экономического роста, с другой – стимулирует спрос на инновации, медицинские и социальные услуги, формируя новые отрасли и технологические ниши. В этом смысле демографический сдвиг выступает не только вызовом, но и драйвером экономической перестройки [12].

Исследования Р. Ли и А. Мэйсона развивают концепцию «демографического дивиденда». Учёные показали, что благоприятная возрастная структура населения в развивающихся странах создаёт «окно возможностей» для ускоренного роста: при увеличении доли трудоспособного населения на фоне снижения демографической нагрузки государства могут использовать высвободившиеся ресурсы для инвестиций в образование, здравоохранение и инфраструктуру. В долгосрочной перспективе именно качество человеческого капитала определяет, реализуется ли потенциал дивиденда или он трансформируется в «демографический риск» [13].

На примере России Н. Чу и соавторы продемонстрировали, что пространственная динамика населения и экономики в XXI веке носит неоднородный характер: одни регионы демонстрируют рост населения, сопровождающийся экономической экспанссией, другие – устойчивую депопуляцию, сопряжённую со структурными ограничениями развития. Авторы подчёркивают, что демографические факторы необходимо учитывать при формировании пространственных стратегий, поскольку они напрямую связаны с долгосрочной устойчивостью и сбалансированностью региональных систем [14].

Вопросы миграции как инструмента выравнивания территориальных различий и стимулирования роста подробно рассматриваются в исследованиях М. Клеменса и Л. Притчетта. Авторы показали, что миграция способна выполнять функцию «корректора» демографических дисбалансов, сглаживая региональные различия в предложении труда и доходах. При этом её экономический эффект зависит от качества институтов, уровня социальной интеграции и способности экономик принимать и эффективно использовать мобильное население [15].

Совокупно зарубежные публикации подчёркивают, что демографические изменения – старение, миграция, колебания возрастной структуры – не сводятся к механическому воздействию на экономику. Они выступают многоуровневыми факторами трансформации рынков труда, институтов, систем здравоохранения и образования, а также определяют региональные траектории развития и конкурентоспособность национальных экономик.

Таким образом, российская и зарубежная литература фиксирует широкий спектр взаимосвязей: от прямых (численность населения и ВРП) к опосредованным (инфраструктура, занятость, качество жизни, миграция). При этом российские и зарубежные исследования сходятся во мнении, что демографические процессы нельзя рассматривать как пассивный фон развития – они являются активным фактором, формирующим долгосрочные траектории регионов. Численность населения и урбанизация всё меньше напрямую объясняют экономический рост регионов; всё большую роль играют эффективность институтов, качество человеческого капитала и инновации. Транспортная связанность, уровень здравоохранения и образования формируют конкурентоспособность регионов и влияют на миграционные потоки. Миграция и качество жизни становятся ключевыми факторами перераспределения населения внутри страны и усиливают территориальную дифференциацию. Международные исследования подтверждают, что демографические изменения (старение, депопуляция, миграция) являются как вызовом, так и источником возможностей для долгосрочного роста.

Теоретические и методологические положения

Демографические процессы и социально-экономическое развитие находятся в состоянии постоянного и многомерного взаимовлияния. Изменения в рождаемости, смертности, миграции и возрастно-половой структуре населения оказывают долговременное воздействие на производительность труда, динамику занятости и уровень человеческого капитала, что напрямую отражается на социально-экономическом потенциале территорий. Эти процессы определяют не только объём и структуру рабочей силы, но и спрос на социальные услуги, нагрузку на системы образования и здравоохранения, а также устойчивость региональных бюджетов.

В обратном направлении экономические условия – уровень жизни, доступность и стоимость жилья, состояние инфраструктуры, масштабы инвестиций в человеческий капитал и качество институциональной среды – формируют демографическое поведение населения, включая репродуктивные установки, миграционные стратегии и установки в отношении здоровья. При этом демографические факторы – рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграция и возрастная структура – не могут рассматриваться как вторичный «фон» регионального развития. Напротив, они выступают структурообразующими детерминантами, формирующими

конфигурацию рынков труда и потребления, задающими параметры социальной нагрузки и определяющими долгосрочную устойчивость систем жизнеобеспечения.

Особое значение имеет то, что взаимодействие демографических и социально-экономических процессов носит не только прямой, но и опосредованный характер, часто выражается в нелинейных и асимметричных связях, которые по-разному проявляются в зависимости от пространственного контекста, исторической траектории и институциональных особенностей конкретного региона. Это делает невозможным формулирование универсальных выводов без учёта территориальной специфики: любые попытки «усреднённых» интерпретаций несут риск методологической уязвимости и снижения аналитической точности. Для России данная проблема приобретает особую остроту из-за сочетания мегаполисов мирового уровня и обширных периферий с разрежённым населением, последствий демографических и экономических шоков 1990-х годов, а также продолжающейся концентрации населения и функций в крупнейших агломерациях. Это создаёт «мозаичную» картину взаимосвязей: одни регионы усиливают человеческий капитал и наращивают экономическую результативность вместе с улучшением демографических индикаторов, другие – сталкиваются с демографическим старением, оттоком молодёжи и институциональной уязвимостью, что меняет вектор статистических связей между демографией и развитием.

В рамках данного исследования взаимосвязь *народонаселение – развитие* трактуется нами в логике пространственной демографии и новой экономической географии (далее – НЭГ). В рамках НЭГ демографические процессы (рождаемость, смертность/ожидаемая продолжительность жизни, миграция, возрастная структура, уровень урбанизации) выступают не только «фоном» для хозяйственной активности, но и одним из ключевых механизмов формирования внешних эффектов агломерации, перетоков человеческого капитала и траекторий региональной дифференциации. Базовые модели НЭГ показывают, что при заданных транспортных издержках и возрастающей отдаче концентрация населения и факторов производства может усиливать производительность и диверсификацию рынков, но эффекты гетерогенны в пространстве и зависят от исходных возможностей регионов.

С позиций пространственной демографии мы рассматриваем совокупность демографических процессов как «систему факторов» (воспроизводство населения, здоровье, миграции, урбанизация), а социально-экономические процессы –

как мультидисциплинарный результат этой системы (уровень жизни: бедность, жильё и др.; инфраструктура; производительность/ВРП; кредитная нагрузка; доступ к медицине и др.). Эмпирическая операционализация выполняется через «корреляционные портреты» регионов – векторы связей между набором демографических индикаторов и обширным пулом социально-экономических показателей, что позволяет типологизировать регионы по структуре и силе корреляционных связей.

Исследования последних десятилетий подтверждают ключевую роль демографических факторов для экономического роста. В классической теории человеческого капитала рост населения способствует расширению трудовых ресурсов и стимулирует экономический рост и повышение уровня жизни. Однако в условиях постиндустриальных обществ, где производительность определяется инновациями и знаниями, простое увеличение численности населения не гарантирует роста уровня жизни. Вопросы взаимосвязи демографических процессов и социально-экономического развития регионов России традиционно занимают центральное место в исследованиях по пространственной демографии, региональной экономике и социологии. Многочисленные работы показывают, что демографические параметры – рождаемость, смертность, миграция, возрастная структура, продолжительность жизни – оказывают значимое, хотя и неоднородное влияние на социально-экономические исходы регионов.

Использованные данные и методы работы с ними

Анализ базируется на региональных рядах за 1990–2025 гг. по 85 современным субъектам Российской Федерации (с учётом новейших административных изменений и без учёта территорий, прекративших существование как отдельные субъекты). Для каждого региона собран массив социально-экономических показателей, включая: демографические (естественное и миграционное движение, ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость и др.), показатели уровня жизни (доходы населения, структура доходов, доля населения за чертой бедности), показатели инфраструктуры и жилья (ввод жилья, обеспеченность инфраструктурой, доступ к интернету), экономические показатели (ВРП на душу населения, индексы физического объёма производства, потребительские цены) и показатели здравоохранения (обеспеченность врачами и койками, заболеваемость по классам болезней и др.). Всего проанализировано 59 социально-экономических показателей по каждому региону.

Первым этапом проведён корреляционный анализ: для каждого региона рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между демографическими показателями и каждым из 57 показателей на временном интервале 1990–2025 гг. Из исходной матрицы были выделены следующие демографические переменные:

1. Численность постоянного населения
2. Суммарный коэффициент рождаемости
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
4. Миграционное сальдо
5. Доля городского населения в общей численности населения
6. Плотность населения

Для каждого региона была построена корреляционная матрица. Далее из каждой матрицы извлекались корреляции между каждым из шести демографических показателей и оставшимися 51 социально-экономическими показателями. В каждой региональной таблице отражены пары переменных (Variable 1, Variable 2) и величина коэффициента корреляции. Всего рассматривалась 51 показатель, сгруппированные в пять категорий:

- Экономика – ВРП на душу населения, индексы физического объёма производства, натуральный доход домохозяйств, структура денежных доходов (оплата труда, предпринимательские доходы, доходы от собственности, социальные трансферты), реальная зарплата, индексы цен и стоимости фиксированного набора, задолженность по кредитам.

- Здравоохранение – численность врачей, количество больничных коек, мощность амбулаторно-поликлинических организаций, число посещений врачей, а также количество зарегистрированных заболеваний по классам болезней.

- Жилищные условия – общая площадь жилых помещений на 1 жителя, ввод жилья в тыс. кв.м.; число семей, нуждающихся в жилье и др.

- Социальные условия – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, обеспеченность местами в дошкольных учреждениях и др.

- Цифровая инфраструктура – доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет и др.

В работе использовался коэффициент Пирсона, а интерпретация силы связи осуществлялась по общепринятой шкале. Сильными считались взаимосвязи с $|r| \geq 0,6$, средними – $0,4 \leq |r| < 0,6$, слабыми – $-0,2 \leq |r| < 0,4$. Для каждого региона были определены наиболее сильные положительные и отрицательные корреляции, после чего был рассчитан суммарный счёт сильных связей. На осно-

в распределения этого счёта регионы разделены на три класса: высокая корреляционная насыщенность, средняя и низкая. Помимо оценок внутри отдельных регионов был проведён агрегированный анализ: для каждой пары «демографический показатель – социально-экономический показатель» вычислялась средняя величина корреляции по всем регионам. Это позволило выявить устойчивые общероссийские закономерности и выделить переменные, которые чаще всего выступают в числе сильнейших коррелятов. Также был построен счётчик количества встречаемости каждой пары, основанный на матрице встречаемости: элемент (i,j) этой матрицы показывает, в скольких регионах корреляция между i -м демографическим и j -м социально-экономическим показателем была статистически значимой ($|r| \geq 0,6$).

На следующем этапе для каждого региона рассчитывалось число сильных ($|r| \geq 0,6$) положительных и отрицательных связей по каждому демографическому показателю. Совокупность этих значений формировалась векторную характеристику субъекта – «корреляционный портрет». По суммарному количеству сильных связей субъекты РФ были разделены на три группы:

Высокая корреляционная насыщенность – регионы с более чем 25 сильными связями. Для таких субъектов характерно интенсивное взаимовлияние демографических и социально-экономических параметров.

Средняя корреляционная насыщенность – регионы, имеющие от 15 до 25 сильных корреляций. Взаимосвязи здесь более сбалансированы; сильные связи присутствуют, но их количество ограничено.

Низкая корреляционная насыщенность – регионы, у которых менее 15 сильных связей. Демографические характеристики этих субъектов в меньшей степени связаны с социально-экономическими показателями.

Помимо количества связей учитывалось соотношение положительных и отрицательных корреляций. Это позволило уточнить портреты: регионы с преобладанием положительных связей классифицировались как синергетические, где рост демографических и экономических параметров взаимно усиливается; регионы с балансом позитивных и негативных связей – как переходные; регионы с доминированием отрицательных связей – как смешанные или контрастные (если доля отрицательных связей превышала 70 %).

Для объективного группирования регионов использовались два алгоритма кластеризации: метод k -средних и иерархическая кластеризация (агломеративная, с критерием Уорда). Признаковое пространство включало количество сильных

корреляций, среднее значение коэффициента по региону, стандартное отклонение коэффициентов и долю отрицательных связей. Перед кластеризацией данные были стандартизированы. Оптимальное число кластеров определялось методом силуэта и интерпретируемостью. В обоих алгоритмах было получено четыре устойчивых кластера, соответствующие ранее описанным типам: синергетический, переходный, смешанный и контрастный.

В дополнение к корреляционному и кластерному анализу была проведена регрессионная проверка на мультиколлинеарность и оценены устойчивость результатов при изменении порога значимости ($|r| \geq 0,7$ и $|r| \geq 0,5$). Оценивалась чувствительность среднего коэффициента корреляции к исключению отдельных регионов. Для выявления связей между количеством корреляций и их силой использованы коэффициенты Пирсона и Спирмена. Обработка данных и построение моделей выполнялись с использованием Python 3.10, пакетов pandas, numpy, scikit-learn и statsmodels.

Результаты исследования

Матрица встречаемости показывает, что из шести демографических параметров наибольшее число значимых корреляций приходится на продолжительность жизни (508 связей, 20,6 % от общего числа), численность населения (504 связей, 20,4 %) и плотность населения (499 связей, 20,2 %). Доля городского населения имеет 462 связи (18,7 %), рождаемость – 306 связей (12,4 %), а миграционное сальдо – лишь 137 связей (5,6 %). Среди социально-экономических индикаторов чаще всего встречаются корреляции с ВРП на душу населения (423 связи), общей площадью жилья (387 связей), стоимостью потребительского набора¹ (364 связи), долей населения ниже ПМ (337 связей) и задолженностью по кредитам (329 связей). Эти пять показателей обеспечивают свыше половины всех обнаруженных взаимосвязей, подчёркивая центральное значение экономики, жилья и финансовой нагрузки.

Агрегированный анализ показал существенную неоднородность взаимосвязей между демографическими и социально-экономическими показателями. Рассмотрим основные результаты по каждому демографическому индикатору (таблица 1).

¹ В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг. Данные о стоимости набора определяются в расчёте на одного человека в месяц. (Официальная статистическая методология наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен (утв. приказом Росстата от 15.12.2021 г. № 915).

Таблица 1

**Наиболее значимые положительные и отрицательные взаимосвязи
(средние по регионам)**

Table 1

Most Significant Positive and Negative Correlations (Regional Means)

Демографический показатель	Положительные корреляции (р, среднее)	Отрицательные корреляции (р, среднее)
Численность постоянного населения	Численность врачей (0.48); Доля населения с доходами ниже ПМ (0.44); Общая площадь жилых помещений на 1 жителя (0.37)	Жилищные кредиты (-0.44); Ипотечные жилищные кредиты (-0.44); всего по кредитам (-0.43)
Суммарный коэффициент рождаемости	ВРП на душу населения (0.61); Введено в действие жилой площади: тыс. кв.м. (0,42); Число выбывших (0,38); Социальные трансферты (0,36)	Больничные койки (-0.90); Доля домохозяйств с широкополосным Интернетом (-0.78); Ипотечные жилищные кредиты (-0.73)
Ожидаемая продолжительность жизни	ВРП на душу населения (0.91); Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (0.88); Введено в действие жилой площади (0.69)	Больничные койки (-0.93); Индекс изменения стоимости фиксированного набора (-0.74); Доля населения с доходами ниже ПМ (-0.64)
Миграционное сальдо	Прибыло (0.26); Доля населения с доходами ниже ПМ (0.15); ВРП на душу населения (-0.14)	Число выбывших (-0.12); Введено жилой площади (-0.12)
Доля городского населения	Общая площадь жилых помещений на 1 жителя (0.53); Стоимость фиксированного набора (0.52); Всего по кредитам (0.51)	Больничные койки (-0.62); Индекс изменения стоимости фиксированного набора (-0.59)
Плотность населения	Численность врачей, чел. (0.48); Доля населения с доходами ниже ПМ (0.44); Общая площадь жилых помещений на 1 жителя (0.37)	Жилищные кредиты (-0.44); Ипотечные жилищные кредиты (-0.44); всего по кредитам (-0.43)

Источник: составлено авторами по результатам корреляционного анализа.

Из таблицы видно, что в большинстве регионов для таких переменных, как численность населения и плотность населения, наибольшие положительные корреляции обнаруживаются с обеспеченностью медицинскими кадрами (число врачей) или долей малоимущего населения, а отрицательные – с кредитной нагрузкой. Для продолжительности жизни устойчивыми положительными коррелятами выступают уровень экономической активности (ВРП на душу населения) и развитие рынка жилья, а отрицательным – количество больничных коек, что свидетельствует о том, что регионы с развитой системой здравоохранения и уровнем жизни имеют более низкую потребность в коечной мощности.

В подавляющем большинстве регионов численность и плотность населения положительно коррелируют с ВРП на душу населения ($r \approx 0,95-0,99$). Это подтверждает тезис о том, что экономическая активность растёт вместе с численностью населения, несмотря на постепенное снижение зависимости, отмеченное в обзоре научной литературы. Кроме того, высокая численность населения связана с большей долей оплаты труда в структуре доходов. Число врачей и больничных коек, мощность поликлинических организаций и

число посещений врачей растут вместе с численностью населения ($r \approx 0,88-0,99$). Это можно трактовать как результат концентрации медицинской инфраструктуры в крупных городах. В развитых регионах доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет положительно связана с численностью населения, что может говорить о позитивном влиянии цифровизации на социально-экономическое развитие регионов.

Практически во всех регионах отмечается мощная обратная зависимость между численностью (или плотностью) населения и общей площадью жилых помещений на 1 жителя ($r \approx -0,99$). Чем выше плотность, тем меньше жилой площади приходится на одного человека, что отражает дефицит жилья в крупных агломерациях. В некоторых регионах ВРП на душу населения или реальная зарплата негативно связаны с численностью населения, что свидетельствует о диспропорциях: высокие показатели ВРП достигаются либо за счёт добывающих отраслей в малонаселённых регионах, либо отражают низкую производительность в густонаселённых территориях. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, как правило, отрицательно коррелирует с численностью населения ($r \approx -0,7$). Это говорит о

том, что в густонаселённых регионах чаще выше уровень доходов, а бедность концентрируется в малонаселённых субъектах.

Рассмотрим взаимосвязь демографических и социально-экономических показателей более детально:

- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Средние значения коэффициентов корреляции выявили очень сильные положительные связи между продолжительностью жизни и ВРП на душу населения ($r \approx 0,91$) и стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг ($r \approx 0,88$). Это подтверждает тезис о том, что более богатые регионы инвестируют в здравоохранение, создают благоприятную экологическую среду и стимулируют здоровый образ жизни, что увеличивает продолжительность жизни населения. Одновременно наблюдаются сильные отрицательные корреляции между продолжительностью жизни и обеспеченностью больничными койками ($r \approx -0,93$), а также индексом изменения стоимости фиксированного набора ($r \approx -0,74$). Этот парадокс объясняется тем, что высокая обеспеченность койками характерна для регионов с высокой заболеваемостью и низким уровнем здоровья, где требуется развертывание стационаров, а рост стоимости потребительского набора отражает инфляцию и снижение реальных доходов.

- Суммарный коэффициент рождаемости. В большинстве регионов рождаемость демонстрирует отрицательные связи с показателями экономического развития и инфраструктуры. Сильные отрицательные корреляции отмечены с обеспеченностью больничными койками ($r \approx -0,90$), долей домохозяйств, имеющих доступ к широкополосному интернету ($r \approx -0,78$), суммарной кредитной задолженностью ($r \approx -0,73$) и общей площадью жилых помещений на одного жителя ($r \approx -0,70$). Положительные связи ($r \geq 0,6$) обнаружены только в отдельных субъектах – в основном со структурой расходов домашних хозяйств и долей малоимущих. Эти результаты согласуются с концепцией демографического перехода: рост доходов, развитие инфраструктуры и урбанизация сопровождаются снижением рождаемости. В анализе взаимосвязи рождаемости с инфраструктурными и кредитными показателями выявлено, что уровень урбанизации и обеспеченность жильём оказывают обратное влияние на рождаемость: семьи в регионах с высокой стоимостью жилья и высокой кредитной нагрузкой откладывают рождение детей.

- Численность постоянного населения и плотность населения. Эти два показателя демонстрируют схожие профили: положительные связи с обеспеченностью медицинскими кадрами (чис-

ленность врачей, мощность амбулаторно-поликлинических организаций), долей населения с доходами ниже прожиточного минимума и количеством зарегистрированных заболеваний; отрицательные – с ипотечной и потребительской задолженностью, общими кредитами и площадью жилья на одного жителя. В среднем по регионам коэффициент корреляции между численностью населения и численностью врачей составляет 0,48, между плотностью населения и долей населения с доходами ниже ПМ – 0,44, а отрицательные связи с кредитной нагрузкой достигают –0,44. Такой профиль отражает, что крупные города концентрируют медицинские и образовательные ресурсы, но испытывают дефицит жилья и высокую кредитную нагрузку.

- Доля городского населения. Урбанизация положительно связана с обеспеченностью жильем помещениями ($r \approx 0,53$), стоимостью фиксированного набора ($r \approx 0,52$) и совокупной кредитной задолженностью ($r \approx 0,51$). Отрицательные связи наблюдаются с числом больничных коек ($r \approx -0,62$) и индексом изменения стоимости фиксированного набора ($r \approx -0,59$). Положительная связь с кредитами говорит о том, что городские жители активнее используют банковские продукты для финансирования жилья и потребления. Отрицательные корреляции с больничными койками снова демонстрируют обратную зависимость: в мегаполисах развиты амбулаторные и профилактические службы, поэтому число стационарных коек снижено.

- Миграционное сальдо. Этот показатель имеет меньше всего значимых связей. В среднем обнаружены умеренные положительные корреляции с числом прибывших ($r \approx 0,26$) и отрицательные с числом выбывших ($r \approx -0,12$). Лишь в нескольких регионах миграционное сальдо положительно связано с ВРП и долей населения с доходами ниже прожиточного минимума. Это подтверждает гипотезу «голосования ногами»: люди переезжают в регионы с более высоким уровнем жизни.

В каждой региональной матрице количество сильных корреляционных связей ($|r| \geq 0,6$) было суммировано по шести демографическим показателям. Полученный показатель характеризует «корреляционную насыщенность» региона – степень взаимосвязанности демографических и социально-экономических характеристик. На основе суммарного числа сильных корреляций 85 субъектов России были разбиты на три класса: высокая, средняя и низкая корреляционная насыщенность.

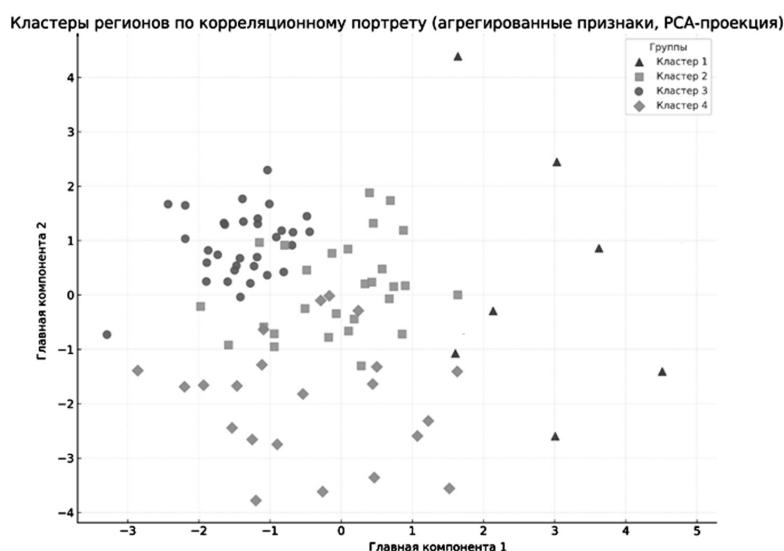
1. Высокая корреляционная насыщенность. В эту группу вошли субъекты, где число сильных связей превышало 25. К ним относятся Московская и Ленинградская области, Краснодарский край и Тюменская область, Республика Татарстан,

г. Москва и г. Санкт-Петербург. Корреляционные портреты этих регионов характеризуются множеством положительных связей: продолжительность жизни и доля городского населения положительно связаны с ВРП, стоимостью потребительского набора, обеспеченностью жильём, числом врачей и долей домохозяйств с интернетом. Отрицательные связи встречаются редко и, как правило, связаны с зависимостью между кредитной нагрузкой и уровнем бедности. Для Москвы коэффициент корреляции между ВРП на душу населения и численностью населения достигает 0,983; между стоимостью потребительского набора и плотностью населения – 0,966; а отрицательная связь наблюдается лишь между долей «прочих доходов» и численностью населения ($r \approx -0,93$), что свидетельствует о региональном перераспределении доходов.

2. Средняя корреляционная насыщенность. Эта категория объединяет 32 субъекта (Алтайский край, Ростовская и Иркутская области и др.) со сбалансированным количеством положительных и отрицательных связей (около 15–25 сильных корреляций). Здесь продолжительность жизни положительно связана с доходами и ВРП, однако отрицательные связи с обеспеченностью койками или уровнем бедности слабее. Рождаемость демонстрирует умеренные отрицательные связи с урбанизацией и кредитной нагрузкой. Уровень жизни сочетается с некоторыми структурными проблемами, но в целом демографические показатели реагируют на улучшение экономических условий. Эти регионы могут стать «точками роста», если будут снижены инфраструктурные ограничения и усилены меры по поддержке семей.

3. Низкая корреляционная насыщенность. В эту группу входят 24 региона (Белгородская, Брянская, Архангельская области без АО, Псковская область, Республика Коми и др.), где обнаружено менее 15 сильных связей. Корреляционные портреты этих субъектов демонстрируют либо отсутствие значимых взаимосвязей, либо наличие сильных связей только по одному-двум демографическим индикаторам. Например, в Белгородской области сильная положительная корреляция наблюдается между численностью населения и числом больничных коек ($r \approx 0,93$), но большинство других связей отсутствуют или слабые. Эти регионы отличаются либо маленьким населением, либо специфической экономической структурой (например, добывающей промышленностью), что ослабляет статистические взаимосвязи.

Кластеризация позволила выделить четыре чётко различающихся группы. На рисунке каждая точка соответствует региону, а его расположение определяется двумя главными компонентами пространственного признака. Оси «Первая» и «Вторая компоненты» – первые две главные компоненты, полученные методом анализа главных компонент (PCA) после стандартизации признаков. Вектор признаков для каждого региона формировался из показателей корреляционного портрета (в т. ч. количества сильных корреляций по категориям, средней величины коэффициента корреляции, стандартного отклонения и доли отрицательных связей). Кластеризация проведена в исходном многомерном пространстве; знак и масштаб компонент условны (рисунок 1).

Рисунок 1. Кластеризация регионов России по «корреляционным портретам»
Figure 1. Clustering of Russian Regions Based on «Correlation Portraits»

Источник: построено в Python по результатам корреляционного анализа.

- Кластер 1 – «Синергетический» (Краснодарский край, Ленинградская область, Московская область, Республика Татарстан, Тюменская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург): в среднем на один регион приходится 31 положительная связь в сфере здравоохранения и почти 7 положительных связей с экономическими показателями, при практически полном отсутствии отрицательных корреляций. Для этих территорий характерна высокая взаимодополняемость демографических и социально-экономических параметров: рост населения сопровождается ростом ВРП, развития цифровой инфраструктуры и улучшением медицинской инфраструктуры. Так, в Москве сильнее всего выражены положительные корреляции между ВРП на душу населения и численностью населения ($r=0,983$), между стоимостью потребительского набора и плотностью населения ($r = 0,966$); отрицательные связи ($r \approx -0,93$) наблюдаются лишь между «прочими доходами» населения и численностью, отражая перераспределение доходов от дополнительных источников.

- Кластер 2 – «Переходный» (Амурская область, Астраханская область, Брянская область, Волгоградская область, Еврейская автономная область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Калужская область, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Магаданская область, Ненецкий автономный округ, Новгородская область, Оренбургская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия, Сахалинская область, Ставропольский край, Томская область, Тульская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Чеченская Республика, г. Севастополь): переходные регионы составляют наибольшую группу и демонстрируют баланс позитивных и негативных корреляций. В среднем один регион имеет ~5,2 положительных и ~4,1 отрицательных связей в сфере здравоохранения. Положительные корреляции между демографией и экономикой (например, между численностью населения и ВРП) сочетаются с отрицательными зависимостями по жилищным условиям и цифровой инфраструктуре. Примеры: в Калининградской области численность населения положительно связана с ВРП и обеспеченностью врачами, но отрицательно – с реальной заработной платой; в Брянской области рост рождаемости сопровождается снижением доли бедности, но увеличение численности населения уменьшает жилую площасть на человека. Данный тип можно трактовать

как переходный от индустриально-аграрного уклада к экономике знаний: усиление положительных взаимосвязей возможно при развитии цифровой инфраструктуры и повышении эффективности медицинских услуг.

- Кластер 3 – «Смешанный» (Архангельская область, Белгородская область, Воронежская область, Забайкальский край, Ивановская область, Камчатский край, Костромская область, Красноярский край, Курская область, Липецкая область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Ростовская область, Самарская область, Смоленская область, Тамбовская область, Чукотский автономный округ, Ярославская область): для смешанного кластера характерно умеренное преобладание отрицательных корреляций: в среднем 20 негативных связей со здравоохранением и 6 отрицательных связей с экономикой, при 2–3 положительных. Эти регионы (сталкиваются с противоречиями: высокое число населения сопровождается повышенной заболеваемостью и непропорциональным развитием медицинской инфраструктуры; ВРП на душу населения нередко негативно коррелирует с численностью населения. Например, в Красноярском крае рост численности связан с увеличением числа заболеваний органов дыхания и эндокринной системы ($r \approx 0,91$), что может отражать экологические проблемы; одновременно ВРП на душу населения имеет отрицательную корреляцию с численностью ($r \approx -0,89$). Для таких субъектов важны адресные меры по снижению нагрузки на здоровье населения и модернизации экономики.

- Кластер 4 – «Контрастный» (Алтайский край, Владимирская область, Вологодская область, Иркутская область, Кемеровская область – Кузбасс, Кировская область, Пензенская область, Приморский край, Псковская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Рязанская область, Саратовская область, Свердловская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Челябинская область, Чувашская Республика – Чувашия, Ямало-Ненецкий автономный округ): контрастные регионы демонстрируют явное преобладание отрицательных взаимосвязей: в среднем ~40 негативных корреляций со здравоохранением и 8 негативных с экономикой при всего 3 положительных. Здесь положительные демографические процессы контрастируют со снижением экономических и социальных показателей: ВРП на душу населения, реальная зарплата и доля домохозяйств с широкополосным интернетом отрицательно связаны с численностью населения. Самые

сильные отрицательные взаимосвязи характерны для пары «общая площадь жилых помещений – численность населения» ($r \approx -0,99$), что указывает на серьёзный дефицит жилья. Положительные корреляции наблюдаются в основном между численностью населения и нагрузкой на систему здравоохранения (число посещений врачей). Эти регионы требуют комплексных мер – улучшения жилищной политики, снижения бедности и развития цифровой инфраструктуры.

Обсуждение

Полученные закономерности частично подтверждают выводы предыдущих исследований. Высокая положительная корреляция между численностью населения и ВРП на душу населения, а также другие экономические переменные согласуются с работой В.М. Кудымова [3]. Однако в ряде регионов, особенно контрастного типа, выявлены обратные зависимости, что указывает на растущую неоднородность влияния демографии на экономику – в регионах смешанного и контрастного типов рост населения сопровождается увеличением числа зарегистрированных заболеваний и снижением экономической эффективности.

Воздействие цифровой инфраструктуры, отражённое в положительных связях между долей домохозяйств с широкополосным доступом и численностью населения в синергетическом кластере, подтверждает выводы о значимой эластичности ВРП по отношению к проникновению интернет. В контрастных регионах цифровая инфраструктура, напротив, коррелирует отрицательно, что может свидетельствовать о «цифровом разрыве» и необходимости инвестиций. Наш анализ не затрагивал возрастную структуру как отдельный показатель, но сильные отрицательные связи между суммарным коэффициентом рождаемости и доходами населения в некоторых регионах (например, Краснодарский край) позволяют предположить, что демографические показатели (рождаемость, миграционный прирост/убыль) действительно могут влиять на экономические результаты через структуру населения.

Разработанная типология регионов по характеру корреляционных связей между демографическими и социально-экономическими показателями позволяет предложить дифференцированные меры государственной и региональной политики. Для каждого типа регионов целесообразно формировать собственные приоритеты и набор инструментов социально-экономического регулирования.

Регионы синергетического типа демонстрируют устойчивую положительную взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов. Здесь целесообразно продолжать ин-

теграцию демографической, экономической и цифровой политики:

- Инвестиции в здравоохранение, образование и интернет-инфраструктуру усиливают положительные агломерационные эффекты, укрепляют человеческий капитал и повышают качество жизни.
- Развитие программ доступного жилья и ипотечных субсидий необходимо для смягчения отрицательной связи между высокой плотностью населения и обеспеченностью жилой площадью.

• Важно расширять механизмы стимулирования рождаемости не только финансовыми мерами, но и комплексной социальной поддержкой (детские сады, гибкие формы занятости, инфраструктура для семей с детьми). Таким образом, ключевая задача для этого типа – удержание достигнутой синергии и снижение рисков перегрузки инфраструктуры.

Регионы переходной группы сочетают положительные и отрицательные связи, что указывает на их промежуточное положение:

- Политика должна быть направлена на точечное улучшение жилищных условий, развитие инженерной и транспортной инфраструктуры, а также снижение негативных демографических факторов (смертности, демографической нагрузки).

• Меры следует сопровождать цифровизацией экономики, стимулированием малого и среднего бизнеса и повышением реальной заработной платы.

• Дополнительный акцент стоит сделать на привлечении и удержании молодого населения через создание качественных рабочих мест и доступ к современным образовательным программам.

Для регионов смешанного типа характерна высокая заболеваемость и преобладание отрицательных корреляций с экономикой. Здесь необходимы экосистемные и межсекторальные подходы:

- Модернизация промышленности с учётом экологических требований позволит снизить техногенные риски и уменьшить нагрузку на здоровье населения.

• Требуется усиление системы профилактической медицины, развитие первичной медицинской помощи и доступных профилактических программ (скрининг, вакцинация, мониторинг хронических заболеваний).

• Рост доходов населения может быть обеспечен за счёт диверсификации экономики, развития перерабатывающих отраслей и сельского хозяйства, поддержки занятости в несырьевых секторах.

Важным элементом здесь становится баланс между экономическим развитием и социальной устойчивостью.

Контрастный тип – это наиболее проблемные регионы, где преобладают отрицательные связи,

а демографические и социально-экономические процессы усиливают негативные эффекты:

Приоритетными задачами являются решение жилищного вопроса, снижение бедности, устранение цифрового неравенства и создание новых рабочих мест.

Системное улучшение социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальное обслуживание) может преобразовать отрицательные зависимости в позитивные.

Для этих территорий необходима адресная государственная поддержка, включая специальные федеральные программы и механизмы выравнивания бюджетной обеспеченности.

Дополнительно требуется развитие программ стимулирования миграционного притока, направленных на удержание трудоспособного населения и привлечение специалистов.

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на связь демографических процессов и социально-экономического развития.

Во-первых, подтверждены выводы о ключевой роли социально-экономических условий в формировании рождаемости. Наши корреляционные портреты показывают, что в большинстве регионов суммарный коэффициент рождаемости обратно связан с уровнем урбанизации, обеспеченностью жильём и объёмом кредитной нагрузки. Это может объясняться тем, что в условиях высокой стоимости жилья и концентрации населения в городах семьи откладывают рождение детей.

Во-вторых, получена чёткая зависимость между ожидаемой продолжительностью жизни и экономическими показателями. Региональное исследование К.Б. Борисовой и соавторов установило, что высокий уровень безработицы, бедности, преступности и младенческой смертности сокращает продолжительность жизни, тогда как рост денежных доходов населения повышает её [4]. Наши результаты дополняют этот вывод: наибольшие положительные связи наблюдаются между продолжительностью жизни и валовым региональным продуктом на душу населения, стоимостью потребительского набора и вводом жилой площади. Одновременно число больничных коек имеет устойчивую отрицательную корреляцию с продолжительностью жизни, что указывает на обратную зависимость: высокий спрос на больничные койки характерен для регионов с более низким уровнем здоровья населения.

В-третьих, различия в корреляционных портретах позволяют сформировать типологию регионов. Регионы с высокой корреляционной насыщенностью характеризуются плотной сетью взаимосвязей: для них важна комплексная

политика, учитывающая макроэкономические и социальные детерминанты. В регионах со средней насыщенностью связи более управляемы, и акцент следует делать на отдельных направлениях, например повышение доходов или улучшение жилищной инфраструктуры. В регионах с низкой насыщенностью важны точечные меры: выявленные связи показывают, какие именно факторы являются наиболее чувствительными в конкретном субъекте.

Важно отметить, что корреляционный анализ выявляет статистические связи, но не причинность. Для выработки конкретных управлений решений требуется дополнить результаты регрессионным моделированием, оценкой лагов и взаимодействий. Кроме того, на репродуктивное поведение воздействуют культурные и институциональные факторы, не всегда отражённые в экономических индикаторах. Исследование показывает, что наряду с материальными мерами стимулирования рождаемости необходимо учитывать изменение установок, образовательного уровня и трансформацию семейных отношений.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей в пространстве России носят сложный, многомерный и гетерогенный характер, формируя устойчивые типы регионов с различной корреляционной структурой. Анализ «корреляционных портретов» 85 субъектов Российской Федерации показал, что взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России не распределены равномерно, а сгруппированы в кластерные паттерны, отличающиеся по интенсивности, направленности и плотности взаимосвязей. Такое распределение свидетельствует о наличии пространственно закреплённой структуры – своеобразной «демографической морфологии» экономического пространства страны.

Использование алгоритмов k-средних и агglomerативной кластеризации позволило выявить четыре устойчивых типа регионов: синергетический, переходный, смешанный и контрастный. Эти типы различаются не только количеством сильных корреляций ($|r| \geq 0,6$), но и их знаком, что отражает степень согласованности демографических и социально-экономических процессов. Для «синергетических» регионов – характерна положительная взаимосвязь между показателями здоровья, уровнем доходов, цифровым развитием и урбанизацией. Напротив, в «контрастных» регионах преобладают отрицательные

связи: рост населения сопровождается снижением уровня жизни, перегрузкой социальной инфраструктуры и увеличением кредитной нагрузки. Таким образом, первая гипотеза о пространственной гетерогенности взаимосвязей и их кластерной организации получила полное подтверждение.

Вторая гипотеза – о статистической сопряжённости здоровья с уровнем жизни и бедностью, а также об обратной зависимости рождаемости от урбанизации и жилищной обеспеченности – также нашла эмпирическое подтверждение. Наиболее устойчивые и сильные положительные корреляции наблюдаются между ожидаемой продолжительностью жизни и такими показателями, как ВРП на душу населения ($r \approx 0,91$), стоимость фиксированного потребительского набора ($r \approx 0,88$) и доля обеспеченного жильём населения ($r \approx 0,69$). Эти результаты согласуются с концепцией «экономики здоровья»: чем выше благосостояние и качество среды, тем дольше живут люди. Вместе с тем выявлены устойчивые отрицательные связи между рождаемостью и факторами урбанизации – долей домохозяйств, имеющих доступ к широкополосному интернету ($r \approx -0,78$), обеспеченностью жильём ($r \approx -0,70$) и уровнем кредитной нагрузки ($r \approx -0,73$). Это свидетельствует о том, что в условиях роста доходов и урбанизированного образа жизни семьи чаще откладывают рождение детей, а репродуктивное поведение становится чувствительным к экономическим и инфраструктурным ограничениям. Таким образом, современная Россия воспроизводит классическую модель демографического перехода: рост благосостояния сопровождается снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни.

Наиболее интересным с точки зрения динамики региональных изменений стала проверка третьей гипотезы – о миграции как «мгновенном механизме» перенастройки демографических профилей. Результаты подтвердили, что миграционные процессы действительно выступают своеобразным катализатором и индикатором адаптивности региональных систем. В отличие от естественного движения населения, миграция быстрее реагирует на изменения экономической конъюнктуры, инфраструктурных условий и социальной политики. Однако выявленные корреляции между миграционным сальдо и экономическими показателями оказались менее устойчивыми и более вариативными в зависимости от пространственного размещения. Средние значения корреляции с числом прибывших и выбыв-

ших подтверждают высокую чувствительность миграции к краткосрочным шокам. В синергетических регионах миграция усиливает положительные эффекты роста, тогда как в контрастных и периферийных территориях она выступает дестабилизирующим фактором, закрепляя отток населения.

В совокупности результаты исследования подтверждают все три выдвинутые ранее гипотезы, однако степень их проявления варьирует в зависимости от типа региональной системы. Пространственная гетерогенность и кластерная организация корреляций демонстрируют, что универсальных закономерностей демографического развития не существует: каждый тип региона характеризуется собственным балансом факторов. Ожидаемая продолжительность жизни закономерно сопряжена с экономическим благополучием и социальной стабильностью; рождаемость, напротив, проявляет отрицательную зависимость от уровня урбанизации и инфраструктурной насыщенности; а миграция выступает гибким инструментом «быстрой настройки» региональной демографической динамики.

Эти выводы подчёркивают важность использования пространственного анализа и кластерного подхода в анализе региональных демографических процессов и разработке государственных мер поддержки развития территорий. Кластеризация не только выявляет структурные различия, но и открывает путь к практической типологии региональной политики. В перспективе результаты могут служить основой для разработки адресных стратегий управления демографическими процессами, ориентированных на специфику каждого типа региона – от стимулирования комплексного роста в «синергетических» центрах до сглаживания дисбалансов и преодоления демографической уязвимости в «контрастных» территориях. Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональных программ в области здравоохранения, жилищной политики, повышения уровня жизни и развития человеческого капитала. Они подтверждают, что демографические проблемы нельзя решать исключительно финансовыми мерами; необходимо учитывать жилищные условия, инфраструктуру здравоохранения, уровень занятости и культурные установки населения. Более глубокий анализ причинно-следственных связей и учёт временных лагов представляют собой перспективное направление дальнейших исследований.

Список источников

1. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge (MA): MIT Press, 2001. 367 p. ISBN 978-0-262-56147-1 <https://doi.org/10.1002/j.2325-8012.2000.tb00353.x>
2. Козлова О.А., Макарова Н.М., Архангельский В.Н. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 EDN HUISTQ
3. Кудымов В.М. Взаимосвязь социально-экономических процессов с показателем валового регионального продукта // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 24(105). С. 37–47. EDN IBMNOH
4. Борисова К.Б., Дворецкий Л.М., Федотов А.А. Ожидаемая продолжительность жизни в России: региональный разрез и воздействующие факторы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-1(61). С. 203–209. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-203-209> EDN FGHINS
5. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Ранжирование регионов России по демографической ситуации с учетом уровня развития социальной инфраструктуры // Мир новой экономики. 2020. Том 14. № 4. С. 96–109. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109> EDN LQWNYM
6. Маньшин Р.В., Моисеева Е.М. Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России // Экономика региона. 2022. Том 18. Вып. 3. С. 727–741. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8> EDN SRPJBR
7. Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах // Народонаселение. 2024. Том 27. № 1. С. 109–122. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122> EDN BWCQYS
8. Абыкаликов С.И. Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22(397). С. 21–30. EDN TWILNL
9. Экономические, социальные и демографические факторы миграционной привлекательности российских регионов / В.А. Шабашев, С.И. Шорохов, М.Ф. Верхозина, А.Н. Челомбитко // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Том 15. № 2(437). С. 391–404. <https://doi.org/10.24891/re.15.2.391> EDN XVBQKN
10. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России / В.С. Степанов, В.Н. Бобков, Е.Ф. Шамаева, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 450–465. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3> EDN FUJMOM
11. Batunova E., Perucca G. Population shrinkage and economic growth in Russian regions 1998–2012 // Regional Science Policy and Practice. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 595–609. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12262>
12. Bloom D., Canning D., Fink G. Implications of population aging for economic growth // Oxford Review of Economic Policy. 2010. Vol. 26. Issue 4. P. 583–612. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grq038>
13. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective / eds. by R. Lee, A. Mason. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. 616 p. ISBN 9781848448988
14. Spatial Distribution Pattern Evolution of the Population and Economy in Russia since the 21st Century / N. Chu, X. Wu, P. Zhang, S. Xu, X. Shi, B. Jiang // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. No. 1. Art. 684. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010684>
15. Clemens M., Pritchett L. The New Economic Case for Migration Restrictions: An Assessment // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 138. P. 153–164. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.12.003>

Информация об авторах:

Вадим Александрович Безвербный – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией «Цифровой демографии», Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; заведующий отделом геоурбанистики и пространственной демографии, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 5758-6360) (ResearcherID: O-1050-2016) (Scopus Author ID: 57210845020)

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории «Цифровой демографии», Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; заместитель директора по научной работе, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 1129-8400) (ResearcherID: F-5579-2018) (Scopus Author ID: 57192987864)

Арсений Михайлович Ситковский – научный сотрудник лаборатории «Цифровой демографии», Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 9559-1803) (ResearcherID: AAG-1530-2021), (Scopus Author ID: 57220956828)

Станислав Васильевич Рославцев – младший научный сотрудник лаборатории «Цифровой демографии», Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН

Заявленный вклад авторов:

В.А. Безвербный – концепция исследования, подготовка текста исследования.

Т.К. Ростовская – научное руководство, доработка текста.

А.М. Ситковский – сбор данных, доработка текста.

С.В. Рославцев – анализ данных, подготовка визуализации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Безвербный Вадим Александрович.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge (MA): MIT Press; 2001. 367 p. ISBN 978-0-262-56147-1 <https://doi.org/10.1002/j.2325-8012.2000.tb00353.x>
2. Kozlova O.A., Makarova M.N., Arkhangelskiy V.N. Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):76-90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (In Russ.)
3. Kudymov V.M. Vzaimosvyaz' Sotsial'nno-ekonomiceskikh Protsessov s Pokazatelem Valovogo Regional'nogo Produkta. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*. 2007;(24(105)): 37-47. (In Russ.)
4. Borisova K.B., Dvoretskii L.M., Fedotov A.A. Expectation in Russia: Regional Section and Influencing Factors. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk=International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(10-1(61)):203-209. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-203-209> (In Russ.)
5. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Ranking of Regions of Russia by the Demographic Situation Considering the Level of Development of Social Infrastructure. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*. 2020;14(4):96-109. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109> (In Russ.)
6. Manshin R.V., Moiseeva E.M. Influence of Infrastructure on Population Distribution and Socio-Economic Development of Russian Regions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2022;18(3):727-741. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8> (In Russ.)
7. Pastukhova E. Ya., Logunov T.A. Demographic Factor in the Economic Development of the Regions of the Siberian Federal District in 2005–2022. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(1):109-122. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122> (In Russ.)
8. Abykalikov S.I. Typological Analysis of Russian Regions by Migration Characteristics. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*. 2015;(22(397)):21-30. (In Russ.)
9. Shabashev V.A., Shorokhov S.I., Verkhozina M.F., et al. The Migration Attractiveness of Russian Regions: Economic, Social and Demographic Factors. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*. 2017;15(2(437)):391-404. <https://doi.org/10.24891/re.15.2.391> (In Russ.)
10. Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. Building a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):450-465. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3> (In Russ.)
11. Batunova E., Perucca G. Population Shrinkage and Economic Growth in Russian Regions 1998–2012. *Regional Science Policy and Practice*. 2020;12(4):595-609. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12262>
12. Bloom D.E., Canning D., Fink G. Implications of Population Aging for Economic Growth. *Oxford Review of Economic Policy*. 2011;26(4):583-612. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grq038>
13. Lee R., Mason A. (eds.) *Population Aging and the Generational Economy: a Global Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar; 2011. 616 p. ISBN 9781848448988
14. Chu N., Wu X., Zhang P., et al. Spatial Distribution Pattern Evolution of the Population and Economy in Russia since the 21st Century. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(1),684. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010684>
15. Clemens M., Pritchett L. The New Economic Case for Migration Restrictions: An Assessment. *Journal of Development Economics*. 2019;138:153-164. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.12.003>

Information about the authors:

Vadim A. Bezverbny – PhD in Economics, Head of the Digital Demography Laboratories of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography, Leading Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5758-6360) (ResearcherID: O-1050-2016) (Scopus Author ID: 57210845020)

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Digital Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1129-8400) (ResearcherID: F-5579-2018) (Scopus Author ID: 57192987864)

Arseniy M. Sitkovskiy – Researcher at the Digital Demography Laboratories of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher at the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography at the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9559-1803) (ResearcherID: AAG-1530-2021) (Scopus Author ID: 57220956828)

Stanislav V. Roslavtsev – Junior Researcher, Digital Demography Laboratories, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences

Authors' declared contribution:

Vadim A. Bezverbny – research concept and design, preparation of the manuscript.

Tamara K. Rostovskaya – scientific supervision, revision of the manuscript.

Arseniy M. Sitkovskiy – data collection, manuscript revision.

Stanislav V. Roslavtsev – data analysis, preparation of visualizations.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Vadim A. Bezverbny.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Оригинальная статья

УДК 313, 336

JEL G22, J10, O10

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_9_618_630

EDN CADMSI

Демографические трансформации как фактор развития страховых рынков стран БРИКС

Сергей Анатольевич Белозеров¹, Владислав Анатольевич Аркадьев², Елена Васильевна Соколовская³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ (s.belozerov@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8711-2192>)

² (serebrak777@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0006-5813-8573>)

³ (e.sokolovskaya@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4259-3786>)

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния демографических трансформаций на развитие рынков страхования жизни в странах БРИКС в период 2014–2022 годов. На основе анализа данных Всемирного банка и национальной статистики стран объединения БРИКС изучены особенности развития страховых систем в условиях демографических трансформаций, а также проанализированы основные демографические тенденции и новые возможности для страхового рынка в данном контексте. Основное внимание уделено сравнительному анализу демографических показателей (суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, динамика численности населения). Целью настоящего исследования является формирование практических рекомендаций по развитию рынков страхования жизни в странах БРИКС на основе анализа демографических тенденций. В соответствии с данной целью поставлены следующие задачи: проанализировать развитие рынков страхования жизни в контексте демографических трансформаций, выявить ключевые демографические особенности в странах БРИКС, предложить дифференцированные меры по оптимизации рынка страхования жизни для стран БРИКС с учётом выявленных демографических факторов. В ходе исследования выявлена дифференциация стран: Китай, Россия и Бразилия вступили в фазу активного старения, тогда как Индия и ЮАР сохраняют более молодую структуру населения. Выявлено, что демографические изменения создают новые требования к устойчивости социальных и страховых систем и возможности для страхового сектора, формируя спрос на пенсионные и накопительные продукты. Разработан комплекс рекомендаций для государственных органов и страховых компаний, включая меры налогового стимулирования, диверсификацию продуктового ряда, цифровизацию и развитие межгосударственного сотрудничества в рамках БРИКС. Реализация предложенных мер позволит использовать современные демографические тенденции в качестве драйвера роста рынка страхования жизни и повышения благосостояния населения. Также выявленные особенности формирования спроса на страховые продукты в дальнейшем могут быть использованы при разработке стратегий взаимодействия экономических агентов на рынке в условиях ограниченности ресурсов.

Ключевые слова: БРИКС, страхование жизни, демографические изменения, старение населения, рождаемость, продолжительность жизни, страховые продукты, ограниченность ресурсов

Благодарности: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116814048.

Для цитирования: Белозеров С.А., Аркадьев В.А., Соколовская Е.В. Демографические трансформации как фактор развития страховых рынков стран БРИКС // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 618–630. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_9_618_630
EDN CADMSI

RAR (Research Article Report)

JEL O15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_9_618_630

The Impact of Demographic Transformations on the Development of Life Insurance Markets in BRICS Countries

Sergey A. Belozyorov¹, Vladislav A. Arkadev², Elena V. Sokolovskaya³

^{1,2,3} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ (s.belozerov@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8711-2192>)

² (serebrak777@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0006-5813-8573>)

³ (e.sokolovskaya@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4259-3786>)

Abstract

The article is devoted to the study of the impact of demographic transformations on the development of life insurance markets in the BRICS countries in the period 2014–2022. Based on the analysis of data from the World Bank and national statistics of the BRICS countries, the features of the development of insurance systems in the context of demographic transformations have been studied, as well as the main challenges and opportunities for the insurance market in this context. The main attention is paid to the comparative analysis of demographic indicators (total fertility rate, life expectancy, population dynamics) and their relationship with the dynamics of insurance markets. The purpose of this study is to formulate practical recommendations for the development of the life insurance market in the BRICS countries based on an analysis of demographic trends. In accordance with this goal, the following tasks have been set: to analyze the development of life insurance markets in the context of demographic challenges, identify key demographic trends in the BRICS countries, and propose differentiated measures to optimize the life insurance market for the BRICS countries, taking into account the identified demographic challenges. The study revealed a differentiation of countries: China, Russia and Brazil have entered a phase of active aging, while India and South Africa retain a younger population structure. It has been revealed that demographic changes create new challenges and opportunities for the insurance sector, generating demand for pension and savings products. A set of differentiated recommendations has been developed.

OPEN
ACCESS

CC

i

4.0

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ • 2025 Том 21 № 4 • С. 618–630

oped for government agencies and insurance companies, including tax incentive measures, product diversification, digitalization, and the development of interstate cooperation within the framework of BRICS. The implementation of the proposed measures will make it possible to transform demographic challenges into drivers of growth in the life insurance market and improve the well-being of the population. The identified features of the formation of demand for insurance products can also be used in the future to develop strategies for the interaction of economic agents in the market in conditions of limited resources.

Keywords: BRICS, life insurance, demographic challenges, population aging, birth rate, life expectancy, insurance products, scarcity

Acknowledgments: the authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research project 116814048

For citation: Belozyorov S.A., Arkadev V.A., Sokolovska E.V. The Impact of Demographic Transformations on the Development of Life Insurance Markets in BRICS Countries. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):618–630. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_9_618_630 (In Russ.)

Введение

Современная мировая экономика характеризуется усилением роли новых центров влияния, среди которых особое место занимает объединение БРИКС. Страны БРИКС сталкиваются с общими демографическими трансформациями: старением населения, снижением рождаемости и ростом ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Эти тенденции оказывают значительное влияние на финансовые системы, в частности на рынок страхования жизни, который выполняет двойную функцию – социальной защиты населения и источника долгосрочных инвестиций. Особенно это актуально в условиях ограниченности ресурсов, с которыми сталкиваются экономические агенты.

Сегодня объединение БРИКС представляет собой группу стран с быстро растущими экономиками, в которую входят Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия и Индонезия. Однако, до конца 2023 года в его составе были только пять из них, а именно: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. В 2024 году к союзу присоединились Иран, Объединённые Арабские Эмираты и Эфиопия. В настоящей статье проводится анализ первоначального состава участников стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) т.к. они представляют различные регионы и типы демографического развития, что обеспечивает репрезентативность исследования. Такой подход позволяет сосредоточить внимание на глубине анализа, а не на широте охвата, что особенно важно для выработки практических рекомендаций по совершенствованию политики в области страхования жизни и программ здравоохранения с учётом демографических факторов.

В числе ключевых факторов, формирующих потенциал геополитического влияния БРИКС, следует выделить: положительную экономическую динамику и демографические позиции. Рост экономического и геополитического потенциала объединения позволяет прийти к выводу о том,

что в настоящий момент существует стойкая тенденция к тому, что БРИКС может стать ведущей мировой экономической силой, сопоставимой с группой G-7. Этот факт подтверждается тем, что население Китая, Индии, Бразилии, России и ЮАР (не говоря о новоприбывших членах), составляет более 40% от населения планеты¹, доля валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности составляет более 33% от мирового ВВП², они уже контролируют около 43% мировых валютных резервов³, и их доля продолжает расти.

В странах БРИКС рынок страхования жизни характеризуется неравномерным развитием, что обусловлено различиями в экономических, демографических и институциональных условиях стран-участниц. Так, страховой рынок Китая превышает объёмы рынков Индии, Бразилии, России и ЮАР вместе взятых, что подчёркивает необходимость выявления факторов, сдерживающих рост сектора в остальных странах. Кроме того, пандемия COVID-19 и сопутствующие ей кризисы обострили демографические проблемы и осложнили работу страховых и социальных систем, потребовав их адаптации к новым реалиям. Хотя страховые рынки стран БРИКС являются сложившимися системами, их дальнейшее развитие и структурная перестройка в среднесрочной и долгосрочной перспективе будут в значительной степени определяться современными демографическими тенденциями. В результате, демографический фактор выступает одним из ключевых детерминантов развития систем социальной защиты стран БРИКС, что требует его обязательного учёта при формировании государственной

¹ Total population of the BRICS countries from 2000 to 2029 // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/254205/total-population-of-the-bric-countries/> (дата обращения: 08.07.2025).

² GDP (current US\$) // World Bank: [website]. URL: <https://api.worldbank.org/v2/en/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?downloadformat=excel> (дата обращения: 08.07.2025).

³ Total reserves (includes gold, current US\$) // World Bank: [website]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD> (дата обращения: 08.07.2025).

политики в области страхования и социальной защиты населения. Сравнительный анализ позволяет выявить общие демографические изменения, а также особенности каждой страны, в том числе и Российской Федерации, что необходимо для выработки эффективных мер социально-экономической политики в условиях ограниченности ресурсов.

Целью настоящего исследования является формирование практических рекомендаций по развитию рынков страхования жизни в странах БРИКС на основе анализа демографических тенденций. Исходя из цели выстроены следующие задачи исследования:

- Проанализировать развитие рынков страхования жизни в контексте демографических изменений;
- Выявить ключевые демографические тенденции в странах БРИКС;
- Предложить дифференцированные меры по оптимизации рынка страхования жизни для стран БРИКС с учётом выявленных демографических факторов.

Гипотеза исследования – развитие рынка страхования жизни в странах БРИКС может быть катализатором повышения уровня жизни населения при условии адаптации продуктов к демографическим рискам и усиления взаимодействия между государством и страховым сектором.

Объектом исследования выступают рынки страхования жизни стран-участниц объединения БРИКС в контексте глобальных демографических изменений.

Предметом исследования являются демографические факторы (динамика численности населения, ожидаемая продолжительность жизни, уровень рождаемости) и их влияние на развитие и структуру рынков страхования жизни в странах БРИКС.

Актуальность взаимосвязи демографических процессов и развития страхового сектора в странах БРИКС обуславливает растущее внимание к этой теме со стороны исследователей. Анализ особенностей страховых рынков стран БРИКС представлены в работах С.А. Белозёрова, Г.В. Черновой, С.А. Калайды [1], Т.А. Верезубовой [2], М.О. Морозкина [3], М. Сегоди, А. Сибинди [4] и др. Исследования комплексно освещают трансформацию страховых рынков в контексте глобальных вызовов, выделяя ключевые тенденции: цифровизацию услуг, эволюцию регуляторных моделей и растущую ориентацию на потребителя. При этом внимание также уделяется анализу совместимости национальных страховых систем через призму нормативно-правовой гармонизации и экономической целесообразности. Струк-

турные демографические изменения и их влияние на общество рассматриваются в трудах как российских, так и зарубежных авторов. Среди отечественных исследований можно отметить работу Н.А. Екимовой и А.Е. Гаганова, которые предлагают комплексный анализ региональных демографических процессов в России, акцентируя внимание на трёх ключевых аспектах: снижение рождаемости, старение населения и урбанизации. В рамках разработки стратегии преодоления демографического кризиса авторы предлагают концепцию национальной демографической политики. Важным выводом работы становится доказательство необходимости комплексных мер по взаимодействию внутри государственных институтов для достижения положительных изменений в демографической структуре [5]. Вклад в сравнительный анализ демографических процессов внутри БРИКС вносит исследование В.Г. Добропольского и В.Н. Барсукова, посвящённое старению населения в России и Китае [6]. Авторы выявляют неоднородность данного процесса: Россия, несмотря на более ранний старт старения, демонстрирует меньшие темпы роста продолжительности жизни, в то время как в Китае процесс является более сбалансированным. Даный вывод актуализирует поиск новых драйверов развития, среди которых, как показано в нашем исследовании, ключевую роль может играть развитие рынка страхования жизни, способствующее финансовой стабильности как домохозяйств, так и экономики в целом. Проводя анализ региональной динамики рождаемости, Л.Л. Рыбаковский и Т.А. Фадеева отмечают тенденцию, связанную с устойчивым сокращением потенциала роста числа рождений, которая во многом обусловлена фундаментальными процессами демографического перехода [7]. Одним из ключевых причин демографического перехода авторы В. Джанфреди, Д. Нуччи и Ф. Пенниси определяют увеличивающуюся роль развития здравоохранения в повышении продолжительности жизни. Исследователи отмечают, что данный рост обеспечивается за счёт совершенствования диагностики и лечения заболеваний, усиления профилактических мер, а также выраженного снижения смертности от инфекционных заболеваний [8]. Вместе с тем демографические изменения проявляются через растущее давление на экономику: повышается коэффициент демографической нагрузки пожилым населением при одновременном повышении возрастного порога трудоспособности [9]. В работе В.В. Устюжанина, Ю.В. Зинькиной, Д.М. Мусиевой и А.В. Коротаева рассматриваются сценарные прогнозы демографического развития стран БРИКС через призму ценностных трансформа-

ций. Авторы акцентируют внимание на взаимосвязи между динамикой рождаемости, старением населения и социокультурными сдвигами [10]. Е.С. Бахметьева и А.К. Морозкина сфокусированы на структурных изменениях экономик стран БРИКС под влиянием демографических процессов. Исследователи детализируют как общие закономерности, так и национальную специфику демографического развития [11]. Анализу взаимосвязи демографических трендов и экономического развития стран объединения посвящена работа Б. Лала, где автором рассматриваются показатели коэффициента рождаемости, прироста населения и общей численности населения [12]. А.А. Антонян провел детальный анализ демографических факторов в контексте процесса углубления экономического сотрудничества и сближения национальных экономик стран БРИКС. Автор применяет финансовое моделирование для проекции ВВП до 2075 года, учитывая урбанизацию и изменения возрастной структуры населения. Исследование выделяется чёткой экономико-демографической методологией и акцентом на долгосрочное прогнозирование [13].

Проведённый анализ литературных источников выявил, что, несмотря на растущий интерес к странам БРИКС, количество работ, посвящённых именно рынкам страхования жизни в этих государствах, остаётся относительно небольшим, а сами исследования носят фрагментарный характер. Во-первых, большинство исследований фокусируются на общих тенденциях страхового рынка, упуская из виду специфику именно страхования жизни, а также наличие взаимосвязи с демографическими изменениями. Во-вторых, существующие публикации зачастую ограничиваются констатацией проблем, таких как старение населения или снижение рождаемости, но не предлагают конкретных мер и рекомендаций по их преодолению. Данное исследование призвано восполнить эти пробелы, предложив не только анализ демографических рисков, но и конкретные решения для страховых компаний и регуляторов.

Теоретические и методологические положения

Методологическую основу исследования составляет сравнительный анализ демографических показателей и рынков страхования жизни стран БРИКС за период 2014–2022 гг., позволивший выявить как общие тенденции, так и отдельные страновые особенности. В работе применяются методы статистического анализа динамических рядов, сравнительной оценки и графической визуализации данных. Для анализа демографической ситуации использовались ключевые инди-

каторы: суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и динамика численности населения. Исследование рынка страхования жизни основано на анализе объёмов страховых премий и их динамики в странах БРИКС.

Теоретической базой исследования выступили концепции управления демографическими рисками и адаптации страховых продуктов к изменяющимся условиям, а также подход к рассмотрению страхования как рационального поведения экономического агента в условиях ограниченности ресурсов и неопределённости. Использование подобной методологии позволило выявить как общие тенденции, так и национальные особенности развития рынков страхования жизни в условиях демографических изменений, а также разработать дифференцированные рекомендации для стран БРИКС.

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую основу исследования составили данные Всемирного банка (World Bank), Росстата, национальных статистических служб стран БРИКС, отчёты страховых агентств и статистической платформы Statista. Для обеспечения сопоставимости данных использовались стандартизованные показатели, публикуемые международными организациями. Были проанализированы следующие статистические показатели по странам БРИКС: объём рынка страхования жизни, динамика численности населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости. Для визуализации данных использовались методы графического представления информации, включая построение динамических рядов и сравнительных диаграмм. Для количественного анализа демографических показателей применялись методы расчёта средних величин и темпов прироста.

Для обеспечения достоверности результатов использовались перекрестные проверки данных из разных источников. Проведена значительная работа по унификации методологий расчёта показателей для сопоставимости данных. Временной период исследования (2014–2022 гг.) был выбран исходя из требований соотносимости данных и презентативности анализируемых процессов.

Результаты исследования и их обсуждение

Ввиду того, что рынок страховых услуг является базовым элементом финансовой системы любого государства, страхованию отводится важное положение в хозяйственной системе каждой страны. Страхование – это инструмент обеспечения

финансовой и социальной защиты населения, который носит всеобъемлющий позитивный спектр влияния на развитие научно-технического, предпринимательского сектора, повышает стабильность общества и государства в целом.⁴ Базой его развития, с одной стороны, являются рыночные принципы, с другой стороны – объективная необходимость в минимизации различных рисков со стороны населения и субъектов хозяйственной деятельности. Последнее может рассматриваться как элемент рационального поведения экономических агентов, позволяя формировать стратегии их взаимодействия в условиях неопределенности и ограниченности ресурсов. Страхование является стабилизатором экономической системы и во многом сглаживает диспропорции циклического развития экономики [14].

Сектор страхования жизни играет важную роль в системе социальной защиты граждан, дополняя государственные программы и обеспечивая финансовую устойчивость населения. Данный сектор является важным сегментом экономики каждой из стран БРИКС, поскольку предоставляет не только финансовую стабильность для индивидуальных клиентов, но и создает значительные возможности для инвестиций и развития экономики в целом. Продукты страхования жизни снижают риски бедности и повышают финансовую устойчивость общества, помогают семьям сохранить уровень жизни (покрытие дол-

гов, образование детей, ежедневные расходы), дают возможность получения налоговых льгот от государства и т.п.

В последние годы сектор страхования жизни в странах БРИКС делает существенный прорыв на пути своего развития [15]. Согласно отчетам компаний Swiss Re Institute, Statista, страхование жизни в Китае и Индии продолжает расти на фоне увеличения доходов населения и увеличения осведомленности о необходимости финансовой защиты в случае непредвиденных жизненных ситуаций. Вместе с тем, в 2022 году среднемировой рост премий по страхованию жизни замедлился, в том числе из-за экономической нестабильности, инфляции и последствий COVID-19. В Китае премии по страхованию жизни выросли на 4%, а в Индии – на 10,35% в 2022 году. В то время как среднемировой рост премий по страхованию жизни составил +1,5–2,5% вnominalном выражении⁵. По сравнению с развитыми западными странами данный рынок имеет большой потенциал для более широкого развития в будущем, в том числе за счет растущего населения.

Основываясь на прогнозных данных Statista Market Insights, объем рынка страхования в странах БРИКС достигнет в 2026 году 1,47 трлн. долларов США. Прогнозируемый объем рынка страхования жизни (рисунок 1) в 2026 году составит 630 млрд долл. США.

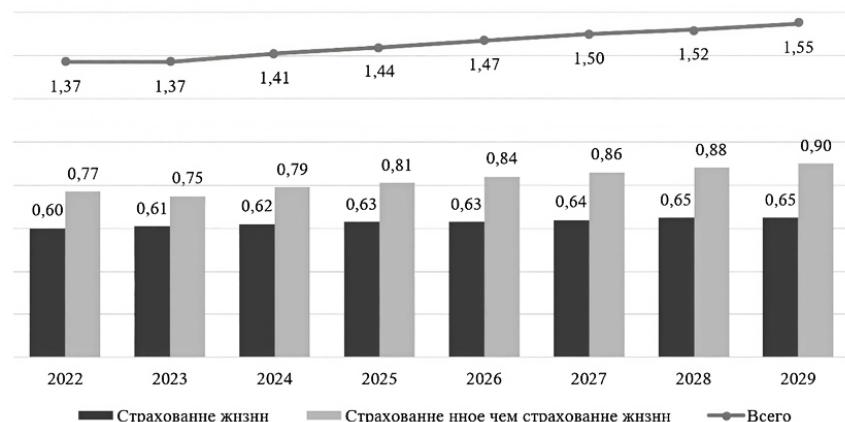

Рисунок 1. Объем страховых премий стран БРИКС 2022–2024 гг. и прогнозные оценки на 2025–2029 гг., триллион долларов США

Figure 1. Volume of Insurance Premiums in BRICS Countries in 2022–2024 and Forecast Estimates for 2025–2029, Trillion US Dollars

Источник: Statista⁶.

⁴ Страхование и управление рисками: учебник для бакалавров / под ред. Г.В. Черновой. Москва: Юрайт, 2014. 768 с. ISBN 978-5-9916-3042-9

⁵ World insurance: stirred, and not shaken // Swiss Re Institute: [website]. URL: <https://www.swissre.com/dam/jcr:0e365e0b-cb43-4c35-a72a-db4fb4a0ea51/2023-07-10-sri-sigma-world-insurance-en.pdf> (дата обращения: 28.07.2025).

⁶ Insurance – BRICS. Gross Written Premium // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/outlook/fmo/insurances/brics> (дата обращения: 13.10.2025).

Если такая тенденция сохранится, при ожидании, что объём всех страховых премий в странах БРИКС будет ежегодно расти в 2025–2029 годах на уровне 1,9%, то к 2029 году объём рынка составит 1,55 трлн. долл. США. В свою очередь, сектор страхования жизни (life insurance) к 2029 году должен преодолеть отметку в 650 млрд долл. США. Можно сделать

вывод, что в рамках стран БРИКС сектор страхования отличного от страхования жизни (non-life insurance) растёт быстрее, чем сектор страхования жизни. Сравнение секторов страхования жизни и страхования, отличного от страхования жизни в странах БРИКС по занимаемой ими доли страхового рынка в мире рассчитано в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

Соотношение сектора Life Insurance и Non-Life Insurance в странах БРИКС в 2022 г.

The Ratio of Life Insurance to Non-Life Insurance in BRICS Countries in 2022

Страна	Общий объём премий в 2022 г., млрд долл.	Life Insurance, млрд долл.	Non-Life Insurance, млрд долл.	Доля в мире
РФ	26,3	7,4 (28%)	18,9 (72%)	0,4%
ЮАР	56,7	28,3 (50%)	28,4 (50%)	0,5%
Бразилия	76,8	32,3 (42%)	44,5 (58%)	1,1%
Индия	143,5	81,8 (57%)	61,7 (43%)	1,8%
Китай	657,4	453,6 (69%)	203,8 (31%)	10,2%

Источник: рассчитано автором работы⁷.

Пример Китая (доля страхования жизни – 69%) и Индии (доля страхования жизни – 57%) показывает, как страхование жизни может стать основой национальной финансовой системы. Бразилия и ЮАР находят баланс между объёмами рынка страхования жизни и страхования отличного от страхования жизни. Рынок страхования жизни в России занимает всего 28%, тогда как рынок страхования отличного от страхования жизни занимает 72%. Вместе с тем, данная ситуация даёт широкие перспективы для развития этого сектора страхования в ближайшие годы. Этот вывод подтверждается тем, что уже в 2023 году рынок страхования жизни в России увеличился на 51,6%⁸.

В период с 2014 по 2022 годы рынок страхования жизни в странах БРИКС показал стабильный рост. В 2022 году общий объём рынка страхования жизни составил около 600 млрд долл. В период с 2014 по 2022 рынок страхования жизни Индии вырос 2,4 раза, составив к 2022 году 79,6 млрд долл., рынок страхования жизни Китая в 3,4 раза, составив к 2022 году 436,2 млрд долл.,

⁷ Gross insurance premiums. OECD Data // OECD: [website]. URL: <https://data.oecd.org/insurance/gross-insurance-premiums.htm#indicator-chart> (дата обращения: 13.10.2025); Total premium revenue of insurance companies in China 2012–2022 // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1143012/china-total-premium-revenue-of-insurance-companies/> (дата обращения: 13.10.2025); Density of life and non-life insurance across India from financial year 2002 to 2022 (premium per capita in U.S dollars) // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/655408/life-and-non-life-insurance-density-india/> (дата обращения: 13.10.2025).

⁸ Итоги 2023 года на страховом рынке и прогноз на 2024-й: от рекорда к замедлению // Эксперт РА: [сайт]. URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_market_2023/ (дата обращения: 13.10.2025).

Россия за аналогичный период выросла с 2,2 до 5,8 млрд долл.⁹ ЮАР – 31,2 млрд долл. в 2022 году. Рынок страхования жизни Бразилии в 2022 году составил 47,2 млрд долл.¹⁰.

Пандемия Covid-19 потребовала от страховых компаний существенных изменений в стратегии работы с клиентами. Ответом страховых компаний стала активизация цифровизации бизнес-процессов. Ряд компаний внедрили услуги телемедицины и ввели новые продукты, связанные с медицинским страхованием и страхованием жизни, которые соответствовали актуальным потребностям клиентов. В конечном итоге, несмотря на пандемию и её влияние на показатели смертности в различных возрастных группах, а также общие демографические показатели, связанные со смертностью (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, дожитие до определённого возраста), сектор страхования жизни в странах БРИКС продолжил демонстрировать устойчивую динамику роста. Так, в 2021 году рынок страхования жизни в Индии вырос на 9,2% по сравнению с предыдущим годом, а в Бразилии – на 15,2%. В России рынок страхования жизни вырос на 10%, а в Китае – на 3,4%¹¹.

⁹ BRICS Joint Statistical Publication 2022 // Rosstat: [website]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2022.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

¹⁰ Health insurance in China – statistics & facts // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/topics/10724/health-insurance-in-china/#topicOverview> (дата обращения: 08.07.2025)

¹¹ In charts: economic and insurance outlook 2021 // Swiss Re Institute: [website]. URL: <https://www.swissre.com/risk-knowledge/building-societal-resilience/in-charts-economic-and-insurance-outlook-2021.html> (дата обращения: 08.07.2025).

Одними из ключевых факторов, поддерживающих устойчивую динамику роста в секторе страхования жизни, являются демографические переменные (количество населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении,

суммарный коэффициент рождаемости и др.). Рассмотрим их подробнее.

Динамика численности населения стран БРИКС за 2014–2022 гг. представлена на рисунке 2.

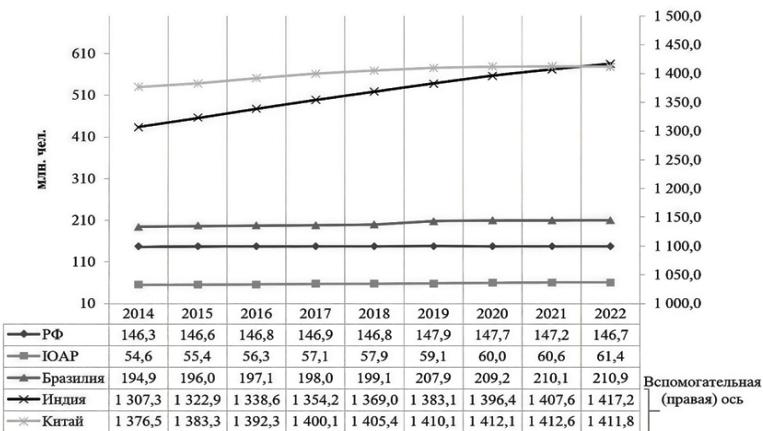

Рисунок 2. Динамика численности населения стран БРИКС за 2014–2022 гг.

Figure 2. Population Dynamics of the Brics Countries from 2014 to 2022

Источник: составлено автором по данным Statista¹².

Согласно статистическим данным, население Бразилии продолжает расти, превысив 210 млн человек. В России на конец 2022 года численность населения составляла около 146 млн человек. В Индии на конец 2022 года численность составляла более 1,41 млрд человек, вплотную приблизившись к Китаю. Численность населения ЮАР на конец 2022 года составляла более 60 млн человек. Кроме того, страны БРИКС демонстрируют достаточно высокий показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ), что в перспективе может способствовать росту сектора страхования жизни, так как высокая продолжи-

тельность жизни населения приводит к увеличению рисков возникновения заболеваний и других непредвиденных ситуаций, требующих финансовой поддержки. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении также является ключевым демографическим индикатором, напрямую используемым в актуарных расчётах по страхованию жизни. Он оказывает детерминирующее влияние на тарифную политику, размер страховых премий, формирование страховых резервов.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в странах БРИКС представлена на рисунке 3:

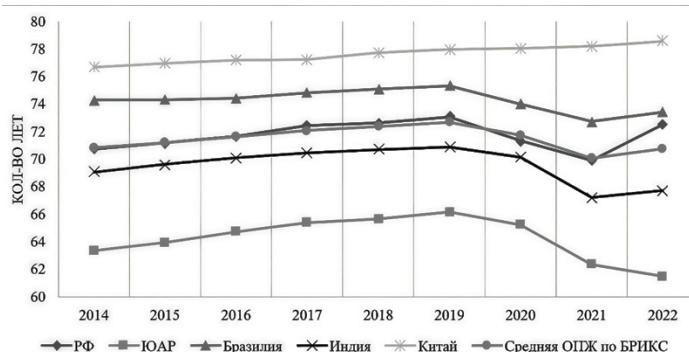

Рисунок 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в странах БРИКС за 2014–2022 гг., лет

Figure 3. Dynamics of Life Expectancy at Birth in BRICS Countries from 2014 to 2022, Years

Источник: составлено автором работы по данным World Bank¹³.

¹² Total population of the BRICS countries from 2000 to 2029 // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/254205/total-population-of-the-bric-countries/> (дата обращения: 08.07.2025).

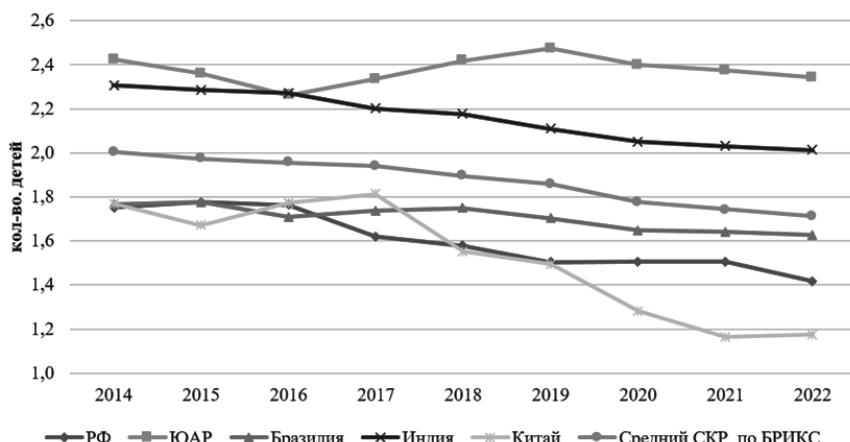
¹³ Life expectancy at birth, total (years) // World Bank: [website]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (дата обращения: 01.08.2025).

Безусловным лидером по показателю ожидаемой продолжительности жизни среди пятерки стран является Китай (78,2 года в 2022 г.). Следом идёт Бразилия с трендом на снижение показателя (73,0 года в 2022 г.), которой пока не удалось достичь допандемийных значений. Третье место занимает Россия, которая достаточно быстро преодолела просадку из-за влияния пандемии и даже увеличила этот показатель в 2022 г. до 72,5 лет. Далее следуют Индия, частично преодолев влияние пандемии (68,9 лет в 2022 г.), и ЮАР, с увеличивающимся отставанием по показателю ОПЖ от остальных стран (65,4 лет в 2022 г.).

Ретроспективно, рассматривая динамику показателя начиная с 2000 года, продолжительность жизни населения выросла во всех странах БРИКС, что косвенно свидетельствует об улучшении общего уровня здравоохранения и качества жизни населения в целом, однако, это приводит

к другой трудности, учитывая наличие тенденции на снижение уровня рождаемости (рисунок 4), что ведёт к увеличению доли стареющего населения и повышению социальной нагрузки нарабатывающую часть населения [16], и в конечном итоге обостряет необходимость грамотного управления рисками для страховых компаний, работающих на рынке страхования жизни.

Для анализа уровня рождаемости в странах БРИКС рассмотрим динамику суммарного коэффициента рождаемости (СКР), который показывает, сколько детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости, характерных для данного года. Для обеспечения простого (нулевого) воспроизведения населения суммарный коэффициент рождаемости должен составлять в среднем 2,14–2,15 рождения на женщину.

Рисунок 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в странах БРИКС за 2014–2022 гг.

Figure 4. Dynamics of the Total Fertility Rate in BRICS Countries from 2014 to 2022

Источник: составлено автором работы по данным World Bank¹⁴.

Анализ данных позволяет нам прийти к выводу, что во всех странах БРИКС, кроме ЮАР, демографический переход завершён. Для сравнительной оценки траекторий развития стран

БРИКС был рассчитан средний темп прироста СКР за период 2014–2022 гг., который показал устойчивую отрицательную динамику во всех странах объединения (Таблица 2).

Таблица 2

Table 2

Изменение суммарного коэффициента рождаемости в странах БРИКС за 2014–2022 гг.

Changes in the Total Fertility Rate in Brics Countries from 2014 to 2022

СКР	2014	2022	Среднегодовой абсолютный прирост	Среднегодовой темп прироста, в %
РФ	1,8	1,4	-0,042	-2,4%
ЮАР	2,4	2,3	-0,010	-0,4%
Бразилия	1,8	1,6	-0,018	-1,0%
Индия	2,3	2,0	-0,037	-1,6%

¹⁴ Fertility rate, total (births per woman) // World Bank: [website]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения: 01.04.2025).

Окончание Таблицы 2

СКР	2014	2022	Среднегодовой абсолютный прирост	Среднегодовой темп прироста, в %
Китай	1,8	1,2	-0,074	-4,2%
Средний СКР по БРИКС	2,0	1,7	-0,036	-1,8%

Источник: составлено автором работы по данным World Bank¹⁵.

Данные таблицы демонстрируют значительную дифференциацию как по уровню СКР, так и по скорости его снижения. При этом среднегодовой темп прироста позволяет количественно оценить интенсивность снижения: наиболее быстрое сокращение наблюдалось в Китае (-4,2% в год), а наиболее медленное – в ЮАР (-0,4% в год). Анализ значений показателя СКР в Китае (1,2), Бразилии (1,6) и России (1,4) позволяет сделать вывод о том, что данные страны по этому показателю находятся глубоко ниже уровня простого воспроизводства населения. Индия вплотную приблизилась к этому порогу (2,0). ЮАР пока остаётся исключением, но и там наблюдается снижение.

Причины снижения суммарного коэффициента рождаемости для каждой из анализируемых стран могут быть объяснены разными факторами. СКР Бразилии падает из-за урбанизации, роста образования женщин и доступности контрацепции. Для Индии характерны ярко выраженные региональные различия. Так, в южной части Индии СКР находится на уровне развитых стран (1,6–1,8), в свою очередь в северной части Индии СКР находится на уровне 2,5–3,0. Такая разница связана с большой культурной и религиозной разнородностью регионов. В Китае СКР за анализируемый период снизился с 1,8 до 1,2, став одним из самых низких показателей в мире. Причина такой просадки кроется в политике государства «одна семья – один ребёнок», начавшейся в 1979 и завершившейся только в 2015 году. Предполагается, что при неизменной ситуации, к середине века коэффициент демографической нагрузки в Китае (отношение числа людей старше 65 лет к числу людей в возрасте от 15 до 64 лет) достигнет около 52%¹⁶. Это означает, что на каждого двух человек труда способного возраста будет приходиться один человек старше 65 лет. В ЮАР СКР снижается, но остается ещё высоким (2,3). Причины можно найти в медленной урбанизации и структурных социальных диспропорциях, а также в сохраняющихся традиционных семейных ценностях и высокой

подростковой беременности у автохтонного населения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по странам БРИКС:

– Китай и Россия сталкиваются с риском долгосрочной депопуляции из-за падения СКР ниже уровня воспроизводства;

– Индия – последний «молодой» гигант в БРИКС, но такая ситуация будет сохраняться лишь в краткосрочной перспективе, ориентировано до 2035–2040 гг.;

– Бразилия повторяет путь Европы – выход на плато низкой рождаемости собственного населения, но какое-то время количество населения будет поддерживаться за счёт миграционных притоков из более бедных соседних стран (Венесуэла, Колумбия);

– ЮАР – аутсайдер по темпам снижения, но социальные проблемы тормозят развитие страны.

В целом, СКР в странах БРИКС снижается, что повлечёт за собой старение населения, вкупе с рисками безработицы и увеличивающейся нагрузки на социальные программы. БРИКС всё больше делится на «стареющие» (Китай, Россия, Бразилия) и «ещё растущие» (Индия, ЮАР) экономики, что повлияет на их глобальную конкурентоспособность. Таким образом, старение населения представляет собой значительную трансформацию, оказывающую комплексное воздействие на экономическое, политическое и социально-культурное развитие большинства государств. Сегодня в Индии пенсионный разрыв растёт с темпом в 10% годовых, в Китае – с темпом в 7% [17].

Демографические изменения в странах БРИКС, включающие увеличение доли пожилого населения, снижение уровня рождаемости и сокращение численности населения в отдельных странах, могут вызвать серьёзные изменения в структуре рынка страхования жизни в ближайшем будущем: старение населения (Китай, Россия, Бразилия) увеличивает спрос на пенсионные и накопительные продукты, рост показателя средней ожидаемой продолжительности жизни (особенно в Китае – 78,2 года) требует новых страховых решений, снижение рождаемости (СКР < 2,1) во всех странах, кроме ЮАР усиливает нагрузку

¹⁵ Fertility rate, total (births per woman) // World Bank: [website]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁶ China Power Team. «How Severe Are China's Demographic Challenges?» // China Power: [website]. URL: <https://chinapower.csis.org/china-demographics-challenges/> (дата обращения: 01.09.2025).

на социальные системы, повышая значимость страхования жизни как инструмента социальной защиты.

В ответ на эти системные трансформации сформирован следующий комплекс рекомендаций, направленных на развитие рынка страхования жизни в странах БРИКС.

Для государственных органов и регуляторов стран БРИКС приоритетным направлением может стать создание комплексной системы финансовых стимулов. Целесообразно рассмотреть возможность внедрения программ налоговых вычетов по уплате страховых премий, аналогичных успешному международному опыту таких программ, как британские Individual Savings Accounts или американские 401(k) планы. Для стран с более низким уровнем доходов населения, таких как Индия и ЮАР, критически важной представляется разработка программ целевого субсидирования страховых премий для уязвимых категорий граждан. Параллельно необходимо осуществлять модернизацию нормативно-правовой базы, включая создание регуляторных «песочниц» для тестирования инновационных продуктов с использованием больших данных и телемедицины, а также реализацию национальных программ повышения финансовой грамотности, акцентирующих внимание на роли страхования жизни в управлении долгосрочными рисками.

Страховым компаниям необходимо предпринять активные действия по глубокой диверсификации продуктового ряда с учётом демографической специфики каждой страны. Для рынков со «стареющим» населением, таких как Китай, Россия и Бразилия, первостепенное значение приобретает разработка гибридных продуктов, комбинирующих накопительную функцию с пенсионными аннуитетами и покрытием рисков, связанных с возрастными заболеваниями, такими как болезнь Альцгеймера или Паркинсона. Для «молодых» рынков Индии и ЮАР ключевой стратегией должна стать разработка доступных и простых для понимания продуктов микрострахования, ориентированных на защиту кормильца и накопление средств на образование детей, с активным использованием партнёрств с финтех-компаниями для расширения охвата. Одновременно требуется ускоренная цифровизация всех бизнес-процессов, подразумевающая внедрение решений на основе искусственного интеллекта для персонального андеррайтинга, массовый переход на онлайн-каналы продаж и интеграцию телемедицинских сервисов в качестве стандартной опции к полисам страхования жизни.

Можно также сделать вывод, что для элиминации последствий от старения населения необ-

ходима совместная работа государственных институтов и страхового сектора. Целесообразно разработать и внедрить гибкие тарифные модели по высокорисковым (возрастным) категориям клиентов. Например, создание страховых пулов с участием государства, где часть рисков пожилых страхователей субсидируется за счёт бюджетных средств, которые возьмут на себя часть финансовой нагрузки страховых компаний и повысят доступность страховых продуктов.

На уровне межгосударственного сотрудничества в рамках БРИКС представляется крайне перспективным создание постоянной рабочей группы по страхованию жизни. Её миссией могла бы стать выработка согласованных регуляторных подходов, обмен лучшими практиками между национальными надзорными органами и инициирование совместных исследовательских проектов. Долгосрочной целью могло бы стать создание многосторонней перестраховочной структуры БРИКС, которая способствовала бы повышению финансовой устойчивости национальных рынков, снижению зависимости от глобальных перестраховщиков и развитию трансграничных страховых продуктов.

Предложенные рекомендации носят комплексный характер, и их реализация требует скоординированных усилий как со стороны государства, так и частного сектора. Реализация указанных стимулирующих мер, безусловно, потребует последующей детальной оценки их фискальных последствий и поиска оптимальных источников финансирования. В качестве таких источников могут рассматриваться как перераспределение существующих бюджетных расходов, так и аккумулирование дополнительных доходов, возникающих в результате долгосрочного роста финансовой глубины экономики. Вместе с тем, именно такой подход позволит трансформировать демографические изменения в драйверы устойчивого развития и повышения благосостояния граждан стран БРИКС.

Заключение

Проведённое исследование демографических тенденций и их влияния на рынок страхования жизни в странах БРИКС позволило выявить ряд ключевых закономерностей и предложить практические рекомендации для дальнейшего развития данного сектора.

Анализ демографических показателей за период 2014–2022 годов показывает существенную дифференциацию стран БРИКС по характеру демографического развития. Было установлено, что Китай, Россия и Бразилия вступили в фазу активного старения населения с коэффициен-

тами рождаемости ниже уровня простого воспроизводства (1,2; 1,4 и 1,6 соответственно), в то время как Индия и ЮАР сохраняют относительно молодую возрастную структуру населения, хотя и демонстрируют устойчивую тенденцию к снижению рождаемости.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о состоятельности выдвинутой гипотезы: развитие рынка страхования жизни действительно может стать катализатором повышения уровня жизни населения при условии адаптации продуктов к демографическим рискам. Полученные данные свидетельствуют, что рост ожидаемой продолжительности жизни и старение населения формируют устойчивый спрос на пенсионные и накопительные страховые продукты, в то время как снижение рождаемости объективно усиливает нагрузку на социальные системы, повышая значимость частного страхования. Таким образом, реализация данного потенциала требует тесной координации усилий между государством и частным сектором для создания эффективных страховых механизмов, соответствующих современной демографической реальности стран БРИКС.

На основе проведённого анализа были разработаны дифференцированные рекомендации для стран БРИКС. Для правительства приоритетом должна стать разработка стимулирующего налогового законодательства, повышение финансовой грамотности населения и создание гибкой нормативной базы, способствующей инновациям.

Для страховых компаний ключевыми задачами являются глубокая диверсификация продуктового ряда, активная цифровизация всех бизнес-процессов и разработка доступных продуктов для низкодоходных групп населения. Особое значение имеет предложение по развитию межгосударственного сотрудничества в рамках БРИКС, включая создание рабочей группы по страхованию жизни и многосторонней перестраховочной структуры, что позволит повысить финансовую устойчивость национальных рынков и снизить зависимость от глобальных перестраховщиков.

Выявленные особенности формирования спроса на страховые продукты в дальнейшем могут быть использованы при разработке стратегий взаимодействия экономических агентов на рынке в условиях ограниченности ресурсов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию и рынок страхования жизни, а также с разработкой конкретных механизмов реализации предложенных рекомендаций с учётом институциональных особенностей каждой страны БРИКС. Ожидается, что реализация предложенных мер позволит трансформировать демографические изменения в драйверы развития и повышения благосостояния граждан стран БРИКС, укрепляя позиции объединения как одного из новых центров влияния в глобальной экономической архитектуре.

Список источников

1. Белозёров С.А., Чернова Г.В., Калайда С.А. Современные факторы развития российского страхового рынка // Страховое дело. 2018. № 6(303). С. 31–35. EDN XQOMYH
2. Верезубова Т.А., Цай Ю. Эволюция страхового рынка Китая // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2020. № 3(140). С. 74–82. EDN XLMKKN
3. Морозкина М.О. Предпосылки для создания единого страхового рынка БРИКС // Материалы международной научно-практической конференции «Научная дискуссия современной молодежи: Экономика и право», 28 сентября 2016, Пенза, Россия. Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 33–36. EDN WQUICL
4. Segodi M.P, Sibindi A.B. Determinants of Life Insurance Demand: Empirical Evidence from BRICS Countries // Risks. 2022. Vol. 10 №. 4. P 1–14. <https://doi.org/10.3390/risks10040073>
5. Екимова Н.А., Гаганов А.Е. Демографические тренды регионов России: в поисках источников роста // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 60–65. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.707> EDN DPADM
6. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 4. С. 36–48. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.3> EDN FKAAPM
7. Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 EDN SOBNWI
8. Aging, longevity, and healthy aging: the public health approach / V. Gianfredi, D. Nucci, F. Pennisi, M. Ratti // Aging Clinical and Experimental Research. 2025. Vol. 37. Art. 125. <https://doi.org/10.1007/s40520-025-03021-8>
9. Power J.J. Ageing-demographic time-bomb or social construct: outline of the potential horizons and opportunities // Journal of Aging Research and Healthcare. 2016. Vol. 1. Issue 2. P. 31–33. <https://doi.org/10.14302/issn.2474-7785.jarh-16-1274>

10. Куда движется БРИКС: сценарии демографического и ценностного развития / В.В. Устюжанин, Ю.В. Зинькина, Д.М. Мусиева, А.В. Коротаев // Век глобализации. 2023. № 4(48). С. 80–93. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.06> EDN FZBPIK
11. Бахметьева Е.С., Морозкина А.К. Расширенный БРИКС: есть ли общее в проблемах роста? // Россия в глобальной политике. 2025. Том 23. № 5. С. 59–74. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-59-74>
12. Lal B.S. The BRICS Countries: Trends of Demographic and Economic Development // International Journal of Science and Research. 2023. Vol. 12. Issue 4. P. 702–708. <https://doi.org/10.21275/SR23410201331>
13. Антонян А.А. Перспективы экономической интеграции и развития стран БРИКС в современной мировой экономике // Теоретическая и прикладная экономика. 2025. № 3. С. 81–97. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2025.3.75228> EDN NTGOVZ
14. Спирина В.А., Соловьев Д.Ю. Страховая деятельность и факторы, влияющие на ее развитие // Материалы международного научно-практического мероприятия «Экономико-управленческий конгресс», 10–11 ноября 2022, Белгород, Россия. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 171–173. EDN BNWDJM
15. Аркадьев В.А. Состояние сектора страхования жизни стран - участниц экономического объединения БРИКС // Страховое дело. 2023. № 9(366). С. 19–25. EDN PBZIJY
16. Сидоров А.А., Морозова Т.А., Кузнецова Е.Ю. Моделирование демографических факторов стран БРИКС // Московский экономический журнал. 2022. Том 7. № 7. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_7_430 EDN DRMPQE
17. Белозеров С.А., Ли Т., Аркадьев В.А. Национальные особенности системы пенсионного страхования в Китае // Экономика и управление. 2023. Том 29. № 7. С. 772–782. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-7-772-782> EDN JZYWVZ

Информация об авторах:

Сергей Анатольевич Белозеров – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 1451-2314)

Владислав Анатольевич Аркадьев – младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 8458-8257)

Елена Васильевна Соколовская – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 4644-0930)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Владислав Анатольевич Аркадьев.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Belozerov S.A. Chernova G.V., Kalaida S.A. Modern Factors of Development of the Russian Insurance Market. *Strakhovoe delo*.2018;(6(303)):31-35. (In Russ.)
2. Verezubova T.A., Tsai Yu. China Insurance Market Evolution. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta=Belarusian State Economic University Bulletin*. 2020;(3(140)):74-82. (In Russ.)
3. Morozkina M.O. Predposylki Dlya Sozdaniya Edinogo Strakhovogo Rynka BRICS. Nauchnaya Diskussiya Sovremennoi Molodezhi: Ehkonomika i Pravo Conference Proceedings; September 18, 2016; Penza, Russia. Penza: Publishing House Nauka i Prosveshchenie. 2016:33-36. (In Russ.)
4. Segodi MP, Sibindi AB. Determinants of Life Insurance Demand: Empirical Evidence from BRICS Countries. *Risks*. 2022;10(4):73. <https://doi.org/10.3390/risks10040073>
5. Ekimova N.A., Gaganov A.E. Demographic Trends in Russian Regions: in Search of Growth Sources. *Biznes. Obrazovanie. Pravo=Business. Education. Law*. 2023;(3(64)):60–65. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.707>
6. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Population Aging in Russia and China: Features and Socioeconomic Risks. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(4):36–48. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.3> (In Russ.)
7. Rybakovskii O.L., Fadeeva T.A. Structural Demographic Waves of Russian Regions: Preliminary Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):425–438. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.1> (In Russ.)
8. Gianfredi V., Nucci D., Pennisi F., et al. Aging, Longevity, and Healthy Aging: the Public Health Approach. *Aging Clinical and Experimental Research*. 2025;37,125. <https://doi.org/10.1007/s40520-025-03021-8>
9. Power J.J. Ageing-Demographic Time-Bomb or Social Construct: Outline of the Potential Horizons and Opportunities. *Journal of aging research and healthcare*. 2016;1(2):31–33. <https://doi.org/10.14302/issn.2474-7785.jarh-16-1274>
10. Ustyuzhanin V.V., Zinkina Yu.V., Musiyeva J.M., et al. Where BRICS is Heading: Demographic and Value Development Scenarios. *Vek globalizatsii=Age of Globalization*. 2023;(4(48)):80–93. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.06> (In Russ.)
11. Bakhmetieva E.S., Morozkina A.K. Rasshirennyi BRIKS: Est' li Obshchee v Problemakh Rosta? // *Rossiya v global'noi politike*. 2025;23(5):59-74. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-59-74> (In Russ.)

12. Lal B.S. The BRICS Countries: Trends of Demographic and Economic Development. *International Journal of Science and Research.* 2023;12(7):702-708. <https://doi.org/10.21275/SR23410201331>
13. Antonyan A.A. Prospects for Economic Integration and Development of BRICS Countries in the Modern Global Economy. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika=Theoretical and Applied Economics.* 2025;(3):81-97. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2025.3.75228> (In Russ.)
14. Spirin V.A., Soloviev D.Yu. Strakhovaya Deyatel'nost' i Faktory, Vliyayushchie na eye Razvitie. Mezhdunarodnoe nauchno-prakticheskoe meropriyatiye «Ehkonomiko-upravlencheskii kongress» Proceedings; November 10–11, 2022; Belgorod, Russia. Belgorod: Belgorod State University. 2022:171-173. (In Russ.)
15. Arkadiev V.A. Sostoyanie sektora strakhovaniya zhizni stran – uchastnits ehkonomicheskogo ob"edineniya BRIKS. *Strakhovoe delo.* 2023;(9(366)):19-25. (In Russ.)
16. Sidorov A.A., Morozova T.A., Kuznetsova E.Yu. Modelirovanie Demograficheskikh Faktorov Stran BRIKS. *Moskovskii ehkonomicheskii zhurnal=Moscow Economic Journal.* 2022;7(7). https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_7_430 (In Russ.)
17. Belozerov, S.A., Li T., Arkad'ev V.A. National Characteristics of the Pension Insurance System in China. *Ehconomika i upravlenie=Economics and Management.* 2023;29(7):772-782. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-7-772-782> (In Russ.)

Information about the authors:

Sergey A. Belozyorov – Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University
(SPIN-code: 1451-2314)

Vladislav A. Arkadyev – Junior Researcher, St. Petersburg State University
(SPIN-code: 8458-8257)

Elena V. Sokolovska – PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University
(SPIN-code: 4644-0930)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for correspondence is Vladislav A. Arkadyev.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.3

JEL I31

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

EDN HZHIZX

Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан

Айбулат Галимьянович Каримов¹, Эльмира Ирековна Ахметова²

^{1,2} Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹ (karaigal@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0002-4185-5377>)

² (isyan.elmira@yandex.ru) (<https://orcid.org/0009-0009-0374-4017>)

Аннотация

В статье представлены результаты анализа данных социологических исследований, проведённых в 2021–2024 гг. среди работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Целью исследования стал анализ влияния низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между профессиональной идентичностью, уровнем доходов и адаптационными практиками. Установлено, что низкие доходы от занятости предопределяют не только ограниченную покупательную способность домохозяйств, но и формируют заниженные оценки социального статуса, а также способствуют выбору стратегий выживания вместо профессионального развития. Рост nominalной заработной платы не компенсирует инфляцию, а продолжительный стаж не гарантирует финансовой стабильности, что ведёт к обесцениванию профессиональной идентичности. Результаты анализа свидетельствуют о формировании замкнутого круга, при которой даже продолжительный профессиональный стаж не обеспечивает финансовой стабильности, а профессиональная идентичность, традиционно выступавшая значимым статусным маркером, теряет свою ценность. Материальные факторы являются доминирующими в трудовой мотивации, особенно среди низкоходных групп, вынуждая работников выбирать стратегии выживания вместо профессиональной самореализации. Сохраняется гендерная асимметрия в оплате труда, а адаптационные стратегии поляризованы по доходным группам. Результаты исследования подтверждают структурный характер бедности работающего населения. Для её решения требуются комплексные институциональные изменения: модернизация системы оплаты труда, разработка адресных программ поддержки (переподготовка, льготное кредитование) и повышение социального престижа социально значимых профессий. По мнению авторов, без реформ бюджетный сектор рискует превратиться в «ловушку бедности», что может иметь негативные последствия для развития человеческого капитала и долгосрочного социально-экономического развития как регионов, так и страны в целом.

Ключевые слова: работающие бедные, бюджетная сфера, доходы от занятости, профессиональная идентичность, адаптационные стратегии, доходы населения, социальная самоидентификация, уровень жизни, формальная занятость, низкоходные группы

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01228).

Для цитирования: Каримов А.Г., Ахметова Э.И. Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 EDN HZHIZX

RAR (Research Article Report)

JEL I31

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan

Aybulet G. Karimov¹, Elmira I. Akhmetova²

^{1,2} Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹ (karaigal@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0002-4185-5377>)

² (isyan.elmira@yandex.ru) (<https://orcid.org/0009-0009-0374-4017>)

Abstract

This article presents the results of an analysis of sociological survey data collected between 2021 and 2024 among public sector workers in the Republic of Bashkortostan. The study aims to analyze the impact of low employment income on the subjective assessments of the standard and quality of life among these workers' households. The research reveals the interconnections between professional identity, income level, and coping strategies. The study finds that low earnings from work not only determine the limited purchasing power of households but also shape undervalued assessments of social status and promote the choice of survival strategies over professional development. Nominal wage growth fails to outpace inflation, and extensive work experience does not guarantee financial stability, leading to a devaluation of professional identity. The results indicate the formation of a vicious cycle where even long professional tenure does not

ensure financial security, and professional identity, traditionally a significant status marker, loses its value. Material factors dominate work motivation, especially among low-income groups, compelling workers to opt for survival strategies instead of professional self-realization. Gender pay asymmetry persists, and adaptation strategies are polarized across income groups. The research confirms the structural nature of working poverty. Addressing it requires comprehensive institutional reforms: modernizing the wage system, developing targeted support programs (retraining, soft loans), and enhancing the social prestige of socially significant professions. According to the authors, without such reforms, the public sector risks turning into a "poverty trap," which could have negative consequences for the development of human capital and long-term socio-economic development of both the regions and the country as a whole.

Keywords: the working poor, public sector, employment income, professional identity, adaptation strategies, household income, social self-identification, living standards, formal employment, low-income groups

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. № 25-28-01228)

For citation: Karimov A.G. Akhmetova E.I. The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 (In Russ.)

Введение

В современной России проблема низких доходов работающего населения остаётся одной из ключевых социально-экономических проблем. Особую остроту данная проблема приобретает в бюджетной сфере, где уровень оплаты труда зачастую существенно ниже среднерыночных показателей, несмотря на её принципиальную роль в обеспечении социальной инфраструктуры. На сегодняшний день уровень оплаты труда в образовании, здравоохранении, науке и культуре остаётся достаточно низким, что приводит к системной деградации человеческого капитала, серьёзному снижению качества предоставляемых медицинских и образовательных услуг, падению престижа профессий бюджетной сферы. В современной экономической действительности инфляционные процессы и ограниченность финансовых возможностей работников данной категории не соответствуют динамике роста цен на товары и услуги первой необходимости. Это приводит к устойчивому снижению их жизненного уровня и закреплению статуса «работающих бедных» – ситуации, когда формальная занятость не гарантирует доходов, достаточных для удовлетворения даже базовых жизненных потребностей.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

– Социально-экономической значимостью бюджетного сектора. Бюджетная сфера является крупнейшим сегментом занятости в России, охватывая системообразующие сектора современного государства (порядка 21 млн человек (примерно 28% работающего населения¹)). Работники бюджетной сферы обеспечивают функционирование ключевых общественных институтов – здравоохранения, образования, науки, культуры, что

¹ Структура занятых по месту основной работы и видам экономической деятельности в 2022 г. // Росстат: [сайт]. URL:http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 27.04.2025).

напрямую влияет на человеческий капитал и долгосрочное развитие страны. Низкий уровень их материального благосостояния снижает качество предоставляемых услуг, способствует профессиональной деградации и оттоку квалифицированных кадров.

– Хронизацией проблемы бедности работающего населения. Согласно проведённым нами исследованиям, проблема бедности среди работников бюджетной сферы приобретает устойчивый и долгосрочный характер. Одним из ключевых индикаторов этого процесса является увеличение доли сотрудников с длительным трудовым стажем – с 62,2% до 71,5% за анализируемый период².

– Сохранение низких доходов, даже при постоянной занятости, указывает на недостатки в оплате труда и социального обеспечения. Ограниченная социальная мобильность, когда опыт и длительный стаж работы не приводят к существенному улучшению материального положения свидетельствует о структурных барьерах в экономике. Существует риск «ловушки работающих бедных», когда люди годами застревают на низкооплачиваемой работе без перспектив.

– Дисбалансом в оплате труда между бюджетным и коммерческим секторами. В условиях рыночной экономики наблюдается устойчивый разрыв в доходах между работниками бюджетного и коммерческого секторов. Например, в сфере ИТ или нефтегазовой отрасли средние зарплаты в 2–4 раза выше, чем у педагогов или медиков с аналогичным уровнем квалификации³. Это приводит

² Социологическое исследование: Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы работников бюджетной сферы Республики Башкортостан» (май–июнь 2024 г.). Объект исследования: трудоспособное население республики в возрасте 18–65 лет. Общий объём выборочной совокупности: 1193 респондента.

³ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Росстат: [сайт]. URL:http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 27.04.2025).

к оттоку кадров и снижению престижа социально значимых профессий.

– Демографическими и миграционными последствиями, оказывающими деструктивное влияние на формирование человеческого потенциала в стратегической перспективе. Низкий уровень доходов в бюджетной сфере способствует «утечке умов» – миграции квалифицированных специалистов (врачей, учёных, инженеров) в коммерческий сектор или за рубеж. Уже сейчас Россия сталкивается с дефицитом педагогических и медицинских кадров, что угрожает качеству человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Целью исследования является анализ влияния низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Задачи исследования: выявить и охарактеризовать социально-экономическое положение работников бюджетной сферы, относящихся к категории «работающих бедных»; изучить субъективные оценки уровня и качества жизни данными домохозяйствами, включая оценку материального положения, удовлетворённость различными аспектами жизни и покупательную способность; проанализировать их профессиональные стратегии и адаптационные практики в условиях низкого уровня доходов; изучить особенности социального самочувствия и профессиональной идентичности данной категории работников; установить взаимосвязь между уровнем доходов, профессиональной идентичностью и адаптационными практиками. Объектом исследования стали работники бюджетной сферы Республики Башкортостан и их домохозяйства. Предметом исследования – влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы. Гипотеза исследования заключалась в следующем: низкие доходы от занятости в бюджетной сфере Республики Башкортостан оказывают детерминирующее влияние на субъективные оценки уровня и качества жизни, что проявляется в систематическом занижении оценок материального положения, ограниченной покупательной способности домохозяйств, трансформации профессиональной идентичности. Всё это приводит к системной деградации человеческого капитала, вынуждая работников выбирать стратегии выживания вместо профессионального развития, и трансформирует бюджетный сектор в институциональную «ловушку бедности».

В качестве объекта исследования выбраны работники бюджетной сферы – работники образования, здравоохранения, науки, культуры, а также государственные и муниципальные служа-

щие. Такой выбор обусловлен их ключевой ролью в обеспечении общественных благ и формировании человеческого капитала, а также зависимостью уровня их доходов и условий труда от бюджетов разных уровней. При этом, государственные и муниципальные служащие рассматриваются как особая категория бюджетников: с одной стороны, они финансируются из бюджета, с другой – их деятельность направлена на организацию и реализацию государственной политики, что напрямую отражается на положении остальных сфер бюджетной занятости.

Анализ статей в российских журналах за 2020–2025 гг. позволяет проследить как фокус в изучении социального неблагополучия сместился с проблемы низких доходов к комплексному анализу «бедности» как сложного, многомерного и структурно воспроизводимого феномена. Исследования демонстрируют значительный разрыв между официальной статистикой и субъективным восприятием бедности населением, которое ассоциирует её не только с дефицитом доходов, но и с глубокой материальной и социальной депривацией [1]. В фокусе научной дискуссии находится феномен работающих бедных, который характеризуется устойчивостью и обусловлен не только низким уровнем оплаты труда в отдельных секторах экономики [2], но и прекаризацией занятости, оказывающей независимое негативное влияние на социальное самочувствие даже при относительно высоких заработках [3]. При этом подчёркивается, что занятость сама по себе не является страховкой от бедности, а её эффективность в качестве защитного механизма определяется комплексом факторов, включая структуру домохозяйства и региональные диспропорции [4]. Особую тревогу вызывает бедность среди высококвалифицированных профессионалов, свидетельствующая о системной недооценке человеческого капитала и наличии структурных дисбалансов на рынке труда [5]. Усугубляющим фактором выступает значительная межрегиональная дифференциация в соотношении доходов и стоимости жизни, требующая перехода от пассивных мер поддержки к активной политике, нацеленной на развитие человеческого капитала и создание качественных рабочих мест [6].

Исследование бедности как научной категории охватывают широкий спектр теоретических подходов, начиная от классических работ А. Смита, Т. Мальтуса и К. Маркса, которые заложили основы понимания экономического неравенства, до современных концепций, таких как многомерная бедность [7] и субъективные оценки благосостояния [8].

Анализ современной научной литературы, посвящённой проблемам бедности, неравенства

и низкооплачиваемой занятости в России, демонстрирует её комплексный и многогранный характер. Исследования концентрируются как на объективных статистических измерениях, так и на субъективном восприятии феномена населением. Работы Уманец Л.В. и Ашмарова И.А [9; 10] подчёркивают структурный характер проблемы, выявляя феномен «работающих бедных» и значительную поляризацию доходов даже в наиболее благополучных регионах, таких как Москва. Ключевой вклад в понимание динамики низкооплачиваемой занятости вносят Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. и Шарунина А.В., чьё исследование на панельных данных РМЭЗ ВШЭ доказывает, что низкооплачиваемая занятость в России обладает высокой устойчивостью и зачастую представляет собой не «трамплин» для карьерного роста, а «ловушку», выход из которой затруднён [11]. Л.А. Гордон выделяет бедность «слабых» и «сильных», подчёркивая роль структурных факторов и индивидуальных стратегий выживания [12]. Н.Е. Тихонова, А.А. Разумов, О.В. Селиванова акцентируют внимание на региональных диспропорциях и институциональных барьерах, усугубляющих бедность в России [13; 14].

На сегодняшний день, проблема «работающих бедных» остаётся актуальной как для развитых, так и для развивающихся стран. При этом, в скандинавских государствах с развитой социальной защитой уровень работающей бедности ниже, чем в Южной и Восточной Европе, что подчёркивает роль институциональных факторов [15; 16]. Для стран Южной Европы ситуация усугубляется экономическими кризисами и слабой социальной защитой [17; 18; 19; 20]. В России проблема «работающих бедных» тесно связана с низкими доходами в бюджетном секторе и региональными диспропорциями [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Особую тревогу вызывает рост бедности среди семей с детьми, где многодетные и неполные семьи чаще всего сталкиваются с повышенными рисками из-за высокой иждивенческой нагрузки [28; 29].

Обобщая, можно отметить, что если в развитых странах Запада бедность работающего населения чаще всего связана с низкой оплатой труда в низкоквалифицированных секторах, проблемой мигрантов и различными формами девиаций, неполной занятостью, гибкими формами занятости (проектная, частичная занятость), а также высокими расходами на жильё и здравоохранение, то в российских реалиях бедность работающих в первую очередь обусловлена низкими зарплатами даже при полной занятости в секторах с высокой квалификацией кадров, к которым относятся отрасли бюджетной сферы, ограниченными воз-

можностями профессиональной мобильности, сверхвысокой долей низкооплачиваемых рабочих мест в структуре экономики. Вместе с тем, существующие меры поддержки, такие как адресные социальные выплаты и налоговые льготы имеют меньший охват и размер, а расходы на жильё и услуги, хотя и ниже, отнимают значительную долю дохода из-за низкого уровня заработных плат.

«Бедность работающих», особенно в бюджетной сфере, является устойчивым структурным явлением, обусловленным экономическими и институциональными факторами. Как показывают исследования, несмотря на законодательно закреплённые механизмы индексации заработных плат, доходы значительной части работников данной категории остаются на уровне, лишь незначительно превышающем прожиточный минимум [30; 31; 32].

Для сокращения бедности исследователи предлагают различные меры, которые включают в себя такие мероприятия как усиление социальной защиты (введение прогрессивной шкалы налогообложения и расширение программ адресной помощи) [33], стимулирование качественной занятости (создание рабочих мест с достойной оплатой труда и снижение доли неформальной занятости) [34], региональные стратегии (учёт локальных особенностей при разработке антикризисных программ [35], многомерные подходы (интеграция неденежных индикаторов в социальную политику) [36; 37], поддержка уязвимых групп (адресные программы для женщин, молодёжи и работников бюджетной сферы). Непосредственно для работников бюджетной сферы отдельными учёными предлагается повышение доходов за счёт установления размеров основной заработной платы не ниже стандартов, позволяющих входить в средние слои по уровню жизни с учётом различий в стоимости жизни в субъектах РФ. Размер их основной заработной платы не должен также зависеть от бюджетной обеспеченности регионов, т.е. необходимо обеспечить равную оплату труда (по покупательной способности) за труд равной квалификации во всех субъектах Федерации [38].

В целом, теоретически, феномен «работающих бедных» разработан достаточно глубоко, но остаётся актуальной из-за сложной динамики экономических и социальных условий. Основные выводы свидетельствуют о необходимости комплексных мер: от реформ оплаты труда до адресной социальной политики и психологической поддержки. Во всех анализируемых работах обсуждаются меры государственной поддержки: индексация МРОТ, региональные программы, стимулирование занятости.

Теоретико-методологические положения

Проблема низких доходов от занятости, приводящая к возникновению феномена «работающих бедных» (к которым относят трудоспособных граждан, чьи душевые доходы в домохозяйствах ниже прожиточного минимума), является достаточно изученной как в российской, так и в зарубежной научной литературе, что отражает важность этой проблемы в современном социально-экономическом дискурсе.

Согласно Международной организации труда (МОТ / ILO) – «Работающие бедные» – это люди, которые имеют работу (заняты в экономике), но их душевые доходы ниже установленной черты бедности (обычно \$1,90 или \$3,10 в день по ППС, в зависимости от страны).⁴

ОЭСР (OECD) определяет работающих бедных как лиц, которые работают не менее половины года, но живут в домохозяйствах с доходом менее 50% медианного дохода по стране (относительная бедность).⁵ Аналогичный подход использует Евростат (Eurostat), относя к категории работающих бедных тех граждан, которые работают более половины года, но их доход после уплаты налогов и получения социальных трансфертов не превышает 60% национального медианного дохода.⁶

В российской статистике под данную категорию подпадают работающие граждане, душевые доходы которых находятся ниже установленного прожиточного минимума, что отражает абсолютный монетарный подход к оценке бедности.

Методология исследования основана на методологических положениях российской государственной статистической службы по определению показателей уровня бедности населения, а также на репрезентативных количественных данных, собранных по единой схеме в разные временные периоды, и дополнена целевым изучением конкретной профессиональной группы. Такой подход позволяет не только дать «срез» проблемы на текущий момент, но и проанализировать её в развитии, обеспечивая глубину и обоснованность научных выводов.

⁴ World Employment and Social Outlook 2016: Transforming Jobs to End Poverty. International Labour Office. Geneva: ILO, 2016. 192 p. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dreports/%40dcomm/%40publ/documents/publication/wcms_481534.pdf (дата обращения: 23.04.2025)

⁵ Breaking the Vicious Circles of Informal Employment and Low-Paying Work. OECD. Paris: OECD Publishing, 2024. 166 p. <https://doi.org/10.1787/f95c5a74-en>

⁶ EU statistics on income and living conditions (EU-SILC) methodology - in-work poverty // European Union: [сайт]. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_\(EU-SILC\)_methodology_-_in-work_poverty#Calculation_method](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_(EU-SILC)_methodology_-_in-work_poverty#Calculation_method) (дата обращения: 23.04.2025).

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу исследования «низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы» составили данные серии социологических исследований, выполненных коллективом Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ УФИЦ РАН).

Для проверки теоретических гипотез и верификации эмпирических данных был применён комплексный аналитический подход, включающий вторичный анализ данных и статистические методы. Основу методики составил сравнительный анализ трёх исследовательских проектов, обеспечивающий как анализ текущего состояния проблемы, так и выявление динамики.

Обработка и анализ данных осуществлялись с применением пакета статистических программ SPSS. Для выявления структурных взаимосвязей между ключевыми переменными использовались методы математической статистики. Наличие и силу зависимостей оценивали с помощью критерия хи-квадрат Пирсона и корреляционного анализа.

Основным источником данных для анализа стало социологическое исследование «Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы работников бюджетной сферы Республики Башкортостан» (май–июнь 2024 г., N=1193). Объект исследования – трудоспособное население республики в возрасте 18–65 лет.

Для проведения сравнительного анализа и выявления динамики были использованы материалы исследования «Проблемы и перспективы формирования трудового капитала Республики Башкортостан работников бюджетной сферы» (май–июнь 2021 г., N=1085). Единая методология построения выборок (вероятностная процедура с квотированием по полу и возрасту для репрезентации трудоспособного населения 18–65 лет) обеспечила сопоставимость данных и валидность сравнительного анализа.

Для углублённого изучения специфики одной из ключевых групп бюджетной сферы использовались результаты исследования «Башкирский чиновник 185 лет назад и сегодня» (октябрь–ноябрь 2021 г.). Выборочная совокупность данного исследования включила: 660 респондентов, из них государственных служащих 352 респондента (53,3%), муниципальных служащих – 308 человек (46,7%).

Вторичный анализ данных указанных исследований позволил провести комплексную оценку феномена работающих бедных в бюджетном сек-

торе, учитывая как общие тенденции, так и специфику отдельных профессиональных групп.

Результаты исследования

Уровень жизни работников бюджетной сферы. Анализ результатов проведённого исследования за 2021 и 2024 годы демонстрирует, что среднемесячный доход от занятости респондентов бюджетной сферы Республики Башкортостан остаётся относительно низким. Среднемесячный доход 87,7 % респондентов в 2024 г. распределялся в интервале 14–40 тыс. руб., что указывает на ограниченные возможности для обеспечения достойного уровня жизни. В 2021 г. среднемесячный доход 94,7% населения распределялся в интервале 10–40 тыс. руб. Наблюдается рост nominalных доходов, но не значительный. Несмотря на увеличение доходов их рост не компенсирует инфляцию и рост прожиточного минимума. Различия в интервалах по среднемесячному доходу в проведённых исследованиях обусловлены привязкой к прожиточному минимуму населения. Если прожиточный минимум в 2021 г. для трудоспособного населения в Республике Башкортостан составлял 10 641 руб. (постановление Правительства Республики Башкортостан от 11 февраля 2021 года № 35), то в 2024 г. – 14 991 руб. (постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 ноября 2023 г. № 631).

Таким образом, несмотря на рост среднемесячных доходов населения их увеличение не обеспечивает компенсацию инфляционных процессов и роста прожиточного минимума, что указывает на сохраняющиеся ограниченные возможности для обеспечения достойного уровня жизни в регионе. Соотнесение уровня доходов от занятости с величиной прожиточного минимума демонстрирует, что даже при формальном росте доходов значительная часть трудоспособного населения, в особенности работников бюджетной сферы, остаётся в зоне риска бедности,

что требует усиления мер социальной и экономической политики для повышения реальных доходов населения.

Проведённый анализ данных о распределении доходов среди работников бюджетной сферы за период 2021–2024 годов выявляет существенную трансформацию гендерной структуры заработных плат (Таблица 1). В 2021 году наблюдалась выраженная гендерная асимметрия, объясняемая как концентрацией женщин в низкооплачиваемых секторах, таких как образование и социальное обеспечение, так и их меньшей представленностью на руководящих должностях, в рамках одних и тех же профессиональных групп. Так женщины были существенно представлены в низкодоходных группах (11–15 тыс. руб. – 23,6% женщин против 8,4% мужчин; 16–20 тыс. руб. – 23,2% против 12,2%), тогда как мужчины доминировали в высокодоходных сегментах (31–35 тыс. руб. – 11,7% против 7,6%; свыше 70 тыс. руб. – 2,6% против 0,7%).

К 2024 году наблюдается значимое изменение в доходных позициях: выравнивание показателей в группе 20–25 тыс. руб. (20,3% мужчин и 20,2% женщин), а также перевес женщин в категории 25–30 тыс. руб. (21,5% против 19,3%). Особого внимания заслуживает увеличение доли женщин в группе 50–60 тыс. руб. (5,2% против 2,2% у мужчин), что может свидетельствовать о частичном преодолении эффекта «стеклянного потолка»⁷. Однако сохраняющаяся диспропорция в сверхвысокодоходной группе (свыше 100 тыс. руб. – 0,7% мужчин против 0,3% женщин) указывает на сохраняющиеся структурные барьеры вертикальной мобильности. Полученные результаты демонстрируют положительную динамику сокращения гендерного разрыва в бюджетной сфере, но одновременно подчёркивают необходимость разработки адресных мер политики, направленных на обеспечение равных возможностей профессионального роста и оплаты труда.

Таблица 1

Уровень доходов респондентов в зависимости от пола, %

Table 1

Respondents' Income Levels by Gender, %

2021 г.			2024 г.		
интервалы доходных групп	мужской	женский	интервалы доходных групп	мужской	женский
До 10 тыс. руб.*	1,8	5	До 15 тыс. руб.	10,3	3,7
11–15	8,4	23,6	15–20	9	15

⁷ Стеклянный потолок – термин, обозначающий неформальные и часто невидимые барьеры, которые препятствуют карьерному продвижению представителей отдельных социальных групп (чаще всего женщин, этнических меньшинств) на высшие уровни управления и власти, несмотря на их профессиональные качества и компетенции. Эти барьеры не закреплены официально, но поддерживаются сложившимися стереотипами, корпоративной культурой и неосознанными предубеждениями. Впервые термин был применён Мерилин Лоден, выступавшей на Женском форуме в Нью Йорке в 1978 году. Стеклянный потолок: что это и как он влияет на карьеру женщин // РБК: [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6407102b9a7947d598f06a60> (дата обращения: 15.10.2025).

Окончание Таблицы 1

2021 г.			2024 г.		
интервалы доходных групп	мужской	женский	интервалы доходных групп	мужской	женский
16–20	12,2	23,2	20–25	20,3	20,2
21–25	17	19,1	25–30	19,3	21,5
26–30	17,8	11,7	30–35	15,2	13,3
31–35	11,7	7,6	35–40	13,8	13,5
36–40	10,1	4,6	40–50	6,6	5
41–50	10,7	2,3	50–60	2,2	5,2
51–60	5,3	1,7	60–70	1,7	1
61–70	2,4	0,4	70–80	0,7	0,7
Свыше 70 тыс. руб.	2,6	0,7	80–90	0,2	0,3
*	*	*	90–100	0,3	
*	*	*	Свыше 100 тыс. руб.	0,3	0,7

* Различия в интервалах по среднемесячному доходу в проведённых исследованиях обусловлен привязкой к прожиточному минимуму населения.

Источник: данные социологического опроса.

Результаты исследования подтверждают, что субъективная оценка своего социального статуса формируется под значительным влиянием фактического материального статуса респондентов – работников бюджетного сектора. Проведённый нами анализ выявил статистически значимую зависимость между уровнем дохода от занятости и субъективной оценкой социального статуса ($\chi^2=189.7$, $df=40$, $p<0.001$). Критерий хи-квадрат Пирсона подтвердил наличие устойчивой связи между этими переменными. Корреляционный анализ показал умеренную положительную взаимосвязь ($r=0.42$, $p<0.01$), что свидетельствует о том, что с ростом доходов увеличивается вероятность отнесения себя к более высоким социальным слоям.

Представляет отдельный интерес группа «затрудняющихся ответить». Распределение данной группы по доходам близко к общему, однако среди них выше доля как самых низких (22,9% при доходе до 14 тыс. руб.), так и относительно высоких (8,1% – 35–40 тыс. руб.) доходов. Эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что феномен неопределенности в самоидентификации своего социального статуса проявляется в большей степени при переходных или нестабильных экономических условиях.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о значительном влиянии материального фактора на формирование социальной самоидентификации, однако наличие значительной доли респондентов, затруднившихся с самоидентификацией (в среднем 17,6%), свидетельствует о сложном, нелинейном характере этой взаимосвязи.

Субъективная оценка своего материального положения достаточно неоднозначная. На воп-

рос «Как бы вы оценили своё материальное положение?», по замеру 2024 г., большая часть опрошенных работников бюджетного сектора, как мужского, так и женского пола (34,3% и 35,0% соответственно) оценивают своё материальное положение как «среднее»: они могут позволить себе одежду и обувь, но покупка крупной бытовой техники была бы затруднительна ($\chi^2 = 18.232$, $df = 6$, $p = 0.006$; $r = 0,021$, $p = 0.304$ (Пирсона); $\rho=0.033$, $p=0.098$ (Спирмена).

Вторым по распространённости ответом является «достаточно для бытовой техники, но не для автомобиля» (22,3% мужчин и 18,1% женщин).

При этом, женщины чаще, чем мужчины, сообщают о возможности приобретения всех товаров за исключением жилья (12,7% против 9,9%) и испытывают материальные затруднения (4,4% против 2,3%).

Эти результаты выявило статистически значимые, но относительно слабые гендерные различия в субъективной оценке материального положения. Исследование фиксирует структурные ограничения в потреблении среди российских средних слоёв, при этом женщины субъективно более остро воспринимают финансовые затруднения, связанные с покупкой дорогостоящих товаров. Важно отметить, что оценка материального положения давалась респондентами исходя из возможностей домохозяйства в целом. В этом контексте отсутствие значимой линейной корреляции (как по Пирсону, так и по Спирмену) между полом и итоговой оценкой свидетельствует о том, что гендерный фактор нивелируется при переходе на уровень общих семейных ресурсов.

Таблица 2

Субъективная оценка материального положения респондентов в зависимости от их социальной самоидентификации, %

Table 2

Distribution of Subjective Financial Status Assessments among Social Self-identification Groups, %

	Обеспеченные	Малообеспеченные	Бедные	Нищие	Затрудняюсь ответить	Другое	Всего
Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру (недвижимость)	11,7	1,3	2	0	1,5	9,8	3,5
Доходов хватает на всё, кроме такого приобретения как квартира	29,6	7,9	1	0	10,8	12,2	11,8
Денег вполне хватает на приобретение бытовой техники, но мы не могли бы приобрести автомобиль	31,2	17,1	4,1	0	20,5	24,4	19,3
Можем приобретать одежду и обувь, но купить сейчас телевизор, холодильник, персональный компьютер было бы трудно	14,6	42,4	36,7	13,3	35,2	29,3	34,5
На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает проблемы	4	21,3	45,9	30	10,8	7,3	17,3
Денег не хватает даже на питание	0,4	3,9	8,2	50	1,5		3,9
Затрудняюсь ответить	8,5	6,1	2	6,7	19,6	17,1	9,7
Итого	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0

Источник: данные социологического опроса.

Вместе с тем, при анализе взаимосвязи субъективной оценки материального положения и социальной самоидентификации было выявлено выраженное расслоение в оценках материального положения в зависимости от принадлежности к различным социальным слоям. ($\chi^2 = 487,32$, $df = 30$, $p < 0,001$; $r = 0,68$, $p < 0,001$). Наблюдается чёткое разграничение в ответах: лишь 11,7% «обеспеченных» работников бюджетной сферы заявляют о возможности приобретения недвижимости, тогда как среди «малообеспеченных» таких лишь 1,3%, а среди «бедных» – 2%. При этом половина «нищих» (50%) испытывают острую нехватку средств даже на питание, что практически в 14 раз превышает средний показатель по выборке (3,6%).⁸

При этом, как и в предыдущем распределении, оценка материального положения «затруднившихся ответить», распределена неравномерно от относительно благополучных (20,5% могут позволить бытовую технику) до проблемных (10,8% испытывают трудности с покупкой одежды).

Сравнительный анализ с выборкой государственных и муниципальных служащих демонстрирует, что более чем половина опрошенных (51,7%)

отнесли себя к малообеспеченным, к бедным – 31,4%, к обеспеченным – лишь 8,1%, а к нищим – 4,7%; 4,1% затруднились с ответом. Среди них, 47,5% указали, что средств хватает только на необходимое, но не на сбережения. Существенная доля опрошенных – каждый третий (30,8%), констатируют, что денег хватает лишь на самое необходимое. В сумме эти две группы формируют подавляющее большинство в 78,3%, что указывает на преобладание достаточно низкого уровня достатка. Лишь 15,8% респондентов могут позволить себе не только покупки, но и сбережения.

Таким образом, большая часть опрошенных государственных и муниципальных служащих оценивают своё материальное положение как невысокое, что в целом коррелирует с общей картиной по выборке, но имеет свою специфику. Это указывает на относительно скромный уровень жизни данной профессиональной группы. Несмотря на существование широко распространённого стереотипа о том, что государственные и муниципальные служащие живут в достатке, проведённое исследование показывает, что это не соответствует действительности. Многие из них сталкиваются с низкими заработными платами, ограниченными возможностями для карьерного роста и другими экономическими трудностями. Кроме того, конкретные условия и материальное положение служащих могут существенно разли-

⁸ Здесь и далее по статье. Классификация респондентов на группы по самоидентификации материального положения («обеспеченные», «среднеобеспеченные», «малообеспеченные», «бедные», «нищие») осуществлялась на основе их ответов на вопрос: «К какому социальному слою вы себя относите?»

чаться в зависимости от региона или уровня государственной должности.

Исследование субъективных оценок изменения материального положения выявило выраженную зависимость от социального статуса ($\chi^2 = 447.703$, $df = 20$, $p < 0.001$; $r = 0,109$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.152$, $p< 0.001$ (Спирмена). Среди «обеспеченных» большинство (72,8%) фиксируют улучшение, тогда как у «бедных» и «нищих» работников бюджетной сферы доминируют негативные оценки (72,4% и 76,2% соответственно), что отражает рост социальной поляризации. Умеренная сила корреляции указывает на наличие дополнительных факторов, требующих изучения.

Ожидания также дифференцированы ($\chi^2 = 420.008$, $df = 25$, $p < 0.001$; $r = 0,194$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.222$, $p< 0.001$ (Спирмена): 47,5% «обеспеченных» рассчитывают на улучшение и лишь 5,1% – на ухудшение, в то время как в группах «бедных» и «нищих» преобладают пессимистичные прогнозы (26,4% и 59,1%).

Таким образом, обнаружена устойчивая взаимосвязь между ожиданиями изменения материального положения и социальной идентичностью. Работники бюджетной сферы, относящие себя к более высоким социальным слоям, демонстрируют более оптимистичные прогнозы, тогда как группы с низкой самоидентификацией («бед-

ные», «нищие») чаще ожидают ухудшения своего положения.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что экономическое неравенство не только сохраняется, но и воспроизводится через дифференциированную динамику материальной обеспеченности различных социальных групп.

Анализ восприятия справедливости заработной платы выявил существенные различия в ответах респондентов ($\chi^2 = 384.171$, $df = 20$, $p < 0.001$; $r = 0,185$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.222$, $p< 0.001$ (Спирмена)). Среди «обеспеченных» чаще встречаются позитивные оценки (около 14% считают оплату справедливой), тогда как у «бедных» и «нищих» доминирует противоположная позиция (более 80% – «несправедливо»). При этом значительная доля респондентов (около 10%) затруднилась с ответом, особенно среди тех, кто не определился с самоидентификацией. Даже среди «обеспеченных» каждый седьмой считает свою зарплату несправедливой.

Отдельное исследование в госсекторе подтвердило общий кризис восприятия: лишь 4,7% считают оплату достойной, тогда как почти 70% отмечают её недостаточность. В целом выявленный результат указывает на усиление социальной поляризации, требующей адресных мер социальной политики и поддержки экономической мобильности.

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Когда Вы испытываете материальные трудности, то за счёт каких мер пытаешься их преодолевать?» в 2021 г. и 2024 г. (%) *

Figure 1. Respondent Responses to the Question, «When You Experience Financial Difficulties, What Measures do You Take to Overcome Them? » in 2021 and 2024 (%)

*Сумма ответов более 100%, поскольку можно было выбрать несколько вариантов.

Источник: данные социологического опроса.

Оценка адаптационных стратегий работников бюджетной сферы в 2021–2024 гг. показала устойчивую зависимость от заёмных средств при сокращении активных практик (Рисунок 1). Если данные за 2024 г. демонстрируют преобладание кредитования (26,1%) и займов у своего социального окружения (18,5%), суммарно охватывающих 44,6% респондентов, тогда как активные стратегии (трудовая мобильность – 13,4%, самозанятость – 18,7%) сократились по сравнению с 2021 г. (22,6% и 27,3% соответственно). При этом доля пассивных моделей поведения, включая ощущение бесперспективности (12,6%), возросла. Наблюдаемый сдвиг в сторону пассивных практик свидетельствует об исчерпании адаптационных ресурсов на фоне ухудшения экономических условий.

Анализ адаптационных стратегий показал существование значительных различий между социальными слоями. Среди «малообеспеченных» и «бедных» работников бюджетной сферы преобладают заимствования у знакомых (27,9% и 25,5%) и кредиты (29,6% и 37,6%), что отражает

их высокую зависимость от внешних ресурсов. «Бедные» также чаще прибегают к подработкам (22,8%), тогда как «обеспеченные» чаще отмечают отсутствие необходимости в дополнительных мерах (27,3%) или используют устойчивые источники дохода, например сдачу имущества в аренду (3,3%). Самообеспечение продуктами питания распространено примерно одинаково во всех группах (16,5–19,4%).

Полученные данные свидетельствуют, что работники бюджетного сектора занимают пограничное положение между бедностью и относительной устойчивостью, формируя значительный сегмент экономически уязвимого населения, для которого характерны признаки хронической финансовой неустойчивости.

Условия труда и эмоциональный климат. Анализ представленных данных о сфере занятости респондентов в 2021 и 2024 гг. демонстрирует значительные изменения в структуре занятости работников бюджетной сферы. Рассмотрим основные тенденции и их возможные причины.

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Как оформлены Ваши отношения с работодателем?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 2. Respondent Responses to the Question «What is the Formal Status of Your Relationship with Your Employer?» in 2021 and 2024 (%).

Источник: данные социологического опроса

Сравнительный анализ трудовых отношений в 2021–2024 гг. показал усиление формализации занятости: доля бессрочных договоров выросла с 68,1% до 75,4%, тогда как срочных снизилась с 20,4% до 12,7%; гражданско-правовые контракты немного увеличились (с 6,9% до 8,9%), дистанционная занятость осталась минимальной (0,2%) (Рисунок 2). Это указывает на укрепление стабильности и правовой защищённости работников бюджетного сектора.

В трудовых условиях доминирует стабильность: у 41,9% респондентов они не изменились. Однако негативные сдвиги затронули часть работников – 9,5% сообщили о сохранении нагрузки при снижении дохода, 2,1% о сокращении и зарплаты, и нагрузки. Позитивные изменения коснулись меньшинства: повышение получили 6,4%, а 2,4% нашли более высокооплачиваемую работу. Среди адаптационных стратегий выделяются: смена деятельности (6,9%), переквалификация

(4,3%), дополнительная занятость (4,1%) и само занятость (3,5%).

Мотивация остаётся преимущественно материальной (88,9–96,7%), причём её значимость возрастает с уменьшением доходов. У обеспеченных респондентов заметнее нематериальные стимулы (интересная работа – 34%, признание – 15,8%), у уязвимых групп – гибкий график (22–23%) и любимое дело (20–23,5%). У «бедных»

высока значимость альтруистических мотивов (24,5%) как формы компенсации социальной идентичности. При этом профессиональная идентичность важна лишь для 0–3,2% опрошенных, что отражает слабую связь образования и занятости. В целом результаты показывают: чем хуже материальное положение, тем сильнее смещение мотивации от самореализации к стратегии выживания.

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос «Планируете ли Вы сменить профессию, сферу деятельности?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 3. Respondent Responses to the Question «Do You Plan to Change Your Profession Field of Work?» in 2021 and 2024 (%)

Источник: данные социологического опроса.

Сравнительный анализ профессиональных планов работников в 2021–2024 гг. выявил значимые изменения: доля респондентов, планирующих смену профессии, сократилась с 18,9% до 13,9%, тогда как намерение повысить квалификацию возросло с 9,6% до 13,0% (Рисунок 3). При этом доля удовлетворённых текущей профессией осталась стабильной (~45%). Увеличение затруднившихся с ответом (с 18,0% до 21,0%) может отражать растущую неопределенность на рынке труда. Параллельно зафиксировано снижение интереса к смене места работы без изменения профессии (с 7,9% до 7,2%), что противоречит ожиданиям роста трудовой мобильности.

Вместе с тем, рассмотрение профессиональных планов в зависимости от уровня доходов выявил нелинейную зависимость между экономическим положением и профессиональными планами работников бюджетной сферы. Наибольшая доля респондентов, планирующих смену профессии (16,9%), сосредоточена в группах с доходами

20–30 тыс. руб., тогда как среди наиболее обеспеченных (свыше 100 тыс. руб.) этот показатель достигает 23,1%. Примечательно то, что намерение повысить квалификацию демонстрирует U-образное распределение: максимальные значения наблюдаются как в низкодоходных (10,9% для до 14 тыс. руб.), так и в высокодоходных группах (23,1% для свыше 100 тыс. руб.). Доля удовлетворённых текущей профессией снижается по мере роста доходов (от 52,8% при 35–40 тыс. руб. до 35,7% при 60–70 тыс. руб.), что может свидетельствовать о более высоких профессиональных амбициях среди относительно обеспеченных слоёв. Статистический анализ ($\chi^2=47,167$; $p=0,507$) не подтвердил значимой связи между уровнем дохода и профессиональными планами, что требует необходимости учёта дополнительных факторов.

При этом, анализ профессиональных планов в зависимости от социального статуса выявил следующие закономерности. Данные демонстрируют выраженную поляризацию стратегий трудо-

вой мобильности: в группе «малообеспеченных» (47,3% от общей выборки) преобладают установки на радикальную смену профессии (54,3%) или места работы без смены специальности (58,2%), что может свидетельствовать о кризисе профессиональной идентичности в данной группе. Напротив, «обеспеченные» респонденты (17,4%) чаще выбирают стратегии профессиональной стабилизации – либо через повышение квалификации (18,7%), либо через сохранение текущего профессионального статуса (19,6%). Примечательно, что группы «бедных» (6,9%) и «нищих» (2,1%) демонстрируют относительно низкую активность в планах профессиональных изменений, что согла-

суется с теорией выученной беспомощности в условиях хронической экономической депривации. Полученные результаты подтверждают гипотезу о ключевой роли субъективного социального статуса в формировании профессиональных траекторий, где промежуточное («малообеспеченное») положение создаёт наибольшие предпосылки для профессиональной мобильности.

Образовательные стратегии работников бюджетной сферы. Сравнительный анализ данных социологических опросов за 2021–2024 гг. демонстрирует изменения в корреляции между образованием и профессиональной деятельностью (Рисунок 4).

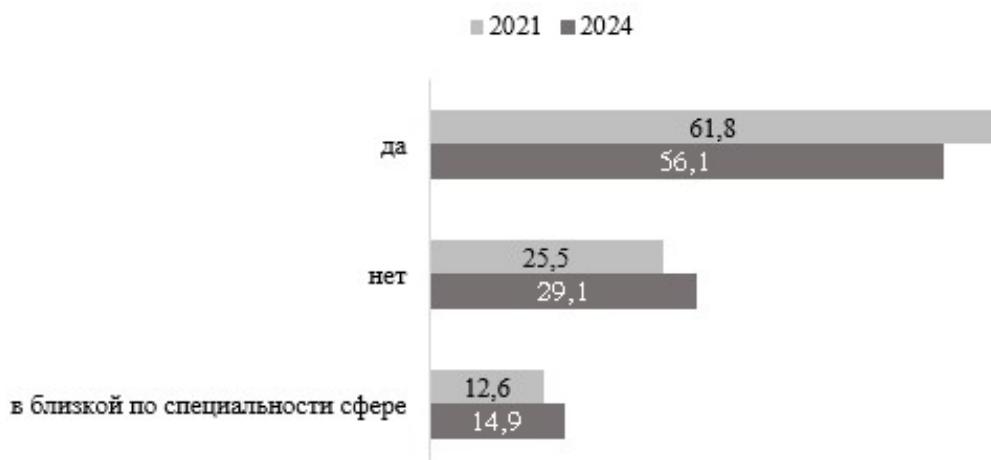

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос «Вы работаете по специальности, указанной в документе об образовании?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 4. Respondent Responses to the Question «Do You Work in the Field of Your Degree?» in 2021 and 2024 (%)

Источник: данные социологического опроса

Так, доля, работающих по полученной специальности, сократилась с 61,8% до 56,1%, в то время как процент тех, кто не работает по специальности, увеличился с 25,5% до 29,1%. Одновременно отмечается рост занятости в близких к специальности сферах – с 12,6% до 14,9%. Данная динамика обусловлена комплексом факторов, специфичных для бюджетного сектора. Образуется институциональный разрыв между компетенциями, формируемыми системой профессионального образования и актуальными требованиями бюджетных организаций, что особенно проявляется в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания.

Вместе с тем, анализ профессиональной деятельности и социальной самоидентификации респондентов выявил статистически значимую, но слабую зависимость между переменными ($\chi^2=19,056$; $p=0,040$). Наибольшая доля работающих по специальности наблюдается среди «обеспеченных» (59,2%) и «малообеспеченных» (54,8%)

групп, тогда как среди «бедных» этот показатель минимален (45,0%). При этом, 40,3% бедных респондентов не работают по полученной специальности, что существенно превышает аналогичный показатель в других группах. Корреляционный анализ ($r=-0,003$; $p=0,865$) не подтвердил наличия линейной связи между уровнем дохода и профессиональной деятельностью, что свидетельствует о сложном характере взаимосвязи этих факторов.

Для бюджетного сектора характерно сохранение формальных требований к квалификации при одновременном расширении обязанностей, что ведёт к переходу от модели «диплом–должность» к более гибким профессиональным траекториям. Особенно это заметно в социально-ориентированных профессиях, где растёт потребность в универсальности работников.

По данным опроса 2021 г., большинство сотрудников с высшим (63,7%) и средним специальным образованием (60,6%) считают свою ква-

лификацию достаточной, тогда как среди лиц без прообразования этот показатель ниже (54,5%), причём почти треть из них (27,3%) оценивает её как недостаточную (в 6,5 раза чаще, чем у выпускников вузов – 4,3%). Промежуточная позиция («достаточная с необходимостью дополнительного обучения») чаще встречается у лиц с незаконченным высшим образованием (38,1%). Избыточная квалификация (4,3%) характерна главным образом для работников с высшим образованием.

Квалификация напрямую связана с доходами: занятые по специальности реже относятся к низкодоходным группам (20,6% против 26,3%) и чаще входят в средний сегмент (10% против 6,1%). Те, кто работает в смежной сфере, занимают промежуточное положение (22,2% и 10,9% соответственно), а наибольшие риски бедности характерны для работников, полностью сменивших профессию.

Таким образом, в бюджетном секторе профессиональная принадлежность выступает ключевым фактором не только экономического, но и символического капитала: статус учителей, врачей и других специалистов компенсирует последствия недофинансирования, но одновременно усиливает противоречие между высоким общественным признанием и низким уровнем дохода.

Заключение

Проведённое исследование полностью подтвердило выдвинутую гипотезу, выявив, что низкие доходы от занятости в бюджетной сфере дeterminируют субъективные оценки уровня и качества жизни, что позволяет квалифицировать бедность работающего населения не как временное, а как устойчивое структурное явление. Несмотря на формальную занятость, значительная часть работников бюджетной сферы остаётся в зоне экономической уязвимости: их доходы часто не превышают прожиточного минимума, а рост зарплат не компенсирует инфляцию. Это создаёт порочный круг, когда даже многолетний стаж не гарантирует финансовой стабильности, а профессиональная идентичность – некогда важный ресурс социального статуса – теряет свою ценность.

По данным нашего исследования было выявлено, что для работников бюджетного сектора доминирующим является материальный фактор в трудовой мотивации, в особенности среди низкодоходных групп. Чем хуже экономическое положение, тем чаще работники вынуждены отказываться от профессиональной самореализации в пользу выживания.

Выявлены гендерные различия: женщины по-прежнему чаще сталкиваются с низкими зарплатами, хотя постепенно продвигаются в средние доходные группы. Отмечена поляризация

адаптационных стратегий: «бедные» прибегают к займам и подработкам, тогда как «обеспеченные» менее уязвимы. При этом лишь 3,2% респондентов связывают профессиональную идентичность с гордостью за работу, что отражает кризис связи образования и занятости.

Ситуацию усугубляют региональные диспропорции, слабая эффективность мер поддержки и рост социальной апатии: каждый пятый респондент не видит перспектив улучшения своего положения. Это свидетельствует не только об экономической нестабильности, но и о снижении доверия к институтам.

Результаты проведённого исследования подчёркивают необходимость разработки и внедрения целевой программы поддержки для работников бюджетной сферы, находящихся в наибольшей зоне социального риска. Это направлено на предотвращение их социальной эксклюзии и снижения пессимистических ожиданий. Такую программу возможно реализовать на основе создания «Карты социального риска» бюджетной сферы. В соответствии с данной картой, с использованием данных опросов и официальной статистики по зарплатам, следует выявить конкретные должности, учреждения и категории работников (например, младший медицинский персонал, библиотекари, педагоги-стажеры), которые подвержены наибольшему риску бедности. Такой подход позволит перейти от общих заявлений о «низких доходах» к более точному определению, кому необходимо оказать помощь в первую очередь.

В части адресных мер устранения гендерной асимметрии возможно внедрение регулярного гендерного аудита оплаты труда в бюджетных учреждениях Республики с публичной отчётностью. Аудит должен выявлять неочевидные разрывы на одинаковых должностях и в рамках одной квалификации. Также возможно разработать и внедрить программу целевого карьерного продвижения женщин в бюджетной сфере. Это могут быть программы менторства, льготные условия для направления на повышение квалификации, а также квоты на руководящие должности в учреждениях, где наблюдается значительный гендерный дисбаланс в высших доходных группах.

Для преодоления негативных тенденций необходима модернизация системы оплаты труда в бюджетной сфере, развитие программ переподготовки и адресной поддержки, а также укрепление престижа социально значимых профессий. Проблема работающей бедности в бюджетном секторе носит структурный характер и без системных изменений в социальной политике бюджетная сфера рискует окончательно превратиться в «ловушку бедности», что скажется на качестве человеческого капитала и долгосрочном развитии страны.

Список источников

1. Назарбаева Е.А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4(176). С. 30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398> EDN FWLIOМ
2. Селиванова О.В., Разумов А.А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Том 10. № 2. С. 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> EDN ELVJFP
3. Кученкова А.В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Том 21. № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> EDN PLQNLX
4. Вииневская Н.Т., Зудина А.А. Институты рынка труда в системе госуправления и проблема работающих бедных // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025 № 2. С. 115–136. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136> EDN ORIJDD
5. Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Том 31. № 1. С. 113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137> EDN SXNSOS
6. Кауфман Н.Ю. Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. 2020. № 5(66). С. 36–45. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-5-36-45> EDN FYXBTM
7. Alkire S., Foster J. Counting and multidimensional poverty measurement // Journal of public economics. 2011. Vol. 95. Issues 7-8. P. 476–487. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>
8. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living // The Journal of Economic History. 1979. Vol. 40. Issue 2. 1216 p. <https://doi.org/10.1017/S0022050700108393>
9. Уманец Л.В. Неравенство и бедность в высокооплачиваемой Москве // Вопросы статистики. 2018. Том 25. № 3. С. 53–67. EDN YWZEER
10. Ашмаров И.А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. Том 19. № 4. С. 556–570. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).556-570](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570) EDN VTZVDU
11. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 22. № 4. С. 489–530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530> EDN VOMJOY
12. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35. EDN TZJOEN
13. Разумов А.А., Селиванова О.В. Основные причины и характеристики бедности работающего населения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 68–79. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79> EDN DCZEVY
14. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends // Social Sciences. 2022. Vol. 53. No. 2. P. 22–41. <https://doi.org/10.21557/SSC.78295187> EDN PQDIUI
15. Halleröd B., Ekbrand H., Bengtsson M. In-work poverty and labour market trajectories: Poverty risks among the working population in 22 European countries // Journal of European Social Policy. 2015. Vol. 25. Issue 5. P. 473–488. <https://doi.org/10.1177/0958928715608794>
16. De Spiegelaere S., Lamberts M. Europe 2020–In-work poverty. Challenges for workers' organizations. European Centre for Workers' Questions. Königswinter: EU, 2013. 56 p. <https://doi.org/10.13140/2.1.1049.0247>
17. The Local Distribution of In-Work Poverty and Sectoral Employment: An Analysis of Local Dynamics in Italy / G. Tonutti, A. Garnero, G. Bertarelli, M. Pratesi // Statistical Methods and Applications. 2024. Vol. 33. P. 973–998. <https://doi.org/10.1007/s10260-024-00756-y>
18. Haxhikadrija A., Mustafa A., Loxha A. In-work poverty in Kosovo. Thematic Report. European Social Policy Network. Brussel: European Commission, 2019. 20 p.
19. Barbieri P., Cutuli G., Scherer S. In-work poverty in Western Europe. A longitudinal perspective // European Societies. 2024. Vol. 26. Issue 4. P. 1232–1264. <https://doi.org/10.1080/14616696.2024.2307013>
20. Martínez-Martín R., García-Moreno J.M., Lozano-Martín A.M. Working poor in Spain. The context of the economic crisis as a framework for understanding inequality // Population Papers. 2018. Vol. 24. No. 98. P. 185–218. <https://doi.org/10.22185/24487147.2018.98.40>
21. Klyachko T., Tokareva G. Teachers' Salary: Expectations and Results Achieved // Educational Studies Moscow. 2017. No. 4. P. 199–216. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-199-216> EDN XPUYNN
22. Strategy of the regional development and analysis of poverty and the national labor market in Russia / I. Omelchenko, V. Smirnov, M. Danilina, A. Vas'kov // SHS Web of Conferences Conference Proceedings, 12 January 2021. Vol. 94. Art. 01036. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401036>
23. Рябушкин Н.Н., Капелюк С.Д. Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // Экономика труда. 2020. Том 7. № 6. С. 489–498. <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110529> EDN YWFMOС
24. Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В., Вешкурова А.Б. Факторы бедности работающего населения и пути ее снижения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 46–55. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55> EDN RUSRMI
25. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности (на примере работников бюджетной сферы) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–262. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.21> EDN UIWQRL

26. Долматова С.А. Российская специфика дифференциации доходов в госсекторе: работающие бедные // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 33–39. EDN YKGVCB
27. Константинова Д.С. Оценка бедности среди работающего населения в современной России // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 12. С. 4981–4994. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120187> EDN QPKDWC
28. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 267 с. ISBN 978-5-903198-23-8 EDN QUHQJD
29. Zubarevich N.V. Poverty in Russian Regions in 2000–2017: Factors and Dynamics // Population and Economics. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 63–74. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376> EDN SXOTTO
30. Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCKB
31. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: [монография] ФНИСЦ РАН. М: Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1 EDN VKRCMM
32. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том 9. № 4(36). С. 23–41. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603> EDN ODXDAH
33. Hick R., Marx I. Poor workers in rich democracies: on the nature of in-work poverty and its relationship to labour market policies // Handbook of Labour Market Policy in Advanced Democracies. Ch. 34 / eds. by D. Clegg, N. Durazzi. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 495–507. <https://doi.org/10.4337/9781800880887.00046>
34. Mussida C., Sciulli D. Low-pay work and the risk of poverty: a dynamic analysis for European countries // The Journal of Economic Inequality. 2025. <https://doi.org/10.1007/s10888-025-09666-9>
35. D’Aguanno M.C., Gallo G., Luppi M. Towards a Better Understanding of Poverty in the Italian Labour Market // Italian Economic Journal. 2025. <https://doi.org/10.1007/s40797-025-00312-x>
36. Tekgül H., Akbulut B. A multidimensional approach to the gender gap in poverty: An application for Turkey // Feminist Economics. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 119–151. <https://doi.org/10.1080/13545701.2021.2003837>
37. An approach to assessing the national multidimensional poverty line in Russia / L. Kormishkina, E. Kormishkin, E. Ermakova, D. Koloskov // Journal of Eastern European and Central Asian Research. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 324–336. <https://doi.org/10.15549/jeecar.v8i3.778> EDN CHRMSA
38. Бобков В.Н., Гулигина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW

Информация об авторах:

Айбулат Галимьянович Каримов – кандидат социологических наук, и.о. директора, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (SPIN-код: 7027-7545) (ResearcherID: AAS-5301-2021)

Эльмира Ирековна Ахметова – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (SPIN-код: 9805-3723) (ResearcherID: K-1038-2017)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Эльмира Ирековна Ахметова.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Nazarbayeva E.A. Perception of the Phenomenon of Poverty: Who is Poor and Why According to the Public Opinion in Russia? *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(4(176)):30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398> (In Russ.)
2. Selivanova O.V., Razumov A.A. Working Poverty: Main Trends and Regional Experience to Reduce its Level. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(2):279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> (In Russ.)
3. Kuchenkova A.V. Employment precarization as a Factor of Wages Differentiation and Social Well-being. *Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(1):84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> (In Russ.)
4. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A. Labor Market Institutions in the Public Administration System and the Problem of the Working Poor. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipal'nogo Upravleniya=Public Administration Issues*. 2025;(2):115–136. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136> (In Russ.)
5. Tikhonova N.E., Slobodenyu E.D. Poverty Among Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ethnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022;31(1):113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137> (In Russ.)
6. Kaufman N.Yu. Problems of Poverty in Russia: Economic and Social Aspect. *Voprosy Upravleniya=Management Issues*. 2020;(5(66)):36–45. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-5-36-45> (In Russ.)

7. Alkire S., Foster J. Counting and Multidimensional Poverty Measurement. *Journal of Public Economics*. 2011;95(7-8):476-487. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>
8. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. *The Journal of Economic History*. 1979;40(2):1216 p. <https://doi.org/10.1017/S0022050700108393>
9. Umanets L.V. Inequality and Poverty in High-paying Moscow. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2018;25(3):53-67. (In Russ.)
10. Ashmarov I.A. «Working Poor» in Modern Russia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya=The Journal of Economic History and History of Economics*. 2018;19(4):556-570. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).556-570](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570) (In Russ.)
11. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Sharunina A.V. Low Paid Jobs in the Russian Labor Market: does Exit Exist and Where does it Lead to? *Ekonomicheskii Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki=HSE Economic Journal*. 2018;22(4):489-530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530> (In Russ.)
12. Gordon L.A. Four Kinds of Poverty in Modern Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1994;(4):18-35. (In Russ.)
13. Razumov A.A., Selivanova O.V. Main Causes and Characteristics of Working Poverty. *Sotsial'no-Trudovye Issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(3(52)):68-79. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79> (In Russ.)
14. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Social Sciences*. 2022;53(2):22-41. <https://doi.org/10.21557/SSC.78295187>
15. Halleröd B., Ekstrand H., Bengtsson M. In-work poverty and labour market trajectories: Poverty risks among the working population in 22 European countries. *Journal of European Social Policy*. 2015;25(5):473-88. <https://doi.org/10.1177/0958928715608794>
16. De Spieghelaere S., Lamberts M. Europe 2020-In-work poverty. Challenges for workers' organizations. European Centre for Workers' Questions. Königswinter: EU; 2013. 56 p. <https://doi.org/10.13140/2.1.1049.0247>
17. Tonutti G., Garnero A., Bertarelli G., et al. The Local Distribution of In-Work Poverty and Sectoral Employment: An Analysis of Local Dynamics in Italy. *Statistical Methods and Applications*. 2024;33:973-998. <https://doi.org/10.1007/s10260-024-00756-y>
18. Haxhikadrija A., Mustafa A., Loxha A. In-work Poverty in Kosovo. European Social Policy Network. Brussels: European Commission; 2019. 20 p.
19. Barbieri P., Cutuli G., Scherer S. In-work Poverty in Western Europe. A Longitudinal Perspective. *European Societies*. 2024;26(4):1232-64. <https://doi.org/10.1080/14616696.2024.2307013>
20. Martínez-Martín R., García-Moreno J.M., Lozano-Martín A.M. Working poor in Spain. The Context of the Economic Crisis as a Framework for Understanding Inequality. *Population Papers*. 2018;24(98):185-218. <https://doi.org/10.22185/24487147.2018.98.40>
21. Klyachko T.L., Tokareva G.S. Teachers' Salary: Expectations and Results Achieved. *Voprosy Obrazovaniya=Educational Studies Moscow*. 2017;(4):199-216. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-199-216>
22. Omelchenko I.N., Ivashchenko N.N., Guseva I.S., et al. Strategy of the Regional Development and Analysis of Poverty and the National Labor Market in Russia. SHS Web of Conferences Conference Proceedings, January 12, 2021. 2021;94,01036. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401036>
23. Ryabushkin N.N., Kapelyuk S.D. Working Poor in Russia: Assessment of the Size of the Problem. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2020;7(6):489-498. <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110529> (In Russ.)
24. Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V., Veshkurova A.B. Factors of Poverty of the Working Population and Ways to Reduce It. *Sotsial'no-Trudovye Issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(3(52)):46-55. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55> (In Russ.)
25. Emelyanova T.P., Drobysheva T.V. Structural and Functional Approach to the Analysis of Social Representations of Poverty (the Case of Public Sector Employees). *Znanie. Ponimanie. Umenie=Knowledge. Understanding. Skill*. 2015;(3):250-262. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.21> (In Russ.)
26. Dolmatova S.A. Rossiiskaya Spetsifik Differentsiatsii Dokhodov v Gossektore: Rabotayushchie Bednye. *Voprosy Politicheskoi Ekonomii*. 2017;(1):33-39. (In Russ.)
27. Konstantinova D.S. Assessment of Poverty Among the Working Population in Modern Russia. *Kreativnaya Ekonomika=Creative Economy*. 2023;17(12):4981-4994. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120187> (In Russ.)
28. Ovcharova L.N. Teoreticheskie i Prakticheskie Podkhody k Otsenke Urovnya, Profilya i Faktorov Bednosti: Rossiiskii i Mezhdunarodnyi Opyt. Moscow: Publishing House M-Studio; 2009. 267 p. ISBN 978-5-903198-23-8 (In Russ.)
29. Zubarevich N.V. Poverty in Russian Regions in 2000-2017: Factors and Dynamics. *Population and Economics*. 2019;3(1):63-74. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>
30. Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Tools of Program-Target Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585-596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.)
31. Toshchenko Zh.T. Prekariat: Ot Protoklassa k Novomu Klassu. Monograph. Moscow: Publishing House Nauka; 2018. 223 p. ISBN 978-5-02-040118-1 (In Russ.)
32. Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. In Work Poverty in Russia: How Determinants Have Changed Over the 20 Years? *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2021;9(4):23-41. <https://doi.org/10.19181/snsnp.2021.9.4.8603> (In Russ.)
33. Hick R., Marx I. Poor Workers in Rich Democracies: On the Nature of In-work Poverty and its Relationship to Labour Market Policies. In: Clegg D., Durazzi N. (eds.) Handbook of Labour Market Policy in Advanced Democracies. Ch. 34. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 495-507. <https://doi.org/10.4337/9781800880887.00046>

34. Mussida C., Sciulli D. Low-Pay Work and the Risk of Poverty: a Dynamic Analysis for European Countries. *The Journal of Economic Inequality*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s10888-025-09666-9>
35. D'Aguanno M.C., Gallo G., Luppi M. Towards a Better Understanding of Poverty in the Italian Labour Market. *Italian Economic Journal*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s40797-025-00312-x>
36. Tekgülç H., Akbulut B. A Multidimensional Approach to the Gender Gap in Poverty: An Application for Turkey. *Economics*. 2022;28(2):119-51. <https://doi.org/10.1080/13545701.2021.2003837>
37. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Kolosnitsyna M.G., Berberova A.M. An approach to assessing the national multidimensional poverty line in Russia. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2021;8(3):324-36. <https://doi.org/10.15549/jeecar.v8i3.778>
38. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. On the Risks in the Sphere of the Population's Living Standards in Russia, Opportunities and Solutions for Their Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)

Information about the author:

Aybukat G. Karimov – PhD in Sociology, Acting Director, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 7027-7545) (ResearcherID: AAS-5301-2021)

Elmira I. Akhmetova – Researcher, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 9805-3723) (ResearcherID: K-1038-2017)

Author Contributions Statement: all authors have contributed equally to this publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Elmira I. Akhmetova.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Введение

28 и 29 октября 2025 г. в Институте экономики Российской академии наук состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения».¹ Конференция была посвящена памяти Е.И. Капустина (24.10.1921–09.12.2005), который в 1971–1986 гг. возглавлял Институт экономики АН СССР.

Конференцию модерировали д-р экон. наук, доцент В.Ю. Музычук, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.Н. Бобков, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН и д-р экон. наук И.В. Соболева, главный научный сотрудник, заведующий сектором политики занятости и социально-трудовых отношений, руководитель Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН.

В рамках открытия конференции к её участникам с приветственным словом обратился канд. экон. наук В.Е. Капустин, который отметил выдающуюся научно-организационную роль Е.И. Капустина в развитии отечественной экономической науки, его творческий вклад в развитие теории экономической мысли, разработку понятийного аппарата экономической науки. Большое внимание в своей работе Е.И. Капустин уделял проблемам качества и уровня жизни, исходил из стержневой идеи о том, что общество и человек, качество, образ и уровень его жизни и труда являются конечной целью экономической политики, ключевым критерием её эффективности. Возглавляемые Е.И. Капустиным научно-исследовательские коллективы (Институт труда в 1965–1971 гг.; Институт экономики в 1971–1986 гг.) являлись настоящими научно-исследовательскими центрами, которые были на передовых рубежах развития экономической науки и хозяйственной практики. Е.И. Капустин создал сильную школу специалистов, которые стали основой для развития исследований в Институте экономики РАН и на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Неотъемлемой частью научно-исследовательской деятельности Е.И. Капустина была педагогическая работа, благодаря которой удалось сформировать «эстафету» поколений научных кадров, создать школу специалистов-единомышленников, «плоды» которой можно наблюдать в современное время.

¹ Программа конференции // Институт экономики РАН: [сайт]. URL: https://inecon.org/docs/2025/Program_Conference_20251028-29.pdf (дата обращения: 31.10.2025).

Д-р экон. наук, профессор М.И. Войков, главный научный сотрудник, заведующий Сектором политической экономии Центра методологических и историко-экономических исследований потенциала Института экономики РАН выступил с докладом на тему «Е.И. Капустин о качестве и уровне жизни людей в России: тогда и теперь».

Программная часть конференции включала шесть тематических сессий. Первая тематическая сессия была посвящена приоритетам демографической политики. Её открыл доклад канд. экон. наук, доцента А.Г. Бобровой, руководителя Центра человеческого развития и демографии Института экономики Национальной академии наук Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск), посвящённый экономико-социологическому анализу качества жизни населения в Республике Беларусь. К демографическим вызовам социальной политики в своём докладе привлек внимание д-р экон. наук, профессор Е.Ш. Гонтмахер, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета (Российская Федерация, г. Москва). Обсуждение демографической проблематики было продолжено д-ром экон. наук, профессором И.Е. Калабихиной, заведующей кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, г. Москва), акцентировавшей в своём докладе развилики современной демографической политики в области рождаемости в России.

В рамках второй тематической сессии были представлены доклады, посвящённые проблематике новых реалий рынка труда, качества трудовой жизни и доходов от занятости в условиях глобальных и ситуационных вызовов. Доклад д-ра экон. наук, доцента О.П. Недоспасовой, заведующей кафедрой организационного поведения и управления персоналом Института экономики и менеджмента Томского государственного университета (Российская Федерация, г. Томск) был сфокусирован на вопросах генеративного искусственного интеллекта, возникающих в связи с этим новых вызовах и возможностях для качества трудовой жизни в условиях цифровой трансформации. Опыт Донецкой Народной Республики в сфере региональной политики в области оплаты труда в бюджетной сфере был освещён в совместном докладе д-ра экон. наук, доцента А.В. Половяна, директора Института экономических исследований и канд. экон. наук К.И. Синицыной, заведующей отделом междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров Института экономических исследований (Российская Феде-

рация, г. Донецк). Вопросам преодоления бедности работающего населения как фактору обеспечения устойчивости социальной динамики населения региона был посвящён доклад канд. социол. наук А.Г. Каримова, и.о. директора Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (Российская Федерация, г. Уфа). Монетарные и немонетарные аспекты благополучия, связанного с работой, раскрыла в своем докладе д-р экон. наук И.В. Соболева, главный научный сотрудник, заведующая сектором политики занятости и социально-трудовых отношений, руководитель Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва). Проблематике обеспечения достойного труда в условиях многообразия форм занятости в Республике Узбекистан уделил внимание канд. экон. наук Д.Н. Нурматов, профессор кафедры экономики Андижанского государственного университета (Республика Узбекистан, г. Андижан). Акцент на тройном вызове для неполных семей (ограниченные ресурсы, качество занятости и социальная политика) был сделан в докладе канд. экон. наук Е.А. Черных, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва).

В рамках третьей сессии, посвящённой развитию отраслей социальной сферы, были представлены доклады «Барьера на пути к здоровью: кто и почему не получает необходимую медицинскую помощь» д-ра экон. наук О.А. Кислицыной, главного научного сотрудника Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва) и «Итоги национального приоритетного проекта «Культура» (2018–2024 гг.): ожидания и реальность» д-ра экон. наук, доцента В.Ю. Музычук, главного научного сотрудника Государственного института искусствознания, заместителя директора Института экономики РАН по научной работе (Российская Федерация, г. Москва).

Четвёртая сессия была посвящена проблематике уровня жизни населения, в рамках которой были сделаны доклады «Роль материального фактора в «кризисе четверти жизни» студенческой молодёжи» д-ром экон. наук О.А. Александровой, главным научным сотрудником, заместителем директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, профессором кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва) и «О подходах к измерению уровня жизни населения» д-ром экон.

наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации В.Н. Бобковым, главным научным сотрудником, заведующим сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва).

В рамках пятой сессии обсуждались вопросы качества и уровня жизни семей с детьми и механизмы их поддержки. Д-ром экон. наук, профессором А.А. Разумовым, советником генерального директора Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России и канд. экон. наук О.В. Селивановой, руководителем Блока исследований уровня жизни Центра исследований социальной политики Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России (Российская Федерация, г. Москва) в совместном докладе был проведён анализ материальной обеспеченности многодетных семей, выявлены имеющиеся проблемы и реализуемая государственная политика. На вопросах (не)устойчивости и (не)стабильности социально-трудового положения российских семей с детьми был сфокусирован доклад канд. экон. наук Е.В. Одинцовой, руководителя научного проекта, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва). Социально-экономическое положение многодетных семей (на примере г. Севастополя) было рассмотрено в совместном докладе д-ра социол. наук, профессора Т.К. Ростовской, заместителя директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН и д-ра экон. наук, профессора О.В. Кучмаевой, главного научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Москва).

В завершающей конференцию шестой сессии акцент был сделан на проблематике социальной политики и социальной поддержки населения. Канд. экон. наук, доцент М.В. Борисенко, заведующая отделом социально-экономических исследований Института экономических исследований (Российская Федерация, г. Донецк) выяснила роль системы нооинструментов управления качеством жизни населения в минимизации разрушительных социальных издержек постиндустриального перехода. Социальной поддержке семей с детьми в период получения детьми профессионального образования² был посвящён доклад канд. экон. наук Е.Е. Гришиной, старшего научного сотрудника Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН (Российская

² Подробнее см.: [1].

Федерация, г. Москва). Д-р экон. наук, профессор А.К. Соловьев, директор Научно-исследовательского центра развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва) привлек внимание к рискам развития российской пенсионной системы и направлениям развития социальной поддержки старших поколений в новых условиях.

Основная часть

В рамках основной части данного обзора состоявшейся в Институте экономики РАН Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения» публикуются сокращённые материалы тезисов, которые были представлены докладчиками.

Воейков М.И. «Е.И. Капустин о качестве и уровне жизни людей в России: тогда и теперь».

Рассматривая научную деятельность Е.И. Капустина содержательно, то есть те направления научного поиска, методы и подходы к решению конкретных проблем и даже сам дух его научной работы, можно обнаружить определённую тенденцию в его экономических исследованиях, традиционно свойственную российской школе экономической мысли. Это постановка во главу угла общегосударственных интересов экономического развития, гармонизация социальных, в том числе классовых отношений, нацеленность на обеспечение роста народного благосостояния, определение места человека в системе экономических отношений, развитие демократизации управления и отношений колLECTIVизма.

Основную проблему, над которой работал учёный, можно определить как социальный императив экономического развития. Социальные требования развития общества ставились в его работах на первое место. Общество лишь то хорошее, считал Капустин, где большинству людей живётся хорошо. Все теоретические разработки и практические предложения Капустина были посвящены именно этому. Яркий пример – его большая теоретическая и практическая работа по переходу на пятидневную рабочую неделю, в результате которого люди получили два выходных дня. Также Капустин разработал положение о недопустимости административного пересмотра трудовых норм. Он предложил обновлять трудовые нормы только с введением новой технологии и новой техники, т. е. по существу вводить новую норму.

В 1960-е годы Капустин активно занимался проблемой прожиточного минимума, его соотно-

шения с минимальной заработной платой. Советский минимум оплаты труда превышал прожиточный минимум почти в 1,5 раза.

Теоретические обобщения в рамках социального императива Капустин осуществил в цикле работ второй половины 1970-х годов, среди которых выделяется монография «Социалистический образ жизни: экономический аспект» (М.: Мысль, 1976) [2]. Основной лейтмотив книги состоит в доказательстве положения: трудящиеся в подлинно социалистическом обществе должны быть действительными хозяевами общественного производства. Последней проблеме Капустин уделял исключительно большое внимание. Здесь были осуществлены плодотворные разработки в области демократизации планирования, организации труда, заработной платы.

В постсоветский период Капустин постоянно выступал с положением, что рынок надо дополнять решением социальных проблем. Сегодня у нас социальные проблемы отодвинуты в дальний угол. Так, в период 1992–2020-е годы для России стали характерны низкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства населения, на фоне исключительно высоких показателей смертности, существенно опережающих коэффициенты рождаемости (в ряде регионов более чем в два раза).

Последняя монография Капустина [3] посвящена исследованию проблемы уровня, качества и образа жизни населения современной России. Начинается работа с выяснения теоретической сущности таких категорий как «уровень», «качество» и «образ» жизни населения. Затем исследуются проблемы прожиточного минимума, бедности и заработной платы основной массы трудоспособного населения страны. Приводится анализ потребления населением страны материальных и духовных благ, проблемы социальной защиты и социальной помощи населению. На большом фактическом материале показана противоречивая динамика образа жизни в стране в постсоветский период, всесторонне обосновывается вывод, что экономические реформы, проводимые в стране после 1991 г., привели к катастрофическому снижению уровня жизни значительной части российского населения. Заслуживает уважения государственно-патриотическая позиция автора, которая состоит в убеждённой необходимости экономического и духовного возрождения и процветания страны.

Гонтмахер Е.Ш. «Демографические вызовы в социальной политике»

Российская социальная политика за последние десятилетия проходила через несколько этапов своего развития. В 2020-е годы на первое

место по важности с точки зрения формирования социальной политики постепенно, но неумолимо выходит демография. Причём это не только российский, но и во многом глобальный тренд.

Основные элементы «демографического навеса» над нынешним и будущим социальным развитием: (1) снижение уровня рождаемости, который в подавляющем большинстве стран опустился ниже порога, за которым начинается депопуляция; (2) рост ожидаемой продолжительности жизни, который (см. пункт (1) приводит к «старению населения», т.е. постоянному повышению в населении доли людей в возрасте 65+; (3) повышение «демографической нагрузки» на работающее население; (4) интенсификация межгосударственных миграционных потоков по направлению «Юг–Север» [4].

В числе специфических российских демографических вызовов необходимо отметить: продолжающийся переток населения из районов Сибири и Дальнего Востока в крупные мегаполисы и на Юг Европейской части страны; стягивание населения в немногочисленные мегаполисы с обезлюдыванием малых городов и сельских территорий.

Все эти демографические тренды оказывают серьёзное финансовое давление на существующие сейчас основные социальные институты: здравоохранение, пенсионную систему и систему социальной защиты. С одной стороны, демография предопределяет увеличение объёмов финансирования этих институтов хотя бы для поддержания *status quo*, но, с другой стороны, возможности современных моделей рыночной экономики (даже в высокоразвитых странах) по генерированию бюджетных средств на социальные цели, за этим вызовом не успевают.

В результате нарастают проблемы общественного финансирования здравоохранения, обязательные пенсионные системы предоставляют всё меньше возможностей для обеспечения выплат, даже минимально приемлемых для поддержания уровня жизни пожилых. Во многих странах постепенно сворачиваются государственные программы помощи социально уязвимым группам населения.

Преодоление этих проблем, которое может обеспечить переход на очередной, более высокий уровень социального развития, связано не столько с реформой социальных институтов, сколько с формированием новой экономической модели, в которой рыночные принципы органично сочетаются с реальным выдвижением на первый план человека с его потребностями и интересами. К этому необходимо прибавить необходимость адаптации экономических и социальных институтов к очередному этапу технологической ре-

волюции, связанной, прежде всего, с массовым внедрением искусственного интеллекта.

Калабихина И.Е. «Развилки современной демографической политики в области рождаемости в России»

Современная демографическая политика в России в области рождаемости – один из редких примеров весьма интенсивного государственного воздействия на рождаемость населения. Такие цели заявляются, под них выделяются финансовые ресурсы, разрабатываются рамочные документы и конкретные приоритетные мероприятия. Национальный проект «Демография», новая Концепция семейной и демографической политики и поддержки многодетности (с 2026 г.), а также разрабатываемые меры – примеры таких серьёзных документов.

Оценивая эффективность уже предпринятых мер [5], опыт разных стран в поддержке родителей и влиянии семейной и демографической политики на рождаемость [6; 7], рассмотрим несколько развилок в области политики рождаемости. Выбор придётся делать, поскольку бюджет всегда ограничен.

1. Поддерживать молодых женщин, студенток, или женщин в возрасте старше 30 лет (30–39 лет)? Ответ: поддерживать женщин в возрасте 25–39 лет. Во-первых, мы можем решить задачу повышения рождаемости только поддерживая многодетность. Детей старших поколений рожают женщины в старших возрастах. Во-вторых, численно группа женщин в старших возрастах существенно превосходит численность молодых женских когорт в ближайшее десятилетие. В-третьих, омолаживая сегодня рождаемости, мы рискуем завтра получить экономический проигрыш. В современных передовых экономиках ставка делается на качественный человеческий капитал. Подталкивая молодых мужчин и женщин рожать детей (вопреки идущему естественному процессу сдвига дебютов рождения детей в старшие возрасты в развитых странах), мы снижаем уровень человеческого капитала, поскольку очень сложно наращивать высокий уровень человеческого капитала и иметь семейные обязанности.

2. Поддерживать рождение первых детей или последующих детей? Ответ: поддерживать рождение вторых, особенно третьих и четвёртых, детей. Можно утверждать, что поддержка первых детей не эффективна. Следует сделать акцент на поддержку многодетности. Установить прогрессивные (или не прерывающиеся) выплаты за рождение каждого ребёнка, начиная со второго, особенно в регионах, где зафиксирована «демографическая зима».

3. Поддерживать рождаемость или бороться с бедностью семей с большим числом детей? Ответ:

поддерживать рождаемость, не уровень жизни. Если денежные стимулы при рождении ребёнка будут выплачиваться только малообеспеченным семьям, это нарушит демографический характер выплат. Адресность в вопросах поддержки рождаемости не должна увязываться на критерий материальной обеспеченности. Только порядок рождения ребёнка имеет смысл с точки зрения эффективности политики. Каждый ребёнок, вне зависимости от статуса родителей, должен быть поддержан. Единственный дополнительный критерий в условиях ограниченного бюджета – региональный уровень рождаемости.

4. Поддерживать отцов или уповать только на корпорации и государство? Ответ: поддерживать вовлечённое отцовство. Женщины не могут быть единственным объектом демографической политики в современном обществе. Во-первых, ни современный рынок труда, ни современная экономика не выдержит ориентации только женщин на повышенную рождаемость. Во-вторых, история вовлечения женщин в экономику в России заслуживает уважения. В России на полвека раньше, чем в Европе и Америке, женщины массово вошли в общественное производство. В-третьих, традиционные ценности не могут быть направлены только на женщин. Продвижение традиционных ценностей в области семьи и брака (основной посыл современной государственной политики) может быть только для всех членов семьи. Роль отцов в решении о рождении вторых и далее детей велика. Проблемы с партнёром – один из основных барьеров у женщин для рождения следующего ребёнка. Вовлечённое отцовство поддерживается такими мерами, в частности, как непередаваемый отцовский отпуск.

Недоспасова О.П., Нехода Е.В., Геворгян О.И., Демидова Д.А. «Генеративный ИИ: новые вызовы и возможности для качества трудовой жизни в условиях цифровой трансформации»³

Сложившаяся парадигма осмыслиения воздействия искусственного интеллекта (ИИ) на сферу труда, длительное время пребывавшая в плену технологического детерминизма и апокалиптических нарративов о тотальном замещении человеческого труда, в последнее время обнаруживает свою методологическую несостоенность [8]. Реалии рынка труда демонстрируют куда более сложную и нелинейную динамику: ИИ стремительно нивелирует барьер между рутинными и когнитивно-творческими операциями и ставит под сомнение укорененный тезис о защищённости человекоцентрических профессий. Актуальность исследования проистекает из не-

³ Исследование выполнено при поддержке РНФ, научный проект 25-28-00799 «Институционализация новых форм занятости в условиях цифровой трансформации экономики».

обходимости преодоления разрывов между: (1) архаичными прогностическими моделями и актуальными траекториями цифровых технологий в трудовой сфере; (2) между новыми технологическими возможностями и инерционностью институциональных механизмов современного рынка труда; (3) между радикально асимметричными последствиями внедрения ИИ в трудовую жизнь в странах, находящихся в авангарде или на периферии глобальной экономики.

Анализ показывает, что доминирующим вектором трансформации рынка труда под влиянием ИИ становится не замещение человека, а гибридизация. В этом контексте уникальные компетенции работника – способность к эмпатии, этическому суждению и созданию смыслов — не обесцениваются, а, напротив, обретают новый статус как ключевое сравнительное преимущество в формирующихся симбиотических системах. Однако эта трансформация отнюдь не универсальна: её траектория и риски определяются глубинными структурными факторами, в том числе позициями страны в международном разделении труда⁴.

Комплекс рисков, обусловленных расширением присутствия ИИ в сфере труда, выходит за экономические рамки, приобретая выраженный антропологический и социально-психологический характер. В ряде сфер профессиональной деятельности наблюдается уничтожение входных позиций, что подрывает механизмы социализации на рабочем месте и блокирует социальные лифты [9]. При этом юридическое поле сталкивается с фундаментальным вызовом «размытия ответственности», когда решения о социально-трудовых отношениях принимается алгоритмами. Психосоциальный ландшафт труда сталкивается с кризисом профессиональной идентичности, синдромом адаптационной тревожности и парадоксом эмпатии, когда технологическое посредничество не снижает, а интенсифицирует эмоциональную нагрузку на человека.

В качестве ответа на эти вызовы предлагается инструментарий для операционализации концепции «гибридного интеллекта». Предложенная авторами аналитическая матрица позволяет перевести абстрактный принцип синергии человека и ИИ в систему измеряемых параметров на микро-, мезо- и макроуровнях. Предлагаемые метрики (индекс когнитивной синергии, коэффициент человеческих ресурсов, техно-гуманитарный баланс и др.) могут стать навигаторами для проектирования новых взаимодействий, в которых цифровые технологии берут на себя рутину, высвобождая

⁴ Horne R. Employment and social trends by region. World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO, 2024. P. 1–113. ISBN 9789220400418 <https://doi.org/10.54394/HQAE1085>

человеческий потенциал для выполнения смыслообразующих функций.

Таким образом, исследование обосновывает необходимость смены оптики анализа влияния ИИ на сферу труда – от детерминистского пессимизма к управляемой гибридизации, благодаря которой будущее сферы труда будет определяться способностью социотехнических систем к институциональным инновациям, обеспечивающим сохранение человеческой субъектности.

Нурматов Д.Н. «Обеспечение достойного труда в условиях многообразия форм занятости в Республике Узбекистан»

Эволюция восприятия и практик достойного труда в Узбекистане логично вписывается в международную траекторию, но имеет специфику постсоветской трансформации. После 1991 г. приоритетом было удержание социальной стабильности на фоне распада прежних институтов занятости и падения реальных доходов, тогда как собственно качество труда и механизмы социального диалога находились на периферии государственной повестки⁵. С начала 2000-х годов осуществлялась поэтапная конвергенция с международными нормами: ратификация базовых конвенций МОТ, обновление трудового законодательства, развитие институтов коллективных переговоров⁶. Однако инерция неформальной занятости, фрагментарность механизмов защиты уязвимых групп и ограниченная прозрачность трудовых отношений сохраняли структурные ограничения для достойного труда.

Смена политики с 2016–2017 гг. задала ускорение институциональных реформ: цифровизация государственных сервисов, борьба с принудительным трудом, запуск программ занятости для молодёжи, женщин и лиц с инвалидностью, расширение каналов легализации самостоятельной занятости⁷. В 2021 г. утверждена совместная с МОТ Программа достойного труда (DWCP) на 2021–2025 гг., встраивающая национальную повестку в глобальные стандарты и концентрирующаяся на трёх блоках: продвижение трудовых прав, инклюзивный рынок труда, социальная защита в условиях цифровизации. Принятая в 2023 г. Стратегия «Узбекистан-2030» закрепила достойный труд как центральный элемент социально-экономической политики и увязала качественные ориентиры рынка труда с целями формализации и инклюзии (включая снижение доли

⁵ Global Commission on the Future of Work. Work for a Brighter Future. Geneva: ILO, 2019. ISBN 978-92-2-132795-0

⁶ International Labour Office. Decent Work Indicators: Guidelines for Producers and Users of Statistical and Legal Framework Indicators. Geneva: ILO, 2013. 257 p. ISBN 9789221280187

⁷ Work for a Brighter Future. Global Commission on the Future of Work. Geneva: ILO, 2019. 78p. ISBN 978-92-2-132795-0

неформальной занятости, расширение охвата трудовыми договорами и социальным страхованием, развитие равных возможностей).

Нарастание нестандартных форм занятости и цифровизация рынка труда предъявляют новую «проверку на зрелость» системе достойного труда. В отношении платформенной занятости ключевые риски связаны с алгоритмической непрозрачностью, непредсказуемостью доходов, деактивациями и отсутствием доступа к социальному страхованию. Следовательно, национальная рамка достойного труда должна двигаться от бинарной дилеммы «работник–самозанятый» к функциональным критериям зависимости/контроля и к принципу портативности прав: социальная защита, безопасность и гигиена труда, минимальные стандарты оплаты и право на представительство должны сопровождать работника вне зависимости от типа договора и цифрового посредника. Отсюда вытекают и институциональные решения: презумпция трудовых отношений при наличии признаков контроля; прозрачность алгоритмов и процедур апелляции; базовые стандарты охраны труда и страхования от несчастных случаев; доступ к коллективным переговорам в рамках цифровых экосистем.

Тем самым формирование достойного труда в Узбекистане в условиях многообразия форм занятости следует понимать как переход от преимущественно количественной логики к качественно-институциональной: не только создавать рабочие места, но и гарантировать универсальные права и защиту вне зависимости от способа организации труда. Синергия правовых реформ, цифровой инфраструктуры, портативной социальной защиты и адресных стимулов для формализации способна конвертировать демографическое давление и технологические сдвиги в инклюзивный и устойчивый рост человеческого капитала, согласованный с глобальными стандартами МОТ и ЦУР-8.

Половян А.В., Синицына К.И. «Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики»

Система оплаты труда в государственном и муниципальном секторах Российской Федерации – ключевой элемент социально-экономической политики, напрямую влияющий на уровень жизни работников образования, здравоохранения, науки и культуры. В условиях перехода к интенсивной модели роста и цифровой трансформации её реформирование приобретает стратегическое значение. Донецкая Народная Республика выступает экспериментальной площадкой для апробации новых подходов в условиях интеграции в правовое поле Российской Федерации и восстановления социальной инфраструктуры.

Постановление Правительства Донецкой Народной Республики «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики» № 17-2 от 16 марта 2023 г. (далее – Постановление № 17-2) представляет собой комплексный нормативный акт, регулирующий оплату труда всех категорий работников государственных и муниципальных учреждений⁸. Несмотря на прогрессивный характер, Постановление № 17-2 содержит ряд существенных недостатков, препятствующих достижению заявленных целей. Во-первых, отсутствует публично доступная шкала межразрядных коэффициентов, что делает систему непрозрачной и затрудняет работникам планирование карьерного роста. Во-вторых, персональные доплаты, предусмотренные для компенсации снижения доходов при переходе на новую систему, не индексируются, что в условиях инфляции приводит к их обесцениванию. В-третьих, отсутствие централизованных процедур оценки соответствия квалификационных званий и должностей создаёт пространство для субъективных и коррупционных решений со стороны руководства. Особенно остро эти проблемы проявляются в научной сфере: отсутствие дифференциации по профессиональным квалификационным группам приводит к уравниванию зарплат учёных с техническим персоналом, несмотря на различия в уровне ответственности и интеллектуальной нагрузке. Не прописаны механизмы оплаты внештатных научных сотрудников, дистанционных форм труда, а также критерии оценки эффективности научной деятельности для назначения премий. Кроме того, жёсткий лимит на рост фонда оплаты труда (не более 20% от предыдущего года) не учитывает динамику научных грантов, проектного финансирования и роста исследовательской нагрузки, что делает систему неадаптивной. Отсутствие привязки индексации к официальным инфляционным индексам, а также перегруженность нормативной базы дополнительно снижают эффективность документа.

Для устранения недостатков предлагается: ввести автоматическую индексацию окладов и доплат, создать централизованные комиссии по аттестации, пересмотреть шкалу надбавок с учётом реальной сложности труда, расширить категории получателей доплат за работу с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Необходимо предоставить регионам право увеличивать пределы надбавок, заменить фиксированный лимит фонда оплаты труда на гибкий, учитывающий нагрузку и внебюджетные поступления. Следует

⁸ Постановление Правительства ДНР от 16.03.2023 г. № 17-2 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений ДНР».

регламентировать оплату внештатных и дистанционных работников, упростить администрирование путём объединения схожих выплат.

Таким образом, реформа системы оплаты труда в бюджетной сфере, инициированная в Российской Федерации и одобрённая в Донецкой Народной Республике через Постановление № 17-2, представляет собой необходимый и своевременный шаг на пути к созданию справедливой, эффективной и мотивирующей модели вознаграждения труда. Однако её успешность зависит от устранения системных недостатков, связанных с непрозрачностью, жёсткостью, неадаптивностью и отсутствием учёта специфики отдельных профессиональных групп, включая научных работников. Предложенные меры направлены на повышение гибкости, справедливости и предсказуемости системы, что в конечном итоге будет способствовать не только росту производительности труда и удержанию квалифицированных кадров, но и укреплению социальной стабильности и доверия граждан к государственным институтам.

Черных Е.А. «Тройной вызов для неполных семей: ограниченные ресурсы, качество занятости и социальная политика»

В Российском законодательстве понятие неполная семья отсутствует. В Трудовом и Налоговом кодексах присутствует понятие «одинокий родитель» – это человек с ребёнком или несколькими детьми, который сам выполняет семейные обязанности. Увеличение количества неполных семей приводит исследователей к выводу, что одинокое материнство фактически стало новой нормой.

В книге «The Triple Bind of Single-Parent Families» [10] вводится понятие «тройного вызова» (Triple Bind), характеризующего одновременное воздействие на одиноких родителей недостаточных ресурсов, нестабильной занятости и неадекватных социальных политик. Для улучшения благосостояния семей с одним родителем необходимо учитывать взаимосвязь этих факторов, так как эти семьи сталкиваются с пересечением множества структурных барьеров.

Нельзя переоценить роль занятости: важность создания качественных рабочих мест для одиноких родителей, включая гибкость графиков, стабильность и возможности карьерного роста. Это может помочь снизить уровень бедности и улучшить их благосостояние. Для неполных семей высокую значимость имеют социальные гарантии: расширение доступа к доступному уходу за детьми, пособиям и программам поддержки может снизить экономическую нагрузку на семьи с одним родителем. Так как большинство одно-

ких родителей – женщины, политика должна учитывать гендерные аспекты и препятствовать дискриминации на рынке труда.

Среди малоимущих семей значительное количество составляют неполные семьи, где один из родителей заботится о детях без помощи партнёра [11; 12]. Эти семьи сталкиваются с более высоким риском бедности по сравнению с домохозяйствами, где ответственность за благосостояние членов семьи разделяют как минимум два взрослых. В ряде исследований по России установлено, что домохозяйства, возглавляемые женщинами, имеют более низкие доходы и более высокую подверженность бедности, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами (контролируя другие переменные)⁹ [11; 12].

Феномен крайней бедности среди неполных семей характеризуется рядом специфических проявлений, обусловленных социально-экономическими факторами. Домохозяйства данного типа преимущественно возглавляются женщинами, пережившими развод или утрату супруга, зачастую находящимися вне сферы профессиональной занятости. Несмотря на наличие относительно высокого образовательного статуса, многие работающие представительницы данной категории не достигают уровня доходов, позволяющих обеспечить проживание на уровне регионального прожиточного минимума. В городской среде преобладают нуклеарные неполные семьи с одним ребёнком, что отражает распространённость репродуктивной модели монодетности. Для сельской местности характерно значительное распространение многопоколенных неполных семей, находящихся под опекой женщин, переживших развод или утрату мужа, уровень дохода которых оказывается ниже установленной черты бедности. Отмечены региональные различия, выраженные в повышенной концентрации маргинальных неполных семей, воспитание детей в которых осуществляется неработающими мужчинами-вдовцами.

Кислицына О.А. «Барьеры на пути к здоровью: кто и почему не получает необходимую медицинскую помощь»

Одна из важных проблем российского здравоохранения – высокая доля людей, которые, несмотря на наличие явных симптомов потребности в медицинской помощи, избегают посещения врачей или получения медицинских услуг. Негативные последствия такого избегающего поведения могут быть весьма серьёзными. Избегание медицинской помощи (уклонение, отказ от медицинской помощи) может привести к ухудшению

⁹ Denisova I. Income distribution and poverty in Russia. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2012. № 132. 47 p. OECD Publishing, 2012. <http://dx.doi.org/10.1787/5k9csf9zcz7c-enOECD>

состояния здоровья пациента, развитию хронических заболеваний и даже преждевременной смерти [13; 14; 15; 16]. Кроме того, предыдущие исследования показали, что некоторые группы населения демонстрируют избегающее поведение чаще, чем другие [13; 14; 17].

Для оценки детерминант избегающего поведения построены многомерные модели логистической регрессии.¹⁰ Избегание медицинской помощи измеряется посредством вопроса о том, были ли у респондентов такие ситуации, когда они нуждались в медицинском осмотре или консультации с врачом, но не обращались в медицинскую организацию. Ответившим утвердительно предложили выбрать причины, по которым они не обращались за медицинской помощью.

Полученные результаты показывают, что почти четверть россиян (23,6%) отказывается от посещения врача, несмотря на осознанную потребность в медицинской помощи. Не обращающимися за медицинской помощью чаще являются женщины, пожилые, имеющие плохое здоровье, среднее образование, работающие, принадлежащие к группе с низким доходом, проживающие в городе (чем больше город, тем больше вероятность отказа от обращения в медицинскую организацию).

Результат исследования, вызывающий особую тревогу, показал, что примерно для одной трети респондентов, отказывающихся от необходимой медицинской помощи, основными причинами такого поведения являются неудовлетворительная работа медицинской организации (31,3%) или недоверие эффективности лечения (27,3%). Это свидетельствует о проблеме общественного здравоохранения в России. Далее следуют отсутствие времени (18,1%) и экономические причины (16,3%).

Выявлены группы населения, избегающие медицинской помощи по конкретным причинам. Женщины, пожилые, особенно предпенсионного возраста, имеющие низкие доходы, проживающие в городе (но не в мегаполисе), чаще называют «лечение можно получить только на платной основе», «не удовлетворяет работа медицинской организации» и «не рассчитываю на эффективное лечение» в качестве причин уклонения от необходимой медицинской помощи. Молодёжь, работающие, проживающие в городе избегают обращения в медицинское учреждение из-за «отсутствия времени». Пожилые, одинокие, имеющие низкие доходы, проживающие в сельской местности, от-

¹⁰ Информационная основа исследования – данные Комплексного обследования уровня жизни населения (КОУЖ), проведённого в 2022 г., в ходе которого опрошены 123 тыс. человек, из которых для дальнейшего анализа отобраны респонденты в возрасте 18 лет и старше (около 100 тыс. человек). Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOZH_2022/index.html (дата обращения: 04.09.2025).

казываются от медицинской помощи по причине того, что «тяжело добраться до медицинской организации», в том числе и потому, что «тяжело добираться без посторонней помощи».

Результаты исследования подчёркивают необходимость повышения удовлетворённости и доверия населения системе здравоохранения, путём улучшения доступности и качества; разработки программ и инициатив, ориентированных на конкретные группы населения, направленные на борьбу с избегающим поведением с тем, чтобы снизить вероятность неблагоприятных последствий для здоровья.

Борисенко М.В. «Роль системы нооинструментов управления качеством жизни населения в минимизации разрушительных социальных издержек постиндустриального перехода»

Радикальный характер постиндустриального перехода трансформирует экономику, порождает разрушительные социальные издержки: структурную безработицу, кризис идентичности и кризис адаптации, растущее неравенство, ухудшение психофизиологического состояния человека, ложащиеся тяжким бременем на человека и общество. Под социальными издержками понимают совокупные затраты, возникающие в результате какой-либо деятельности, которая кроме прямых финансовых расходов порождает дополнительные негативные последствия для общества. Возникновение столь масштабных социальных издержек представляется вызовом для государства, требующим выработки новых инструментов управления, адекватных сложности переходного периода. Одним из возможных сценариев постиндустриального общества является переход к ноономике (в трактовке Бодрунова С.Д. [18; 19]), в основе которой лежит знаниеёмкое индустриальное производство. Главным объектом конкуренции в таком мире является доступ к знанию и способности человека этим знанием овладеть, а главными рисками – неравный доступ к самому знанию и к способности овладеть им.

Ответом на обозначенные вызовы может стать система нооинструментов (далее – НИ), представляющая собой совокупность практических рычагов поддержания главного конкурентного преимущества в ноономическом обществе, обеспечивающих минимизацию негативных социальных последствий и формирующих высокое качество человеческого капитала.

Ввиду вышеобозначенных рисков и вызовов, необходимо сконцентрировать усилия на превращении потенциально возможных деструктивных последствий перехода в управляемые процессы, обеспечивающие устойчивое развитие в условиях новой экономической реальности, что невозмож-

но без поддержки государства. С переходом к новому технологическому укладу особую актуальность приобретают такие факторы обеспечения качества жизни населения (КЖН) как: качество почв, технологии производства и переработки продуктов питания, организация здравоохранения и подходы к оказанию медицинской помощи, ментальная и информационная безопасность, структура системы образования и технологии обучения.

Центральное звено системы нооинструментов представлено совокупностью национальных и региональных проектов. На преодоление неравенства доступа к знаниям, а также (отчасти) на способность овладения ими направлен проект «Ноо-образование», результатом которого является личность, способная создавать и применять новые технологии, управлять высокотехнологичными системами, творчески подходить к решению нестандартных задач различного уровня, быть эффективными в условиях неопределенности. Проект предполагает изменение подхода к образованию, структуре, формам и методам обучения, продиктованных изменением технологического уклада.

На снижение рисков, связанных с неравной способностью овладеть знаниями, направлены следующие проекты. «Здоровая почва», «Безопасные продукты»: обеспечение качества почв и безопасные технологии производства продуктов питания обеспечивают высокую нутритивную плотность продуктов, а, следовательно, обеспечивают удовлетворительное физическое состояние населения. «Школа ментального здоровья и развития эмоционального интеллекта» предполагает поддержку ментального здоровья и развитие эмоционального интеллекта, повышает адаптивность и способность к обучению. «Активное долголетие»: развитие технологий здоровьесбережения, реализация концепции «4 П медицины» способствует увеличению продолжительности активной жизни.

Таким образом, предложенные ноопроекты образуют комплексную систему, которая не только реагирует на вызовы ноономического перехода, но и формирует проактивную среду, в которой человек может оставаться здоровым, адаптивным и конкурентоспособным. Это позволяет минимизировать как социальные, так и экономические издержки трансформации общества.

Следует отметить, что одни только нооинструменты не в состоянии решить всех задач управления качеством жизни населения в процессе нооперехода, однако в совокупности с универсальными и антибедностными инструментами достижение стратегической цели «сбережения народа России, развития человеческого потенциала, повышения качества жизни и благосостоя-

ния граждан»¹¹ становится возможным. При этом нооинструменты выполняют роль драйверов изменений, универсальные инструменты выступают традиционной основой (базисом) системы, а антибедностные – выступают в роли текущих точечных корректоров ситуации. Применение такого арсенала инструментов обеспечит комплексный подход к решению проблем управления КЖН в условиях постиндустриального перехода.

Заключение

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения» (памяти Е.И. Капустина) позволила собрать для обсуждения актуальной повестки представителей российских и зарубежных научно-исследовательских и образовательных организаций: Института экономики РАН (Российская Федерация, г. Москва), Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Москва), Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Москва), Института социально-

экономических исследований УФИЦ РАН (Российская Федерация, г. Уфа), Института экономических исследований (Российская Федерация, г. Донецк), Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России (Российская Федерация, г. Москва), Государственного института искусствознания (Российская Федерация, г. Москва), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, г. Москва), Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, (Российская Федерация, г. Москва), Российского государственного социального университета (Российская Федерация, г. Москва), Томского государственного университета (Российская Федерация, г. Томск), Института экономики Национальной академии наук Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск), Андижанского государственного университета (Республика Узбекистан, г. Андижан). Модераторами и участниками конференции отмечено высокое качество представленных докладов, охвативших комплекс основных проблем, которые затрагивают современное общество, в сфере демографии, занятости, политики доходов, уровня и качества жизни, социальной поддержки и пенсионного обеспечения.

Список источников

- Гришина Е.Е. Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601 EDN XWARPY
- Капустин Е.И. Социалистический образ жизни: экономический аспект. Москва: Мысль, 1976. 301 с.
- Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. Москва: Наука, 2006. 323 с. ISBN 5-02-035378-7
- Гонтмахер Е.Ш. Мировые миграционные процессы: необходимость глобального регулирования. Вопросы экономики. 2013. №. 10. С. 136–146. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-136-146> EDN RCCVKH
- Денисова И.А., Калабухина И.Е., Кузнецова П.О. Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость (на примере Ямalo-Ненецкого автономного округа) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 232–243. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243> EDN MGUDAC
- Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature // Population and Development Review. 2021. Vol. 47. Issue 4. P. 913–964. <https://doi.org/10.1111/padr.12431>
- Hart R.K., Holst C. What about Fertility? The Unintentional Pro-Natalism of a Nordic Country // Social Politics: International Studies in Gender, State and Society. 2024. Vol. 31. Issue 3. P. 429–454. <https://doi.org/10.1093/sp/jxad033>
- Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. USA: Yale University Press, 2021. 336 p. ISBN 9780300209570
- Социальная защита в России: развилики будущего / Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская, С.С. Бирюкова [и др.] // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31> EDN LTLLRD
- The triple bind of single parent families. Resources, employment and policies to improve wellbeing // eds. by R. Nieuwenhuis, L.C. Maldonado. Policy Press, 2018. 24 p. ISBN 978-1-4473-3364-7 <https://doi.org/10.2307/j.ctt2204rvq.7>
- Смирнов В.М., Селиванова О.В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. 2023. Том 10. № 5. С. 695–714. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824> EDN JKOTSO
- Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1(54). С. 147–156. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156> EDN PWGIDK
- Byrne S.K. Healthcare avoidance: a critical review // Holistic Nursing Practice. 2008. Vol. 22. Issue 5. P. 280–292. <https://doi.org/10.1097/01.HNP.0000334921.31433.c6>

¹¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

14. Taber J.M., Leyva B., Persoskie A. Why do People Avoid Medical Care? A Qualitative Study Using National Data // Journal of General Internal Medicine. 2015. Vol. 30. Issue 3. P. 290–297. <https://doi.org/10.1007/s11606-014-3089-1>
15. Rogers S.N., Vedpathak S.V., Lowe D. Reasons for delayed presentation in oral and oropharyngeal cancer: the patient's perspective // British Journal of Oral Maxillofacial Surgery. 2011. Vol. 49. Issue 5. P. 349–353. <https://doi.org/10.1016/j.bjoms.2010.06.018>
16. Reducing delay in seeking treatment by patients with acute coronary syndrome and stroke: a scientific statement from the American Heart Association Council on cardiovascular nursing and stroke council / D.K. Moser L.P. Kimble, M.J. Alberts [et al.] // The Journal of Cardiovascular Nursing. 2007. Vol. 22. No. 4. P. 326–343. <https://doi.org/10.1097/01.jcn.00000278963.28619.4a>
17. Sulku S.N., Tokatlioglu Y., Cosar K. Determinants of health care avoidance and avoidance reasons in Turkey // Journal of Public Health. 2023. Vol. 31. P. 817–829. <https://doi.org/10.1007/s10389-021-01577-z>
18. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 1: сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса, Санкт-Петербург, 01–30 апреля 2018 г. / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Санкт-Петербург: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2018. С. 5–13. EDN XSEJOH
19. Бодрунов С.Д. Ноономика: [монография]. Москва–Санкт-Петербург–Лондон: Культурная революция, 2018. 432 с. ISBN 978-5-6040343-1-6. EDN XQTTJZ

Информация об авторах:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)

Юлия Александровна Шерстобитова – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 7854-9050) (ResearcherID: ADG-9509-2022)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Шерстобитова Юлия Александровна.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Grishina E.E. Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601 (In Russ.)
2. Kapustin E.I. Sotsialisticheskii Obraz Zhizni: Ehkonomicheskii Aspect. Moscow: Publishing House Mysl'; 1976. 301 p.
3. Kapustin E.I. Uroven', Kachestvo i Obraz Zhizni Naseleniya Rossii. Moscow: Publishing House Nauka; 2006. 323 p. ISBN 5-02-035378-7
4. Gontmakher E.Sh. World Migration Processes: The Need of Global Regulation. *Voprosy Ekonomiki*. 2013;(10):136–146. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-136-146> (In Russ.)
5. Denisova I.A., Kalabikhina I.E., Kuznetsova P.O. The Influence of the Regional Maternity Capital Program on Fertility (Case of Yamal-Nenets Autonomous Okrug). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik=Public Administration. E-journal (Russia)*. 2024;(105):232–243 <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243> (In Russ.)
6. Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature. *Population and Development Review*. 2021;47(4):913–964. <https://doi.org/10.1111/padr.12431>
7. Hart R.K., Holst C. What about Fertility? The Unintentional Pro-Natalism of a Nordic Country. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2024;31(3):429–454. <https://doi.org/10.1093/sp/jxad033>
8. Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. USA: Yale University Press; 2021. 336 p. ISBN 9780300209570
9. Ovcharova L.N., Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., et al. Social Protection in Russia: Choices of the Future. *Voprosy Ehkonomiki*. 2022;(8):5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31> (In Russ.)
10. Nieuwenhuis R., Maldonado L.C. The Triple Bind of Single Parent Families. Resources, Employment and Policies to Improve Wellbeing. Policy Press; 2018. 24 p. ISBN 978-1-4473-3364-7 <https://doi.org/10.2307/j.ctt2204rvq.7>
11. Smirnov V.M., Selivanova O.V. Single-Parent Household in Russia: Scale, Problems and Social Assistance. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(5):695–714. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824> (In Russ.)
12. Selivanova O.V., Korobkova N.Y. Single-Parent Families in Russian Regions: Scale and Socio-Economic Characteristics. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2024;(1(54)):147–156. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156> (In Russ.)
13. Byrne S.K. Healthcare Avoidance: a Critical Review. *Holistic Nursing Practice*. 2008;22(5):280–292. <https://doi.org/10.1097/HNP.0000334921.31433.c6>

14. Taber J.M., Leyva B., Persoskie A. Why do People Avoid Medical Care? A Qualitative Study Using National Data. *Journal of General Internal Medicine*. 2015;30(3):290–297. <https://doi.org/10.1007/s11606-014-3089-1>
15. Rogers S.N., Vedpathak S.V., Lowe D. Reasons for Delayed Presentation in Oral and Oropharyngeal Cancer: the Patient's Perspective. *British Journal of Oral Maxillofacial Surgery*. 2011;49(5):349–353. <https://doi.org/10.1016/j.bjoms.2010.06.018>
16. Moser D.K., Kimble L.P., Alberts M.J., et al. Reducing Delay in Seeking Treatment by Patients with Acute Coronary Syndrome and Stroke: a Scientific Statement from the American Heart Association Council on Cardiovascular Nursing and Stroke Council. *The Journal of Cardiovascular Nursing*. 2007;22(4):326–343. <https://doi.org/10.1097/01.JCN.0000278963.28619.4a>
17. Sulkı S.N., Tokatlıoglu Y., Cosar K. Determinants of Health Care Avoidance and Avoidance Reasons in Turkey. *Journal of Public Health*. 2023;31:817–829. <https://doi.org/10.1007/s10389-021-01577-z>
18. Bodrunov S.D. Noonomics. The Future: the Fourth Technological Revolution Necessitates Profound Changes in Economic and Social Life. In: Foresight «Russia»: New Industrial Society. The Future. Vol. 1. The St. Petersburg International Economic Congress; April 1–30, 2018; St. Petersburg, Russia. Collection of Plenary Papers. Saint-Petersburg: Institute for New Industrial Development n.a. S. Witte; 2018. P. 5–13. (In Russ.)
19. Bodrunov S. D. Noonomics. Monograph. Moscow: St. Petersburg: London: Publishing House Kul'turnaya revolyutsiya; 2018. 432 p. ISBN 978-5-6040343-1-6 (In Russ.)

Information about the authors:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (ReseacherID: U-7061-2019)

Yulia A. Sherstobitova – Junior Researcher Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-код: 7854-9050) (ReseacherID: ADG-9509-2022)

Authors' declared contribution: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Yulia A. Sherstobitova.

The article was submitted 09.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Разное
УДК 316.4
JEL J00
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669
EDN JGDQLI

Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая»

Андрей Юрьевич Хазов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – Алатырский филиал, Алатырь, Россия
(hazov_andr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6684-9179>)

Аннотация

Данная статья посвящена анализу и ключевым аспектам, поднимаемым в новой коллективной монографии «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» под редакцией академика РАН М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой, выпущенной издаельством «Весь Мир». Представленные в коллективной монографии материалы отражают сложные процессы адаптации и трансформации социальных институтов, групповых и индивидуальных стратегий в период турбулентности. Анализируются изменения в трудовой сфере, образовании, здравоохранении, культуре и массовых коммуникациях, а также их влияние на структуру социальной стратификации и мобильности. Подчеркнём, что в произведении большое внимание уделяется исследованию влияния информационных потоков и цифровых технологий на формирование общественного мнения, политических предпочтений и моделей социально-го взаимодействия. В коллективной монографии предлагаются авторские интерпретации и теоретические модели, объясняющие сложные взаимосвязи между социально-экономическими, политическими и культурными факторами, определяющими развитие российского общества. Представленные результаты исследования могут быть использованы для разработки научно обоснованных стратегий социальной политики, направленных на снижение социальной напряжённости, повышение уровня жизни и укрепление социальной сплочённости. Рецензируемое научное произведение представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся актуальными проблемами развития российского общества и стремящихся к пониманию глубинных процессов, происходящих в стране.

Ключевые слова: зарубежные санкции, молодёжь, прекаризация труда, специальная военная операция, трансформация российского общества

Для цитирования: Хазов А.Ю. Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 661–669. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669 EDN JGDQLI

MIS (Miscellaneous)
JEL J00
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669

Russian Society in the Face of Modern Challenges. Reflections on the Collective Monograph Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova «Russian Society and the Challenges of the Time. The Eighth Book»

Andrey Yu. Khazov

Chuvash State University named after I.N. Ulyanova – Alatyr Branch, Alatyr, Russia
(hazov_andr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6684-9179>)

Abstract

This article reviews and discusses the central themes of the new collective monograph, Russian Society and the Challenges of Time. Book Eight, edited by Academician M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova of the Russian Academy of Sciences, and published by Ves Mir Publishers. The volume examines the complex processes of adaptation and transformation affecting social institutions, as well as group and individual strategies, during a period of significant turbulence. It provides an analysis of developments in the spheres of labour, education, healthcare, culture, and mass communications, and assesses their impact on social stratification and mobility structures. A notable emphasis of the work is its investigation into how information flows and digital technologies shape public opinion, political preferences, and models of social interaction. The monograph puts forward original interpretations and theoretical models to elucidate the intricate interconnections between the socio-economic, political, and cultural factors shaping the development of Russian society. The research findings presented hold practical value for formulating evidence-based social policy strategies. These strategies are geared towards mitigating social tensions, raising living standards, and enhancing social cohesion. This peer-reviewed volume will be of considerable interest to a broad readership concerned with contemporary issues in Russian society and seeking a deeper understanding of the underlying dynamics at work in the country.

Keywords: foreign sanctions, youth, precarization of labor, special military operation, transformation of Russian society

For citation: Khazov A.Yu. Russian Society in the Face of Modern Challenges. Reflections on the Collective Monograph Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova «Russian Society and the Challenges of the Time. The Eighth Book». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2025;21(4):661–669. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669 (In Russ.)

Введение

29 мая 2025 г. издательство «Весь Мир» выпустило в свет коллективную монографию «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» под редакцией академика РАН М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Её тираж составил 500 экземпляров. Выход коллективной монографии приурочен к 300-летнему юбилею Российской академии наук. Структурно рецензируемая коллективная монография состоит из предисловия, 2 разделов, 14 глав, основных выводов (вместо заключения), приложения и сведений об авторах.

В основе данной коллективной монографии – результаты общероссийского исследования, прошедшего рабочей группой Института социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в рамках проекта, осуществлённого при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) по теме: «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (проект № 20-18-00505, руководитель проекта М.К. Горшков, академик РАН, д-р филос. наук; члены исследовательского коллектива: Е.Д. Слободенюк, канд. социол. наук; И.А. Андреев, мл. науч. сотр.; И.В. Дудин, мл. науч. сотр.; И.Д. Коленникова, канд. социол. наук; И.О. Тюрина, канд. социол. наук; Н.Е. Тихонова, д-р социол. наук; П.Е. Сушко, канд. социол. наук; Р.Э. Баращ, канд. полит. наук; Ю.В. Латов, д-р социол. наук). Первый этап осуществления проекта охватил период 2020–2022 гг., второй – 2023–2024 гг.

В монографии использованы данные различных волн Мониторинга, проводившегося сначала ИС РАН, а затем и ИС ФНИСЦ РАН. Первое исследование в рамках этого проекта было проведено в октябре–ноябре 2014 г., второе – в марте 2015 г., третье – в октябре 2015 г., четвёртое – в марте 2016 г., пятое – в октябре 2016 г., шестое – в мае 2017 г., седьмое – в октябре 2017 г., восьмое – в марте–апреле 2018 г., девятое – в октябре 2018 г., десятое – в июне 2019 г., одиннадцатое – в сентябре 2020 г., двенадцатое – в марте 2021 г., тринадцатое – в марте 2022 г., четырнадцатое – в мае–июне 2023 г., пятнадцатое – в апреле 2024 г., шестнадцатое – в октябре 2024 г. Объём выборочной совокупности в каждой волне составлял от 2000 до 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше по параметрам пола, возраста, социальному

профессионального статуса, образования и типа населённого пункта проживания (с. 351).

Анализ произведения

В предисловии (М.К. Горшков) даётся базовое представление о настоящем произведении. В частности, отмечается, что новая работа продолжает развитие предыдущих произведений этого коллектива авторов [1; 2]. В разделе I. ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ В ПЕРИОД 2014–2024 гг. авторы коллективной монографии представили детальный анализ десятилетия. Период с 2014 по 2024 г. стал свидетелем серьёзных трансформаций массового сознания, обусловленных рядом факторов: геополитическими потрясениями, технологической революцией и информационной перенасыщенностью. Эти процессы, в свою очередь, нашли отражение в различных формах коллективного поведения и социальных явлениях. Одним из основных факторов, оказавших влияние на формирование массового сознания, явилась эскалация геополитической напряжённости, в частности, события, связанные с Украиной. Между тем поляризация взглядов, усиление националистических настроений и рост недоверия к традиционным институтам власти стали характерными чертами этого периода; эти тенденции фиксировались социологическими службами, такими как ВЦИОМ, ИС ФНИСЦ РАН, ИСПИ ФНИСЦ РАН, ИЭ РАН, ФОМ, ЮНЦ РАН и др., в виде «колебаний» в позициях респондентов, которые наблюдались из года в год.

В первой главе «Восприятие россиянами ситуации в мире, стране и местах их проживания» (А.Л. Андреев) даётся анализ того, что восприятие россиянами ситуации в мире, стране и местах их проживания представляет собой очень сложный калейдоскоп мнений, обусловленных геополитической обстановкой, социально-экономическими факторами и личным опытом. Единой картины не существует, поскольку мировоззрение каждого человека формируется под влиянием уникального сочетания обстоятельств.

Согласно данным ФНИСЦ РАН, в марте 2022 г. наблюдалось существенное изменение в восприятии россиянами обстановки в стране. Количество граждан, считавших ситуацию нормальной и спокойной, сократилось почти вдвое, упав с 29,7% (март 2021 г.) до 13,9%. В то же время доля

респондентов, описывающих обстановку как напряжённую или кризисную, увеличилась с 59,5% до 70,1%. Также зафиксирован рост числа тех, кто оценивает текущие события как катастрофические: эта доля выросла с 10,8% до 16% (с. 14). На глобальном уровне прослеживается неоднозначное отношение к международным процессам. С одной стороны, существует беспокойство по поводу растущей нестабильности, конфликтов и экономического неравенства. С другой – сохраняется надежда на многополярный мир, где Россия сможет играть более значимую роль. Скептицизм по отношению к западным институтам и идеям сосуществует с интересом к альтернативным моделям развития.

Во второй главе «Социальное самочувствие россиян и их основные страхи» (Н.В. Латова, Ю.В. Латов) показано, что социальное самочувствие россиян – это многогранное понятие, отражающее общее ощущение комфорта, уверенности и спокойствия в личной (персональной) и общественной (публичной) жизни. По мнению Н.В. Латовой и Ю.В. Латова, социальное самочувствие россиян представляет собой сложную и динамичную «картину» (с. 39–40). Оно зависит от множества факторов и требует постоянного внимания со стороны государства (и всех его институтов власти) и общества. В этом смысле важную роль играет Институт социологии ФНИСЦ РАН, научный коллектив которого проводит мониторинговые общероссийские исследования, результаты которых затем передаёт в различные профильные ведомства, например, в Министерство здравоохранения, Министерство культуры, Министерство образования и науки, Министерство промышленности и торговли, Министерство труда и социальной защиты, Министерство экономического развития и т.д.

Учёные считают, что снижение социальной напряжённости, повышение уровня жизни и укрепление доверия к власти – ключевые задачи для обеспечения стабильного и благополучного будущего страны. Основными страхами россиян остаются: материальная нестабильность, ухудшение здоровья и безопасность будущего детей.

В третьей главе «Динамика субъективного благополучия российского населения в условиях противостояния с коллективным Западом» (Н.В. Латова) рассматривается, как geopolитическая обстановка воздействует на ощущение счастья и удовлетворённости жизнью у россиян. Н.В. Латова выделяет несколько основных тенденций и факторов (с. 51). С одной стороны, мобилизационный эффект от осознания внешних угроз может приводить к сплочению общества и росту патриотических настроений. В такие периоды

люди расположены уделять меньше внимания личным проблемам и больше фокусироваться на общих целях, что может временно поднимать субъективное благополучие (с. 53–54). При этом, важно учитывать, что такой эффект, как правило, кратковременный и быстро истощается. С другой стороны, экономические последствия санкций и ограничений, введённых коллективным Западом (на сегодняшний момент уже принят 19-й пакет санкций против России), негативноказываются на уровне жизни населения. Рост цен, сокращение доходов, неуверенность в будущем – всё это объективно снижает субъективное благополучие. Кроме того, усиливающаяся информационная изоляция и ограничение свободы передвижения также могут негативно влиять на ощущение комфорта и удовлетворённости жизнью. В заключение, можно сказать, что динамика субъективного благополучия российского населения в условиях противостояния с коллективным Западом в будущем – процесс сложный и противоречивый, зависящий от множества факторов, от экономических до психологических. Требуются дальнейшие исследования для более точной оценки.

Большой интерес представляет четвёртая глава «Смысложизненные установки и нормативно-ценностные системы россиян в условиях новых социокультурных вызовов» (Н.Н. Седова), в которой говорится о том, что традиционные ценности, такие как семья, долг, патриотизм, сохраняют свою значимость, но их интерпретация приобретает новые оттенки, обусловленные глобализацией, информационным потоком и технологическим прогрессом. «Для большинства наших сограждан (68,8%) свобода – безусловный приоритет по отношению к материальному благополучию (его предпочитают свободе лишь 30,8% россиян)», – пишет Н.Н. Седова (с. 73–74).

В сфере смысловых установок наблюдается усиление pragmatизма и индивидуализма. Особо стоит подчеркнуть, что устремление к личному успеху, материальному благополучию и самореализации становится всё более выраженным. Однако это не исключает сохранения альтруистических мотивов и стремления к общественному благу, особенно в условиях социальных кризисов.

В пятой главе «Отношение к коллективному Западу на фоне обострения информационной войны» (П.Е. Сушко) становится всё более сложным и противоречивым. Следует добавить, что информационный поток, насыщенный пропагандой и фейками с обеих сторон, формирует в сознании россиян мозаичную «картину», где крайне затруднительно отделить правду от вымысла. Усиливается недоверие к западным СМИ и политическим институтам. Их обвиняют в предвзя-

тости, двойных стандартах и стремлении дискредитировать Россию.

П.Е. Сушко отмечает, что политика России в оценках её жителей всё чаще обязана быть ориентирована отнюдь не на союз со странами Запада и Европой, а на развитие связей с ближайшими соседями и устоявшимися геополитическими партнёрами (рост с 62,1% в 2014 г. до 73,9% в 2024 г.) (с. 100). Образ Запада как геополитического противника, стремящегося к сдерживанию развития страны, активно поддерживается государственными медиа. С другой стороны, сохраняется интерес к западной культуре, технологиям и образу жизни. Многие россияне продолжают путешествовать, учиться и работать за границей, невзирая на политическую напряжённость. Наглядным примером этому служит выход на Первом канале по выходным популярного российского телевизора «Жизнь других» с Ж.И. Бадоевой. Кроме того, западные товары и услуги по-прежнему пользуются высокой популярностью на российском рынке.

В шестой главе «Динамика восприятия россиянами основных противоречий российского социума» (И.В. Дудин) показано, что одним из ключевых противоречий, осознаваемых россиянами, является неравенство доходов. Разрыв между богатыми и бедными, диспропорция в возможностях доступа к образованию, здравоохранению, прекаризация труда [3, с. 51, 250] и другим социальным благам – эти проблемы остаются актуальными и вызывают недовольство значительной части населения. Однако, само восприятие неравенства эволюционирует. Если ранее доминировал запрос на уравнивание, то в настоящее время всё большее значение приобретает концепция «справедливого распределения» [4], основанного на личных усилиях и вкладе в общественное благосостояние. Об этом, в частности, и не только подробно рассматривается в монографии член-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» [5].

В седьмой главе «Мировоззренческая сегментация массовых слоёв населения в современной России» (Н.Е. Тихонова) повествуется о том, что российское общество, которое на сегодняшний день находится на сложном перекрёстке социально-политических и экономических трансформаций, демонстрирует отчётливую мировоззренческую сегментацию среди широких слоёв населения (с. 137). Эта сегментация, будучи результатом исторического опыта, культурных традиций и текущих реалий, проявляется в разнообразии ценностных ориентаций, политических предпочтений и отношения к социальным институтам [6,

с. 99–100]. Одним из ключевых факторов, определяющих мировоззренческую сегментацию, является историческая память. Различные поколения россиян, воспитанные в разные эпохи, обладают различными представлениями о прошлом, настоящем и будущем страны. Следует признать, что ностальгия по светлому советскому прошлому, с его социальной справедливостью и чувством колlettivизма, сосуществует с критическим отношением к авторитарным практикам и экономическим неудачам той эпохи. Действительно молодое поколение, не имеющее личного опыта жизни в СССР, зачастую формирует свои мировоззренческие установки под воздействием глобальных тенденций и ценностей, таких как индивидуализм, свобода самовыражения и экологическая ответственность.

В разделе II. ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ освещается динамичность и не-предсказуемость современного мира. Россия, как часть этого мира, сталкивается с новыми вызовами, которые неизбежно оказывают влияние на повседневную жизнь её граждан. Эти изменения затрагивают самые разные аспекты: от экономики и технологий до социальной сферы и межличностных отношений. В условиях неопределённости растёт стремление к социальной сплочённости и взаимопомощи [7; 8]. Волонтёрские движения, благотворительные инициативы и проекты, направленные на поддержку уязвимых слоёв населения, получают всё большее распространение. Граждане проявляют активную гражданскую позицию, участвуя в общественной жизни и бурном обсуждении значимых вопросов. В данной главе авторы установили, что в целом повседневная жизнь россиян в условиях новых вызовов характеризуется адаптивностью, инновациями и стремлением к сохранению стабильности и благополучия, а также уверенностью в будущем.

В восьмой главе «Внешнеполитические ориентации россиян в контексте 10-летней конфронтации с Западом» Р.В. Петухов рассматривает десятилетний период нарастающей конфронтации между Россией и Западом, оказавший глубокое влияние на внешнеполитические ориентации российского общества. Р.В. Петухов, безусловно, прав в том, что перманентные санкции, информационная война и геополитическое соперничество сформировали новую реальность, в которой восприятие Запада претерпело существенные изменения. Между тем имеет смысл добавить, что в общественном сознании укрепилось убеждение в необходимости защиты национальных интересов и суверенитета, часто интерпретируемое как противостояние внешнему давлению. Это приве-

ло к росту поддержки политики, направленной на укрепление обороноспособности и развитие альтернативных внешнеполитических альянсов. При этом, несмотря на антизападную риторику, среди россиян сохраняется запрос на конструктивный диалог и сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес. Однако условием для этого видится равноправное партнёрство и учёт интересов России на международной арене.

Определённый интерес для читателя представляет девятая глава «Восприятие социального неравенства в современной России: состояние и динамика» (Н.Д. Коленникова). Социальное неравенство является одним из ключевых вопросов, определяющих общественное мнение и политическую стабильность в современной России. Восприятие этого явления, его масштабы и причины варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик, уровня образования и доступа к информации. Интересное мнение на этот счёт высказал академик РАН М.К. Горшков: «Как показывает период постсоветских трансформаций, острота проблемы неравенства в массовом сознании не снижается ни в условиях экономических спадов, ни во время экономических подъёмов. <...> Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимаются нашими согражданами те из них, которые связаны с базовыми аспектами качества жизни – медициной и жильём. За ними следует группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности, – неравенство» в доступе к перспективной работе, достойному образованию, а также неравные стартовые условия для детей, принадлежащих к различным социальным группам [9, с. 154–155].

Общий настрой в обществе свидетельствует о росте обеспокоенности по поводу углубляющейся пропасти между богатыми и бедными. Экономические кризисы, несправедливое распределение ресурсов и коррупция усугубляют это ощущение, подрывая доверие к институтам власти и вызывая социальную напряжённость. Член-корреспондент РАН М.Ф. Черныш напоминает о том, что существует и другая точка зрения, признающая неизбежность некоторого уровня неравенства в рыночной экономике [10, с. 7–9]. Сторонники этой позиции считают, что различия в доходах мотивируют людей к труду и предпринимательству, способствуя экономическому росту и инновациям. Динамика восприятия социального неравенства в последние годы характеризуется усилением критических настроений и ростом требований к государству в части обеспечения социальной справедливости. Общество ожидает от власти эффективных мер по борьбе с беднос-

тью, поддержки социально уязвимых слоёв населения и создания равных возможностей для всех граждан.

В десятой главе «Бедность и малообеспеченность в условиях российской повседневности» Е.Д. Слободенюк освещает проблемы бедности и малообеспеченности, которые, к сожалению, остаются неотъемлемой частью российской действительности, затрагивая миллионы граждан. Это не просто статистические данные, а реальные истории людей, сталкивающихся с трудностями в удовлетворении базовых потребностей. По мнению социолога П.В. Белопашенцевой, современные исследования проблемы бедности в России фокусируются на выявлении уязвимых групп населения, определяемых социально-демографическими, профессиональными и географическими характеристиками. Кроме того, данные исследования нацелены на разработку эффективных способов оказания адресной помощи и уменьшения уровня бедности в стране [11, с. 80]. Недостаток финансовых ресурсов ограничивает доступ к качественному образованию, медицинскому обслуживанию и достойному жилью. Это формирует замкнутый круг, когда дети из малообеспеченных семей лишены возможности получить хорошее образование и, следовательно, вырваться из бедности в будущем. «Люди не желают мириться с бедностью, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами» – заключает Ж.Т. Тощенко [12, с. 286]. Низкие доходы и нестабильная занятость приводят к психологическому стрессу, ухудшению здоровья и социальной изоляции [13, с. 201–202]. Многие люди вынуждены экономить на самом необходимом, отказываясь от полноценного питания, одежды и лекарств. В условиях растущих цен и инфляции малообеспеченные слои населения становятся ещё более уязвимыми. Государственные социальные программы и пособия часто не покрывают реальные потребности, а бюрократические процедуры затрудняют их получение. Преодоление бедности и малообеспеченности требует комплексного подхода, включающего повышение минимального размера оплаты труда, создание новых рабочих мест, развитие системы социальной поддержки и улучшение доступа к образованию и здравоохранению. Необходимо создавать условия, в которых каждый человек сможет реализовать свой потенциал и обеспечить себе достойную жизнь.

В одиннадцатой главе «Трансформация социального капитала российского общества» (Ю.В. Латов) речь идёт о том, что социальный капитал, определяемый как совокупность социальных

связей, норм и доверия, является ключевым фактором социально-экономического развития. В российском обществе, переживающем период глубоких трансформаций, социальный капитал претерпевает значительные изменения, отражающие новые вызовы и возможности (с. 226). Одной из ключевых тенденций является разрушение традиционных форм социального капитала, основанных на коллективистских ценностях и патерналистских отношениях. Это связано с переходом к рыночной экономике, усилением индивидуализма и ослаблением институтов гражданского общества.

Трансформация социального капитала российского общества – сложный и многогранный процесс, требующий активного участия государства, бизнеса и граждан (с. 229). Успешное развитие социального капитала является залогом устойчивого развития страны, повышения качества жизни и укрепления социальной сплочённости.

В двенадцатой главе «Частное предпринимательство в массовом сознании и в социальных практиках россиян» (А.Ю. Чепуренко, Н.Д. Коленникова) рассматривается двойственное положение частного предпринимательства в России, отражающее сложные взаимосвязи между историческим наследием, экономическими реалиями и социокультурными особенностями. Напомним читателям, что в массовом сознании образ предпринимателя часто колеблется между успешным новатором, создающим рабочие места и приносящим пользу обществу, и хитрым дельцом, стремящимся исключительно к личной выгоде. Эта амбивалентность уходит корнями в советское прошлое, где частная инициатива была ограничена, а предпринимательская деятельность ассоциировалась со спекуляцией и нетрудовыми доходами. Переход к рыночной экономике в 1990-е гг., сопровождавшийся криминалом и несправедливым распределением ресурсов, также оставил негативный отпечаток в общественном сознании.

Однако, несмотря на эти негативные стереотипы, всё больше россиян рассматривают частное предпринимательство как реальную возможность для самореализации и повышения своего благосостояния. Развитие цифровых технологий, доступность онлайн-образования и поддержка малого и среднего бизнеса со стороны государства способствуют росту предпринимательской активности. В социальных практиках это проявляется в увеличении числа самозанятых граждан, развитии стартап-движения и появлении новых форм кооперации и краудфандинга. Молодые люди всё чаще выбирают путь предпринимательства, видя в нём возможность реализовать свои

идеи и стать независимыми. В то же время, для успешного развития частного предпринимательства необходимо преодолеть ряд препятствий, таких как административные барьеры, недостаток финансирования и низкий уровень доверия к институтам власти. Важно формировать позитивный образ предпринимателя, поддерживать инновационные проекты и создавать благоприятную среду для развития малого и среднего бизнеса.

В тринадцатой главе «Поведенческие стратегии россиян в условиях обострения конфронтации с Западом» А.В. Каравай рассматривает влияние обострения конфронтации с Западом, продолжающегося уже более десятилетия, на поведенческие стратегии россиян. Это проявляется в различных сферах жизни, от экономических решений до политических предпочтений. Согласно данным Института социологии ФНИСЦ РАН за 2024 г. было установлено, что у населения страны возросла «трудовая нагрузка», связанная с нехваткой финансов. В частности, разовые приработки (34,5%), работа на приусадебных участках (34,4%), сверхнормативная занятость по основному месту работы (29,9%) и помощь со стороны ближнего окружения (20,1%) (с. 269).

В экономической сфере наблюдается усиление ориентации на внутренний рынок и импортозамещение. Растёт интерес к отечественным производителям и локальным брендам. Сбережения чаще инвестируются в активы, номинированные в рублях, а также в недвижимость внутри страны. Социальная сфера характеризуется усилением социальной солидарности и патриотических настроений. Граждане демонстрируют готовность к поддержке национальных интересов и защите суверенитета. Волонтёрские движения и общественные организации, направленные на помочь нуждающимся и поддержку традиционных ценностей, приобретают всё большую популярность. В политической сфере наблюдается укрепление поддержки власти и курса на независимую внешнюю политику. При этом сохраняется запрос на конструктивный диалог и мирное разрешение конфликтов. Общество выступает за прагматичный подход, основанный на защите национальных интересов и учёте реалий многополярного мира.

Завершающей, но не менее интересной, является четырнадцатая глава «Семья и проблема рождаемости в системе жизненных установок россиян» (Р.Э. Бараш). Семья, традиционно являющаяся одной из ключевых социальных ценностей, в современной России переживает период трансформации (с. 284). Значение семьи в системе жизненных установок россиян остаётся высоким, однако представления о её структуре, функциях и месте в иерархии приоритетов претерпевают

изменения под влиянием экономических, социальных и культурных факторов. О роли семьи и молодёжи как стратегического потенциала нашей страны много говорилось в докладах на прошёлшей 17 февраля 2025 г. XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» [14]. Проблема рождаемости, остро стоящая перед страной, тесно связана с этими трансформациями. Демографическая ситуация, характеризующаяся снижением численности населения и старением, требует особого внимания к факторам, влияющим на репродуктивное поведение россиян. На сегодняшний день родителями становятся уже дети, рождённые в период так называемой «демографической ямы» 1990-х гг. (с. 285). Согласно официальным данным Росстата, по сравнению с показателями 2014 г., в 2023 г., число рождённых детей сократилось с 1 947 301 до 1 264 938, т.е., примерно, в 1,6 раза, на 46%. К сожалению, эта тенденция сохраняется и в настоящее время (с. 285–286). Материальное благополучие играет важную роль в принятии решения о рождении детей. Финансовая нестабильность, отсутствие доступного жилья и дороговизна образования и здравоохранения являются серьёзными препятствиями для многих семей. Государственная поддержка материнства и детства, безусловно, важна, однако её эффективность во многом зависит от комплексного решения экономических проблем и создания благоприятной среды для семей с детьми.

Наряду с материальными факторами на рождаемость влияют и социокультурные факторы. Изменение ценностных ориентаций, ориентация на карьеру и самореализацию, более позднее

вступление в брак и распространение альтернативных форм семьи (например, гражданский брак) также оказывают влияние на репродуктивное поведение. На рождаемость влияет и общий психологический климат в обществе, уверенность в будущем.

Заключение

От прочитанной коллективной монографии «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» осталось положительное впечатление. Коллектив авторов демонстрирует глубокое понимание предмета и способность к синтезу разрозненных фактов. Авторы не боятся ставить под сомнение устоявшиеся догмы, предлагая взамен собственные обоснованные выводы. Читатель становится свидетелем захватывающего интеллектуального путешествия, где за каждым поворотом скрываются новые открытия и неожиданные перспективы. Особого внимания заслуживает методологическая строгость исследования. Учёные тщательно подходят к выбору источников, критически оценивая достоверность и релевантность каждого из них. Вместе с тем следует отметить, что работа не лишена некоторых дискуссионных моментов. Отдельные утверждения могут вызвать вопросы и потребовать дальнейшего изучения. Однако это не умаляет ценности труда в целом. Напротив, подобные моменты стимулируют научную дискуссию и способствуют развитию знания. Исследование, выполненное учёными ИС ФНИСЦ РАН, безусловно, станет ценным ресурсом для специалистов в данной области, а также для всех, кто интересуется развитием отечественной науки.

Список источников

1. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Институт социологии ФНИСЦ РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4 <https://doi.org/10.55604/978577708984> EDN GJITZD
2. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Институт социологии ФНИСЦ РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1 EDN OYVDFP
3. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность: [коллективная монография] / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьёва [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7 EDN IEJRKS
4. Дудин И.В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 90–112. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5> EDN GTQHVV
5. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> EDN LXHHUK
6. Суико П.Е. Динамика восприятия россиянами ситуации в различных сферах жизни: от оценок к запросу на социальную политику // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Том 12. № 4. С. 82–105. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.5> EDN FGWYQI

7. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. Уровень жизни как индикатор «движения» к счастью // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 112–126. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_8_112_126 EDN ZZYDRC
8. Алмакаева А.М., Настина Е.А., Догузов А.В. Динамика счастья и удовлетворенности жизнью в условиях экзогенных шоков // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 29–50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.2> EDN MPMQGO
9. Горшков М.К. Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // Россия реформирующаяся. 2023. Вып. 21. С. 150–172. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.6> EDN CRXESN
10. Черныш М.Ф. Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Том 30. № 3. С. 6–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28> EDN WRKCHQ
11. Белопашенцева П.В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9> EDN OQNXMТ
12. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа): [монография]. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4 EDN QLXXDD
13. Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3(134). С. 199–213. <https://doi.org/10.61726/8767.2024.85.98.001> EDN DZYOLJ
14. XIX Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: «Современная российская молодежь: ее социальная ответственность и потенциал в развитии страны (к 270-летию Московского университета)» 17 февраля 2025 г., Москва, Россия.: Сборник материалов. Москва: МАКС Пресс, 2025. 1030 с. e-ISBN 978-5-317-07435-7

Информация об авторе:

Андрей Юрьевич Хазов – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – Алатырский филиал (SPIN-код: 5431-5783) (ResearcherID: KIG-8628-2024) (Scopus Author ID: 57194725902)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.), Andreev A.L., et al. Rossiiskoe Obshchestvo i Vyzovy Vremeni. Book 6. The Institute of Sociology FCTAS RAS. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 284 p. ISBN 978-5-7777-0898-4 <https://doi.org/10.55604/9785777708984> (In Russ.)
2. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.), Andreev A.L., et al. Rossiiskoe Obshchestvo i Vyzovy Vremeni. Book 7. The Institute of Sociology FCTAS RAS. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2024. 352 p. ISBN 978-5-7777-0927-1 (In Russ.)
3. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Bulanova M.B., et al. Zhiznennyi Mir Rabotnikov: Ustoichivost' versus Prekarnost'. Coll. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2023. 462 p. ISBN 978-5-7777-0938-7 (In Russ.)
4. Dudin I.V. The Nation's Attitude towards the Main Social Contradictions in Russian Society: Current State, Dynamics, Factors. *Sotsiologicheskiy Zhurnal=Sociological Journal*. 2024;30(1):90–112. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5> (In Russ.)
5. Toshchenko Zh.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolyutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> (In Russ.)
6. Sushko P.E. Dynamics of Russians' Perception of the Situation in Various Spheres of Life: from Assessments to Requests for Social Policy. *Sociologicheskaja nauka i social'najapraktika=Sociological Science and Social Practice*. 2024;12(4):82–105. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.5> (In Russ.)
7. Antonova N.L., Abramova S.B. Standard of Living as an Indicator of «Movement» towards Happiness. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):112–126. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_8_112_126 (In Russ.)
8. Almakaeva A.M., Nastina E.A., Dogusov A.V. Dynamics of Happiness and Life Satisfaction Under Conditions of Exogenous Shocks. *Sotsiologicheskiy Zhurnal=Sociological Journal*. 2025;31(2):29–50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.2> (In Russ.)
9. Gorshkov M.K. Social Justice and Inequalities as an Object of Sociological Diagnostics. *Rossiya Reformiruyushchayasya*. 2023;(21):150–172. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.6> (In Russ.)
10. Chernysh M.F. The Institutional Foundations of Inequality in Modern Society. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2021;30(3):6–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28> (In Russ.)
11. Belopashentseva P.V. Official and Subjective Poverty in Russia: the Impact of the Events of 2020–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(10):78–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9> (In Russ.)
12. Toshchenko Zh.T. The Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis). Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2020. 352 p. ISBN 978-5-7777-0801-4 (In Russ.)

13. Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidyaeva T.P. The Precariat – the New Oppressed Class of the Twenty-First Century? *Filosofiya hozyajstva=Philosophy of the Economy*. 2021;(3(134)):199–213. <https://doi.org/10.61726/8767.2024.85.98.001> (In Russ.)
14. XIX International Scientific Conference «Sorokin Readings – 2025»: Modern Russian Youth: their Social Responsibility and Potential in the Development of the Country (of the 270th Anniversary of Moscow University); February 17, 2025; Moscow, Russia. Collection of Papers. Moscow: Publishing House MAKS Press; 2025. 1030 p. e. ISBN 978-5-317-07435-7 (In Russ.)

Information about the author:

Andrey Yu. Khazov – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Humanities and Economics, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova – Alatyr Branch (SPIN-code: 5431-5783) (ResearcherID: KIG-8628-2024) (Scopus Author ID: 57194725902)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 22.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

ПЕРСОНАЛИИ

Персоналии
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_13_670_672
EDN JNDYAM

75 Лет Серикжану Хамитовичу Берешеву

Вячеслав Николаевич Бобков

Институт экономики РАН, Москва, Россия
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Для цитирования: Бобков В.Н. 75 Лет Серикжану Хамитовичу Берешеву // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 670–672. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_13_670_672 EDN JNDYAM

PER (Personalities)
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_13_670_672

The 75th Anniversary of Serikzhan Khamitovich Bereshev

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

For citation: Bobkov V.N. The 75th Anniversary of Serikzhan Khamitovich Bereshev. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2025;21(4):670–672. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_13_670_672 (In Russ.)

Редакция журнала «Уровень жизни населения регионов России» поздравляет с юбилеем Серикжана Хамитовича Берешева, научная профессиональная деятельность которого широко известна в Республике Казахстан, тесно связана с учёными – трудовиками Советского Союза и современной России, а также с проблематикой нашего журнала!

Серикжан Хамитович родился 24 июля 1950 года. После окончания средней школы поступил в Алма-Атинский институт народного хозяйства на специальность «Экономика труда». Будучи выпускником института, в 1971–1972 гг. служил в рядах Советской Армии.

В 1973–1975 гг. работал экономистом, младшим научным сотрудником Казахского филиала Научно-исследовательского института планирования и нормативов при Госплане СССР. В 1975 г. перешёл на работу во вновь образованный Казахский филиал Научно-исследовательского института труда Госкомтруда СССР, вырос от младшего до старшего научного сотрудника и заведующего отделом заработной платы. В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Совершенствование материального поощрения работников в лёгкой промышленности Казахской ССР» в НИИ труда в г. Москве. В последующем, он на протяжении многих лет продолжал тесное сотрудничество с ведущими учёными – специалистами «зарплатчиками» и «нормировщиками» труда в Российской Федерации Ю.П. Кокиным, Р.А. Яковлевым, Н.А. Софинским и другими.

С приобретением независимости Республики Казахстан в 1992 г. стал заместителем директора Казахского научно-исследовательского института проблем труда и занятости Министерства труда Республики Казахстан, а в 1994 г. был назначен директором этого института. За период работы в институте, вплоть до его ликвидации в 1997 г., руководил разработками республиканских и региональных про-

грамм занятости, первых в современном Казахстане отдельных выпусков Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих. Одновременно с этим участвовал в разработке Классификатора занятий Республики Казахстан, проектов законов «О минимальном потребительском бюджете» и «О минимальной заработной плате».

Новый этап в научной деятельности С.Х. Берешева начался после ликвидации Казахского НИИ труда и занятости Минтруда РК, связанной с кризисными явлениями в экономике страны и, как следствие этого, нехваткой средств на его финансирование. В этот период он основал частный Казахский научно-исследовательский институт труда в форме товарищества с ограниченной ответственностью, который функционирует до настоящего времени.

Научный задел, который был накоплен за предшествующий период работы, позволил ему в 2002 г. защитить диссертацию на соискание учёной степени доктора экономических наук на тему «Регулирование заработной платы в Республике Казахстан (теория, методология, практика)» в Казахском экономическом университете (ныне университет «Нархоз»). Деятельность Казахского НИИ труда была тесно связана с Министерством труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. В 2002 г. под научным руководством С.Х. Берешева институтом был разработан первый в независимом Казахстане Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, который был одобрен и утверждён министерством. По заказу Минтруда РК С.Х. Берешевым в 2019 г. был разработан ряд методических рекомендаций по организации нормирования труда, которые были одобрены и утверждены министерством. Неоднократно участвовал в качестве докладчика и модератора в международных конференциях по организации нормирования труда в рамках сотрудничества с государствами-участниками Союза Независимых Государств.

Важное место в деятельности Казахского НИИ труда и его руководителя занимало оказание методической и практической помощи организациям предпринимательского сектора экономики по разработке норм трудовых затрат и современных систем оплаты и стимулирования труда. При непосредственном участии С.Х. Берешева были разработаны и внедрены в практическую деятельность нормы трудовых затрат и эффективные системы оплаты и стимулирования труда в таких крупных хозяйствующих субъектах, как АО «Казахтелеком», АО «КазТрансОйл», АО «Петро Казахстан» и многих других.

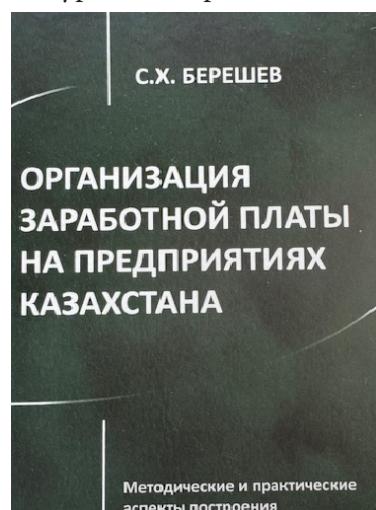
Особое внимание в научно-практической деятельности С.Х. Берешева уделялось повышению квалификации руководителей, специалистов и служащих организаций предпринимательского сектора экономики. В течение 30 лет он участвовал в качестве тренера в проведении научно-методических и практических республиканских, региональных и корпоративных бизнес-семинаров по вопросам трудовых отношений, заработной платы и нормирования труда с участием представителей работодателей предприятий реального сектора экономики. Всего за период с 1995 года по настоящее время с его участием было проведено более 500 семинаров, в ходе проведения которых повысили квалификацию около 20 000 руководителей и специалистов.

В целях популяризации науки о труде С.Х. Берешев в 1999 году основал научно-производственный журнал «Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии», в котором на протяжении 20 лет публиковались теоретические, методические и практические аспекты регулирования трудовых отношений и рынка труда, широко освещался передовой опыт развитых стран в данном направлении.

Серикан Хамитович тесно сотрудничал и продолжает взаимодействие с журналом «Уровень жизни населения регионов России», который также много внимания уделяет вопросам развития экономики труда, является автором журнала.

За период деятельности С.Х. Берешевым было опубликовано более 150 научных работ, в том числе 5 монографий и 15 брошюр, в которых рассматривались теоретические и практические аспекты рынка труда, организации заработной платы и социального партнёрства на предприятиях, разработки норм трудовых затрат. Одновременно он принимал участие в многочисленных международных научно-практических конференциях, включая участие в 2018–2019 годах в качестве спикера в Международном экономическом форуме в г. Крыница-Здруй (Республика Польша).

К 75-летнему юбилею опубликована его авторская монография: Берешев С.Х. «Организация заработной платы на предприятиях Казахстана. Методические и практические аспекты построения эффективных систем оплаты и стимулирования труда». – Алматы, 2025. – 312 с.

В этой книге он обобщил свой многолетний теоретический, методический и практический вклад в разработку и решение вопросов организации заработной платы. В ней рассмотрен широкий круг вопросов организации заработной платы работников предприятий предпринимательского сектора экономики на современном этапе развития экономики.

Новшества, вводимые в сфере законодательного регулирования заработной платы, обусловливают объективную необходимость разъяснения многих вопросов, возникающих при практическом применении в организациях предпринимательского сектора экономики соответствующих требований трудового законодательства Республики Казахстан. Поэтому в книге даются разъяснения по наиболее актуальным аспектам и нюансам действующего законодательства в данной сфере, отражающие позицию автора. Кроме того, в ней представлены методические рекомендации по эффективному построению тарифных систем оплаты и премированию работников организаций внебюджетного сектора экономики за основные результаты деятельности.

В первой главе монографии в краткой форме изложены теоретические вопросы, относящиеся к раскрытию экономического содержания категории «заработка платы», исследованию факторов, влияющих на её размер, а также структурные элементы.

Во второй главе освещены общие аспекты построения систем оплаты труда в организациях на современном этапе экономического развития. Подробно раскрываются особенности законодательных требований к организации заработной платы, приводятся основные черты, характерные для современной оплаты и стимулирования труда. В дополнение к этому здесь же внимание уделено раскрытию особенностей нормирования труда, как одного из важных элементов организации заработной платы.

Третья глава посвящена раскрытию практики организации оплаты труда на предприятиях Казахстана. Здесь раскрываются особенности применения форм и систем заработной платы, типы и модели используемых тарифных систем. Определённое внимание уделено исследованию особенностей грейдовых систем оплаты труда, получивших в последние годы широкое распространение.

Методические и практические подходы к построению тарифной оплаты труда в организациях предпринимательского сектора экономики подробно раскрываются в четвёртой главе книги. В ней приведены рекомендации по выбору моделей тарифной оплаты, алгоритму построения тарифных сеток рабочих, включая обоснование размеров тарифной ставки первого разряда и межразрядных коэффициентов, построению схем должностных окладов руководителей, специалистов и технических исполнителей. Рассмотрены возможности корректировки размеров тарифных коэффициентов в зависимости от условий выполняемой работы, а также учёта в оплате труда региональных различий в стоимости жизни населения.

В заключительной главе представлены предложения по совершенствованию системы премирования за основные результаты деятельности и подходы к выбору соответствующих доплат и надбавок к заработной плате.

Книга предназначена для практического применения специалистам, профессионально занимающимся вопросами заработной платы в организациях, профсоюзным работникам, а также широкому кругу читателей, интересующимся вопросами оплаты труда и премирования в организациях Республики Казахстан.

Полагаем, что монография найдёт заинтересованного читателя и в Российской Федерации.

Редакция журнала «Уровень жизни населения регионов России» желает юбиляру крепкого здоровья, плодотворной научной работы на благо Республики Казахстан, личного и семейного счастья!

*Главный редактор журнала
д.э.н., профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации
В.Н. Бобков*

**Указатель статей, опубликованных в журнале
«Уровень жизни населения регионов России» в 2025 г.**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Авдеев Ю.А.

Какая демографическая политика нужна России № 1/2025

Бобков В.Н.

О концепции проблематики современной экономики труда № 3/2025

Одинцова Е.В.

Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки № 2/2025

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Музычук В.Ю.

Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? № 4/2025

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алиев Д.Ф., Уроженко В.В., Волков Д.В., Пильгун М.А.

Результативность работы органов власти в субъектах Российской Федерации по данным обращений граждан № 1/2025

Алтухов В.В., Кудрявцев А.Д.

Использование открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда № 2/2025

Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Смирнова Е.А., Коваленко В.В.

Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему № 4/2025

Бурак П.И., Зворыкина Т.И.

Обеспечение качества жизни населения в городских агломерациях: потенциал использования инструментов стратегического планирования и стандартизации № 2/2025

Гришина Е.Е.

Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами № 4/2025

Гузанова А.К.

Жилищная обеспеченность домохозяйств с детьми в современной России № 1/2025

Гулюгина А.А.

Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни № 4/2025

Долженко Р.А., Долженко С.Б.

Повышение производительности труда в условиях кадрового голода на предприятиях Свердловской области № 4/2025

Куликова А.Н.

Методический подход к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций № 3/2025

Кутырин Д.О., Зворыкина Т.И.

Благоустройство городской среды в высокоурбанизированном регионе: от экономической устойчивости к росту качества жизни № 1/2025

Неклюдова Н.П.

Структура качеств населения региона: классификация свойств № 2/2025

Соловьев А.К.

Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений № 1/2025

Соловьев А.К.

Актуарный анализ условий достижения национальных целей достойного уровня жизни пенсионеров № 4/2025

Сорокина Н.Ю.

Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации № 3/2025

Черных Е.А.

Качество трудовой жизни в регионах России № 1/2025

Янгирова Е.И.

Типология российских регионов по инфляционным характеристикам развития и их влиянию на реальные денежные доходы населения № 4/2025

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Безвербный В.А.

Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции № 2/2025

Безвербный В.А., Ростовская Т.К., Ситковский А.М., Рославцев С.В.

Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России № 4/2025

Белозеров С.А., Аркадьев В.А., Соколовская Е.В.

Демографические трансформации как фактор развития страховых рынков стран БРИКС № 4/2025

Землянова Е.В., Безвербная Н.А., Журавлева Е.К.

Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование № 2/2025

Подвойский Г.Л.

Ресурсный потенциал рынка труда ЕАЭС и миграционные процессы в России № 3/2025

Чернышев К.А.

Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей № 2/2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Александрова О.А., Борковская Е.И.

Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления № 3/2025

Антонова Н.Л., Абрамова С.Б.

Уровень жизни как индикатор «движения» к счастью № 1/2025

Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р.

Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наемных работников № 2/2025

Каримов А.Г., Ахметова Э.И.

Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан № 4/2025

Колодин Д.В., Ивченко О.С., Витюнин В.С.

Дilemma страхователя и страховщика ОСАГО: опыт Приморского края № 1/2025

Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А.

Детерминанты обращаемости детей на номер детского телефона доверия № 2/2025

Леденева В.Ю., Вишневская Н.Г.

Региональный опыт формирования адаптационных центров как условие регулирования внешней трудовой миграции № 3/2025

Немировский В.Г.

Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» № 2/2025

Потравная Е.В., Максанова Л.Б.-Ж.

Станет ли туризм эффективным фактором поддержки уровня жизни местного населения (на примере Республики Бурятия)? № 1/2025

Танатова Д.К., Королев И.В.

Благополучие российской семьи в самооценках населения № 1/2025

Танатова Д.К., Королев И.В.

Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России № 3/2025

Тощенко Ж.Т.

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть 1 № 2/2025

Тощенко Ж.Т.

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть 2 № 3/2025

Шекера Е.А.

Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге) № 3/2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Авдеев Ю.А., Тумусов Ф.С.

Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока» № 2/2025

Вередюк О.В.

Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда № 3/2025

Дубровина О.А., Жидяева Т.П.

Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» № 2/2025

Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К.

Социально-демографические идеи М.В. Ломоносова на службе современного государства Российского. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвященного 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова № 1/2025

Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К.

Профессия – демограф. Итоги проведения VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова № 2/2025

Одинцова Е.В., Шерстобитова Ю.А.

Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения (обзор всероссийской научно-практической конференции с международным участием) № 4/2025

Чащина Т.В.

Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения (обзор тематического заседания научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук») № 3/2025

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Назарова Е.А.

О научной монографии «Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты» № 1/2025

Токсанбаева М.С.

О научной монографии «Социальные проблемы рабочей силы в современной России» № 1/2025

Хазов А.Ю.

Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» № 4/2025

ПЕРСОНАЛИИ

Бобков В.Н.

75 лет Серикжану Хамитовичу Берешеву № 4/2025

**Index of Articles Published in the Journal
«Living Standards of the Population in the Regions of Russia» in 2025**

ARTICLE OF THE ISSUE

Avdeev Yu.A.

What Demographic Policy Does Russia Need № 1/2025

Bobkov V.N.

On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics № 3/2025

Odintsova E.V.

Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates № 2/2025

DISCUSSION FORUM

Muzychuk V. Yu.

Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere?

ECONOMIC RESEARCH

Aliev D.F., Urozhenko V.V., Volkov D.V., Pil'gun M.A.

Analysis of the Social Situation and the Effectiveness of Government Bodies in the Constituent Entities of the Russian Federation Based on Citizens' Appeals № 1/2025

Altukhov V.V., Kudryavtsev A.D.

Using Open Data Online Vacancies in Comparison with Official Statistics to Monitor and Forecast Labor Market Dynamics № 2/2025

Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Smirnova E.A., Kovalenko V.V.

Risks and Opportunities of Introducing a Basic Income in Russia into the Russian Pension System № 4/2025

Burak P.I., Zvorykina T.I.

Ensuring the Quality of Life of the Population in Urban Agglomerations: the Potential of Using Strategic Planning and Standardization Tools № 2/2025

Chernykh E.A.

Quality of Working Life in Russian Regions № 1/2025

Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B.

Increasing Labor Productivity in Conditions of Staff Shortage at Enterprises in the Sverdlovsk Region № 4/2025

Grishina E.E.

Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students № 4/2025

Gulyugina A.A.

Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards № 4/2025

Guzanova A.K.

Housing Provision for Households with Children in Modern Russia № 1/2025

Kulikova A.N.

Methodological Approach to Assessing the Salary Level in the System of Indicators of Economic Growth of Urban Agglomerations № 3/2025

Kutyrin D.O., Zvorykina T.I.

Improvement of the Urban Environment in a Highly Urbanized Region: from Economic Sustainability to an Increase in the Quality of Life № 1/2025

Neklyudova N.P.

Structure of Regional Population Qualities: a Classification of Attributes № 2/2025

Solovev A.K.

Analysis of Pension Indexation Methods in Order to Achieve the Well-Being of Older Generations № 1/2025

Solovev A.K.

Analysis of Conditions for Achieving National Goals of Decent Standard of Living for Pensioners № 4/2025

Sorokina N.Yu.

The Problem of the Digital Inequality of the Population in the Regions of the Russian Federation № 3/2025

Yangirova E.I.

Typology of Russian Regions Based on Inflationary Development Characteristics and Their Impact on Real Monetary Incomes of the Population № 4/2025

DEMOGRAPHIC RESEARCH

Belozyorov S.A., Arkadev V.A., Sokolovska E.V.

The Impact of Demographic Transformations on the Development of Life Insurance Markets in BRICS Countries № 4/2025

Bezverbnyi V.A.

Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends № 2/2025

Bezverbny V.A., Rostovskaya T.R., Sitkovskiy A.M., Roslavlsev S.V.

The Interrelationship of Demographic and Socio-Economic Indicators of Regional Development in Russia № 4/2025

Chernyshev K.A.

Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals № 2/2025

Podvoiskii G.L.

Resource Potential of the EAEU Labor Market and Migration Processes in Russia № 3/2025

Zemlyanova E.V., Bezverbnaya N.A., Zhuravleva E.K.

Economic Situation of Large Families in Moscow and Moscow Region: a Sociological Study № 2/2025

SOCIOLOGICAL RESEARCH

Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I.

Rental Housing and Co-Living: Muscovites' Attitude towards Solving Housing Problems in the Context of the Sharing Economy № 3/2025

Antonova N.L., Abramova S.B.

Standard of Living as an Indicator of «Movement» towards Happiness № 1/2025

Burkhanova F.B., Baimurzina G.R.

Negative Labor Practices as a Cause of the «Work–Life» Imbalance among Employees № 2/2025

Karimov A.G., Akhmetova E.I.

The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan № 4/2025

Kolodin D.V., Ivchenko O.S., Vityunin V.S.

Dilemmas of Policyholder and the CTP Insurer: the Experience of Primorsky Krai № 1/2025

Kuchmaeva O.V., Davletshina L.D.

Determinants of Children's access to the Children's Helpline Number № 2/2025

Ledeneva V.Yu., Vishnevskaya N.G.

Regional Experience in the Formation of Adaptation Centers as a Condition for Regulating External Labor Migration № 3/2025

Nemirovskiy V.G.

Social Contract in Modern Russia: Reality or Illusion? Sociologist's Reflections on J.T. Toshchenko's Monograph «The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Implementation» № 2/2025

Potravnaya E.V., Maksanova L.B.-Zh.

Will Tourism Become an Effective Factor in Supporting the Standard of Living of the Local Population (Using the Example of the Republic of Buryatia)? № 1/2025

Tanatova D.K., Korolev I.V.

Russian Family Well-Being in the Self-Assessments of the Population № 1/2025

